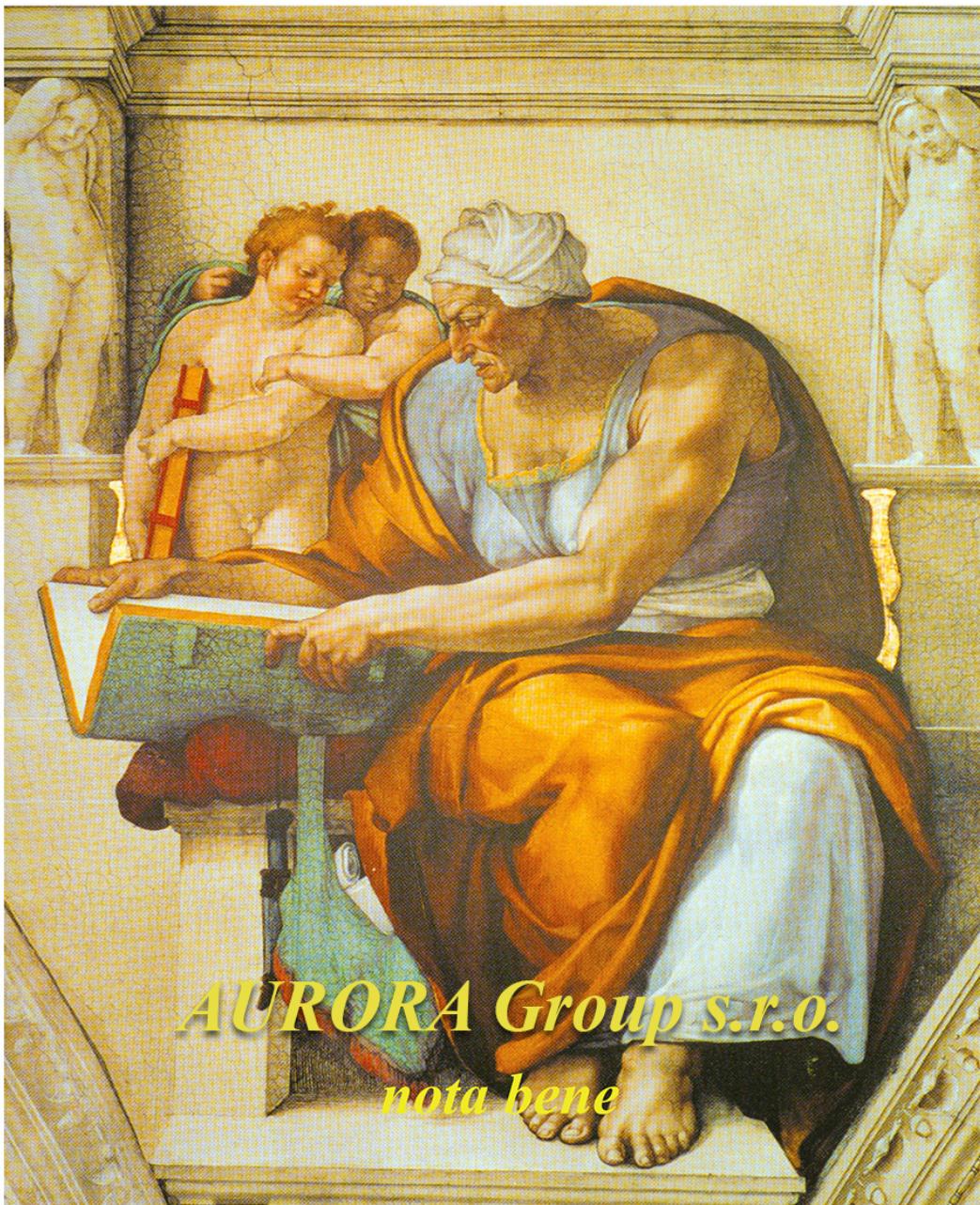

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

научные исследования

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 09-03-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 09-03-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Karpov Sergei Pavlovich, akademik RAN, doktor istoricheskikh nauk,
medieval@hist.msu.ru

ISSN: 2454-0609

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ И РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Арсентьев Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева

Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, исполняющий обязанности директора Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Борисов Николай Сергеевич, доктор исторических наук.

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой исторической информатики.

Ватлин Александр Юрьевич, Профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Президент исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, заведующий кафедрой истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли, президент ассоциации «Российская политическая энциклопедия»

Мясников Владимир Степанович, доктор исторических наук, академик РАН, советник РАН, Член дирекции Института востоковедения РАН, член Бюро Отделения историко-филологических наук РАН

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент Российского центра стратегических и практических исследований.

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН – заявляющей кафедрой теории и

интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российской государственного гуманитарного университета, президент Межрегиональной общественной организации «Общество интеллектуальной истории»

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, Директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Уколова Виктория Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений – Университета МИД России, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета

Гайдуков Петр Григорьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института археологии РАН

Канторович Анатолий Робертович, доктор исторических наук, доцент, Заведующий кафедрой археологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Крадин Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ВРИО директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Макаров Николай Андреевич, доктор исторических наук, академик РАН, Директор Института археологии РАН, член-корреспондент Германского археологического института и Американского археологического института

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, Главный научный сотрудник – заместитель директора Института Африки РАН, куратор Центра изучения стран Тропической Африки, Центра истории и культурной антропологии и Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, директор Международного центра антропологии НИУ ВШЭ, профессор Центра социальной антропологии РГГУ

Мартынова Марина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Директор Института этнологии и антропологии РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки РФ

Функ Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Арсентьев Николай Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Директор Историко-социологического института Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, сопредседатель РАН по проблемам экономической истории

Безбородов Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета.

Бородкин Леонид Иосифович, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой исторической информатики

Карпов Сергей Павлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Президент исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, зав. кафедрой истории средних веков

Петров Юрий Александрович, доктор исторических наук, Директор Института российской истории РАН

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН, заведующая кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, президент Межрегиональной общественной организации «Общество интеллектуальной истории»

Савельева Ирина Максимовна, доктор исторических наук, ординарный профессор, Директор Института гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Заведующий отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, заведующий кафедрой социальной истории факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

nota bene

books • journals • publishing technologies

ABOUT

JOURNALS

AUTHORS

AGREEMENTS

REVIEWING

ADVERTISEMENT

63

periodic publications

2

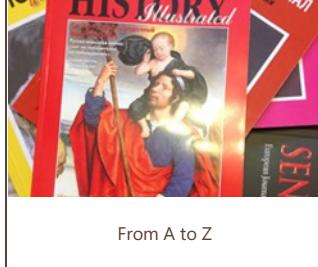
journals in the Erich Plus

All articles receive an international DOI

AUTHOR'S ZONE

[Upload your article
for publishing consideration](#)

[Become
reviewer](#)

From A to Z

in VAK

in Erich Plus

All

JOURNALS

NEW ARTICLES

[Gorbatenko S.A., Komov V.G., Sviridov V.I. - Food provision strategy of Russia is in need of improvement](#)

(Published in «SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences» №2, 2016)

An integral part of national security of a country is its food security, which primarily relies on the potential of the agricultural production. It is no accident that in the economically developed countries production and processing of food products is viewed as one of the key components of political stability, and serves as an index of state independence, and thus being accordingly regulated based on an existing strategy [15, 10].

In the opinions of T. I. Gulyaeva, O. V. Sidorenko, V. V. Smirnova and other scientists, the principal elements of food strategy should be the following:

- Physical access to food products – presence of required amount and assortment of food products throughout the country in correspondence with the established norms of consumption;
- Affordability of food – level of income that would allow purchasing sufficient amount of food

PUBLISHER'S NEWS

We signed the [San Francisco Declaration on Research Assessment \(DORA\)](#).
[more »](#)

The first issue of «PHILHARMONICA. International Music Journal» №1, 2014 is published!

All articles are written in both Russian and English. The journal is available online in our [library](#).

[more »](#)

products to meet at least the minimum consumption level;

- Food safety for consumers, prevention of manufacturing and sales of substandard food products that could be harmful to the health of the population.

In Russia, none of the aforementioned components is fully implemented. Moreover, the actual consumption of absolutely all types of food products does not correspond with the scientifically proven norms (Table 1). [more »](#)

[Danilenko D.V. - The role of liberal values in secularization](#)

(Published in "SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences" №2, 2016)

02/07/2016

Almost all modern sociologists believe that religion's importance is fading within developed countries, that the observation of religious practices, values and beliefs is about to erode within the modern Western world. We could even advance that this affirmation is one of the axioms of the modern social sciences, and is rarely contested. The few voices that do contest such affirmation are mostly from the United States[1], which is perfectly understandable, since the secularization process is slower in the US than it is in Europe. Moreover, such affirmations are more common today than ever before, which could be explained by the fact that the secularization processes in some countries seemed to be slowed down in response to different aspects of globalization: religion

represents one of the main instruments that keep the originality of one's own culture and traditions, whereas the importance of growth of religious population in Western countries is caused by the high levels of immigration. Nonetheless, we have to be cautious with statistical data that shows a surge of religious practices in some Western countries, since it is more of a question of cultural identity, rather than a question of faith – the surge of religious practices in the contemporary world is part of the personal and national identity process within a globalized world without well-defined landmarks, or a question of time necessary for the religious immigrant population to integrate into the Western societies, which is generally resolved with the change of generations in the immigrant populations.

If the existence of secularization is almost uncontested – at least with the developed countries – its interpretations are a different story. There are numerous interpretations of secularization, advanced by sociologists, theologians, philosophers, and political scientists. Almost all of them have contributed to the understanding of the phenomenon, since several different factors have contributed to the erosion of political importance of religion (and the Church), as well as to the secularization on individual level (erosion of observation of religious practices, values, and beliefs) or what we can refer to as secularization of minds. [more »](#)

[Danilenko D.V. - Why Russians are so different?](#)

(Published in "SENTENTIA. European Journal of Humanities and Social Sciences" №4, 2015)

Many facts and indexes allow us to affirm that Russia and Russians are not so different from the Western countries and their citizens. Russian society is complex, multinational, and urbanized. The level of education is quite high here, and literary as well as artistic legacy of Russia is considered as being a part of Western culture. Welfare state and social justice values, especially labor rights developed under the Communist rule, have strong legacy in Russia, which also seems to confirm the idea that the levels of certain human development indexes are comparable to that of the Western countries. The level of equality between men and women is

not lower than in the Western countries. Nonetheless, some socioeconomic and political peculiarities of Russia as well as of the cultural identity and worldview of Russians are so important, that even a tourist can observe significant differences in comparison with the Western countries. Indeed, the democratic organization of political power has never existed here; human rights abuses are common here even today; level of social capital is the lowest in the world, even on the level of most intense interpersonal relations; and economy is still struggling to convert to capitalism, among other things.

Many authors, both Russian and Western, have attempted to identify those peculiarities of Russia and its inhabitants, as well as to reveal its roots by comparing them with the Western countries and their citizens. Some of them determined that those peculiarities are of cultural origin and could be explained by religious or climatogeographic factors (Lebedev, Maksimovitch 2015), while others emphasized the institutional factor (role of the state) (Rozenova 2015). We believe that the institutional factors do not play as big of a role as the cultural factors in profoundly feudalistic societies, which Russia was until the end of the XIX century, whereas it would be wrong to reject the influence of the state (institutional thesis) on social capital, economy, and identity of its citizens, since it is axiomatic that the totalitarian states (such as Russia under the Communist rule) are so invasive into the personal and social life of the individual, that such factor could not be rejected. Thus, a historical research of the socioeconomic peculiarities, as well as of the political influence, is necessary in order to understand why Russia and its inhabitants seem to be so different from the Western countries and their citizens. [more »](#)

ICM

Metadata is now available for ICM -

[Interdisciplinary center for mathematical and computational modelling, Warsaw University](#)
[more »](#)

"Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences" №2, 2013

The second issue of "Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences" is available online!

[more »](#)

[Maslanov D.V. - President and Russians: foreign view of the attitude of the population of post-Soviet Russia towards its presidents](#)

(Published in «SENTENTIA, European Journal of Humanities and Social Sciences» №4, 2015)

The research of the political development of the countries with the transitional type of democracy or democratic transitions, hold a special place in the world political science. With the start of the third wave of democratization, many authors attempted to understand the new criteria and the results of the change of political regimes in the countries that have shed the shackles of authoritarianism, including the post-Soviet Russia. The "transitology" is based on the blueprint of "democratic transition" (authoritarianism-transition-democracy), in which the democracy a priori becomes the better form of governing, and studying the transitional regimes most often manifests in the search for "perversions" or "abnormalities" of the optimal, i.e. liberal, Westerly version of democracy. In Russian science the transition researchers have formed a number of concepts regarding the Russian political reality; for example, "nomenclature democracy", "destructive democracy", "regional authoritarian regime" or "Russian hybrid", and others [1, 7, 8, 11, 21]. These concepts vary from one another by the assortment of structures and characteristics attributed to the regime, but all of them converge on the fact that in Russia there is a system of power that cannot be called a version of a successful democratization.

The important question for "transitology" is the question about the influence of one or another institution upon the formation or strengthening of democracy, including discussion about the advantages and flaws of the presidential, parliamentary, and mix model. In Russia, the form of governing is the presidential-parliamentary republic, a local version of which is often referred to by science as "superpresidentialism" – a system, in which the president possesses extraordinary authority, which impede a successful "democratic transition" [5, 3-20]. At the same time, it is impossible for the population of the country not to have a certain attitude towards the forming institutions of power, president, and socio-political reality. The nuances of the public opinion of the developing Russian democracy did not escape the attention of the foreign sociological researches. As a result, based on the example of little-studied surveys of public opinion conducted by foreign authors, an attempt is made in this article to show their view upon the population's perception of the office and persona of the president, and what effect did the "strong persona" had on the development of the country's political system. This article examines the research conducted in cooperation with the Russian Institute of Sociology RAS (T. Colton, V. Zimmerman, M. McPaul, H. Hale; The Russian Election Studies series – RES), surveys by the Pew Research Center, and others that analyze the mood of the Russian population towards the political system and state institutions. The timeframe of the post-Soviet Russia defined in this work falls on the period between the collapse of the Soviet Union in 1991, and the end of the second presidential term of Vladimir Putin in 2008. [more »](#)

Saamishvili N.N. - The opera of Kaija Saariaho "L'amour de loin": questions of libretto and composing technique

(published in «PHILHARMONICA, International Music Journal» №2, 2015)

The opera "L'amour de loin" (Love from Afar, year 2000) of the Finnish composer Kaija Saariaho (born 1952) is recognized as a masterpiece of the modern musical theatre. The work received multiple awards, including a Grammy in 2011 for Best Opera Recording, and its countless production allows us to refer to it as a "triumph of Finnish opera" [2].

Alongside Magnus Lindberg, Jukka Tiensuu, and Tapio Tuomela, Saariaho represents contemporary Finnish school of composers. But its music has long spread beyond the Finnish borders. Saariaho's compositions sound at almost all major festivals; their premieres are held across the globe, performed by some of the greatest musicians and bands.

Saariaho's work is fairly broad and diverse in the genre sense. It contains 3 operas, oratorio, ballet, over 15 orchestra compositions, around 40 vocal compilations, among which are choral compositions, soloists with orchestra, choir with orchestra, soloists and ensembles, chamber compositions for various instrumental ensembles, including electronic elements, as well as several electronic and sound installations. [more »](#)

Pages: [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) ... [57](#)

Nota Bene

- [About](#)
- [Bank details](#)
- [Partners](#)
- [Contact Information](#)
- [Private policy](#)

For authors

- [Agreements](#)
- [Copyright & Licensing Policy](#)
- [Author's area](#)

Other

- [How to write an article?](#)
- [Journals in the list of the Higher Attestation Commission](#)
- [Mobile app](#)

Our sites

- [Aurora group s.r.o.](#)

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

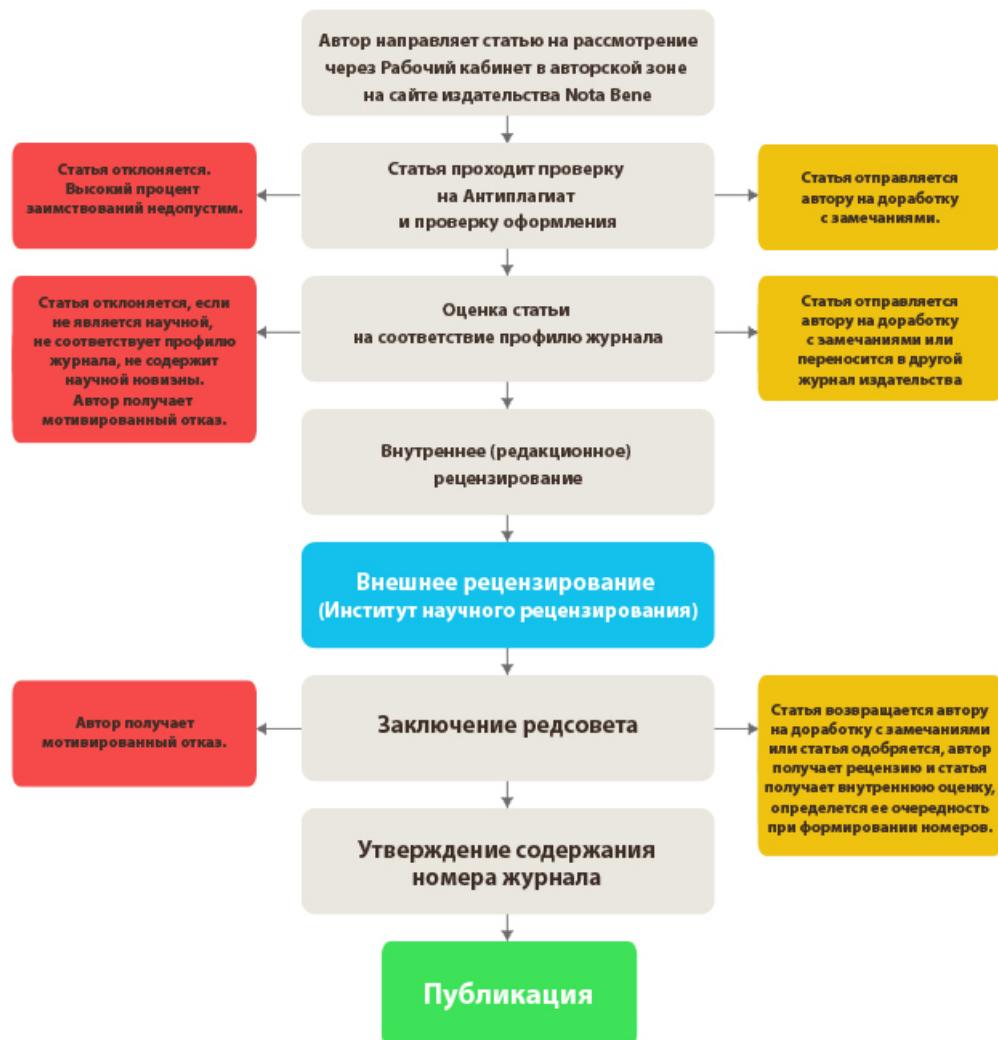
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Артёмов Н.С. Некрополи Московского Кремля: история и этапы полевых археологических исследований.	1
Шильникова И.В. Обсуждение маршрутов будущей Транссибирской магистрали в российских научно-технических обществах в 1870-х - начале 1890-х гг.	18
Васильев М.А. Организация и проведение воспитательно-патриотической работы с курсантами Иркутского пожарно - технического училища МВД СССР в 1970 гг.	28
Третьяков А.Д. Деятельность аналитического центра «Проект за новый американский век» в контексте внешней политики США (1997-2006).	37
Втюрин А.С. Отражение деятельности Баима Болтина в Столяровом хронографе и частной разрядной книге Никиты и Григория Зюзиных.	50
Агеев Р.Е. Эволюция избирательных технологий в Германии и выборы в Бундестаг 1998 года	62
Малыгина О.А., Ахмадулина С.З. Донесение пристава XII Русской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками (первая половина XIX в.)	76
Саломатина С.А. Банковский кризис 1880-х гг. в Российской империи: новые количественные данные и оценки	85
Сивкина Н.Ю., Кривошекова Е.В. Вавилония как центр раннеселевкидской империи	109
Булатов И.А. Династия Романовых и детско-юношеские движения в Российской Империи и эмиграции «первой волны».	118
Тимшина Е.Л. Особенности исторической политики ЛДПР	126
Кирчанов М.В. Проблемы статуса Македонской Православной Церкви в современной политике исторической памяти Республики Северная Македония	141
Клейтман А.Л. Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Брёккель и его деятельность в России в 1695-1698 гг.	154
Алексеев Т.В. История судостроения для Балтийского флота петровской эпохи в отечественной историографии: география размещения и деятельность адмиралтейств и верфей	163
Англоязычные метаданные	191

Contents

Artemov N. Necropolises of the Moscow Kremlin: History and Stages of Field Archaeological Research.	1
Shilnikova I. Discussion of the Routes of the Future Trans-Siberian Railway in Russian Scientific and Technical Societies in the 1870s - early 1890s.	18
Vasil'ev M.A. Organization of educational and patriotic work with cadets of the Irkutsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1970.	28
Tret'yakov A.D. Activity of the «Project for the New American Century» Think Tank in the Context of US Foreign Policy (1997-2006).	37
Vtiurin A. Reflection of the Activity of Baim Boltin in the Stolyarov Chronograph and the Private Discharge Book of Nikita and Grigory Zyuzin.	50
Ageev R.E. The Evolution of Electoral Technologies in Germany and the Bundestag Elections of 1998	62
Malygina O.A., Akhmadulina S.Z. Report of the bailiff of the XII Russian Ecclesiastical Mission in Beijing	76
N.I. Lyubimov on interaction with Chinese officials (first half of the 19th century)	
Salomatina S. Banking Crisis of the 1880s in the Russian Empire: New Quantitative Data and Estimates	85
Sivkina N.Y., Krivoshchekova E.V. Babylonia as the center of the Early Selkid Empire	109
Bulatov I.A. The Romanov Dynasty and Youth Movements in the Russian Empire and Emigration of the "First Wave"	118
Timshina E.L. Features of the Historical Policy of the LDPR	126
Kyrchanoff M.W. Problems of Macedonian Orthodox Church Status in Modern Policy of the Historical Memory of the Republic of North Macedonia	141
Kleitman A.L. The First Head of Works on the Construction of the Volga-Don Canal (on Kamyshenka) Yagan Brekkel and his Activities in Russia in 1695-1698.	154
Alekseev T.V. The History of Shipbuilding of the Baltic Fleet during the Peter the Great era in Russian Historiography: Geography and Activities of Admiralty and Shipyards	163
Metadata in english	191

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Артёмов Н.С. — Некрополи Московского Кремля: история и этапы полевых археологических исследований //

Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.37350 EDN:

КОХНТР URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37350

Некрополи Московского Кремля: история и этапы полевых археологических исследований

Артёмов Николай Сергеевич

аспирант, кафедра археологии, МГУ имени МВ. Ломоносова

125475, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Клинская, 14к1, кв. 231

✉ frutsport@yandex.ru

[Статья из рубрики "Археология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.37350

EDN:

КОХНТР

Дата направления статьи в редакцию:

19-01-2022

Дата публикации:

13-01-2023

Аннотация: Объектом данного исследования являются некрополи Московского Кремля, предметом исследования является история их изучения полевыми археологическими методами. Цель исследования - рассмотреть историю изучения кремлевских некрополей в контексте полевых археологических исследований в Кремле и выделить этапы развития этого процесса. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как методы полевых археологических исследований, их применение и развитие в кремлевской археологии и некрополистике – от фиксации случайных находок и поисков мощей до систематических археологических наблюдений и полноценных археологических раскопок. Особое внимание уделяется истории обнаружения неизвестных по письменным источникам погребальных комплексов. В результате проведенного исследования в статье рассмотрена история изучения Московского Кремля в XIX-XXI вв. полевыми археологическими методами, в контексте археологического изучения Московского Кремля выделена история полевых археологических исследований кремлёвских некрополей и на основании анализа рассмотренных материалов выделены хронологические этапы развития кремлёвской археологии. Научная новизна статьи

заключается в создании единого краткого описания истории изучения некрополей Московского Кремля полевыми методами археологии и в разработке периодизации развития кремлёвской археологии. Основным выводом исследования являются выделение двух крупных периодов в археологическом изучении Московского Кремля и кремлевских некрополей. Критерием для выделения периодов является развитие полевых методов исследования - от фиксации случайных находок и наблюдений до планомерных раскопок. Первый период охватывает более столетия – с конца 1830-х до начала 1950-х гг. Автор характеризует его как время случайных находок и эпизодических наблюдений за земляными работами. Второй период начинается во второй половине ХХ в., когда появилась возможность вести систематические наблюдения за земляными работами в Московском Кремле, закладывать архитектурно-археологические шурфы и проводить полноценные археологические раскопки.

Ключевые слова:

Московский Кремль, археологические исследования, наблюдения, раскопки, шурфы, некрополь, кладбище, погребение, саркофаг, надгробная плита

Введение:

Актуальность исследования заключается в назревшей необходимости обобщения и систематизации известной на настоящий момент информации о полевых археологических исследованиях кремлёвских некрополей. Существующие исследования историографического характера, в которых уделяется внимание археологии кремлёвских некрополей, касаются полевых исследований вскользь или относятся к отдельным погребальным комплексам. Эти публикации будут кратко рассмотрены ниже. Также во введении автор считает целесообразным указать основные публикации, отражающие процесс и результаты наиболее информативных полевых исследований отдельных некрополей Московского Кремля. Следует отметить, что большинство из упомянутых исследований и статей принадлежат доктору исторических наук Т.Д. Пановой, много лет занимавшейся археологическим изучением Московского Кремля и Н.С. Шеляпиной, её предшественнице на этом поприще. Ряд последних публикаций по теме принадлежит ведущим сотрудникам Института археологии Российской академии наук – Н.А. Макарову, А.В. Энголоватовой, В.Ю. Ковалю и другим.

Н.С. Шеляпина посвятила несколько работ результатам своих исследований древнейшего некрополя Московского Кремля, обнаруженного под Успенским собором. В статье «Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг.»[\[32\]](#) опубликована информация о археологических наблюдениях автора, при которых обнаружилось кладбище и результаты его исследования – краткая характеристика некрополя и наиболее яркие артефакты. Статью «К истории изучения Успенского собора Московского Кремля»[\[34\]](#) Н.С. Шеляпина посвятила обоснованию своей версии о принадлежности обнаруженных при наблюдениях в Успенском соборе белокаменных фундаментах первой московской каменной церкви, построенной, по мнению автора, до храма Калиты, в конце XIII в. В статье кратко упомянуты изученный автором некрополь и процесс его изучения, в том числе первое упоминание о находках погребений в 1913 г. [\[34, с. 203\]](#). Заметку «Надгробия XIII-XIV вв. из раскопок в Московском Кремле»[\[33\]](#) автор посвятила публикации белокаменных плит с исследованного кладбища.

Ещё одна статья Н.С. Шеляпиной «Археологические исследования в Успенском соборе» [35] является копией её более ранней статьи «Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг.» [32].

Позднее, в 1966 г., в ходе археологических изысканий в Успенском соборе было обнаружено еще несколько захоронений; информация о них отражена в публикации археолога Д.А. Беленькой «Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г.» [3].

В 2002 г. Т.Д. Панова опубликовала очерк истории кремлевских усыпальниц «Некрополи Московского Кремля», представляющий хронологическую сводку данных о погребённых на территории Московского Кремля с XIVв. [18]. В одном из абзацев были кратко упомянуты археологические наблюдения XX в., позволившие выявить погребальные комплексы, неизвестные по письменным источникам: кладбища на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, при церкви Входа в Иерусалим (недалеко от Никольских ворот) и на Патриаршем дворе, возле церкви Двенадцати апостолов [18, с.17].

Обобщающая работа по истории кремлевских некрополей – «Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна» - была опубликована Т. Д. Пановой в 2003 г. [23]. В ней, в частности, упоминаются наблюдения И. Снегирёва за ремонтными работами в церкви Рождества Богородицы в п. п. XIX в. [23, с. 100], нахождение и исследование захоронений в Спасо-Преображенском соборе в 1836 г. [23, с. 93], поиски мощей Стефана Пермского в том же соборе в 1909 г. [23, с. 96]. В книге отмечены археологические наблюдения в. п. XX в. в Успенском соборе, благодаря которым удалось уточнить место могилы митрополита середины XVI столетия Макария [23, с. 22-24], а также вскрытие могил Ивана Грозного в 1963 г. [23, с. 66] и князя М.В. Скопина-Шуйского [23, с. 76]. В публикации привлекают внимание материалы вскрытий погребений великой княгини Софии Палеолог [23, с. 141] и других княгинь и цариц из некрополя Вознесенского собора, другие отдельные вскрытия и наблюдения. Специально стоит отметить, что в качестве приложения автор приводит крайне ценный источник – дневник вскрытия захоронений Вознесенского монастыря [23, с. 183]. Однако, в целом, работа носит научно-популярный характер и рассчитана в основном на то, чтобы увлечь читателя историями из прошлого погребённых.

К работам историографического характера по истории некрополя Вознесенского монастыря следует отнести статьи Т.Д. Пановой из фундаментального многотомного исследования «Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля»: «История некрополя в XV-XX веках» [21] и «Краткая история изучения некрополя в середине XX-начале XXI века» [22], статью Б.Л. Шапиро «Некрополь Вознесенского монастыря Московского кремля: история и музеефикация» [29]. «История некрополя в XV-XX веках» [21] рассматривает в основном историю формирования и функционирования некрополя Вознесенского монастыря Московского кремля, но содержит упоминание о «научных работах при раскопках около Чудова и Вознесенского монастырей» [2, с. 30] и информацию об откопке и перемещении в Архангельский собор белокаменных саркофагов с останками, намогильных плит, а также обломков гробов усыпальницы Вознесенского собора [21, с. 31]. «Краткая история изучения некрополя...» [22] более информативна в области истории изучения останков некрополя Вознесенского

собора, но обращается уже к камеральным исследованиям. Статья Б.Л. Шапиро^[29], в целом также описывая, в основном историю возникновения, существования и гибели монастыря и некрополя, содержит чуть более подробные сведения о вскрытии и перемещении захоронений некрополя Вознесенского собора, в частности, упоминая о количестве перемещённых саркофагов и могильных плит.

В 2014 г. В.Б. Клюевым и Т.Д. Пановой в соавторстве была выпущена книга «Святитель Стефан, епископ Пермский и история некрополя Спасо-Преображенского собора Московского Кремля»^[10]. В ней, в том числе, подробно отражен цикл работ по поиску мощей Стефана Пермского и проведённых археологических исследований погребений на территории бывшего Спасо-Преображенского монастыря.

Важной публикацией, содержащей в том числе краткий обзор кремлёвских полевых археологических исследований, является сборник статей сотрудников ИА РАН «Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг.»^[2]. Выход сборника предваряла статья Н.А. Макарова, А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля «Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014-2016 гг.»^[14], в которой авторы уделили первый абзац сжатой характеристике развития археологических работ в Кремле^[14, с. 7-8].

Сборник открывает статья Н.А. Макарова «Что мы знаем о древностях Московского Кремля»^[12]. В статье приводится краткая история археологических исследований в Кремле и описывается уникальность археологических работ 2016-2017 гг., в ходе которых были открыты остатки некрополя Чудова монастыря, о чём кратко упоминается в статьях сборника «Задачи и ход раскопок»^[13] за авторством Н.А. Макарова, А.В. Энговатовой, В.Ю. Коваля и «Под фундаментами Военной школы имени ВЦИК: культурный слой и некрополь в центральной части Чудова монастыря»^[11] за авторством Н.А. Макарова и В.Ю. Коваля. Стоит отметить, что Н.А. Макаров упоминает о начале археологических наблюдений в Кремле с 1950-х гг.^[12, с. 8]. И действительно, с 1950-х гг. исследования стали систематическими, но подобные работы эпизодически проводились и ранее.

Подробности о некрополе Чудова монастыря и его археологическом изучении представлены в статье А.В. Энговатовой и Е.Е. Васильевой «Монастырский некрополь: погребальный обряд»^[38]. В статье Л.А. Беляева и В.С. Курмановского «Монастырский некрополь: саркофаги и плиты»^[4] рассмотрены найденные при раскопках некрополя погребальные и намогильные сооружения, в статьях А.В. Энговатовой и Е.Е. Васильевой «Некрополь Чудова монастыря Московского Кремля. Исследования деревянных погребальных конструкций»^[39] и Е.Е. Васильевой «Исследования деревянных погребальных конструкций некрополя Чудова монастыря Московского Кремля»^[5] рассмотрены деревянные погребальные конструкции.

Необходимо также упомянуть комплексное исследование С.Ю. Шокарева «Источники по истории Московского некрополя XII-начала XXв.»^[37]. В этот объёмный труд вошла, в основном информация о письменных и изобразительных источниках московской некрополистики, но были упомянуты также археологические источники и исследования, в том числе и на территории Кремля. В силу тематики работы автор в основном ограничился обзором наиболее важных трудов Т.Д. Пановой, не уделяя внимания непосредственно полевым исследованиям. В своей работе С.Ю. Шокарев указывает, что

«археологическое изучение московского некрополя началось еще в 1930-е гг.» [\[37, с. 55\]](#), но в действительности этот процесс стартовал раньше, что и будет продемонстрировано в данной статье.

Первый период: наблюдения и случайные находки XIX–п.п. XX вв.

Некрополи Московского Кремля подразделяются на два основных типа – это наиболее древние грунтовые кладбища и статусные храмы-усыпальницы, содержащие княжеские и архиерейские погребения. Для обнаружения и исследования и тех, и других на протяжении уже почти двух веков активно применяются полевые археологические исследования – наблюдения, шурфы и раскопки.

При внимательном рассмотрении археологические исследования в Кремле разделяются на два периода, связанные с состоянием археологии на различных исторических этапах существования страны. Первый период охватывает случайные находки и фиксации XIX в., а также поиски церковных мощей и зарождение археологических наблюдений в Кремле в начале XX столетия. В него входят и первые послереволюционные десятилетия, когда работники кремлевских музеев в ходе наблюдений за работами по демонтажу Чудова и Вознесенского монастырей вскрывали и спасали статусные погребения, обнаруженные при разрушении монастырских храмов.

Первые археологически зафиксированные погребения в Московском Кремле отражены в «Древностях Российского государства» (авторы описаний – историк А.Ф. Вельтман (светские предметы) и историк И.М. Снегирёв (церковные предметы), где раскрыты некоторые подробности о находках человеческих захоронений. Так, под полами Спасо-Преображенского собора: «...открыты в 1836 г. при переделке стенок под каменным помостом два каменные гроба» [\[8, с. 162\]](#). Подробнейший анализ находок позволил сделать описания саркофагов и погребального инвентаря. На основании этих наблюдений авторами была предложена датировка погребений XIV веком [\[8, с. 166\]](#) и идентификация личности захоронённых: «...если это не останки юного инока Иосафа, сына Донского, то должны быть моши Фетинии» [\[8, с. 165\]](#).

Так или иначе, найденные погребения относятся к статусным захоронениям, совершенным под полами одного из храмов-усыпальниц Московского Кремля. Некрополь, в который они входили, содержал всего шесть статусных погребений и функционировал с 1332 по 1399 гг. [\[18, с. 9\]](#). Стоит отметить, что вскрытие и фиксация указанных захоронений уникальна по методике и качеству работ для XIX в.

Во время ремонтных работ в церкви Рождества Богородицы в п.п. XIX в. в ходе земляных работ в алтарной части были открыты «кости человеческие», о чём упоминает историк-археолог И.М. Снегирёв. По его мнению, это были останки «княгини Марии Лугвеневны Ольгердовской и дочери Дмитрия Ивановича» [\[23, с. 100\]](#).

В 1858 году были начаты работы по устройству отопления Успенского собора. В ходе работ обнаружился земляной провал в алтарной части собора, под отделением жертвенника. В связи с этими событиями появляется первое упоминание, еще гипотетическое, о захоронениях под Успенским собором.: «архитектурный совет, при освидетельствовании места... оказавшегося под отделением жертвенника Московского Успенского собора земляного провала, нашёл, что оный произошёл, вероятно, от разрушившихся от времени бывших в сем месте склепов» [\[15, с. 421\]](#). Было решено «устроить под провалом надлежащий свод» [\[15, с. 421\]](#). Эти работы показали, что

предположения членов архитектурного совета были близки к истине.

И.М. Снегирёв в вышедшей в 1873 г. работе, характеризуя «план, фасад и стиль» Успенского собора, писал: «Под самым помостом не видно выходов и подвалов, кроме северного предалтария, где существовал до 1858 года выход в рост человеческий без свода и подпор; этот свод обвалился, вместо него сделали другой. У северных дверей открыт кирпичный склеп и в нём кости человеческие» [\[28, с. 91\]](#). Как выяснилось в ходе позднейших исследований XX в., эти находки относились не к храмовым усыпальницам, а к древнему грунтовому кладбищу, на месте которого позднее встал Успенский собор. Исследования же некрополей в XIX в. свелись к вышеперечисленным случайным находкам и их фиксации, причём не всегда полной и своевременной.

Для начала XX в. сохранилось упоминание о поисках мощей епископа Стефана Пермского. К археологии эти раскопки отношения, по сути своей, не имели. В 1909 г. жители г. Перми подали в Святейший Синод прошение о перенесении мощей епископа XIV в. в их город. В связи с этим Синод постановил «произвести в потребном размере соответствующие расследования в кремлевском соборе Спаса что на Бору, с донесением о последующем Святейшему синоду» [\[10, с. 86\]](#). В результате раскопок были найдены как кости св. Стефана, так и другие останки, которые явно не имели отношения к мощам. В конце исследований комиссией Святейшего Синода все обнаруженные кости зачем-то были собраны вместе, помещены в деревянный гроб, опечатаны и зарыты на месте их обнаружения. В результате перемешанность костей и наличие останков нескольких человек не позволили Синоду принять положительное решение о переносе мощей епископа Стефана в Пермь [\[10, с. 86-89\]](#). Так в результате недостаточно квалифицированных действий комиссии Синода в 1909 г. без должной фиксации были утрачены как останки святого Стефана, так и часть и без того небольшого некрополя в соборе Спасо-Преображенского монастыря. Однако, история останков Стефана Пермского на этом не закончилась – к их исследованию вернулись спустя столетие [\[10\]](#).

Археологические исследования кремлёвских некрополей в XX в. начались с наблюдений археолога С.С. Закатова за земляными работами подле Успенского собора в 1913 г. Первоначально при производстве земляных работ обнаружили трубу отопления, устроенную в 1858 г. Ниже были выявлены склеп с человеческими останками и несколько захоронений, два из них под резными белокаменными плитами [\[33, с. 288; 36, с. 248-253\]](#). Несколько фотографий сохранилось в архиве Оружейной палаты [\[34, с. 203\]](#). Эти захоронения относились к древнему грунтовому кладбищу.

Вынужденный перерыв в присутствии археологов в Кремле произошёл в 1918 г. Размещение в его зданиях советских правительственные учреждений и квартир руководителей СССР привело, в связи с необходимостью обеспечить их охрану, к строгой изоляции древнейшего участка города [\[19, с. 14\]](#). Однако, после окончания революционных событий археологов продолжили привлекать в Кремль для описания особо значимых находок строителей (кладов и статусных погребений), совершённых, например, в период создания военной школы ВЦИК или при разрушении Чудова и Вознесенского монастырей.

Одним из древнейших и значимых в Кремле, в том числе и по числу захоронений светской знати, был некрополь собора Вознесения Господня соименного монастыря, располагавшегося возле Фроловских (Спасских) ворот в Кремле. Обитель основала вдова Дмитрия Донского великая княгиня Евдокия (в монашестве Евфросиния), чьё погребение в 1407 г. и положило начало новой кремлевской усыпальнице. Вознесенский

собор стал местом упокоения для женщин из велиокняжеской и царской семей. Некрополь складывался на протяжении более трех столетий – последнее погребение здесь совершили в 1731 г., - и был весьма почитаемым вплоть до начала XX в.

По своему устройству и расположению могил он близок некрополю Архангельского собора Кремля. Монастырское кладбище служило для захоронения сестер этой обители, жен священнослужителей кремлевских соборов и женщин из некоторых знатных московских родов.

Комплекс построек Вознесенского монастыря был разобран в 1929-1930 гг., но благодаря усилиям музеиных сотрудников Оружейной палаты удалось организовать наблюдение за работами и спасти от уничтожения все обнаруженные под полом Вознесенского собора саркофаги с останками женщин из семей правящего московского дома. Сотрудниками был составлен подробный дневник вскрытия обнаруженных захоронений, опубликованный Т.Д. Пановой [\[23, с. 183-204\]](#). Всего было обнаружено 59 массивных белокаменных саркофагов и 8 захоронений под белокаменными плитами без гробниц [\[29, с. 11\]](#).

При изучении средневековых усыпальниц в храмах исследователи сталкиваются с рядом проблем, схожих во многом для комплексов аналогичного назначения. Практика археологических работ показывает, что, как правило, состав некрополей, известный по письменным источникам, не совпадает с действительным числом захоронений, выявленных при исследованиях. Это ярко демонстрируют данные по некрополю Вознесенского собора в Кремле. Издания по его истории, относящиеся к концу XIX в., содержат сведения о 35 захоронениях великих княгинь и цариц [\[26\]](#). В 1929 г. при разборке храма под его полами было выявлено около 70 погребений, причем половину из этого числа составляли детские [\[23\]](#).

Становится ясно, что некоторые могилы, особенно удельных княгинь и детей, или изначально не были отмечены в интерьере храма, или со временем утратили эти знаки. Поэтому так быстро забылись места захоронения многих из них.

В период разборки Вознесенского собора выяснилось также, что рака великой княгини Евдокии (Евфросинии), размещенная в интерьере собора, не содержала останков этой великой княгини - она оказалась пустой. Саркофаг с останками основательницы монастыря размещался под полом [\[23\]](#).

Интересным открытием стало обнаружение в составе некрополя Вознесенского собора погребений княгинь Старицких. Группа захоронений женщин и девочек из этого известного рода размещалась перед северными дверями храма и не была отмечена в интерьере надгробными памятниками [\[23\]](#). Выяснилось, что в Вознесенском соборе были похоронены шесть представительниц этого рода - княгиня Евфросиния, мать Владимира Андреевича Старицкого, его вторая жена и четыре дочери. В письменных источниках сведений о месте их погребения нет.

В 1941 г. при наблюдениях за строительными работами возле Никольских ворот и Арсенала было выявлено несколько погребений в деревянных гробах и одна белокаменная надгробная плита, принадлежащая малолетним детям князя А.Н. Трубецкого – Анне и Ирине, умершим в 1646 г. и погребённым вместе [\[9\]](#). Исследователи тогда зафиксировали остатки кладбища XVI-XVII вв. при церкви Входа в Иерусалим [\[18, с. 17\]](#).

Таким образом, первый период продолжался до середины XX в. Автор считает нецелесообразным выделять отдельный этап с 1917 г. до 1950-х гг. Это время в исследовании некрополей Московского Кремля, несмотря на кардинальные изменения в политическом устройстве страны после революции 1917 г., качественно не отличается от дореволюционного. Методы археологических работ остаются теми же, сохраняется выборочность, эпизодичность и даже случайность фиксаций, внимание уделяется наиболее ярким находкам.

Второй период: раскопки и систематические наблюдения втор. пол. XX – XXI в.

С середины XX столетия начинается второй этап развития кремлёвской археологии. В Кремле начинают осуществляться систематические наблюдения с устройством шурфов и полноценные раскопки.

Качественно новый этап косвенно отмечается и другими исследователями – так, Н.А. Макаров отсчитывает археологические наблюдения в Кремле, как основной источник получения информации о кремлёвских древностях, с 1950-х гг. [\[12, с. 8\]](#).

Как справедливо отмечал М.Г. Рабинович, до исследований в 1956 г. на правом берегу р. Неглинной предмостного укрепления Кутафьи башни, систематические археологические работы в Кремле не проводились [\[27, с. 41\]](#).

В 1959-1960 гг. группой археологов, под руководством Н.Н. Воронина, были проведены археологические раскопки и наблюдения на территории части Боровицкого холма в связи со строительством Кремлёвского Дворца съездов. В пределах центральной части площадки строительства, к северу от Большого Гренадерского корпуса, были заложены два раскопа общей площадью 210 м² [\[19, с. 55\]](#). Археологические наблюдения охватывали всю западную и центральную части Кремля [\[16\]](#).

Хотя исследования М.Г. Рабиновича и Н.Н. Воронина и не выявили каких-либо погребений, они обозначали собой новую веху в истории кремлёвской археологии. Отныне учёные-археологи стали осуществлять регулярные работы в Кремле.

Осенью 1963 г. в северной части Соборной площади Московского Кремля начались обширные земляные работы. В связи с этим встал вопрос об археологических и архитектурных наблюдениях вскрываемого культурного слоя и обнажаемых несущих конструкций памятников [\[30, с. 1\]](#).

Наблюдения под руководством археологов Н.С. Шеляпиной (1963-1965 гг.) и М.Х. Алешковского (1965 г.) продолжались непрерывно с октября 1963 г. по декабрь 1965 г. В процессе наблюдений в южной части Крестовой-Патриаршей палаты и церкви Двенадцати апостолов, между зданиями палат и Успенским собором, а также под стенами самого собора были вскрыты более двух десятков средневековых захоронений и выявлено десять белокаменных надгробий. Таким образом, в третий раз столичные археологи столкнулись с древним грунтовым кладбищем в центре Кремля. Данные, полученные при наблюдениях, были отражены в отчёте Н.С. Шеляпиной 1968 г. [\[30\]](#) и нескольких последующих публикациях [\[32-35\]](#).

В 1966 г. археологические наблюдения при закладке шурфов в межстолпном пространстве Успенского собора проводила Д.А. Беленькая. Данные работы выявили ещё несколько захоронений [\[3\]](#).

В октябре 1967 года архитектурно-археологические наблюдения в Успенском соборе были продолжены. Эти исследования, проведенные археологом Е.В. Антоновой, дополннили картину расположения исследуемого некрополя [\[31\]](#).

Таким образом, в период с 1858 г. по 1967 г. в пространстве под Успенским собором, Патриаршими палатами и церковью Двенадцати апостолов, а также между этими зданиями, московские исследователи неоднократно сталкивались со средневековыми захоронениями: И.М. Снегирёв в 1858 г., С.С. Закатов в 1913 г., Н.С. Шеляпина и М.Х. Алешковский в 1963-1965 гг., Д.А. Беленькая в 1966 г., Е.В. Антонова в 1967 г. Ими были оставлены описания находок, заложена основа археологической коллекции музеев Московского Кремля, а часть информации была опубликована.

Сложившаяся картина демонстрирует наличие на исследованной территории многослойного древнего грунтового кладбища XII-XIV вв., неизвестного по синхронным ему письменным источникам. Однако, полной характеристики и анализа эти данные не получили до сих пор. История изучения древнейшего на данный момент комплекса захоронений Москвы, на месте которого в XIV в. встал Успенский собор, видится несколько более сложной, чем это было представлено в статьях Д.А. Беленькой и Н.С. Шеляпиной начала 1970-х годов [\[3, 32-35\]](#). Эта проблема требует рассмотрения в отдельной работе, здесь же можно кратко отметить, что Н.С. Шеляпина опубликовала далеко не все данные, полученные при наблюдениях, а количество погребений и надгробных плит в её отчётах и планах работ превышает число, указанное в публикациях.

Не менее интересны страницы истории изучения самого Успенского собора - статусного некрополя-усыпальницы Московского Кремля и первого каменного храма Москвы. Формирование некрополя в нем началось в 1326 г. – здесь были похоронены московский князь Юрий Данилович (его могила последний раз упоминается в конце XV в.) и митрополит Петр. Усыпальница задумывалась как место погребения светских и духовных владык московского княжества, но с постройкой в 1333 г. Архангельского собора произошло разделение некрополей. В Успенском соборе стали хоронить только глав русской церкви. В общей сложности в этом храме были погребены 20 человек.

К загадкам Успенского собора относится исчезновение могилы митрополита Филиппа I. Он скончался 5 апреля 1473 г.: «А гроб его бе близ врат церковных северных, иде же бе гроб ... митрополита Ионы, входя в северные двери церковные на правой стране» [\[17, с. 409\]](#). Но в «Путеводителе к древностям и достопамятностям Московским...» конца XVIII в. [\[16\]](#) среди захоронений Успенского собора, расположенных у северной стены, могила Филиппа I уже не упоминается.

Найти пропавшую могилу митрополита удалось в 1960-х гг. при устройстве шурфов для архитектурно-археологических исследований в соборе. Подробности об этой находке опубликовала Т.Д. Панова в 1998 г. [\[20\]](#).

Археологические наблюдения второй половины XX в. позволили выявить и другие погребальные комплексы, не упомянутые в источниках и исторической литературе по Московскому Кремлю.

Было археологически зафиксировано наличие в XVI-XVII вв. кладбища на Патриаршем дворе [\[18, с. 17\]](#). Это открытие совершила Н.С. Шеляпина при вышеописанных археологических работах 1963-1965 гг. В шурфе было выявлено три захоронения в

ящичных сосновых гробах с плоскими крышками, отнесённых исследовательницей к кладбищу при церкви Апостола Филиппа (Двенадцати апостолов) [\[30, с. 13\]](#).

В 1969 г. у южного фасада Кремлёвского театра была частично вскрыта и исследована территория грунтового кладбища, наиболее поздние захоронения которого Н.С. Шеляпина отнесла к дворовой церкви Воздвижения бояр Ховриных-Головиных, воздвигнутой в сер. XV в. Этот грунтовый некрополь перекрывал территорию более раннего погребального памятника, нижний горизонт погребений которого был датирован п.п. XIII в. и отнесён Н.С. Шеляпиной к раннему культовому центру на территории предградья, где позднее встали Вознесенский и Чудов монастыри [\[36, с. 205-207\]](#).

На территории подворья Кирилло-Белозерского монастыря близ Спасских ворот в 1976 г. при земляных работах Т.Д. Пановой были зафиксированы пять белокаменных саркофагов с костными останками. Один из саркофагов был подписным. Оказалось, что погребения принадлежали семье боярина и воеводы Ф.И. Шерemetева, одного из участников правительства так называемой «семибоярщины». Его владения находились рядом с подворьем монастыря [\[18, с. 17\]](#).

Как выяснилось в результате в ходе наблюдений Т.Д. Пановой 1988 г. в Тайницком саду, при церкви Константина и Елены на Подоле в XVII-XVIII вв. продолжал функционировать грунтовый некрополь для священнослужителей, хотя остальные грунтовые кладбища на территории Кремля царским указом 1657 г. были закрыты для новых погребений [\[18, с. 17\]](#). Этими работами были вскрыты фундаменты из кирпича и белого камня, возле которых постоянно встречались отдельные человеческие кости и нарушенные захоронения, в том числе в кирпичных склепах. Было выявлено и несколько поздних каменных надгробий с надписями, которые и позволили установить, что кладбище функционировало дольше, чем нам говорят письменные источники [\[24, с. 11\]](#).

В 1997 г. при наблюдениях Т.Д. Пановой за строительными работами во дворе Большого Кремлёвского дворца был выявлен фрагмент фундамента Спасо-Преображенского собора и остатки монастырского кладбища – 2 повреждённых безинвентарных захоронения [\[10, с. 91\]](#).

С начала 1960-х гг. все археологические исследования на Боровицком холме велись сотрудниками Музеев Московского Кремля. В основном, это были наблюдения и небольшие шурфы, проводившиеся в 1960-1973 гг. под руководством Н.С. Шеляпиной, а позднее – под руководством Т.Д. Пановой. Однако, до недавнего времени в большинстве случаев характер работ не позволял проводить полноценные исследования, а некоторые подробности находок захоронений так и не были опубликованы.

В XXI в. ситуация начала меняться в лучшую сторону. Помимо систематических археологических наблюдений за земляными работами и небольших шурfov, в Московском Кремле стало возможным осуществлять раскопки большими площадями. В 2007 г. в Тайницком саду были проведены полномасштабные археологические исследования на площади в 800 м² [\[12, с. 16\]](#). Раскопками руководили Т.Д. Панова и В.Ю. Коваль. В площадь этих работ попали, в том числе, и три погребения XIV-XV вв. в деревянных гробах, принадлежащих кладбищу церкви Константина и Елены [\[25, с. 327-329\]](#).

Примечательно, что в том же году были проведены работы по поднятию погребений,

найденных во дворе Большого Кремлёвского дворца в 1997 г. и оставленных тогда на дне котлована, с целью очередных поисков мощей Стефана Пермского. Однако эти работы качественно и методически значительно отличались от аналогичных работ нач. XX в. В результате небольших по площади шурfovок и дальнейших естественно-научных исследований (судебно-медицинского, антропологического) были обнаружены и изучены разрозненные останки 36 человек, принадлежавших монастырскому кладбищу, и в их числе 4 фрагмента костей, интерпретированные исследователями как останки Стефана Пермского [\[10, с. 116-124\]](#).

В 2014-2017 гг. сотрудниками ИА РАН были осуществлены полноценные раскопки на месте демонтированного 14-го корпуса Московского Кремля. Раскопки в Кремле проводились и ранее, в конце 1950 гг. [\[6\]](#) и в 2007 г. [\[12, с. 8\]](#). Также некоторые значительные по площади шурфы втор. пол. XX – нач. XXI в. интерпретируются исследователями как раскопки, например, работы близ Оружейной башни 1979 г. [\[11\]](#). Но исследования 2014-2017 гг. примечательны не только большой площадью и систематичностью осуществленных работ. В результате их проведения был вскрыт и изучен значительный участок монастырского грунтового кладбища XIV-XVII вв. [\[2\]](#).

Этот некрополь стал первым монастырским кладбищем на территории Московского Кремля, участок которого был полноценно изучен, а не частично зафиксирован в процессе археологических наблюдений. Раскопками 2014-2017 гг. была исследована часть некрополя Чудова монастыря, расположенного к северу и западу от предполагаемого местонахождения собора Чуда Архистратига Михаила начала XVI в. В процессе раскопок было выявлено 120 погребений [\[38, с. 107\]](#), не менее 40 могильных плит и их фрагментов, и 6 каменных саркофагов [\[4, с. 116-117\]](#). Большая же часть погребений была совершена в деревянных гробах, всего зафиксировано 84 деревянных погребальных конструкции [\[5, с. 93\]](#).

Среди намогильных плит зафиксированы надгробия, принадлежащие историческим личностям, известным по письменным источникам, таких как дворянин Василий Глебов сын Салтыков, погибший при взятии крепости Пайды в Ливонии на рубеже 1572-1573 гг., воевода Ратман Андреевич Вельяминов, дальний родственник царя Бориса Годунова и др. [\[4, с. 119-121\]](#). Всё это позволило определить характер некрополя как статусного кладбища одной из влиятельнейших духовных корпораций Московской Руси. Археологические и антропологические материалы раскопок 2016-2017 гг. были подробно изучены, в том числе естественнонаучными методами. Результаты этих исследований опубликованы в 2017-2018 гг. в виде отдельных публикаций [\[5, 7, 14, 38\]](#) и сборника статей [\[2\]](#).

Заключение

Рассмотренная в статье история изучения кремлевских некрополей полевыми археологическими методами наглядно демонстрирует поступательное развитие кремлёвской археологии.

Рост числа исследованных кладбищ и некрополей, развитие применяющихся полевых методов исследования (от фиксации случайных находок и наблюдений за земляными работами до архитектурно-археологических шурfov и полноценных раскопок), качественно новый подход к изучению погребений (естественно-научные методы, новая информация по костным останкам и т.д.), расширение знаний о погребальном обряде

русского Средневековья и раннего Нового времени – всё это прослеживается в процессе археологического исследования кладбищ исторического ядра Москвы.

За более чем двухсотлетний период полевых исследований в Кремле были открыты: храмовый некрополь Спасо-Преображенского собора XIV в. и монастырское грунтовое кладбище при нём, погребения XIV-XV вв. в церкви Рождества Богородицы, храмовый некрополь Вознесенского собора XV-XVIII вв., грунтовые кладбища XVI-XVII вв. при церкви Входа в Иерусалим и на Патриаршем дворе, у церкви Двенадцати апостолов, грунтовое кладбище XII-XIV вв. в культурном слое под Успенским собором, Патриаршими палатами и церковью Двенадцати апостолов, кладбище XV в. близ церкви Воздвижения и перекрытый им более ранний некрополь XIII-XIV вв., утраченная могила митрополита Филиппа в Успенском соборе, статусные погребения бояр Шереметевых на территории Кирилло-Белозерского монастыря, грунтовый некрополь для священнослужителей при церкви Константина и Елены на Подоле, функционировавший до XVIII вв., грунтовое кладбище Чудова монастыря XIV-XVII вв.

Некоторые из этих некрополей были частично изучены при археологических наблюдениях, устройстве архитектурно-археологических шурфов или методом полноценных археологических раскопок. Материалы этих исследований опубликованы, однако не во всех случаях достаточно полно и корректно, что оставляет поле для дальнейших исследований.

Данная статья позволила проследить и кратко описать процесс и результаты полевых исследований некрополей Московского Кремля, выделить этапы их развития. Критерием для выделения периодов было преобладание и/или наличие определённых полевых археологических методов исследования.

Первый период – время эпизодических фиксаций случайных находок строителей, постепенно перераставших в археологические наблюдения, продолжался с конца 1830-х до начала 1950-х гг. Второй период начинается во второй половине 1950-х гг. и продолжается по сей день. Он характеризуется уже систематическими наблюдения за земляными работами с устройством архитектурно-археологических шурфов и появлением возможности проводить на отдельных участках полноценные археологические раскопки.

Библиография

1. Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Археологическое изучение юго-западной оконечности Боровицкого холма // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Выпуск 6: История и реставрация памятников Московского Кремля. М.: Искусство, 1989. С. 10-16.
2. Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. / Под ред. Н.А. Макарова и В.Ю. Коваля.-М.: ИА РАН, 2018.
3. Беленькая Д.А. Археологические наблюдения в Успенском соборе в 1966 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 167: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 4: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971. С. 158-163.
4. Беляев Л.А., Курмановский В.С. Монастырский некрополь: саркофаги и плиты // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. М.: ИА РАН, 2018. С. 116-123.
5. Васильева Е. Е. Исследования деревянных погребальных конструкций некрополя Чудова монастыря Московского Кремля // *Via intempore. История. Политология.* 2018. Т. 45. №. 1. С. 90-96.-URL: <http://nv.bsu.edu.ru/nv/mag/detail.php?ID=461957> (дата

- обращения: 15.12.2022 г.).
6. Воронин Н.Н., Рабинович М.Г. Археологические работы в Московском Кремле // Советская археология. 1963. № 1. С. 253-272.
 7. Добровольская М.В., Решетова И.К., Медникова М.Б., Тарасова А.А., Васильева Е.Е., Коваль В.Ю., Энговатова А.В. Об антропологическом своеобразии людей, погребённых в некрополе Чудова монастыря (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 249-II. С. 18-27.
 8. Древности российского государства. Отдѣленіе I. Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облаченіе сана духовнаго / Ком. изд. С. Строганов, М. Загоскин, И. Снегирёв, А. Вельтман. М.: Типография Александра Семена, 1849.
 9. Захаров О.Н. Клады и находки на территории Московского Кремля. М.: 1941. Архив ГММК. Ф. 20. №9.
 10. Клюев В.Б., Панова Т.Д. Святитель Стефан, епископ Пермский и история некрополя Спасо-Преображенского собора Московского Кремля. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2014.
 11. Макаров Н.А., Коваль В.Ю. Под фундаментами Военной школы имени ВЦИК: культурный слой и некрополь в центральной части Чудова монастыря // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. М.: ИА РАН, 2018. С. 48-51.
 12. Макаров Н.А. Что мы знаем о древностях Московского Кремля // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. М.: ИА РАН, 2018. С. 8-25.
 13. Макаров Н.А., Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Задачи и ход раскопок // Археология Московского Кремля: Раскопки 2016-2017 гг. М.: ИА РАН, 2018. С. 32-41.
 14. Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014-2016 гг. // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 246. С. 7-25.
 15. Марков В. Успенский собор в Москве. Устройство его отопления. Отиски из «Русского Архива» (1908 г. кн. 3 и 4). М.: Синодальная типография, 1908.
 16. Максимович Л. Путеводитель к древностям и достопамятностям московским. М.: Унив. типография, у В. Окорокова, 1792-1793.
 17. Московский летописный свод конца XV века. Рязань: Узорочье, 2000.
 18. Панова Т.Д. Некрополи Московского Кремля. М.: Федеральное государственное учреждение "Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль", 2002.
 19. Панова Т.Д. Историческая и социальная топография московского кремля в середине XII-первой трети XVI века. М.: ТАУС, 2013.
 20. Панова Т.Д. Загадка Большого Успенского собора // Мир божий. 1998. № 3. С. 24-26.
 21. Панова Т.Д. История некрополя в XV – XX веках // «Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля». Материалы исследований. В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Федеральное государственное учреждение "Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль", 2009. С. 8-33.
 22. Панова Т.Д. Краткая история изучения некрополя в середине XX – начале XXI века // «Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля». Материалы исследований. В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Федеральное государственное учреждение "Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль", 2009. С. 34-38.

23. Панова Т.Д. Кремлёвские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003.
24. Панова Т.Д. Отчёт об археологических наблюдениях в Московском Кремле в 1988 г. М.: 1988. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №14518.
25. Панова Т.Д., Коваль В.Ю. Отчёт об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском кремле в 2007 году. М.: 2008. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №29009.
26. Пшеничников А.И. Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского девичьего монастыря в Москве. М.: изд. настоятельницы Вознесенского монастыря игумении Евгении, 1894.
27. Рабинович М.Г. О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI-XVI вв. М.: Наука, 1964.
28. Снегирёв И.М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Том второй. М.: Издание А. Мартынова, 1873.
29. Шапиро Б.Л. Некрополь Вознесенского монастыря Московского кремля: история и музеефикация // Studia Humanitatis. 2020. №. 2.-URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/shapiro_1.pdf (date of application: 15.12.2022 г.).
30. Шеляпина Н.С. Отчёт об археологическом наблюдении за земляными работами в Московском Кремле в 1963-1965 гг. М.: 1968. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3578.
31. Шеляпина Н.С. Отчёт об археологическом наблюдении в Московском Кремле в 1967-1969 гг. М.: 1970. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. №3964.
32. Шеляпина Н.С. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963-1965 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 167: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 4: Древности Московского Кремля. М.: Наука, 1971. С. 117-157.
33. Шеляпина Н.С. Надгробия XIII-XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // Советская археология. 1971. №3. С. 284-289.
34. Шеляпина Н.С. К истории изучения Успенского собора Московского Кремля // Советская археология. 1972. №1. С. 200-214.
35. Шеляпина Н.С. Археологические исследования в Успенском соборе // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Выпуск 1. М.: Искусство, 1973. С. 54-63.
36. Шеляпина Н.С. Археологическое изучение Московского Кремля: Древняя топография и стратиграфия: диссертация, представленная на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.06. М.: 1974. РГБ. ОД Дк 74-7/655.
37. Шокарев С.Ю. Источники по истории московского некрополя XII – начала XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.
38. Энговатова А.В., Васильева Е.Е. Монастырский некрополь: погребальный обряд // Археология Московского Кремля. М.: ИА РАН, 2018. С. 106-115.
39. Энговатова А.В., Васильева Е.Е. Некрополь Чудова монастыря Московского Кремля. Исследования деревянных погребальных конструкций // Краткие сообщения Института археологии. 2017. № 249-II. С. 7-17.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Некрополи Московского Кремля: история и этапы изучения»

Предметом исследования рецензируемой статьи является история изучения некрополей, находящихся на территории Московского Кремля.

Методология исследования в основном носит описательный с элементами использования сравнительно-исторического метода

Актуальность исследования не определена и в статье не указано проводился ли кем-то ранее анализ историографии по заявленной автором теме. Между тем подобные работы историографического характера уже имели место. К ним следует отнести статьи: Панова Т.Д. История некрополя в XV – XX веках // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Московский Кремль, 2009; Шапиро Б. Л. Некрополь Вознесенского монастыря Московского кремля: история и музеефикация // *Studia Humanitatis*. 2020. №. 2. Их анализ следовало бы изложить во введении, которое в статье отсутствует.

Научная новизна исследования связана с обобщением данных, имеющихся в литературе по исследованию некрополей Московского Кремля.

Стиль статьи научный. Структура состоит из двух частей, соответствующих периодам изучения некрополей Кремля, выделенных автором. Первый этап изучения включает время с XIX в. по первую половину XX в., который характеризуется в статье, как период, когда изучение некрополей ограничивалось наблюдением за производством хозяйственных работ, связанных с обнаружением случайных находок. Кроме того, в начале XX столетия получает распространение практика поиска церковных мощей и в это время происходит зарождение археологических наблюдений в Московском Кремле. При этом автор с излишней, на наш взгляд, подробностью описывает результаты изучения первых выявленных погребений, сообщая читателем массу деталей, не относящихся к предмету исследования статьи.

Определенные возражение вызывает и объединение в один период дореволюционных и послереволюционных исследований первой половины XX века, поскольку содержание данных этапов кардинально различается. Как справедливо отмечает сам автор, после размещения в 1918 году на территории Московского Кремля советского правительства 1918 г., его территория более чем на тридцать лет стала практически недоступной для археологов. Учёные привлекались лишь изредка, для описания особо привлекательных находок строителей.

Второй этап в изучении Кремля характеризуется проведением раскопок и систематических наблюдений, он охватывает время со второй половины XX по XXI в. Первоначально на данном этапе основными методами исследований становятся наблюдения за хозяйственными работами и закладка архитектурно-археологических шурfov небольшой площади. Наряду с этим было во второй половине XX века организовано и ряд достаточно крупных раскопок под руководством М.Г. Рабиновича и Н.Н. Воронина, а регулярные наблюдения проводились Н.С. Шляпиной, М.Х. Алешковским, А.Д. Беленькой и др. московскими археологами. А с XXI в. помимо систематических археологических наблюдений за земляными работами, в Московском Кремле стало возможным осуществлять раскопки большими площадями. Таким образом, автор приходит к выводу, что наиболее значимые результаты были получены в этом столетии. Однако результаты этих работ освещены довольно скромно. Причем автор преимущественно описывает проведение полевых исследований, тогда как составной частью изучения некрополей Московского Кремля является осмысление и интерпретация, полученного при раскопках материалов. Данным аспектам изучения некрополя посвящены следующие статьи: Панченко К. И. Керамические сосуды из некрополя Чудова монастыря Московского Кремля //Краткие сообщения Института

археологии. 2018. №. 251.; Панова Т. Д. и др. Анализ содержания мышьяка и ртути в человеческих останках XVI-XVII вв. из некрополей Московского Кремля методом нейтронного активационного анализа на установке ИРЕН и реакторе ИБР-2 ЛНФ ОИЯИ //Письма в журнал Физика элементарных частиц и атомного ядра. 2018. Т. 15. №. 1; Макаров Н. А., Беляев Л. А., Курмановский В. С. Белокаменные саркофаги и надгробия некрополя Чудова монастыря из раскопок в Московском Кремле 2015-2017 гг. //Российская археология. 2019. №. 2, и многие другие. Причем пробелы имеются и в освещение работ, непосредственно посвященным полевым исследование. Автором проигнорирована информация из статей: Макаров Н. А., Энговатова А. В., Коваль В. Ю. Археологические исследования в восточной части Московского Кремля в 2014-2016 гг. //Краткие сообщения Института археологии. 2017. №. 246; Васильева Е. Е. Исследования деревянных погребальных конструкций некрополя Чудова монастыря Московского Кремля //Via in tempore. История. Политология. 2018. Т. 45. №. 1.

Таким образом библиография, относящаяся к теме исследования, является далеко не полной. Поэтому автору следует либо скорректировать название статьи ограничив её предмет полевыми исследованиями, либо существенно расширить источниковую базу. Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемая статья представляет собой оригинальное и самостоятельное исследование, представляющее интерес для специалистов, изучающих городские некрополи, и после устранения высказанных замечаний может быть рекомендована к публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв

На статью «Некрополи Московского Кремля: история и этапы полевых археологических исследований.».

Предмет исследования - этапы, особенности организации и проведения археологических исследований на территории Московского Кремля и их результаты.

Методологической основой исследования являлись принципы объективности, историзма и системный подход. Принцип объективности предполагает беспристрастное, правдивое изучение прошлого. Принцип историзма предполагает изучение вопроса с учетом конкретно-исторических условий (ситуаций), в которых происходило в данном случае полевые археологические исследования и описание их результатов. Системный подход означает комплексное рассмотрение фактов, явлений и процессов как элементов одной системы.

Актуальность темы исследования очевидна. Авторы рецензируемой статьи отмечают, что актуальность «заключается в назревшей необходимости обобщения и систематизации известной на настоящий момент информации о полевых археологических исследованиях кремлёвских некрополей».

Название статьи полностью соответствует ее содержанию и в названии статьи просматривается научная проблема, решению которой автор посвящает данную статью. В настоящей работе сделана попытка обобщить и систематизировать всю известную на настоящий момент информацию о полевые археологические исследования кремлевских некрополей и выявить этапы и особенности их археологического изучения.

Стиль работы академический с элементами описательности. Структура работы построена

с учетом задач, которые автор решает и подчинена цели исследования. Статья состоит из введения, двух разделов-1. Первый период: наблюдения и случайные находки XIX-п.п. XX вв.; 2. Второй период: раскопки и систематические наблюдения втор. пол. XX – XXI в. и заключения.

Во введении автор анализирует историографию вопроса и отмечает вклад исследователей в изучаемую проблему, четко и ясно формирует актуальность изучаемой темы и определяет те задачи, которые автор (авторы статьи) ставят перед собой. При изложении историографии вопроса автор сделал довольно подробный литературы и сделал ссылки на все упоминаемые работы, в которых рассматривались вопросы некрополей Московского Кремля. Особо отмечаются работы Н.С. Шеляпиной и Т.Д. Пановой, которые много лет занимались археологическим изучением Московского Кремля.

Отмечает автор и работы последних лет, подготовленных ведущими сотрудниками Института археологии Российской Академии наук Н.А. Макарова, А.В. Энговатовой и В.Ю. Коваля. Содержание работы дает целостное представление о том, как были организованы археологические работы на территории Московского Кремля в разные периоды, и автор также показывает особенность каждого из этапов полевых исследований и их результатов. Автор разъяснил и обосновал выбор хронологических рамок исследования и дал характеристику методов археологического исследования в ХХ-первой половине ХХ –века и в последующий период.

Библиография работы довольно обширна и насчитывает 39 источника- это работы по теме, которые были написаны отечественными археологами. Апелляция к оппонентам отсутствует, но проделанный автором анализ, полученные результаты и библиография, представленная в статье являются ответом оппонентам, которые найдут в них ответы на свои вопросы.

Выводы автора объективны и отражают результаты проделанной автором работы и «наглядно демонстрирует поступательно развитие кремлёвской археологии». Автор выделяет два этапа развития полевых археологических исследований некрополей Московского кремля и критерием этих периодов выделяет «преобладание и/или наличие определённых полевых археологических методов исследования». «Первый период-- время эпизодических фиксаций случайных находок строителей, постепенно перераставших в археологические наблюдения, продолжался с конца 1830-х до начала 1950-х гг». Второй же период начинается со второй половины ХХ века. Этот период автор рецензируемой работы характеризует как период систематических наблюдений «за земляными работами с устройством архитектурно-археологических шурфов и появлением возможности проводить на отдельных участках полноценные археологические раскопки».

Статья написана на актуальную тему, имеет признаки новизны и представляет интерес для читателей журнала.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шильникова И.В. — Обсуждение маршрутов будущей Транссибирской магистрали в российских научно-технических обществах в 1870-х - начале 1890-х гг // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39611 EDN: KQQUDZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39611

Обсуждение маршрутов будущей Транссибирской магистрали в российских научно-технических обществах в 1870-х - начале 1890-х гг

Шильникова Ирина Вениаминовна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра истории экономики, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, Московская область, г. Москва, проспект Вернадского, 82

□ shilnikova.i@gmail.com

[Статья из рубрики "Историческое время и пространство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39611

EDN:

KQQUDZ

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2023

Дата публикации:

15-01-2023

Аннотация: Поиски оптимального маршрута Транссибирской магистрали заняли не одно десятилетие во второй половине XIX в. В дискуссии по этому вопросу оказались вовлечены не только государственные чиновники, но и представители деловых кругов, и члены российских научно-технических обществ, и широкие общественные круги. В статье рассматривается деятельность в 1870-х - начале 1890-х гг. Императорского русского географического и Императорского русского технического обществ по выработке предложений о маршруте трансконтинентальной железнодорожной магистрали, а также об использовании водных путей в контексте решения задач по сооружению Транссиба. Основными источниками стали стенографические отчеты, доклады и другие материалы, опубликованные по итогам заседаний участников этих российских научных обществ, а также и приглашенных докладчиков. Дискуссии о возможных направлениях линии будущего Транссиба, происходившие в 1870-х - начале 1890-х гг. способствовали постепенному формированию основных возможных вариантов маршрута железнодорожной магистрали с учетом, прежде всего, экономических

интересов, финансовых возможностей, технических сложностей и сроков строительства. Некоторые из предложенных решений и сделанных рекомендаций были учтены в ходе сооружения Транссиба в последующие годы. Кроме того, благодаря участию в этих дискуссиях ученых, инженеров и других специалистов удалось сформулировать приоритетные задачи дальнейших топографических, геологических, гидрологических, климатических и других исследований территории Сибири и Дальнего Востока, которые планировалось проводить при непосредственном участии государства, как в контексте задач железнодорожного строительства, так и в целом для расширения знаний об этих территориях.

Ключевые слова:

Транссибирская магистраль, Русское географическое общество, Русское техническое общество, железнодорожное строительство, Сибирь, Объ-Енисейский канал, железнодорожные мосты, грузоперевозки, водные пути, паромные переправы

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Роль Транссибирской магистрали в развитии инфраструктуры, экономики и социально-демографического потенциала восточных районов позднеимперской России» (грант РГО № 10/2021-И)

Этапу практических действий по строительству Транссибирской магистрали предшествовал достаточно длительный период обсуждения различных вопросов, связанных с возможностями и методами реализации этого грандиозного проекта. Помимо правительственные кругов в дискуссиях участвовали члены предпринимательских организаций и научных обществ. Применительно к последним речь идет, прежде всего, об Императорском Русском географическом обществе (РГО) и Императорском Русском техническом обществе (РТО). Круг обсуждаемых вопросов был достаточно широк, и пристальное внимание привлекали проблемы состояния и эксплуатации водных путей на территории Сибири и Европейской России в контексте строительства Сибирской железной дороги, а также выбор мест, где проектировавшаяся магистраль должна была пересекать крупные реки. Рассмотрение и анализ хода и результатов этих дискуссий в указанных научных обществах Российской империи, а также их значения для определения маршрута будущего Транссиба являются приоритетными задачами в рамках данной статьи.

В историографии присутствует значительное количество публикаций, посвященных различным этапам обсуждения направления и маршрута планировавшегося к строительству трансконтинентального железнодорожного пути, включая обобщающие работы [1, 2, 3, 4], статьи в журналах [5, 6, 7, 8] и сборниках с материалами конференций [9, 10]. Однако в них слабо отражена тематика водных маршрутов и препядствий в контексте реализации данного инфраструктурного проекта Российской империи. Кроме того, в большей степени взгляд исследователей был обращен на ход обсуждения этих вопросов в правительственные кругах. Непосредственно участию Императорского Русского географического общества в решении различных вопросов железнодорожного строительства в 1860-х – 1880-х гг. посвящена статья М.Э. Митиной [11], однако при упоминании Транссиба автор отсылает читателя к докторской диссертации В.Ф. Борзунова (Борзунов В.Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX – начала XX вв. Дисс. ... д-ра ист. наук. Томск, 1972. – 1852 с.) с оговоркой, что в ней содержится детальный разбор состоявшихся дискуссий.

Действительно, один из параграфов данного диссертационного исследования полностью посвящен обсуждению вопроса о Сибирской железной дороге в научно-промышленных обществах в 60-х – 80-х гг. XIX в. При этом, анализируя ход дискуссий по поводу маршрута будущей железнодорожной магистрали, призванной соединить европейскую и азиатскую части империи, автор основной акцент делает на столкновении экономических интересов различных групп предпринимателей, представлявших определенные региональные и отраслевые деловые круги. При этом оценки, высказанные представителями научного сообщества, членами РГО и РТО остаются зачастую в тени, как нередко происходит и в более поздних публикациях, авторы которых также большее внимание обращают на позицию представителей правительенных и деловых кругов. Между тем, анализ потенциально возможных направлений и конкретных маршрутов прокладки железнодорожных линий в Сибирь проходил на специально посвященных этим проблемам заседаниях РГО и РТО в 1870-х – начале 1890-х гг., и одна из наиболее острых тем как раз касалась состояния и возможного использования водных ресурсов на этапе строительства магистрали, а также выбор мест для пересечения крупных и малых рек. Основу источниковой базы исследования составили опубликованные стенографические отчеты и другие материалы заседаний РГО и РТО.

28 и 31 января 1870 г. состоялись два заседания Отделения статистики РГО «по вопросу о направлении Урало-Сибирской железной дороги» с участием как членов общества, так и приглашенных гостей. В ходе выступлений выявились разные точки зрения на маршрут будущего Транссиба. Все высказанные мнения можно объединить в две основные группы. Часть участников дискуссии выступали за «южный» вариант, другие – за «северный». Суммируя все высказанные мнения, можно заключить, что при реализации северного варианта Сибирская железная дорога должна была начинаться с территории либо Ярославской (Ярославль, Рыбинск), либо Костромской (Кинешма) губернии. Далее маршрут следовал через Кострому, Вятку, Пермь. При реализации строительства по южному маршруту железная дорога должна была идти от Нижнего Новгорода до Казани, пересекать Волгу и Каму (последнюю в районе устья), далее двигаться в Сибирь через Екатеринбург. Этот южный вариант маршрута допускал два варианта, поскольку ряд участников обсуждения считали более логичным вести дорогу «lugовым берегом Волги», другие – «по нагорному берегу» [\[13, с. 83\]](#).

Вопрос о водных путях обсуждался на этих двух заседаниях РГО в связи с дискуссиями о том, в каких точках Сибирская железная дорога должна пересекать Волгу и Каму. Многие высказывались в пользу того, что эти точки пересечения необходимо расположить как можно выше по течению, где река более узкая, а значит с технической и финансовой точки зрения данный вариант выглядел предпочтительнее. Но были и сторонники выбора мест перехода рек исходя исключительно из экономических интересов, даже если потребуется искать технически сложные решения и дополнительное финансирование. Для пересечения Волги рассматривались такие пункты перехода через нее, как Ярославль, Рыбинск, Кинешма, Нижний Новгород, Казань. Один из вариантов предполагал начать дорогу в Нижнем Новгороде, далее вести ее «по нагорной стороне Волги», переправляться через нее «по слиянию ее с Камой», т.е. около Спасска или Тетюш. Здесь, как отмечали участники собрания, располагался «самый важный узел всех водных путей восточной России» [\[13, с. 24 - 25\]](#). Поэтому данный вариант следовало реализовать даже при выявлении технических сложностей и, как следствие, удорожании проекта. После пересечения Волги сторонники данного маршрута предлагали вести магистраль на Бугульму и Бирск, что позволяло, с их точки зрения, избежать конкуренции железнодорожной магистрали с водными путями. Противники этого варианта предлагали пересекать Волгу около Казани (большинство поддерживали

вариант Свияжска), а затем Каму – около Чистополя. С точки зрения учета экономических интересов этот вариант многие рассматривали как оптимальный [13, с. 27]. Кроме того, некоторые участники обсуждения приводили аргументы с критикой «пермского» варианта, считая, что пересечение Волги на территории Спасского и Тетюшинского уездов, т.е. ниже впадения Камы, практически невозможно, поскольку начиная от места впадения Камы правый берег Волги на расстоянии почти 30 верст идет очень круто, высота его над уровнем реки составляет порядка 50 сажень, а в некоторых местах и больше. Поэтому строительство моста здесь будет стоить вдвое дороже и технически гораздо сложнее [13, с. 27].

Для пересечения Камы обсуждались такие варианты как Пермь, Оса, Сарапул, Лайшев и другие пункты. В качестве преимуществ Перми в этом отношении выступающие члены РГО и приглашенные участники дискуссии (гости) отмечали ее расположение на прямой между Тюменью и Вяткой, что как раз было удобным для северного варианта маршрута Сибирской железной дороги. В этом месте Кама была не очень широкой. Кроме того, отмечалось, что напротив пермских пушечных заводов «находится большой остров, [...] удешевляющий сооружение моста, а недалеко впадает Чусовая, которая может служить удобной гаванью для судов, которые идут по Чусовой». К тому же около Перми находилось немало затонов, удобных для «зимовки пароходов» [13, с. 8].

Водным путем уделяли внимание и при обсуждении вопроса о том, должна ли Сибирская дорога проходить через Тюмень. Сторонники этого варианта говорили о важности соединения Обской и Камской водных систем. Этот выбор должен был, с их точки зрения, обеспечить оптимальную взаимосвязь железнодорожных и водных путей для транспортировки грузов, поскольку Тюмень являлась «самым северным пунктом, доступным для пароходства», и благодаря этому создается возможность сократить водные пути, подходящие к будущей железнодорожной магистрали. Противники же «tüменского» варианта подчеркивали, что «пароходное движение в Западной Сибири не играет такой большой роли в Сибири, как в Европейской России», поскольку основная масса населения Сибири проживает вдали от рек, и последние практически не используются для пассажирских перевозок. Кроме того, грузы, идущие по Обской и Иртышской системам «менее грузов, которые идут по Сибири зимой», в силу краткости периода навигации [13, с. 57 – 58, 66]. Известный российский экономист-статистик, награжденный в 1865 г. орденом Св. Владимира 3-й степени именно за труды по линии Русского географического общества, В.П. Безобразов акцентировал внимание на том, что продолжать дорогу дальше Тюмени будет сложно, потому что далее до Томска лежат «совершенно пустынные тундры». И в этом случае придется строить еще одну железнодорожную дорогу для соединения Обской системы и Енисейской [13, с. 75]. Сторонники выхода на Тюмень парировали оппонентам, предлагая вариант продолжения магистрали от Тюмени до деревни Артамоновой, и в дополнение к этому построить еще участок железной дороги от села Пустынного на Иртыше до Колывани на Оби. Однако этот смешанный вариант маршрута с коммерческой точки зрения сложно назвать состоятельным. Не случайно эти предложения встречали довольно жесткую критику и не были реализованы.

Дискуссия о возможных направлениях линии будущего Транссиба, состоявшаяся в РГО в конце января 1870 г., безусловно, не могла поставить точки в данном вопросе. Однако, уже в это время постепенно формируются основные возможные варианты маршрута железнодорожной магистрали с учетом, прежде всего, экономических интересов, финансовых возможностей и, в меньшей степени, технических сложностей. Причем, уже на данном этапе в числе наиболее обсуждаемых предложений присутствуют те, что были

позднее реализованы.

Императорское Русское техническое общество в 1889-1890-х гг. поднимало различные вопросы состояния и использования водных путей сибирского региона в ходе работы специальной Комиссии под председательством руководителя VIII железнодорожного отдела РТО А.Н. Горчакова, созданной 23 мая 1888 г. для обсуждения проблем, связанных с постройкой Сибирской железной дороги. В ее составе сформировали три подкомиссии: 1) о направлении железной дороги под председательством М.Н. Герсеванова, 2) о технических условиях строительства во главе с М.Н. Анненковым, 3) о проведении непосредственных разведывательных работ под председательством И.И. Стебницкого [14, с. 3]. Основная работа всех трех подкомиссий проводилась с конца марта по конец апреля 1889 г., после чего все результаты и сделанные заключения были переданы Комиссии. Последняя, однако, предоставила итоговые заключения в Совет РТО лишь спустя полтора года.

Причиной такой задержки стали продолжавшиеся в РТО дискуссии по ключевым вопросам сооружения магистрали. В частности, по-прежнему велись споры между сторонниками северного, южного и промежуточного направлений строительства. Маршруты первых двух существенно не были пересмотрены по сравнению с 1870-ми годами. Смешанный же вариант, предполагавший самую большую протяженность Сибирской железной дороги, предусматривал начало строительства от Златоуста на Челябинск, что совпадало с северным направлением, затем магистраль должна была разворачиваться на Троицк, Кустанай, Акмолинск, Семипалатинск, Бийск, Кузнецк (что совпадало с маршрутом южного направления), после чего в Нижнеудинске вновь выходила на северный маршрут. Однако, авторы проекта смешанного направления, не получили поддержки при обсуждении в Комиссии РТО и оказались единственными проголосовавшими за него [14, с. 7]. Лишь двое участников голосования, проходившего 3 ноября 1890 г., выступили в поддержку южного направления, остальные 24 члена Комиссии отдали голоса в поддержку северного направления [14, с. 6]. Таким образом, Комиссия выступила за немедленное начало строительства Сибирской железной дороги от Иркутска, далее по южному берегу Байкала до верховьев Амура. Одним из весомых аргументов в пользу северного маршрута, помимо экономических интересов как Европейской России, так и Сибири, стало то, что эта территория была лучше обследована. Выбор же южного варианта потребовал бы более длительных изысканий и дополнительного финансирования, что могло отодвинуть начало строительства на неопределенное время.

В ходе обсуждения вопроса о направлении магистрали было выработано единое мнение выступить с ходатайством к Правительству о необходимости провести «полное географическое исследование южного сибирского края», т.е. не ограничиваться изысканиями в целях железнодорожного строительства, а организовать топографические, геологические, климатические и другие исследования с привлечением нужных специалистов и при участии различных ведомств [14, с. 9]. Кроме того, было высказано предложение проводить изыскательные работы в Сибири по единой программе, которая бы объединяла усилия различных ведомств, что позволило бы сократить расходы и повысить результативность этих работ. Также члены Комиссии настаивали на необходимости публикации результатов этих обследований, чтобы сделать их доступными широким общественным кругам. В качестве примера успешной реализации программы комплексного обследования территорий участники Комиссии предлагали использовать американский опыт исследования местности с целью прокладки

железной дороги от Миссисипи до Тихого океана [\[14, с. 11\]](#). В ходе таких комплексных обследований сибирских территорий предлагалось собирать и информацию о реках Сибири.

В контексте обсуждения различных вопросов, связанных со строительством Сибирской железной дороги, в образованной в 1888 г. Комиссии (и подкомиссиях) РТО большое внимание уделялось водным транспортным путям, причем отмечалось, что их роль может быть различной. Во-первых, реки рассматривались лишь как пути для подвоза материалов и других грузов на этапе строительства магистрали. Во-вторых, они могли играть роль путей «питательных», обеспечивающих транспортировку грузов к железнодорожным станциям и от них в период эксплуатации железной дороги. В-третьих, поскольку поначалу рассматривалась возможность строительства магистрали «с перерывами и перевалками», то при реализации данного варианта реки включались в состав смешанного «водно-рельсового» сообщения. В-четвертых, большое внимание уделялось выбору пунктов, в которых Сибирская железная дорога должна была пересекать реки, т.е. выбирались места строительства переправ и мостов [\[15, с.1\]](#). Далее посмотрим, какие мнения высказывались по каждой из перечисленных четырех позиций, и какие решения вошли в итоговые заключения Комиссии.

В перечисленных выше подкомиссиях неоднократно поднимался вопрос о том, насколько серьезно следует рассматривать водные маршруты как альтернативный способ доставки местных грузов по территории Сибири в сравнении с проектируемой железной дорогой. В итоге единого мнения не сформировалось, но большинство допускали возникновение конкуренции между реками и железной дорогой лишь на отдельных участках пути. В целом сибирские реки «изливаясь в Ледовитый океан и в неприветливое Охотское море» были признаны неопасными для «поперечной им железной дороги» [\[15, с.1\]](#).

31 мая 1889 г. состоялось заседание членов РТО под председательством А.Н. Горчакова, полностью посвященное состоянию сибирских рек, в том числе в контексте предстоящего железнодорожного строительства. Основным докладчиком на этом собрании выступал инженер путей сообщения С.М. Житков, представивший имеющиеся сведения о сибирских реках и возможных способах улучшения судоходства по ним с учетом возможностей использования водных путей в ходе сооружения и эксплуатации будущей железной дороги. Основное внимание он уделил возможностям соединения сибирских рек между собой. Так, он акцентировал внимание на проекте Обь-Енисейского канала, строительство которого как раз происходило в то время. С.М. Житков подчеркивал важность Обь-Енисейского пути для доставки грузов (цемент, рельсы, подвижной состав) к Иркутску, особенно если будет принято решение начать строительство Сибирской железной дороги отдельными участками. Проект канала, соединяющего Обскую и Енисейскую речные системы, предполагал и улучшение условий судоходства по Ангаре, которую рассматривали как продолжение Обь-Енисейского пути. Поэтому конечными пунктами данного маршрута должны были в итоге стать Иркутск и Тюмень. В 1887 г. были начаты «изыскания для составления проекта улучшения реки Ангара в порожных частях» с целью осуществление нормального туерного пароходства по этой реке. С.М. Житков в ходе доклада акцентировал внимание на том, что «препятствия для судоходства по Ангаре заключаются не столько в быстринах и крутых переходах в порогах, которые легко можно преодолеть туером, сколько в легкости и узкости хода и в изобилии подводных камней, разбросанных по плесам» [\[16, с. 6\]](#). В связи с этим докладчик выступил с предложением, которое потом поддержала и часть присутствовавших на собрании, использовать для движения по Ангаре другой тип судов, в частности, «заменить большие, глубоко сидящие пароходы с сильными машинами

пароходами меньшей силы, но с возможно меньшою осадкою и корпусом» [\[16, с. 7\]](#). В результате Обь-Енисейский канал при условии улучшения условий судоходства по Ангаре «связал бы в одно непрерывное водное соединение путь от Иркутска до Петербурга» [\[16, с. 9\]](#).

Один из вопросов, которому уделял внимание С.М. Житков, касался необходимости соединения водным путем бассейнов Оби и Волги. Он был убежден, что это не снизит значение ни Уральской железной дороги, ни будущего Транссиба. Водный путь, с его точки зрения, будет иметь особенно большое значение для транспортировки на дальние расстояния леса, необходимого для производства шпал при железнодорожном строительстве. В качестве одной из задач С.М. Житков выдвигал идею присоединения к этой системе водных маршрутов р. Амур, что позволило бы выстроить «непрерывный водный путь» от Балтийского моря до Тихого океана. Для реализации этой задачи требовалось провести «рекогносцировки для определения мест соединения притоков р. Амур с другими реками Сибири». В завершение своего выступления С.М. Житков еще раз подчеркнул важность «благоустройства» водных путей Сибири именно с учетом будущего железнодорожного строительства, поскольку водные пути способны «расширить район действия магистрали», увеличить количество направляемых к ней грузов, а также обеспечат более удобный сбыт перевозимых товаров [\[16, с. 10 - 11\]](#).

В ходе обмена мнениями после завершения доклада С.М. Житкова участники собрания пришли к выводу о возможности благодаря строительству Обь-Енисейского канала установить водное сообщение от устья Оби и ее притоков до Иркутска и далее до Верхнеудинска. Второй вывод, сделанный в ходе этого заседания, заключался в отсутствии угрозы (низкой вероятности) заметной конкуренции между железной дорогой и реками при транспортировке местных грузов в случае параллельности этого водного пути и участка от Томска до Иркутска северного направления железной дороги.

Кроме того, в Комиссии обсуждались свойства рек к востоку от озера Байкал и возможность создания единого водного пути через всю Сибирь. Большинство согласилось с мнением о том, что состояние рек вполне позволяет реализовать это план, и Бюро Комиссии включило реки Шилку, Аргунь и Амур в смешанный водно-рельсовый путь сообщения. Однако на предварительном этапе необходимо было выяснить, насколько пригодны для судоходства реки Шилка и Аргунь, и какие меры необходимы для улучшения условий прохождения здесь судов с грузами. Причем, большую роль здесь играл вопрос о торговле с Китаем, в силу чего большинство склонялось в пользу Аргуни, хотя расходы на ее переустройство были, очевидно, выше.

По результатам работы III подкомиссии был составлен доклад Бюро комиссии «Об изысканиях и рекогносцировках». В одном из пунктов положений этого доклада говорилось, что в ходе изысканий с целью определения маршрута Сибирской железной дороги «собирались и сведения, необходимые в будущем для сооружения непрерывного водного пути через всю Сибирь». При этом отмечалось, что на тот момент почти нет точных сведений о сибирских реках, хотя они необходимы, во-первых, для подвозки материалов и грузов к железнодорожной магистрали, во-вторых, для строительства мостов или других способов пересечения этих рек. Авторы доклада признавали, что в большинстве случаев неизвестны «ни горизонты вод, ни условия ледоходов осеннего и весеннего, не говоря уже о сведениях относительно полного режима рек» [\[17, с. 2\]](#). Но поскольку для сбора достоверных сведений срок наблюдения должен быть довольно длительным, а строить железную дорогу нужно было как можно скорее, члены подкомиссии предложили, во избежание крупных технических ошибок (что

сопровождалось напрасно потраченными деньгами) строить пока временные сооружения, например, на больших реках на первых порах вместо мостов строить паромы. В данном случае участники Комиссии призывали к использованию американского опыта, где временные сооружения при пересечении рек были нередким явлением, и только по прошествии времени они заменялись постоянными. Применительно к строительству Транссиба возвведение таких временных паромных переправ считалось возможным при пересечении Иртыша, Оби, Енисея и других крупных рек.

Если на начальном этапе обсуждения маршрута Сибирской железной дороги мнение большинства склонялось в пользу строительства ее с перерывами (что означало создание водно-рельсового пути), то после неоднократных обсуждений в Комиссии и подкомиссиях РТО и правительственный кругах, по мере проведения новых исследовательских работ и получения более детальной информации, чаша весов склонилась в сторону строительства «непрерывной» железной дороги. Соответственно водные пути стали обсуждать как подвозные на этапе строительства и функционирования новой магистрали, предлагались варианты наиболее удобного стыкования речных и рельсовых маршрутов.

Обсуждение маршрутов будущей Транссибирской магистрали в российских научно-технических обществах в 1870-х - начале 1890-х гг. носило прикладной характер и было ориентировано на выработку практических рекомендаций в контексте поиска оптимальной схемы прокладки железнодорожной линии с учетом экономических, финансовых и технических возможностей, что должно было позволить завершить реализацию этого масштабного инфраструктурного проекта в максимально короткие сроки. В ходе дискуссий в РГО и РТО были предложены варианты направлений Сибирской железной дороги, места пересечения речных и других препятствий, оценены возможности использования сибирских рек для подвоза необходимых материалов в период строительства. Результаты этой работы оказали влияние на итоговый выбор маршрута Транссиба в 1890 - 1891 гг. Кроме того, были намечены основные направления дальнейших топографических, геологических, гидрологических и других исследований территории Сибири и Дальнего Востока, причем акцент делался на единую программу этих работ, в которую предлагалось включить различные государственные ведомства для повышения результативности экспедиций.

Библиография

1. Жданов Л. Великий Сибирский путь. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1905. – 32 с.
2. Создание Великого Сибирского пути: справочное издание / Под общ. ред. Ю.Л. Ильина. Т.1. СПб.: Евросиб, 2005. – 293 с.
3. Хобта А.В. Строительство Транссиба: очерки истории (конец XIX-начало XX вв.). Иркутск: ООО НПФ "Земля Иркутская", 2009. – 384 с.
4. Крейнис З.Л. Великий Транссиб. Трудные годы строительства (1891-1916). М.: Автограф, 2016. – 255 с.
5. Ламин В.А. Экономико-географические условия выбора генерального направления трассы Сибирской железной дороги // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С.51-60.
6. Тимошенко А.И. Транссиб и проекты железнодорожного строительства в Сибири (1891-1916 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С.71-74.
7. Лоскутов С.А. Великая магистраль на Восток: начало Транссиба // Вестник

- Челябинского университета. Серия10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003. № 1(2). С.158-169.
8. Скородумов И.В. Проблемы выбора пути Транссибирской магистрали // Природа. Техника. Общество. Культура. Курган, 2007. Вып.9. С.15-16.
 9. Тимошенко А.И. Дискуссия о строительстве транссибирской магистрали в 1840-1980-е гг. // Транссиб-99: Материалы региональной научно-практической конференции (Новосибирск, 24-25 июня 1999 г.). Новосибирск, 1999. С.548-551.
 10. Баталова Т.И. Исторический опыт разработки и реализации проектов железнодорожного строительства в Азиатской России в конце XIX-начале XX вв. // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур: Материалы V международной научно-практической конференции (Барнаул, 24 ноября 2005 г.). Барнаул, 2005. Вып.5. С.287-293.
 11. Митина М.Э. Императорское Русское географическое общество и вопросы железнодорожного строительства в 60-е-начале 80-х годов XIX в. // Известия Всесоюзного географического общества. Т.123. Вып.4. Л., 1991. С.360-364.
 12. Стенографический отчет заседаний Отделения статистики Императорского Русского географического общества по вопросу о направлении Урало-Сибирской железной дороги. СПб., 1870. – 89 с.
 13. Труды Комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о Сибирской железной дороге и вопросе о дальнейших изысканиях и исследованиях в Сибири. СПб., 1891. – 13 с.
 14. Доклад Бюро Комиссии о водяных путях Сибири // Труды Комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. 1890. № 29. С. 1 – 3.
 15. Стенографический отчет по докладу С.М. Житкова и беседе 31 Мая 1889 года о водных путях Сибири // Труды Комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. 1889. № 19. С. 1 – 17.
 16. Доклад Бюро Комиссии об изысканиях и рекогносцировках // Труды Комиссии Императорского Русского технического общества по вопросу о железной дороге через всю Сибирь. 1890. № 32. С. 1 – 14.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Ранний период истории Транссибирской магистрали, связанный с этапом многолетних обсуждений маршрута, источников финансирования, организации работ и непосредственно с сооружением этой железной дороги, по-прежнему привлекает внимание исследователей и широкой читательской аудитории. Несмотря на регулярно появляющиеся новые публикации по истории крупнейшего российского инфраструктурного проекта конца XIX в., остается немало сюжетов, освещенных лишь фрагментарно.

К числу таких сюжетов относится и рассмотрение подготовительного периода создания Сибирской железной дороги, когда в ходе активных дискуссий рождались проекты будущей магистрали. В силу этого тема статьи является актуальной. Автор ставит своей задачей рассмотреть и проанализировать ход и результаты обсуждений маршрута будущего Транссиба в среде представителей научного сообщества, специалистов-

практиков, занимавшихся непосредственно изучением Сибири, участников экспедиций. В центре внимания автора статьи находится работа двух Императорских научных обществ – Русского географического общества и Русского технического общества.

Научная новизна работы заключается в том, что автор рассматривает процесс формирования маршрута Сибирской железной дороги в контексте возможностей использования водных путей в процессе строительства, а также дискуссий о выборе мест пересечения рек, что требовало возведения мостов или переправ.

Структура работы характеризуется логичностью и последовательностью. В ней очевидно присутствует вводная часть с постановкой проблемы, сформулированными задачами и краткой характеристикой историографической ситуации по рассматриваемой теме. В основной части статьи последовательно рассматривается ход дискуссий 1870-х – начала 1890-х гг. в двух упомянутых научных обществах по проблемам возможного маршрута Транссибирской магистрали с учетом экономических, финансовых и технических аспектов. Начало этим обсуждениям было положено усилиями членов РГО еще в начале 1870 г., т. е. задолго до начала непосредственного строительства Транссиба. Но уже тогда предлагались возможные варианты мест пересечения крупных рек с характеристикой преимуществ и недостатков каждого из них. В РТО, где на рубеже 1880-х – 1890-х гг. для обсуждения связанных с постройкой Транссиба проблем была сформирована специальная Комиссия, основной акцент в ходе дискуссий ставился на возможных вариантах использования речных маршрутов в ходе строительства и эксплуатации дороги. В заключительной части статьи делается вывод о том, что дискуссии в РГО и РТО вокруг возможных направлений будущей Транссибирской магистрали имели практическое значение, поскольку, во-первых, сформулированные по их результату предложения были учтены при итоговом выборе маршрута этой железной дороги, а, во-вторых, в ходе этих обсуждений была предложена программа дальнейших исследований территории Сибири и Дальнего Востока.

В библиографическом списке присутствуют как обобщающие работы по истории Транссиба, так и статьи, посвященные именно раннему периоду обсуждений будущего строительства. Основной текст статьи и выводы опираются на источники, которые представлены стенографическими отчетами и другими материалами заседаний РГО и РТО.

Статья написана в научном стиле, при этом доступном для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, интересующейся историей дореволюционной России. Статья рекомендуется к публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Васильев М.А. — Организация и проведение воспитательно-патриотической работы с курсантами Иркутского пожарно - технического училища МВД СССР в 1970 гг. // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.38406 EDN: BTNARX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38406

Организация и проведение воспитательно-патриотической работы с курсантами Иркутского пожарно - технического училища МВД СССР в 1970 гг.

Васильев Михаил Александрович

старший преподаватель, кафедра специальной подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России

664074, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

✉ vip.medved1983@list.ru

[Статья из рубрики "Актуальный вопрос"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.38406

EDN:

BTNARX

Дата направления статьи в редакцию:

07-07-2022

Дата публикации:

17-01-2023

Аннотация: Предметом исследования научной статьи, являются особенности проведения воспитательно-патриотической работы с курсантами Иркутского пожарно-технического училища МВД СССР в 1970 гг. Даётся краткий анализ развития и трансформации данного вида воспитательной деятельности на примере работы структурных учебных подразделений пожарного училища. Указывается роль и перечень сотрудников командно-преподавательского состава осуществлявших воспитательно-патриотическую работу с курсантами в период деятельности учебного заведения. Методология исследования включает в себя конкретно-исторический подход (М.В. Астахов, И.Д. Ковальченко, В.Ф. Коломийцев, А.П. Пронштейн и Т.Д.), а также обобщение, сравнение, синтез, классификацию, конкретизацию; анализ архивных документов, законодательства и научной литературы; ретроспективный анализ; метод исторических аналогий. Новизна данной научной статьи заключается в том, что при проведении научного исследования выявлены и обобщены исторические источники,

архивные данные, подробно описывающие историю становления и развития воспитательно-патриотической работы в Иркутском пожарно-техническом училище МВД СССР. Проведённое исследование представляет интерес для широкого круга читателей, так как изучение воспитательно-патриотической, учебно-педагогической, структурно-организационной и служебной деятельности в учебных заведениях пожарной охраны МВД СССР является очень важной составляющей в изучении становления и развития ведомственного образования системы МВД СССР на территории Прибайкалья в 20 веке.

Ключевые слова:

пожарное образование, воспитательная работа, патриотическое воспитание, чрезвычайная ситуация, учебное заведение, подготовка специалистов, образовательная деятельность, исторический подход, пожарное сообщество, моральные качества

Образовательная деятельность Иркутского пожарно-технического училища осуществлялась в период с 1968 по 1993 гг. За годы своей активной деятельности из стен пожарного училища выпустилось – 4054 курсанта. Данные показатели в подготовке высококвалифицированных специалистов среднего командного уровня, а выпускник училища получал специальность техник пожарной охраны, что соответствовало среднеспециальному образовательному уровню имел глубокие теоретико-практические знания и навыки для осуществления профессиональной деятельности в практических органах^[5]. Высокий уровень подготовки курсантов достигался путём грамотно организованной как теоретической, так и практической подготовки.

В рамках осуществления данной подготовки на протяжения трёхлетнего периода обучения, автор данной научной работы хотел бы акцентировать внимание на основополагающем элементе данной деятельности как осуществление воспитательно-патриотической работы с курсантами.

В целом контексте изучения данной темы вызывают интерес научные работы М.Н. Агапитова, С.Н. Чашина, В.В. Черных, В.В. Синиченко^[1, 2, 3, 9, 10] – представителей научного сообщества Иркутской области, изучавших исторические аспекты становления и развития ведомственного образования правоохранительных органов и военных организаций на территории Сибирского региона в XIX-XX в.

Методология исследования включает в себя конкретно-исторический подход (М.В. Астахов, А.П. Пронштейн и т. д.) а также обобщение, сравнение, синтез, классификацию, конкретизацию; анализ архивных документов, законодательства и научной литературы; ретроспективный анализ; метод исторических аналогий.^[4, 8]

Основной целью данной научной статьи, является историческое обобщение практической деятельности сотрудников и курсантов Иркутского пожарно-технического училища, в вопросах воспитательно-патриотической работы организованной в период своей учебно-профессиональной деятельности.

В целом рассматривая деятельность подразделений пожарной охраны, вне зависимости от временного периода, стоит выделить очень важный фактор в данном виде профессиональной деятельности, а именно фактор риска. Риска для жизни и здоровья непосредственно пожарного. В данном случае проведение мероприятий по тушению пожара, ликвидации какой-либо чрезвычайной ситуации, спасение граждан всегда

связано с вышеуказанными факторами. Выполнение своих должностных обязанностей в условиях риска приравнивается в профессиональной среде пожарных, к участию в боевых действиях, где от уровня не только профессионально-технической но и морально-волевой подготовки зависит успех в выполнении поставленной служебно-боевой задачи. Учитывая вышеуказанный аспект, автор данной научной работы постарался на примере образовательной деятельности Иркутского пожарно-технического училища выделить и освятить именно элемент воспитательно-патриотической работы в подготовке курсантов с позиции исторической ретроспектизы.

Воспитание в духе патриотизма, верности присяги и долгу пожарного, являлось важной составной частью подготовки будущих специалистов пожарного дела. Данный элемент морально-нравственного воспитания сопровождал курсантов при проведении учебных занятий, научной деятельности, спортивной подготовки, в осуществлении общественной жизни училища, при проведении установленных ритуалов в училище, выполнении служебно-боевых задач по тушению пожаров и ликвидации чрезвычайных ситуаций и т.д.

Для более подробного рассмотрения данного элемента подготовки, стоит сказать, что впервые молодой человек выбравший путь пожарного и изъявивший желание учиться в Иркутском пожарно-техническом училище сталкивался с осуществлением в отношении него воспитательных мероприятий на этапе будущего профессионального ориентирования.

Важно отметить, что представители подразделений практических органов пожарной охраны в рамках набора кандидатов на обучение в специализированные учебные заведения пожарной охраны МВД СССР, проводили занятия по профессиональной ориентации среди учеников среднеобразовательных школ. Данные занятия носили ознакомительный характер, и по своей сути носили в том числе и воспитательный характер направленный на пробуждение интереса учеников школ к будущему освоению профессии пожарного.

Необходимо указать, что подобный элемент осуществления агитационно-просветительской деятельности воспитательного характера проводится и современный период специализированными образовательными организациями силовых ведомств Российской Федерации.

Для более детального рассмотрения данной проблематики по мнению автора необходимо обратится к историческим фактам в вопросах воспитательно-патриотического работы на примере курсантов поступивших в Иркутское пожарно-техническое училище в 1971 г.

В 1971 г., на поступление в Иркутское пожарно-техническое училище из комплектующих регионов Сибири и Дальнего Востока прибыло около 300 абитуриентов. После прохождения всех подготовительных процедур кадрового и медицинского характера, для проведения вступительных экзаменов абитуриенты были распределены на группы примерно по 25 человек и направлены на загородную базу училища расположенную возле посёлка Московщина под Иркутском [\[12, с. 106\]](#).

Начиная с данного вступительного этапа абитуриенты полностью погружались в обстановку военизированного коллектива с обязательным выполнением элементов распорядка дня подразделения. При этом с целью изучения профессиональной ориентации, проведения политico-воспитательной и разъяснительной работы за кандидатскими группами из числа командно-преподавательского состава были назначены следующие сотрудники:

1 группа – подполковник Соложеникин Б.А.; 2 группа – техник-лейтенант Деревсов М.А.; 3 группа – старший инженер – лейтенант Пономаренко М.П.; 4 группа – инженер – капитан Васильев В.А.; 5 группа – инженер – майор Коршков А.Н.; 6 группа – старший техник – лейтенант Самсонов А.П.; 7 группа – инженер – капитан Черепанов Ю.С.; 8 группа – инженер – капитан Байда Б.Ф.; 9 группа – инженер – майор Карпов В.А.; 10 группа – капитан Ильенков Н.А.; 11 группа – старший техник – лейтенант Тутурин Н.С. [\[12, с. 106\]](#).

При этом заместителю начальника училища по политической части инженер-подполковнику Зырянову С.С. предписывалось провести занятия с вышеуказанными сотрудниками с целью ориентирования их внимания при проведении воспитательных мероприятий с абитуриентами на соблюдение дисциплины, выявления личных качеств и профессиональное ориентирование поступающих, с доведением информации о специфике службы в подразделениях пожарной охраны. При этом кураторская деятельность командно-преподавательского состава сохранялась на всех курсах и за всеми учебными группами на протяжении всего периода обучения.

После прохождения вступительных испытаний в 1971 г. на обучение было зачислено 194 курсанта. После поступления и зачисления в иркутское пожарно-техническое училище курсанты первокурсники проходили этап первоначальной военной подготовки в условиях приближенным к полевым. Также на территории загородной базы. Поступившие были распределены на 6 учебных групп по 30 – 34 курсанта. Важно отметить, что элементы воспитательной работы изначально заложены в распорядок дня курсантов. Именно данный аспект, по мнению автора носит основополагающий элемент в воспитание курсантов, так как в данном случае поддержание дисциплины и выполнение пунктов распорядка дня по времени оптимизирует деятельность всего подразделения на всём периоде обучения [\[12, с. 124\]](#).

Одним из элементов в политико-воспитательной, патриотической работы с курсантами в 1971 г., было решение врио начальника Иркутского пожарно-технического училища полковника Дегтева И.А. об организации работы любительского духового оркестра училища. В состав духового оркестра вошли 19 курсантов со всех курсов обучения [\[12, с. 137\]](#).

Основной целью деятельности духового оркестра являлось улучшение строевой подготовленности и выправки личного состава училища, повышение культурного уровня, осуществление пропаганды и популяризации музыкального искусства, развитию художественной самодеятельности а также улучшению организации отдыха курсантов в свободное личное время. Важно отметить, что деятельность духового оркестра училища была важной составной частью проведения торжественных мероприятий и продолжало свою творческую деятельность до конца образовательной деятельности училища в 1993 г.

Следующим элементом в проведении воспитательной работы с курсантами в Иркутском пожарно-техническом училище, было создание и организация кружков художественной самодеятельности.

При этом важно отметить, что художественная самодеятельность являлась важной формой воспитательной работы среди курсантов. Она оказывала положительное влияние на повышение культурного уровня курсантов, укрепляла сознательное отношение к выполнению служебных обязанностей и дисциплину.

Организация кружков художественной самодеятельности в пожарном училище делилась на три основные секции. Это: - секция вокально-хорового исполнения, - танцевальная секция, - секция драматического и художественного слова. Как показала практика творческой деятельности данных кружков в стенах училища, данный воспитательный аспект оказывал плодотворное влияние на моральное состояние курсантов и сотрудников [\[12, с. 178\]](#).

Не менее важным в организации воспитательно-просветительской работы в пожарном училище, было проведение ежегодного смотра-конкурса на лучший учебный кабинет. Необходимо отметить, что данное мероприятие проводилось ежегодно вплоть до 1993 г.

Основной воспитательной задачей данного смотра-конкурса для личного состава училища было повышение учебно-методического уровня преподавания общественных, общетехнических, специальных и военных дисциплин, а также активизация познавательной деятельности курсантов на учебных занятиях и повышение их успеваемости [\[12, с. 184\]](#). К воспитательно-просветительским целям данного мероприятия относились:

- улучшение наглядности и повышение эстетического уровня учебных кабинетов;
- пополнение учебно-материальной базы кабинетов учебных циклов училища новыми демонстрационными материалами, действующими моделями, электрифицированными стендами, схемами, светопланами, диафильмами, магнитофонными записями докладов, консультаций, учебными фильмами;
- отработка методик использования технических средств обучения на занятиях, лекциях, семинарских и практических занятиях, в часы самостоятельной работы курсантов в учебных кабинетах.

По мнению автора данной научной статьи наиболее важными элементами в воспитательно-патриотической работе с курсантами носили два торжественных мероприятия. Первое это проведение ритуала приведения курсантов первокурсников к присяге, а второе это проведение торжественного ритуала выпуска молодых специалистов из училища.

В целом проведение ритуала присяги проводилось в Иркутском пожарно-техническом училище 24 раза с 1968 по 1992 гг., мероприятия по выпуску молодых специалистов 22 раза с 1971 по 1993 гг.

На примере деятельности пожарного училища в 1971 г., необходимо отметить что проведение первого мероприятия по выпуску молодых специалистов состоялось 30 июня 1971 г. Из стен Иркутского пожарно-технического училища впервые выпустились 152 лейтенанта пожарной охраны [\[12, с. 78\]](#). Выпуск проходил в торжественной обстановке на площади возле памятника В.И. Ленина в центре г. Иркутска. Данное мероприятие в целом носило огромный воспитательный характер для будущих выпускников. В организационном плане подготовка к данному торжественному мероприятию начинала проводиться за месяц до выпуска. По заведённой традиции первыми получали дипломы выпускники, закончившие обучение с отличием (красные дипломы), далее остальные. Также на данное мероприятие в обязательном порядке ежегодно приглашались руководитель региональных подразделений пожарной охраны от регионов комплектования. Приглашались представители партийных организаций Иркутской области и г. Иркутска, представители ветеранских организаций пожарной охраны, а

также ветераны Великой Отечественной Войны, для высказывания пожеланий к долгой и плодотворной службе. Наиболее запоминающимся элементом при проведении ритуала выпуска, являлось последнее торжественное прохождение строевым шагом под знаменем Иркутского пожарно-технического училища. Важно обратить внимание на некоторые элементы выполнения действий выпускников в торжественном строю. При подаче команды "счёт" первый раз строевая коробка принимала положение смирно в походно-строевом положении, после подачи второй команды "счёт" строевая коробка выпускников отвечала дружным "и всё", и подбрасывала вверх горсть монет. Этим элементом торжественного прохождения в строю, выпускники-пожарные подытоживали своё окончание обучения и переходили в разряд практических работников подразделений пожарной охраны. Ровно через месяц отпуска, всем выпускникам было необходимо прибывать в территориальные органы для прохождения службы. Важно отметить, что традиция и порядок проведения ритуала выпуска в Иркутское пожарно-техническое училище перешла из Свердловского пожарно-технического училища, вместе с сотрудниками командированными из данного учебного заведения в 1968 г.

Далее 5 декабря 1971 г., в стенах пожарного училища было проведено торжественное мероприятие по приведению курсантов первокурсников к воинской присяге. Особо необходимо уделить внимание на подготовительные занятия проводимые с курсантами непосредственно перед самим мероприятием. В организационном плане заместителю начальника училища по политической части инженеру-подполковнику Зырянову С.С. предписывалось:

- организовать работу по разъяснению курсантам первого курса значения Знамени подразделения, военной присяги, воинской дисциплины и почётной обязанности, которая возлагается на военнослужащих принявших военную присягу на верность своему народу, своей Родине и Советскому правительству, а также статей и положений Конституции СССР.
- предусмотреть на 5 декабря день Советской Конституции проведение торжественного собрания на базе клуба училища, встречу с ветеранами Великой Отечественной войны, а также просмотра торжественного концерта и кинофильмов на военно-патриотическую тематику [\[12, с. 187\]](#).

Проведение подобных и многих других воспитательно-патриотических мероприятий носило ежегодный системный характер в Иркутском пожарно-техническом училище. Важно отметить, что грамотно спланированная работа по воспитанию высоких морально-волевых качеств у курсантов училища, как показательны пример отобразилась в очень важном показателе в деятельности училища. А именно за годы учебной деятельности Иркутского пожарно-технического училища с 1968 по 1993 гг., 7 курсантов были награждены государственными наградами СССР, медалями «За отвагу на пожаре» [\[1, с. 93-94\]](#), [\[7, с. 71\]](#). В профессиональной пожарной среде, данная награда являлась особым отличительным знаком, как показатель профессионализма и мужественного поведения в ликвидации чрезвычайных ситуаций, представлявших опасность для жизни. (см. рис. 1, 2).

Рис. 1. Медаль «За отвагу на пожаре» - государственная награда СССР (лицевая сторона). Фото находится в свободном доступе в сети интернет.

Рис. 2. Медаль «За отвагу на пожаре» - государственная награда СССР (оборотная сторона). Фото находится в свободном доступе в сети интернет.

За годы учебной деятельности Иркутского пожарно-технического училища были подготовлены тысячи специалистов для пожарной охраны территорий всего Советского союза и в последующем – Российской Федерации [11, с. 28]. Традиции воспитания будущих офицеров, заложенные в далёкие годы становления пожарного училища, бережно передаются молодым курсантам и слушателям как основа преемственности между поколениями офицеров правоохранительных органов и в данный современный период развития Восточно-Сибирского института МВД России. Основными элементами в преемственности поколений на современном этапе, является деятельность музея Восточно-Сибирского института МВД России, с его уникальными экспонатами из истории создания и деятельности Иркутского пожарно-технического училища. Особый колорит вносит форменная одежда ветеранов Великой Отечественной Войны, работников училища с боевыми наградами. Также необходимо отметить деятельность ветеранской организации института, возглавляемой полковником полиции в отставке М.А. Ворожцовым, некогда прошедшим путь от курсанта Иркутского пожарно-технического училища до заместителя начальника Уральского юридического института МВД России. Также на патриотическое воспитание современного поколения курсантов, влияет общественная и преподавательская деятельность сотрудников института являющихся ветеранами боевых действий.

Библиография

1. Агапитов М.Н. ИПТУ 25 памятных лет. Иркутск. Изд-во: Оперативная типография «На Чехова», 2003. 129 с.
2. Агапитов М.Н. Конечная остановка, страницы истории (воспоминания). Иркутск. Изд-во: Оперативная типография «На Чехова», 2013. 39 с.
3. Агапитов М.Н., Чащин С.Н. Пожарное дело в истории освоения и развития Восточной Сибири (1661-1950). Иркутск. Изд-во: Оперативная типография «На Чехова», 2006. 504 с.
4. Астахов М.В. Основы системного понимания исторического процесса. Самара. Изд-во: Самарский государственный университет, 2009. 172 с.
5. Васильев М.А. Становление Иркутского пожарно-технического училища МВД СССР: историко-педагогическая ретроспектива // Современное образование. Москва. Изд-во: «Нота Бене» 2020. – № 1. – С. 1-7.
6. Деревсов М.А. Памятное и пламенное: к 30-летию Иркутского пожарно-технического училища и к 5-летию Иркутской высшей школы // Вестник Иркутской высшей школы МВД России.-№ 4. Иркутск: Изд-во: «ВСИ МВД России», 1998.С. 5-8.
7. Колесников Г. А., Рожков А. М. Ордена и медали СССР. Москва. Воен.Изд-во., 1986. 127 с.
8. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов. Изд-во:

- Ростовского университета, 1971. 468 с.
9. Черных В.В. История пожарного дела Иркутской области (1800-1990-е гг.). Иркутск. Изд-во: «ВСИ МВД России», 1998. 223 с.
10. Черных В.В., Чернов А.В., Синиченко В.В. История противопожарного страхования в России 1827-1920 гг. (на материалах Восточной Сибири). Иркутск. Изд-во: Глазковская типография, 2007. 235 с.
11. Чернов А.В. История подготовки кадров пожарной охраны Сибири и Дальнего Востока. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, юбилейный выпуск (1993-2008). Иркутск. Изд-во: «ВСИ МВД России», 2008. С. 22-30.
12. Архив Восточно-Сибирского института МВД России. Фонд 484, 1971.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История России богата своим героическим прошлым, которое, однако, на разных этапах отечественной истории пытались тем или иным образом подвергнуть пересмотру. Далеко не случайно в этом плане создание в 2009 г. Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, председатель которой – С.Е. Нарышкин – справедливо заметил: «Сейчас фальсифицированная история проникает во многие кабинеты руководителей партийных групп и даже руководителей соседних государств, которые пытаются вместо налаживания нормального политического диалога с Россией, организации взаимовыгодного сотрудничества, предъявить России всевозможные претензии территориальные, политические, материальные претензии». Но помимо научной борьбы с фальсификацией истории нашей страны крайне важным является воспитательная работа в школах, техникумах, высших учебных заведениях, к которой, к счастью, на наш взгляд, вновь постепенно обращается внимание как общества, так и государства. В этой связи является важным изучение исторического опыта воспитательно-патриотической работы в советский период.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются организация и проведение воспитательно-патриотической работы с курсантами Иркутского пожарно -технического училища МВД СССР в 1970-е гг. Автор ставит своими задачами показать специфику просветительских мероприятий в данном учебном заведении, проанализировать процесс воспитательно-патриотической работы на примере курсантов, поступивших в Иркутское пожарно-техническое училище в 1971 г., а также рассмотреть ритуал присяги и ритуал выпуска.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи определяется самой постановкой темы: автор стремится охарактеризовать воспитательно-патриотическую работу с курсантами в Иркутском пожарно-техническом училище. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя 12 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена опубликованными материалами (воспоминания) и архивными документами из фондов Восточно-Сибирского института МВД России. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды М.А.

Васильева и В.В. Черных, в центре внимания которых различные аспекты работы пожарного дела Иркутской области. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В известной мере использование литературы способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как патриотической и воспитательной работой, в целом, так и ее историей, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что в Иркутском пожарно-техническом училище «высокий уровень подготовки курсантов достигался путем грамотно организованной как теоретической, так и практической подготовки». Говоря о воспитательной работе, автор обращается к работе духового оркестра училища, целью которого «являлось улучшение строевой подготовленности и выправки личного состава училища, повышение культурного уровня, осуществление пропаганды и популяризации музыкального искусства» и т.д. В рецензируемой статье делается вывод, что «художественная самодеятельность являлась важной формой воспитательной работы среди курсантов». Отдельно автор говорит о таких важных ритуалах, как присяга и выпуск.

Главным выводом статьи является то, что «традиции воспитания будущих офицеров, заложенные в далёкие годы становления пожарного училища, бережно передаются молодым курсантам и слушателям как основа преемственности между поколениями офицеров правоохранительных органов и в данный современный период развития Восточно-Сибирского института МВД России».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, снабжена иллюстрацией, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках повышения воспитательной и просветительской работы.

В то же время к статье есть замечания:

- 1) Необходимо вычитать текст, в котором имеется много несогласованностей и пунктуационных ошибок (например, у автора значится: «Воспитание в духе патриотизма, верности присяги и долгу пожарного, осуществлялось в стенах Иркутского пожарно-технического училища в несколько этапов и сопровождал курсанта на всем периоде трёхлетнего обучения»).
- 2) Следует более подробнее описать торжественные ритуалы присяги и выпуска курсантов Иркутского пожарно-технического училища.
- 3) Обратившись к сравнительному методу, желательно рассмотреть опыт и других учебных заведений по данному вопросу.
- 4) Из текста собственно статьи следует удалить сноску.
- 5) Можно было бы сказать о современных традициях воспитательной и просветительской работы в преемнике училища.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Замечания главного редактора от 12.07.2022: " Автор в полной мере учел замечания рецензентов и исправил статью. Доработанная статья рекомендуется к публикации"

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Третьяков А.Д. — Деятельность аналитического центра «Проект за новый американский век» в контексте внешней политики США (1997-2006) // Исторический журнал: научные исследования. — 2023. — № 1. — С. 37 - 49. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39619 EDN: AVBDJQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39619

Деятельность аналитического центра «Проект за новый американский век» в контексте внешней политики США (1997-2006)

Третьяков Артемий Дмитриевич

аспирант, кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

121552, Россия, г. Москва, ул. Колмогорова, 1

✉ tretyakov.10501@gmail.com

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39619

EDN:

AVBDJQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-01-2023

Дата публикации:

21-01-2023

Аннотация: Аналитический центр «Проект за новый американский век» (PNAC) – одна из самых известных и одиозных организаций, считающаяся рупором неоконсервативного движения и идеологической опорой администрации 43-го президента США Дж. Буша-младшего. «Проект» был сформирован публицистами - У. Кристолом и Р. Каганом в 1997 году и транслировал взгляды американской неоконсервативной элиты. Среди участников "Проекта" значились представители американского политического истеблишмента: бывший вице-президент Д. Куэйл, бывший министр обороны Д. Чейни, бывший министр обороны Д. Рамсфельд, бывший заместитель министра обороны П. Вулфовиц. Тем не менее, ряд исследователей ставит вопрос о реальных взаимоотношениях PNAC с администрацией Дж. Буша-мл, масштабах его влияния и причинах распуска мозгового центра в 2006 году. В статье рассматривается деятельность «Проекта за новый американский век», проводится анализ документов аналитического центра, находящихся в открытом доступе с целью выявления позиций PNAC по основным вопросам внешней политики США в период президентства Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Делается

вывод о том, что в рамках «Проекта» были осмыслены и сформулированы большинство внешнеполитических инициатив, реализованных Вашингтоном в первой половине 2000-х годов ХХI века, в частности интервенция в Афганистан, смена режима в Ираке, давление на Сирию, четвёртое расширение НАТО, выход из Договора о противоракетной обороне.

Ключевые слова:

США, Аналитический центр, Гегемония, Неоконсерватизм, НАТО, Джордж Буш младший, Ирак, Договор о ПРО, Афганистан, Американская исключительность

Аналитический центр «Проект за новый американский век» (PNAC) – одна из самых известных и одиозных организаций, считающаяся рупором неоконсервативного движения и идеологической опорой администрации 43-го президента США Дж. Буша-младшего. В рамках «Проекта» были осмыслены и сформулированы большинство внешнеполитических инициатив, реализованных Вашингтоном в первой половине 2000-х гг. ХХI века. Тем не менее, ряд исследователей ставит вопрос о реальных взаимоотношениях PNAC с администрацией Дж. Буша-мл.^[1]. В рамках данной работы был проведён анализ доступных в электронном виде документов организации в контексте внешней политики США, выявлена реакция членов PNAC на практические шаги американского руководства.

«Проект за новый американский век» создавался в среде неоконсерваторов второго поколения, к которым традиционно относят У. Кристола, Р. Кагана, М. Бута, Р. Перла З. Хализада, П. Вулфовича и др.^[2]. Второе поколение выступало за «нео-рейгановскую» внешнюю политику, целью которой должна была стать «доброжелательная гегемония» или Pax Americana^{[3][4]}. В конце 1990-х годов основные внешнеполитические идеи будущей организации о необходимости смены режимов и доминировании США на Ближнем востоке уже были сформулированы в таких документах как «Доктрина Вулфовича»^[5] и «Чистый прорыв: Новая стратегия для защиты государства» (A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm // Режим доступа: http://dougfeith.com/docs/Clean_Break.pdf). Заложенные в них идеи не воплотились в жизнь в 1990-е годы, однако получили большую поддержку со стороны неоконсервативных публицистов^[6].

В 1997 г. У. Кристол и Р. Каган опубликовали знаковую статью «К нео-рейгановской внешней политике», окончательно определившую принципы неоконсерватизма второго поколения. Основной мотив работы – вызов общественным настроениям, игнорирующим внешнюю политику и опасающимся любой экспансии по аналогии с 1970-ми гг. и неудачной Вьетнамской войной. Кристол и Каган выступают против консервативного изоляционизма П. Бьюкенена^[7] и невнимания к внешнеполитическим проблемам республиканского кандидата 1996 г. Р. Доула, провозглашая необходимость поддержания гегемонии США путём активных действий за рубежом. В статье была чётко выражена идея американского глобального доминирования, ставшая основной концепцией «Проекта за новый американский век»: «Консерваторы в наши дни легко поддаются очаровательной старой метафоре Соединенных Штатов как «города на холме»... То, что могло быть мудрым советом в 1823 г., когда Америка была маленькой, изолированной страной в мире европейских гигантов, уже не так актуально, когда гигантом является сама Америка. Поскольку США обладают способностью сдерживать

или уничтожать мировых злодеев, большинство из которых можно обнаружить без долгих поисков, и поскольку ответственность за мир и безопасность международного порядка так тяжело лежит на плечах Америки, политика сидения на вершине холма и демонстрации примера становится на практике политикой трусости и бесчестия» (Kagan R. Kristol W. Toward a Neo-Reaganite Foreign Policy // Foreign Affairs. 1996. July/August - C. 18-32).

Согласно исследователю неоконсерватизма М. Райан «Проект за новый американский век» начал формироваться весной 1997 г. и был относительно небольшой организацией, однако связи Р. Кагана и У. Кристола позволили привлечь к работе влиятельных представителей внешнеполитической элиты США^[8]. Американский политолог С. Элден также утверждает, что при формировании «Проекта за новый американский век» основным ресурсом была именно «неоконсервативная сеть» (круг единомышленников, обладающий влиянием в различных американских политических институтах), а финансам и кадрам уделялось второстепенное значение^[9]. Работа проекта велась по пяти направлениям: Национальная безопасность США, НАТО в Европе, Ирак и Ближний восток, Восточная Азия и Балканская политика. Председателем новой организации стал У. Кристол, а Р. Каган был назначен соучредителем.

3 июня 1997 г. был выпущен первый документ новой организации – Декларация принципов «Проекта за новый американский век». Во многом повторяя тезисы статей Кристола и Кагана, декларация выдвигает основные принципы: увеличение расходов на оборону, укрепление связей с союзниками США, противостояние недемократическим режимам, расширение международного порядка, обеспечивающего безопасность США. Среди 25 подписавших декларации были представители американского политического истеблишмента: бывший вице-президент Д. Кузайл, бывший министр обороны Д. Чейни, бывший министр обороны Д. Рамсфельд, бывший заместитель министра обороны П. Вулфович, сенатор Г. Бауэр, губернатор Флориды Д. Буш. В качестве представителей оборонной промышленности и крупного бизнеса необходимо отметить предпринимателей С. Форбса и В. Вебера. Большую часть подписавших составили неоконсервативные публицисты и учёные – Ф. Фукуяма, З. Хализад, Г.С. Роэн, Н. Подгорец, Ф. Гафни (Statement of principles // Режим доступа: <https://webarchive.loc.gov/all/20050713181416/http://www.newamericancentury.org/stateme>).).

В качестве аналитического центра «Проект за новый американский век» не выпускал большого количества открытых аналитических материалов. В публичный доступ в основном выкладывались короткие меморандумы и открытые письма, демонстрирующие позиции неоконсерваторов по основным вопросам, стоящим на повестке проекта. Первым таким документом, опубликованным 26 января 1998 г. стало «Открытое письмо президенту Клинтону», посвящённое проблеме Ирака. Основной мотив письма – невозможность дальнейшего сдерживания режима Саддама Хусейна от производства оружия массового уничтожения путём инспекций ООН. Подписанты призвали администрацию Клинтона реагировать дипломатическим и военным путём, не дожидаясь единодушного одобрения в Совете безопасности ООН. К письму присоединились видные неоконсерваторы Р. Перл и Дж. Болтон (Open letter to the President Clinton // Режим доступа:<https://webarchive.loc.gov/all/20050713182305/http://www.newamericancentury.org/>

Уже 29 мая 1998 г. выходит новое открытое письмо, адресованное Т. Лотту, лидеру большинства в Сенате и Н. Гингричу, спикеру палаты представителей. Заявляя об отказе администрации Б. Клинтона от политики сдерживания, подписанты призывали лидеров

конгресса повлиять на внешнеполитическую линию США, создать и поддержать проамериканское временное правительство Ирака и быть готовыми к использованию военной силы. 31 октября 1998 г. Б. Клинтон под давлением конгресса подписал «Закон об освобождении Ирака», декларировавший необходимость смены политического режима в стране и поддержки оппозиции Саддаму Хусейну. 16 декабря президент санкционировал операцию «Лис пустыни» крупную четырехдневную кампанию бомбардировок иракских объектов. 7 января 1999 г. «Проект за новый американский век» выпустил меморандум, в котором критиковал операцию «Лис пустыни» как неэффективную. Докладная записка ставила под сомнение жизнеспособность иракской демократической оппозиции, которую США поддерживали посредством «Закона об освобождении Ирака», и называла любую политику сдерживания - иллюзией (Letter to Gingrich and Lott on Iraq // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030212225110/http://www.newamericancentury.org/iraqjan079>

«Проект за новый американский век» активно выступал за четвёртое расширение НАТО в период рассмотрения заявок Польши, Венгрии и Чехии. В поддержку этого процесса PNAC выпустил четыре меморандума. Эти документы максимально открыто и прямо выражают позицию неоконсервативной элиты США по одному из самых неоднозначных и спорных внешнеполитических решений конца XX века. В манифесте 8 октября 1997 г. «Почему расширение НАТО отвечает стратегическим интересам США» сказано: «Как показывает опыт двух мировых войн и одной Холодной войны, США жизненно заинтересованы в сдерживании, и, в случае необходимости, разгроме любого государства, которое угрожает их доминированию на этом континенте (Европе – прим.)... Поставив Польшу, Венгрию и Чехию под зонтик безопасности НАТО сегодня, альянс может удержать любую растущую державу от стремления к этой цели в будущем... Альтернатива - оставить государства Центральной и Восточной Европы на геополитически ничейной земле, заставив их маневрировать вокруг неизбежно мощного притяжения объединенной Германии и потенциально возрождающейся России.» (Why NATO's Enlargement is in America's Strategic Interest // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030222053012/http://www.newamericancentury.org/natooc08>) В рамках других меморандумов за авторством Г. Шмитта утверждается, что хотя Россия не представляет угрозы в свете Первой чеченской войны и разобщённости российского общества на фоне военных действий, присутствие НАТО в Восточной Европе должно навсегда ликвидировать в России настроения «советского реваншизма» (Russia and NATO Enlargement // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030222052718/http://www.newamericancentury.org/natonov13>

20 сентября 1998 г. «Проект за новый американский век» предал гласности открытое письмо Б. Клинтону с заголовком «Милошевич является проблемой», где призвал к смене режима, осуждению С. Милошевича как военного преступника и возлагал на Сербию всю вину за гуманитарный кризис в Косово (Mr. President Milosevic is the problem // Режим доступа: https://webarchive.loc.gov/all/20050713182045/http://www.newamericancentury.org/balkans_

С 1997 по 1999 гг. «Проект» активно занимался вопросами оборонной политики и публиковал меморандумы с **критикой** военного руководства США за предоставление доступа иностранным лабораториям к американским суперкомпьютерам и за недостаточное увеличение оборонного бюджета. Ряд исследователей указывает на участие «Проекта за новый американский век» в работе «Комиссии Рамсфелда», задачей которой была оценка потенциала обороны США от ракетных ударов^[10]. Д. Рамсфелду, одному из активных сторонников PNAC, оказывалась публичная информационная

поддержка в критике оборонной стратегии Б. Клинтона (The Rumsfeld Commission and Ballistic Missile Defense // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030707152315/http://newamericancentury.org/defjul1698.htm>)

В июле 1998 г. был опубликован доклад комиссии, основные выводы которого гласили, что Иран и Северная Корея могут развить способность нанести удар по Соединенным Штатам в течение пяти лет с момента принятия решения об этом, а также, что оборонная система Соединенных Штатов сокращает время предупреждения о развертывании вражеских ракетных систем и в будущем такое предупреждение может стать в принципе невозможным (The Rumsfeld commission report // Режим доступа: https://irp.fas.org/congress/1998_cr/s980731-rumsfeld.htm). Принятый Конгрессом «Закон о противоракетной обороне» 1999 г. предписывал Соединенным Штатам развернуть, как можно скорее, систему противоракетной обороны, которая может защитить родину от ограниченного применения баллистических ракет — случайного, несанкционированного или преднамеренного (H.R.4 - National Missile Defense Act of 1999 // Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/4>).

Однако самой популярной темой для «Проекта» в период с 1997 по 1999 гг. стала проблема Китая. За три года было опубликовано 38 меморандумов и открытых писем по вопросам американо-китайских отношений. Основным мотивом этих документов был тезис о растущей угрозе американской гегемонии со стороны Китая и необходимости сплочения союзников США в Азиатско-тихоокеанском регионе. Наиболее знаковым стало открытое письмо от 20 августа 1999 г. «Заявление об обороне Тайваня», составленное совместно с «Фондом Наследие». В нём указывалось, что усилия администрации Б. Клинтона оказать давление на Тайбэй, для принятия концепции Пекина о «Едином Китае» опасны и прямо противоречат американским стратегическим интересам и демократическим идеалам. (East Asia 1999 // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030629144512/http://newamericancentury.org/eastasia1999.i>) На основе идей «Проекта» был разработан и принят в палате представителей 1 февраля 2000 года «Закон об усилении безопасности Тайваня», в рамках которого предполагалось увеличение военной поддержки Тайваня со стороны США (H.R.1838 - Taiwan Security Enhancement Act // Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/1838>). Б. Клинтон не подписал данный законопроект, что вызвало волну критики со стороны PNAC.

Политическая линия Б. Клинтона, изначально ориентированная на внутренние дела и свободную торговлю, изменилась в период второго президентского срока [11]. Можно заключить, что уже в период с 1997 по 1999 гг., «Проект за новый американский век» оказывал существенное влияние на внешнюю политику США посредством активности неоконсервативной сети, рупором которой он являлся.

В сентябре 2000 г., в период президентских выборов в США, «Проект» выпускает один из самых известных своих докладов «Восстановление обороноспособности Америки: стратегия, силы и ресурсы для нового столетия». В документе подробно резюмируются все внешнеполитические идеи PNAC. «Приведя Запад к победе в Холодной войне, Америка сталкивается с возможностью и вызовом: есть ли у Соединенных Штатов видение будущего для развития достижения прошлых десятилетий? Есть ли у Соединенных Штатов решимость сформировать новую эпоху, благоприятную для американских принципов и интересов? ...То, что нам нужно, это вооруженные силы, которые сильны и готовы противостоять как нынешним, так и будущим вызовам; внешняя политика, которая смело и целенаправленно продвигает американские принципы за

рубежом; и национальное руководство, которое принимает глобальные обязанности Соединенных Штатов» (Rebuilding Americas Defenses // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030625224429/http://newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf>)

В докладе указано что США должны сохранить достаточные вооружённые силы, для быстрого развёртывания военных действий и победы в нескольких одновременных крупномасштабных войнах. От Пентагона также требуется готовность к военно-полицейским операциям. Такие операции, по мнению составителей документа, должны стать прерогативой США, а не Организации Объединенных Наций, о чём свидетельствует провал миссии ООН на Балканах и относительный успех операций НАТО там: «Соединенные Штаты также не могут занять позицию нейтралитета, подобную ООН. Превосходство США настолько велико, а их глобальные интересы настолько широки, что они не могут притворяться равнодушными к политическим кризисам на Балканах, в Персидском заливе или даже в Африке». Постулируется необходимость более масштабного военного присутствия США на Ближнем востоке и в Юго-восточной Азии.

Перенос внимания США из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион должен быть обеспечен дальнейшим расширением НАТО с включением прибалтийских стран: «Фокус американской стратегии безопасности на предстоящее столетие, вероятно, переместится в Восточную Азию. Это отражает успех американской стратегии в XX веке и, в частности, успех альянса НАТО во время Холодной войны, который создал то, что кажется в целом стабильным и прочным миром в Европе». Впервые формулируется концепция «Оси зла»: «Нынешний американский век будет недолгим, если Соединенные Штаты станут уязвимыми для стран-изгоев с небольшими недорогими арсеналами баллистических ракет и ядерных боеголовок, а также другого оружия массового уничтожения. Мы не можем позволить Северной Корее, Ирану, Ираку или подобным государствам подрывать американское лидерство, запугивать американских союзников или угрожать самому американскому государству». Ещё раз повторяется приверженность PNAC идеи смены режимов: «Американское военное превосходство будет по-прежнему в значительной степени зависеть от способности поддерживать достаточные сухопутные силы для достижения политических целей, таких как устранение опасного и враждебного политического режима».

Ещё одна идея, изложенная в документе, которая будет впоследствии реализована администрацией Дж. Буша-мл. – выход из Договора о противоракетной обороне 1972 г. Также в докладе предлагались многочисленные военные реформы, обеспечение превосходства США в космосе, киберпространстве, ядерной сфере, расширение системы военно-морских баз и т.д. Многие идеи впоследствии найдут воплощение в Стратегии национальной безопасности 2002 г. В целом этот документ сформулировал положения внешней политики США на ближайшие 8 лет.

Однако на момент президентских выборов 2000 г. Дж. Буш-младший не выглядел идеальной кандидатурой для участников «Проекта за новый американский век». В 2003 г. У. Кристол заявлял о том, что он и другие участники PNAC не возлагали особых надежд на Буша, «как кандидата со слабой внешней политикой». На праймериз большинство неоконсерваторов поддерживали гораздо более радикального сенатора Дж. Маккейна. Беспокойство вызывало участие в команде будущего президента декана Стэнфордского университета К. Райс, которую Кристол считал «осторожным реалистом».

Тем не менее в администрацию Буша после президентских выборов вошли такие сторонники PNAC как вице-президент Д. Чейни, министр обороны Д. Рамсфелд; заместитель министра обороны П. Вулфович; член Совета национальной безопасности Э.

Абрамс; заместитель министра по контролю над вооружениями и международной безопасности Дж. Болтон; бывший председатель Совета по оборонной политике Р. Перл, специальный помощник президента США З. Хализад. Также членом PNAC являлся губернатор Флориды Д. Буш. Такая концентрация неоконсерваторов не могла не оказать решающее влияние на нового президента, практически не имеющего опыта во внешней политике. Уже в конце предвыборной гонки PNAC приветствует слова будущего президента, а тогда ещё губернатора Буша: «Россия никогда не должна иметь права вето на расширение НАТО», а также предостерегают от инициативы К. Райс о выводе американских войск с Балкан (PNAC memorandum // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030222052152/http://www.newamericancentury.org/natonov01>

8 марта 2001 г. Р. М. Герехт, сотрудник PNAC и бывший специалист по Ближнему Востоку в ЦРУ, публикует меморандум «Выбор стороны в Афганистане», призывая к вторжению в эту страну и уничтожении О. Бен-Ладена со словами: «Играйте в realpolitik по старинке». В меморандуме упоминается подрыв американского эсминца «Cole» и разрушение Бамианских статуй Будды в качестве агрессивных действий движения Талибан. 6 июля публикуется меморандум с призывом к президенту Дж. Бушу-младшему и Д. Рамсфельду не отходить от своей программы и реализовать наземную операцию в Ираке. После событий 11 сентября 2001 г. «Проект» публикует «Открытое письмо президенту Дж. Бушу от 20 сентября 2001 г.», в котором заявляется: «Даже если доказательства не связывают Ирак непосредственно с нападением, любая стратегия, направленная на искоренение терроризма и его спонсоров, должна включать решительные усилия по отстранению Саддама Хусейна от власти в Ираке. Неспособность предпринять такие усилия будет представлять скорейшую и полную капитуляцию в войне с международным терроризмом» (PNAC memorandum // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030620155545/http://www.newamericancentury.org/defense-iraq-070601.htm>).

13 декабря 2001 г., после выхода США из Договора о противоракетной обороне 1972 г. [12], публикуется меморандум с поддержкой этого политического шага и ответом критикам выхода – сенаторам Т. Дашу и Дж. Байдену. Указывая на осторожную реакцию России, автор меморандума ссылается на выводы «Комиссии Рамсфелда» 1998 г. и заявляет: «В отсутствие эффективной противоракетной обороны внутри страны и за рубежом возрастет неопределенность в отношении готовности Америки действовать перед лицом противников, вооружённого баллистическими ракетами и оружием массового уничтожения. Противоракетная оборона фактически укрепит наши альянсы, которые, в основе своей, зависят от военного доминирования США» (PNAC memorandum // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030710052915/http://newamericancentury.org/abm-121301.htm>).

В своём обращении к конгрессу 29 января 2002 г. президент Дж. Буш публично формулирует концепцию «Оси зла», изложенную ранее в докладе PNAC «Восстановление обороноспособности Америки». Руководство PNAC отреагировало на речь Дж. Буша об «Оси зла» [13] меморандумом, в котором подводило итог внешней политике Б. Клинтона: «Администрация Клинтона приняла интернационализм риторически, но была робкой, нерешительной и наивной в его исполнении. Временами она слишком доверяла международным институтам и режимам контроля над вооружениями в качестве замены американского лидерства. За некоторыми исключениями, такими как расширение НАТО и прекращение геноцида на Балканах, ей часто не удавалось развернуть американскую мощь от имени провозглашенных ею интернационалистических принципов. Несмотря на

все свои политические успехи в 1990-х годах, Демократическая партия оставалась преследуемой и призраками Вьетнама» (Commit for the Long Run // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030402040504/http://www.newamericancentury.org/kagan-012902.htm>).

В документе также указано на необходимость не останавливаться на ликвидации террористов, виновных в атаках 11 сентября 2001 г.: «Когда Усама бен Ладен будет в могиле, у нас все равно будет долг перед самими собой и перед миром использовать нашу силу для распространения демократических принципов, сдерживания и уничтожения противников нашей цивилизации. Это не крестовый поход. Это внешняя политика просвещенного эгоизма. Так же, как Корейская война, Перл-Харбор и потопление «Лузитании» научили нас, что мы не можем отгородить себя от мировых проблем, 11 сентября должно побудить нас начать новую эру американского интернационализма. Давайте не будем упускать эту возможность».

Идеи «Проекта за новый американский век» легли в основу «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г. В этом государственном документе отражена идея «превентивной» войны против конкурентов американской «благожелательной гегемонии». Скептически оценён потенциал международных договоров и организаций. Заявлена необходимость расширения системы военно-морских баз с приоритетом для Азиатско-Тихоокеанского региона. Подобную реализацию своих идей PNAC встретил меморандумом под названием «Доктрина Буша», в рамках которого выделены три составляющие этой доктрины: Активное американское глобальное лидерство, концепция смены режимов и продвижение либерально-демократических принципов (The Bush Doctrine // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030618015854/http://newamericancentury.org/bushdoctrine-013002.htm>).

Авторы меморандума отмечали: «Доктрина Буша примечательна и тем, чем она не является. Это не клиントоновская многосторонность; президент не обращался к ООН, не исповедовал веру в контроль над вооружениями и не возлагал надежд на какой-либо «мирный процесс». И это не реализм баланса сил, который предпочитал его отец. Это, скорее, подтверждение того, что прочный мир и безопасность должны быть завоеваны и сохранены путем утверждения как военной мощи США, так и американских политических принципов». В открытом письме от 23 января 2003 г. по поводу принятия новой Стратегии национальной безопасности сотрудники PNAC предлагали существенное увеличение военного бюджета ввиду предстоящей необходимой Иракской кампании: «Американская сила - ключ к построению нового мира, который мы себе представляли. Победа над талибами в Афганистане стала важным первым шагом в стабилизации этой хаотичной страны и уничтожении террористической сети «Аль-Каиды». Международное сообщество и подавляющая военная коалиция теперь готовы положить конец угрозе режима Саддама Хусейна в Ираке» (Open letter to the President George W. Bush // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20030629225317/http://newamericancentury.org/Bushletter-012303.htm>).

В этот период начинают появляться многочисленные критические материалы о PNAC, обвинявшие его в полном подчинении администрации Дж. Буша. Ответить на них должен был меморандум Д. Кагана от 6 октября 2002 г. «Реакция на «Реальную цель Буша в Ираке». В рамках меморандума Каган отвечает на статью Дж. Букмана «Реальная цель президента в Ираке»: «В статье в прошлое воскресенье было сделано замечательное открытие: доклад под названием «Восстановление обороны Америки», написанный для

Проекта для нового американского века, «похоже, стал планом внешней и оборонной политики Буша». Я был сопредседателем этих усилий, и мне жаль, что я не знал в сентябре 2000 г., когда был опубликован доклад, что наша работа будет настолько влиятельной, потому что до сих пор я понятия не имел, что она вообще имела какой-либо эффект... Я считаю, что события, произошедшие с тех пор, в полной мере оправдали озабоченность, выраженную нами в нашем докладе, и сделали необходимость выполнения наших рекомендаций более насущной, чем когда-либо. Я сожалею, что администрация Буша не отнеслась к ним более серьезно перед нападениями, и надеюсь, что они окажут некоторое влияние сейчас» (Reaction to 'Bush's Real Goal in Iraq // Режим доступа:

<https://web.archive.org/web/20030618063816/http://newamericancentury.org/defense-100602.htm>).

Осенью 2002 г. политические лидеры США начали говорить по ТВ о необходимости начала кампании. Министр обороны Д. Рамсфельд выступал на CBS, государственный секретарь К. Пауэлл — на телеканале Fox, вице-президент США Д. Чейни — на NBC, советник по национальной безопасности К. Райс — на CNN. 8 сентября в эфире утреннего шоу Райс заявила: «Мы не хотим, чтобы неопровергнутое доказательство вины («smoking gun») превратилось в ядерный гриб». Начало операции «Иракская свобода» 20 марта 2003 г. стало периодом всемирной известности PNAC в качестве главного аналитического центра администрации Дж. Буша и организации, спланировавшей Иракскую войну^[14]. Хотя операция «Шок и трепет», ставшая прообразом «Иракской свободы» была спроектирована людьми, не имеющими отношения к «Проекту за новый американский век», именно авторству PNAC приписывалась вся дальнейшая внешняя политика Дж. Буша в рамках первого и, даже второго срока.

Однако с момента начала Иракской войны ряд представителей «Проекта за новый американский век» утверждали, что их организация была отстранена от процесса принятия решений даже во время предвыборной компании. «Обычно у кандидата в президенты — неважно, республиканец он или демократ — есть узкая группа советников и целая куча людей из центров и университетов, которые пишут различные меморандумы и докладные записки... У Буша всё было по-другому. У него была узкая группа советников, а на всех остальных ему было наплевать. Буш и примерно восемь человек, принимавших решения, просто игнорировали весь широкий процесс принятия решений... Они думали, что все смогут сделать сами, и, как мы сейчас видим, они не смогли», — пишет участник PNAC Г. Шмит. С критикой администрации Буша выступили Р. Пёрл и К. Адельман. В 2004 г. У. Кристол, один из основателей PNAC заявил, что министр обороны Д. Рамсфельд не был «министром обороны, которого Буш хотел бы иметь до конца своего второго срока». В PNAC указывали на недостаточное количество войск, посланных американским министром обороны в Ирак, и призывали американскую администрацию выбрать иные стратегии по послевоенному устройству страны.

В 2004-2006 гг. «Проект за новый американский век» продолжает свою деятельность уже в значительно меньших масштабах. В эти годы основными темами для него становятся критика руководства Российской Федерации даже на фоне террористического акта в Беслане, сформулированная 28 сентября 2004 г. в «Письме 100 о демократии в России» (An Open Letter to the Heads of State and Government Of the European Union and NATO // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20071113200708/http://www.newamericancentury.org/russia-20040928.htm>). Сотрудники PNAC выступают с поддержкой Гонконга и критикой китайской внешней политики (Statement in Support of the People of Hong Kong // Режим

доступа:

<https://web.archive.org/web/20071113200646/http://www.newamericancentury.org/hongkong-20040629.htm>). Одним из последних важных документов становится Письмо конгрессу об увеличении сухопутных сил, опубликованное 28 января 2005 г. (Letter to Congress on Increasing U.S. Ground Forces // Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20071113200551/http://www.newamericancentury.org/defense-20050128.htm>). Однако в этот период инициативы «Проекта» уже не находят поддержки в администрации Дж. Буша, озабоченной вероятным поражением на следующих промежуточных выборах и непопулярностью Иракской кампании^{[15][16]}.

В 2006 г. «Проект за новый американский век» был распущен. Г. Шмитт, бывший сотрудник PNAC, заявил: «Когда проект начинался, он не был предназначен для вечности. Вот почему мы закрываем его. Нам пришлось бы потратить слишком много времени на сбор денег для него, и он уже сделал свою работу, то есть «воскресил политику Рейгана» для Соединенных Штатов» (Reynolds, P. End of the Neo-Con Dream // Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/6189793.stm).

«Проект за новый американский век» нельзя считать аналитическим центром, созданным специально для идеиного обеспечения администрации Дж. Буша, как об этом заявляли западные исследователи - Р. Рейнольдс, В. Вайссе и отечественные - Т.А. Шаклеина^[17]. Руководство проекта поддерживало кандидатуру Дж. Маккейна на праймериз, критиковало администрацию Дж. Буша ещё до Иракской кампании за вывод войск из Боснии. Также сама администрация неоднократно обращалась к другим мозговым центрам - Фонду «Наследие» и «Совету по международным делам»^[18]. Однако невозможно согласиться и с заявлениями У. Кристола и Г. Шмитта, что PNAC не имел никакого влияния, а его идеи игнорировались. Это можно трактовать как попытку реабилитировать идеи «Проекта», абстрагировавшись от непопулярной в США Иракской войны. Можно наблюдать, что практически все идеи, сформулированные членами PNAC в 1990-е годы, были реализованы на практике в период президентства Б. Клинтона и Дж. Буша^{[19][20]}.

Смена режима в Ираке, изложенная в «доктрине Вулфовица», давление на Сирию, изложенное в докладе «Чистый прорыв», четвёртое расширение НАТО, выход из Договора о противоракетной обороне, восприятие Китая как вероятного противника, перенос американского внимания в Юго-Восточную Азию, идея приоритета американского лидерства над ООН, критическое восприятие России как угрозы американской гегемонии - все эти тезисы и проекты нашли своё реальное воплощение во внешней политике США.

В период с 1997 по 2006 гг. вокруг PNAC сформировалась обширная сеть бывших и действующих чиновников высшего уровня, сотрудников спецслужб, аналитиков и журналистов, продвигавших неоконсервативную повестку и во многом реально формировавших видение будущего администрации Дж. Буша-мл. Новаторство PNAC заключалось в том, что модель агрессивного американского доминирования, участники Проекта излагали открыто, вызвав этим негативную реакцию американского общества на фоне непопулярной Иракской кампании. Идеи гегемонии США были восприняты политическими элитами, но попытка сделать их идеологией широких масс провалилась. Тем не менее, концепция «Американского века» не стала частью истории а до сих пор определяет мировоззрение определённой части истеблишмента США. Даже в настоящий момент, несмотря на кризисный период американского глобального лидерства, наследие «Проекта за новый американский век» продолжает влиять на международную политику.

Библиография

1. Fukuyama F. The neoconservative moment / The National Interest. 2004. No. 76. Pp. 57-68
2. Vaisse J. Neoconservatism The Biography of a Movement. Harvard University Press. 2011.
3. High B. The recent historiography of american neoconservatism / The Historical Journal. 2009. No 52(2). Pp. 475-491.
4. Блохин К.В. Американский неоконсерватизм — идеология слабеющего гегемона // Основы национальной стратегии. 2017 № 3 (42) 2017. С 44-57.
5. Mann J. Rise of the Vulcans : the history of Bush's war cabinet. New York, N.Y. : Penguin Books. 2004.
6. Блохин К. В. Лео Штраус и его неоконсервативные последователи (к проблеме источников и генезиса неоконсерватизма) / Вестник РУДН. Серия: Политология. 2019. №4. С. 729-744.
7. Buchanan P.J. Right from the beginning. Boston: Little, Brown. 1988.
8. Ryan M. Neoconservatism and the New American Century . Palgrave Macmillan. 2010.
9. Elden S. Terror and Territory: The Spatial Extent of Sovereignty. University of Minnesota Press. 2010.
10. Stefancic J., Delgado R. No Mercy: How Conservative Think Tanks and Foundations Changed America's Social Agenda. Philadelphia: Temple University Press, 1996.
11. Dumbrell J. Clinton's Foreign Policy: Between the Bushes, 1992-2000. London. Routledge. 2009.
12. Синицына Елена Игоревна Институциональные аспекты политики США в сфере контроля над ядерными вооружениями после Холодной войны / Ars Administrandi. 2021. №4. С. 611-634.
13. Бедрань В.В. Механизм информационной войны США против Ирака в начале XXI века / Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. №7 (87) 2012. С. 1886-195.
14. Мокрова Е. М. Деятельность нефтяного лобби США в ходе американской кампании в Ираке 2003. // Политические уроки. Общество: политика, экономика, право. 2022. №12 (113). С. 54-72.
15. Безруков А. Э. Особенности неоконсервативной внешней политики (на примере США) / Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, № 9 (46), 2016. с 50-66.
16. Кислицын С.В. Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир». 2020.
17. Шаклеина Т.А. Мозговые центры и их роль в формировании внешней политики США / Введение в прикладной анализ международных ситуаций. Учебник. Под ред. Т.А.Шаклеиной. Изд.2-ое, испр. и дополн. / Т.А.Шаклеина, А.А.Байков, Е.Г.Никитенко, И.А.Истомин, И.В.Болгова, Е.В.Колдунова и др. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 109-133.
18. Hurst S. Myths of Neoconservatism: George W. Bush's 'Neo-conservative' Foreign Policy / Revisited Int Polit. №42, с. 75–96. 2005.
19. Zakaria F. The Post-American World. New York: W.W. Norton. 2008.
20. Рассолова П. Э. Имперский статус США в теории неоконсерватизма / Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2009. №4. С. 151-159.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня не только социологи, политологи, экономисты, различные другие аналитики, но и простые наблюдатели констатируют происходящую на наших глазах сложную и драматичную трансформацию монополярного мира во главе с США в мир многополярный. Разумеется, только многополярный мир обеспечит подлинное равноправие и взаимовыгодное сотрудничество на нашей планете, но переход к нему связан с различными сложностями.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является аналитический центр «Проект за новый американский век». Автор ставит своими задачами проанализировать доступные в электронном виде документы организации в контексте внешней политики США, а также определить реакцию членов PNAC на практические шаги американского руководства.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать деятельность аналитического центра «Проект за новый американский век» в контексте внешней политики США в 1997-2006 гг.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников отметим труды Ф. Фукуямы, П. Бьюкенена, Д. Лео Штрауса и других авторов-политологов, а также документы, относящиеся к деятельности центра «Проект за новый американский век». Из используемых исследований укажем на труды А.Э. Безрукова, К.В. Блохина, С.В. Кислицына, в центре внимания которых различные аспекты неоконсервативной внешней политики. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как американским неоконсерватизмом, в целом, так и его внешнеполитической направленностью, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «Проект за новый американский век» создавался в среде неконсерваторов второго поколения, которое «выступало за "нео-рейгановскую" внешнюю политику, целью которой должна была стать "доброжелательная гегемония" или Pax Americana». Автор обращает внимание на то, что «в качестве аналитического центра «Проект за новый американский век» не выпускал большого количества открытых аналитических материалов», ограничиваясь короткими меморандумами. В работе показано, что «новаторство PNAC заключалось в том, что модель агрессивного

американского доминирования, участники Проекта излагали открыто, вызвав этим негативную реакцию американского общества на фоне непопулярной Иракской кампании».

Главным выводом статьи является то, что «концепция «Американского века» не стала частью истории, а до сих пор определяет мировоззрение определённой части истеблишмента США».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в выстраивании стратегии российско-американских отношений.

В тоже время к статье есть замечания, относящиеся к ее оформлению:

- 1) В тексте представлены свыше 50 ссылок, в то время как в библиографии только 20.
- 2) Необходимо вычитать текст, например у автор значится: « В 2006 году «Проект за новый американский век распускается», привести библиографию в соответствие с требованиями издательства и т.д.

После исправления указанных замечаний статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Замечания главного редактора от 21.01.23: "Автор в полной мере учел замечания рецензентов и исправил статью. Доработанная статья рекомендуется к публикации"

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Вторин А.С. — Отражение деятельности Баима Болтина в Столяровом хронографе и частной разрядной книге

Никиты и Григория Зюзиных // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39759 EDN: GFQDJE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39759

Отражение деятельности Баима Болтина в Столяровом хронографе и частной разрядной книге Никиты и Григория Зюзиных

Вторин Андрей Сергеевич

ORCID: 0000-0002-1294-1516

аспирант, кафедра Истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

410012, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Астраханская, 83

✉ andrey.vtiurin@yandex.ru

[Статья из рубрики "История и историческая наука"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39759

EDN:

GFQDJE

Дата направления статьи в редакцию:

07-02-2023

Дата публикации:

14-02-2023

Аннотация: Настоящая статья представляет собой исследование деятельности государственного деятеля первой половины XVII века Баима Федоровича Болтина, отраженной в Столяровом хронографе и частной разрядной книге Никиты и Григория Зюзиных. Цель работы - выявить преувеличения заслуг, несоответствия исследуемой информации иным источникам и иные особенности повествования в указанных выше источниках. Постановка такой цели обусловлена частным происхождением указанных источников, а как следствие их субъективного характера. Более того, причина происхождения таких источников очевидна - обеспечение служебного положения на случай местнических споров и иных ситуаций, возникающих при продвижении по службе или вступлении на престол нового государя, что говорит о предвзятом характере источников. Научная новизна работы обусловлена недостаточной изученностью такого источника как Столяров хронограф и роли "героев второго плана" в истории России. Баим Болтин яркий представитель своего времени, который прошел путь от арзамасского дворянина до воеводы крупных городов, ясельничего и посла. Не имея знатного

происхождения и высокого местнического статуса, он составил уникальную частную разрядную книгу (Столяров хронограф), в которой отразил несколько важнейших, на его взгляд, собственных достижений. Анализ хронографа и фрагментов частной разрядной книгой его родственников по матери - братьев Никиты и Григория Зюзиних, в сравнении с более объективными данными, позволил нам выяснить определенные особенности субъективного отражения информации в источниках такого рода. К ним мы отнесли: незначительные искажения и преувеличения; смещение акцентов повествования; стремление поставить себя ближе к видным государственным деятелям, при описании событий; явный комплементарный характер описания собственных заслуг.

Ключевые слова:

столяров хронограф, Баим Болтин, Никита Зюzin, Григорий Зюzin, частные разрядные книги, дворцовые разряды, местнические споры, Иван Заруцкий, взятие Новгород-Северского, посольство

В правление Михаила Федоровича Романова прослеживается возобновление местнических споров с новой силой после Смуты [\[1, с. 92\]](#). Этот период характеризуется увеличением количества споров между представителями малоизвестных дворянских родов и уходом с арены местнических споров некоторых аристократических фамилий [\[2, с. 130-131\]](#). Для обеспечения своего положения, служилые люди сохраняли документы, свидетельствовавшие о достижениях их родственников. В случае местнического спора к ним обращались как к доказательству своей позиции [\[2, с. 63\]](#).

В этой связи, представляют интерес частные разрядные книги – систематизированные записи, созданные по образцу официальных разрядных книг частными лицами. Они содержат информацию о родовых заслугах, перечисляют по порядку события, происходящие в конкретный год в государстве, назначения других служилых людей, помещая тем самым представителей своего рода в контекст жизни государства. Документальными источниками для них являлись росписи, наказы, грамоты и памятки, полученные во время службы. Авторы, имевшие доступ к разрядному приказу, вносили в свои частные книги выписки из официальных книг. Зачастую информацию переписывали у родственников [\[3, с. 10\]](#). Таким образом, информация в частных разрядных книгах может иметь субъективный характер. Описание одного и того же события может отличаться в книгах, имеющих разных авторов. Различия в текстах обусловлено разными способами составления, возможностями и личными интересами их авторов [\[3, с. 9\]](#).

Среди произведений такого рода особняком стоит так называемый Столяров хронограф, описывающий события 1605–1644 годов. Он был введен в научный оборот Николаем Михайловичем Карамзиным. Хронограф отличается от частных разрядных книг содержанием большого количества нарратива, но при этом так же не лишен присущего разрядным книгам формализма. Сергей Федорович Платонов практически доказал авторскую принадлежность этого произведения, приписав его видному государственному и военному деятелю первой половины XVII века Баиму Федоровичу Болтину, который прошел путь от арзамасского городового дворянина до придворных чинов, посла, воеводы крупных городов. Главными доводами в пользу такой атрибуции послужили содержащиеся в тексте акценты на личных достижениях Баима Болтина, а также подробная осведомленность автора о тех или иных событиях, происходивших в местах

его службы [4, с. 18-28]. Исследователь Виктор Кузьмич Зиборов также склоняется к версии об авторстве Баима Болтина [5, с. 147-148] [6, с. 219-220]. В работе С.Ф. Платонова «Столяров Хронограф и его автор» поднимается вопрос о том, к какому виду источников отнести данный текст. Известный историк определил его как частную разрядную книгу; это мнение было поддержано А.И. Маркевичем и В.С. Иконниковым. В качестве хронографа данный труд был квалифицирован П.И. Мельниковым; А.Н. Попов счел его летописью; В.О. Ключевский назвал оригинальной летописью; С.А. Белокуров полагал, что это разрядно-хронографическая запись [4, с. 18-28]. Не ставя целью дать точную дефиницию этому произведению, в данной статье для простоты восприятия мы будем именовать его Хронографом.

В данной работе мы проанализируем те места Хронографа, где фигурирует Баим Болтин, проводя сравнение со сведениями из других источников. Также рассмотрим некоторые фрагменты Хронографа, исходя из контекста описываемых событий, и обратимся к некоторым фрагментам из частной разрядной книги Никиты и Григория Зюзиних, в которых упомянут Болтин. Это позволит выяснить, каким образом служилые люди могли преувеличивать свои заслуги и достижения, какова степень этих преувеличений.

Баим Болтин впервые упомянул себя в Хронографе при описании событий, происходивших в 1613-1614 годах в Поволжье. В Казани в 1613 году был создан четвертый стрелецкий приказ, насчитывавший 500 стрельцов. Для них было велено организовать отдельную слободу. «121 и 122 и 123 годов в Казани боярин и воеводы князь Иван Михайлович Воротынский, да князь Юрьевич Ушатов да дьяки Федор Лихачев, да Степан Дичков... И во 122 году боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому прислан государев указ, а велено в Казани прибрести четвертой приказ, а быти пяти человеком сотником детем боярским, да пятисот человеком стрельцом, а жалованье им денежное и хлебное давати против старых приказов и слободу стрелецкую устроить и ружье из казны дати ». В 1614 году Баим был отправлен в Казань в качестве стрелецкого головы вновь созданного приказа. «И во 123 году у того приказу велено быти в головах Баиму Федорову сыну Болтину » [7, с. 360]. Создание дополнительного стрелецкого приказа было продиктовано, вероятно, действиями Ивана Заруцкого в Донских и Волжских землях и в целом тревожной обстановкой в том регионе. В том же Хронографе есть упоминания о восстаниях татар и черемис [7, с. 362].

Далее Болтин переходит к весьма подробному описанию поимки Ивана Заруцкого и Марины Мнишек. Так, автор сообщает, что в Астрахань были отправлены служилые люди Нижнего Новгорода и Казани, один Нижегородский стрелецкий приказ и три стрелецких приказа из Казани [7, с. 361]. Таким образом, Болтин дает понять, что он остался в Казани головой единственного стрелецкого приказа, в то время как воеводы Иван Никитич Меньшой Одоевский и Семен Васильевич Головин продвигались вниз по Волге к Астрахани с войском. Исходя из содержания Хронографа, действительно, создается впечатление важности такого назначения. Более того, Болтин сообщает подробные сведения относительно пребывания Заруцкого в Астрахани, о расправах с воеводой и местными жителями: «казнил оконничего князя Дмитреевича Хворостинина, а голову стрелецкова Семена Чюрькина в воду посадил, и мурз и лутчих всяких людей побивал... и животы их имали » [7, с. 361]; говорится о борьбе правительенных войск с ним «а с Терка воевода Петр Петрович Головин послал в Астрахань голову Стрелецкова Казанца Василья Данилова сына Хохлова, а с ним стрельцов и казаков пятьсот человек по челобитью и прошенью Астраханских людей »; наконец, сообщается о бегстве Заруцкого, Марины Мнишек и ее сына из Астрахани на реку Яик и их окончательной

поимке стрелецкими головами воеводы Одоевского.

Указанные выше события происходили весной 1614 года, а Заруцкий был пойман 25 июня того года [\[8, с. 47-51\]](#). Однако Баим Болтин не мог находиться в это время в Казани и возглавлять оставленный в городе вновь созданный стрелецкий приказ. В это самое время он был еще в составе войска князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого под Бронницами. Подробное описание похода Трубецкого на Новгород имеется в Хронографе, а дворцовые разряды содержат упоминание о том, что Баим Болтин был послан к государю с донесением о том, что русское войско терпит неудачу и должно отойти от Бронниц [\[9, стб. 108\]](#). В Казани он не мог оказаться раньше осени 1614 года. На наш взгляд, нелинейность повествования этого фрагмента могла иметь целью создания впечатления причастности Болтина к важным событиям.

Хотелось бы остановится на факте знакомства астраханского стрелецкого головы Семена Чуркина, утопленного Заруцким, с Баимом Болтиным. Чуркин упоминался в поместных спорах в Арзамасском уезде, в которых принимал участие Баим Болтин. В 1613 году Даниил Обатуров отсудил у Баима Болтина деревню Новоселки Арзамасского уезда, которая ранее принадлежала Семену Чуркину. Обе стороны ссылались на то, что последний передал им данную деревню, однако Болтин не смог предоставить убедительных доказательств добросовестного владения и государь повелел выдворить Болтина и его людей из деревни [\[10, с. 499\]](#). В 1616 году в рамках другого дела уже о другой деревне – Черная того же уезда, Болтин предъявил доказательства того, что та передана ему Семеном Чуркиным [\[10, с. 569-570\]](#). Сам же Чуркин еще Лжедмитрием II был отправлен в Астрахань стрелецким головой, где и оставался вплоть до смерти [\[10, с. 499\]](#). Данный факт любопытен с точки зрения добросовестности приобретения Баимом Болтиным деревень Семена Чуркина. Если в первом случае еще при жизни Чуркина, подтвердить передачу деревни он не смог, то уже после смерти, владение деревней не вызвало вопросов. Учитывая, что во время и после Смуты имелась практика присваивания себе чужих имений, представляется вполне вероятным, что Болтин забрал себе деревни Чуркина. Однако подтвердить это у нас нет возможности.

Пожалуй, самым важным событием в службе Баима Болтина является его участие в Смоленской войне в качестве второго воеводы на северском направлении и взятие Новгород-Северского под его непосредственным руководством. Это событие нашло отражение в дворцовых разрядах, разрядных книгах и других источниках. В Хронографе Болтин подробно описал свой подвиг. Это описание не оставляет сомнений в том, что Хронограф был создан для целей описания заслуг Болтина, поскольку в сравнении с другими фрагментами произведения, этот является наиболее крупным, посвященным конкретному событию с описанием мелких деталей. И разумеется, столь знаковое событие, не могло быть описано без определенных смещений акцентов повествования.

Болтин не упомянул воеводу Ивана Еропкине, который сменил умершего первого воеводу Федора Плещеева [\[11, стб. 310\]](#). Тому причиной скорее всего является недовольство Болтина таким назначением и дальнейший конфликт между воеводами [\[12, с. 58, 71\]](#). Иван Еропкин так же отличился в северском походе, взяв Стародуб [\[13, стб. 384\]](#), но о нем в Хронографе не сказано ни слова.

В Хронографе завышено звание командующего обороной Новгород-Северского – урядника Яна Куникского. В нем он именуется полковником, однако, сам Баим Болтин в своей челобитной государю с просьбой выплатить ему денежное жалование (уже после

указанных событий) именует его не полковником а капитаном [\[14, с. 484-487\]](#).

Болтин не оставил без внимания роль своего родственника Семена Ждановича Болтина, указав его в качестве сотенного головы, который командуя ертаулом, вступил в бой с вышедшим на встречу литовским отрядом в городских посадах [\[7, с. 369\]](#).

Также имеется отличие в количестве пленных, отправленных в Москву после захвата города. В Хронографе отмечена численность в 205 человек, однако имеются сведения о большей численности отправленных пленных в количестве 405 человек [\[15\]](#). Объяснить это различие на данный момент мы не можем.

После описания событий в Новгороде Северском, Баим Болтин сообщает о распределении воевод в Москве при угрозе набега Крымских татар летом 1632 года. Он сам был назначен воеводой в Симонов монастырь. До нас дошел подробный список воевод, задействованных для обороны Москвы, насчитывающий несколько десятков назначений [\[13, стб. 515-526\]](#). Однако Баим Болтин ограничился упоминанием наиболее именитых служилых людей, таких как Б.М. Лыков, И.Ю. Плещеев, Д.М. Пожарский, а также четырех менее известных: дьяк Макро Поздев (упомянутый вместе с Лыковым и Плещеевым) и В.И. Толстой Шарп (в товарищах с Д.М. Пожарским), И.И. Баклановский, С.Ф. Глебов. Болтин сообщает и о людях, что были под его руководством: «..а с ним ратные люди и с московскими стрельцами сотник Денис Петров сын Золотарев » [\[7, с. 372\]](#). Любопытна также очередность перечисления воевод, а именно то, что Болтин поместил себя в след за Д.М. Пожарским. Примечательно и то, что по Хронографу Д.М. Пожарский стоял «за Яузой», а по списку из разрядных книг он стоял «по Коломенской дороге», а за Яузой были другие воеводы.

Следующие два события с участием Болтина, описанные в Хронографе, относятся к заключению Поляновского мирного договора. Еще до прекращения боевых действий, когда польский король Владислав штурмовал крепость Белую, а другие польские отряды осаждали Вязьму и Дорогобуж, начались переговоры о мире. 1 апреля 1634 г. государь назначил послом Федора Ивановича Шереметева, вторым послом был окольничий князь Алексей Михайлович Львов, третьим – Степан Матвеевич Проестев. Им было велено отправиться на пограничье между Вязьмой и Дорогобужем (на реку Поляновку, по которой и назвали мирный договор) для ведения переговоров с польскими послами.

Наиболее интересным уточнением, введенным Болтиным, является описание того, кто возглавлял ту или иную сотню. Сам Болтин был головой у стольников и стряпчих; Богдан Васильевич Кондырев, Тимофей Сидорович Желябовский и Семен Васильевич Чаплин у дворян московских, Андрей Тимофеевич Лазарев был головой у городовых дворян и у детей боярских. В месте, где был указан голова у жильцов, имеется прочерк [\[7, с. 374\]](#). В этой части имеется расхождение с дворцовыми разрядами. В них не указано, кто конкретно возглавлял ту или иную сотню, однако имеется указание о заменах в составе голов, случившиеся по причине болезни. Болтин занял место Григория Андреевича Олябьева, который действительно числился первым в списке. Помимо него по болезни не смог присоединиться к посольству Семен Васильевич Чаплин, чье место занял Ждан Васильевич Кондырев [\[11, стб. 357-358\]](#). Тут любопытны три момента: во-первых, Болтин намеренно скрыл факт замены, во-вторых, он указал заболевшего Чаплина в числе сотенных голов Московских дворян, в-третьих, упомянул не указанного в дворцовых разрядах Тимофея Желябовского, а также у Кондырева изменил имя Ждан на Богдан. В том, что Болтин возглавлял стольников и стряпчих, практически нет сомнений, ввиду

последовательности, в которой сотенные головы указаны в дворцовых разрядах, где Болтин, как мы ранее видели, указан первым.

Учитывая высокую важность посольства, такое назначение, хотя и незапланированное, было весьма почетным для Баима Болтина. В качестве дьяка до войны он имел опыт встречи персидских, датских и «турских» послов [11, стб. 62, 63, 222, 224, 251, 264]. Наконец, его знала польская сторона как воеводу, взявшего Новгород Северский, что повышало значимость посольской свиты. Возможно, определенную роль сыграл тот факт, что Баим Болтин к тому времени находился по ростписи воевод в Можайске [11, стб. 393-394]. и мог быстро добраться до места схода послов. Любопытна одна из указанных разрядных записей, сообщающая о пребывании Баима Болтина в сходе воевод в Можайске в марте 1634 года. Это примечание из второго тома дворцовых разрядов, размещенное под столбцами 393 и 394. Данный фрагмент был специально выделен из основного текста разрядов, так как содержит нигде более не повторяющуюся информацию, обозначен как «список Е». Это пример частной разрядной записи. Авторами ее являются братья Никита и Григорий Зюзины [9, с. 30]. – дети окольничего Алексея Ивановича Зюзина. В свою очередь жена Алексея Ивановича – Фекла Григорьевна приходилась тетей Баиму Болтину [16, с. 104-126]. Таким образом, составители упомянутого «списка Е» и Баим Болтин были друг другу родственниками по женской линии. Учитывая то, что пребывание Баима Болтина в Можайске весной 1634 года не отражено в иных источниках, можно предположить, что он был внесен в этот список именно вследствие родства с составителями. Уже в упомянутых встречах послов из разных стран, так же имелись вставки из списка «Е», которые конкретизировали должность Баима Болтина не просто как дьяка (как он упоминался в иных списках), но как дьяка Новгородской чети [11, стб. 222, 251], коим он являлся на самом деле в тот период.

Первый в истории рода Болтиных местнический спор состоялся в 1634 году [2, с. 134]. Готовилось посольство в Варшаву с целью приведения короля Речи Посполитой Владислава к крестному целованию по случаю заключения Поляновского мирного договора. Великими послами были назначены боярин князь Алексей Михайлович Львов, думный дворянин Степан Матвеевич Проестев, думный дьяк Михаил Данилов, дьяк Иван Переносов. С ними также было три стольника и дворяне. Баим Болтин был первым в списке дворян [11, стб. 404] [7, с. 375]. Всего в свите состояли 255 человек [17]. Такое количество было обусловлено необходимостью обеспечения постоянного почтового сообщения, поиском пленных, проведением разведывательных мероприятий. Посольству также поручалось договориться о передаче русской стороне тела царя Василия Шуйского.

И тут имеется вставка из списка «Е», описывающая возникший местнический спор. На Баима подали челобитную дворяне, указанные в списке сопровождавших князя А. М. Львова: Илья Васильевич Наумов и Ждан Васильевич Кондырев (последний ранее уже был поставлен ниже Баима при переговорах на р. Поляновке). Они считали, что по своему местническому статусу они должны стоять выше Болтина, на что государь ответил, что им всем следует быть без мест [11, стб. 404]. По мнению Ю. М. Эскина, это и последующее местническое дело Болтина свидетельствуют о том, что даже кратковременное пребывание в дьяках оставляло « пятно » в карьере служилого человека [2, с. 339]. С этой точки зрения, занесенные Зюзинами сведения о решении государя по этому местническому делу важны для Баима Болтина.

В Хронографе данный местнический спор не указан. Между тем сам ход посольства,

пребывание в Польше и возвращение обратно описаны там подобно. Автор также указал, что стольникам и дворянам было выдано жалование в двойном размере, а кроме того деньги на расходы по 130 рублей и по 40 соболей на сумму 50 рублей (которые нужно было преподнести королю в дар) [7, с. 376]. Известен размер жалования, полученного Болтиным за посольство. Оно составило «180 рублей за год и того 360 рублей» [18].

В 1637 году Болтин должен был принимать участие в размежевании земель с литовской стороной в районе Путивля. В Хронографе не имеется упоминаний об этом. В Дворцовых разрядах это событие освещено лишь в списке «Е», который сообщает, что в Путивль государь отправил окольничего князя Федора Федоровича Волконского, Баима Федоровича Болтина и дьяка Никифора Шипулина [11, стб. 538].

Размежеванию земель предшествовала встреча польского посла Адама Орлика, который прибыл в Москву с жалобой на русских межевых судей, ответственных за разграничение земель по Поляновскому мирному договору [19, с. 119-122]. Государь его принял 30 января 1637 г. в золотой подписной палате [11, стб. 529]. Баим Болтин указан в числе встречающих. [11, стб. 869-874]. Адам Орлик был отправлен с опровержением претензий. Хронограф также сообщает, что к польскому королю были отправлены с аналогичными претензиями послы, жаловавшиеся на литовских людей, что занимают земли в районе Путивля, которые принадлежат Московскому государству [7, с. 377-378]. Вероятно, именно эти переговоры и привели к вышеупомянутому размежеванию земель. Присутствие Болтина на встрече посла, обусловило его участие в размежевании в районе Путивля.

Однако, у нас нет уверенности в том, что размежевание имело место в 1637 году. Тому подтверждением является следующая запись, которую привел Н.Н. Бантыш-Каменский после перечисления назначенных межевых судей в Путивль: «съезд отложен за спорами .» [19, с. 120]. (сами судьи соответствуют упомянутым в списке «Е»).

Вероятно, размежевание в 1637 году не состоялось, из-за чего те же межевые судьи были направлены в Путивль в 1642 году. Это событие уже нашло отражение в Хронографе. Здесь Баим Болтин перечислил лишь основных межевых судей – вышеупомянутых князя Ф.Ф. Волконского и дьяка Никифора Шипулина. Себя же Баим Болтин упомянул как наместника Серпуховского и назвал свою должность при дворе – ясельничий. Аналогичные титулы Баим Болтин приписывал ранее послам (Ф.И. Шереметьев при посольстве на Поляновку именовался Псковским наместником, а А.М. Львов именовался наместником Ярославским [7, с. 373-374], Ф.Ф. Волконский при размежевании – Муромским [7, с. 378]). Это делалось в связи с посольским обычаем для соотнесения статуса русских послов титулам польских послов [20, с. 36], которые всегда имели в своем титуле привязку к тому или иному городу. Прочих участников размежевания (дворяне Кузьма Андреевич Трусов, Василий Протасов, Иван Васильевич Кафтырев, Иван Степанович Волков, Василий Васильевич Стрелков, Тимофей Васильевич Исканский, жильцы Никита Андреевич Загоскин и Андрей Поликарпович Полтев [11, стб. 682]) Болтин не упомянул, хотя ранее при перечислении участников посольства на Поляновку и в Варшаву перечислил второстепенных членов посольства, коим он и сам тогда являлся. Также он не упомянул о выигранном им местническом споре с Кузьмой Трусовым [11, стб. 683] [21, с. 300-307]. Из содержания Хронографа следует, что размежевание не удалось: «...а земель ничево не размежевали за упрямкою Литовских судей ...» [7, с. 378].

Также хотелось бы отметить, что данный фрагмент Хронографа вошел в Мазуринский летописец, который дословно повторил описание процесса размежевания [\[22, с. 163\]](#). Возможно, Баим Болтин сам заимствовал этот фрагмент из неизвестного нам источника, который и послужил первоисточником для летописи.

Последний раз Баим Болтин упомянул себя в Хронографе при описании встречи королевича Вольдемара в 1644 году. Участие Баима Болтина в нем подтверждается сведениями из Дворцовых разрядов. Болтин вместе с дьяком Григорием Пятовым встречали «с санми» и были указаны отдельно от прочих [\[11, стб. 722\]](#). В Хронографе имеется более подробное описание этих событий и роли Баима Болтина: «*А с государевыми санми королевича встретив за Земляным же городом яселничей Баим Федорович Болтин, а с ними за санми шли государевы стремянные и задворные конюхи, и как с государевыми санми королевича Вольдемара яSELничей Баим стретил и королевичу Вольдемару говорил речь, что государь его королевича жалуя прислал под него свои государевы сани. И королевич Вольдемар на государеве жалованье на санях был чelом и сел в государевы сани... ехал в санях в город в Кремль на Борисовский двор.* » [\[17, с. 379\]](#). Болтин подробно изложил свою роль, без приукрашиваний. Однако, в сравнении с описанием роли других людей во встрече, этот фрагмент больше остальных.

На этом событии Хронограф прерывается. После смерти Михаила Федоровича Романова Баим Болтин оставляет пост яельничего. Следующим яельничим 9 ноября 1646 г. был назначен Ждан Васильевич Кондырев [\[23, стб. 49-50\]](#), который ранее вел местнический спор с Болтыным перед посольством в Варшаву. Болтин 21 января 1647 года был назначен послом в Данию (в списке послов указан первым), откуда он вернется только спустя год в январе 1648 года [\[24, с. 227\]](#). Последние сведения о нем как о придворном относятся к августу-сентябрю 1649 года, когда он был приставом у польских послов [\[23, стб. 129-130\]](#). Далее следует воеводство в Тобольске (вторым воеводой) [\[23, стб. 328, 363\]](#) и участие в Смоленском походе Алексея Михайловича [\[23, стб. 467\]](#), после чего сведения о Болтине исчезают из источников. Можно сделать предположение, что Хронограф был составлен после смерти Михаила Романова для обеспечения своих местнических прав и сохранения места при дворе нового государя. Но со смертью Михаила Федоровича Романова, как мы видим, все же произошло удаление Баима Болтина от двора, хотя новые назначения нельзя назвать унижающими его заслуги. Стоит обратить внимание на то, что составленная частная разрядная книга братьев Никиты и Григория Зюзиных заканчивается на 1645 году [\[9, с. 30\]](#). Таким образом, вероятно и родственники Болтина стремились обеспечить свое положение при дворе нового царя.

Подводя итог, следует вывести авторские методы преувеличений заслуг, использованные Баимом Болтыным в Хронографе.

Во-первых, Болтин не прибегал к фальсификации фактов в ключевых моментах. Он действительно имел отношение к событиям, которые упомянут в Хронографе. Нам не удалось найти подтверждения его пребывания в Казани в качестве стрелецкого головы, однако подробность изложения фактов в Хронографе и незначительность такого назначения в сравнении с другими заслугами, не дает оснований сомневаться в этом. Однако в его описании имеются незначительные преувеличения или добросовестные ошибки (к примеру, капитан Кулинский упомянут как полковник).

Во-вторых, Болтин делает акценты на своих заслугах и подробно описывает значительные события с собственным участием, конкретизируя свою роль в них. При

этом, замечено явное умалчивание заслуг других лиц, участвующих в тех же событиях (самое явное – отсутствие сведений о первом воеводе Иване Еропкине – руководителе Болтина в Северском походе).

В-третьих, наличествует стремление поместить себя не только рядом с именитыми лицами, но и указать себя в контексте событий, к которым тот не имеет никакого отношения (самое явное – это помещение себя после Д.М. Пожарского, и упоминание в связи поимки Ивана Заруцкого.)

Отдельно стоит отметить упоминание Болтина в частной разрядной книге его родственников. Каких-либо существенных преувеличений ими внесено не было. Однако братья Зюзины указали несостоявшееся размежевание земель под Путивлем в 1637 г., и участие в сходе воевод под Можайском в 1634 году. Эти события малозначительны. С другой стороны, ими были упомянуты победы Болтина в местнических спорах, что уже имеет больший вес. Анализ оригинального текста списка «Е» позволил бы подробнее изучить вопрос о различиях с другими источниками, однако на данный момент эта работа не проделана.

Собственно, по мнению автора Хронографа Баима Болтина, такое описание своих заслуг должно было обеспечить его положение при дворе. Насколько последующая служба его устраивала, к сожалению, нам не известно, и как следствие не ясно, выполнил ли Хронограф свое назначение.

Библиография

1. Порай-Кошиц, Иван Антонович. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862-1796 / соч. И. А. Порай-Кошица.-СПб., 1874.-2, XXVI, 225 с.
2. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 509 с.
3. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1998. 23 с.
4. Платонов С. Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому / М.: Т-во "Печатня С. П. Яковлева", 1909. С. 18–28
5. Зиборов В. К. Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» – Сидор) Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 / Под ред. Д. С. Лихачева. СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 1992. С. 147–148
6. Зиборов В. К. Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4 / Под ред. Д. С. Лихачева, СПб.: изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. С. 219–220.
7. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору Хронографов русской редакции). М.: Тип. А. И. Мамонтова и К. Большая Дмитровка, д. № 7, 1869. С. 321–379.
8. Волков В.А. Война с Заруцким (1613-1614 гг.) материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С.А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского. 2016. Издательство: Липецкий государственный педагогический университет имени

- П.П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк) 2016 с. 47-51
9. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – Дворцовые разряды): в 4 т. СПб: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
 10. Арзамасские поместные акты (1578–1618) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 738 с.
 11. Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с
 12. Ракитин А.С. Северский поход и осада Чернигова. Боевые действия на юго-западном порубежье Московского государства и Речи Посполитой в период Смоленской войны (1632–1634 гг.) М., 2021. 192 с
 13. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб.: В Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
 14. Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного окладов за службу «на Севере». // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ) / Под ред. Н. А. Попова: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. № № 512. С. 484–487.
 15. РГАДА Ф. 210 (Разрядный приказ, г. Москва) Оп.11 Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 247
 16. Пудалов Б.М. Родословные сказки Болтиных // Историография. Источниковедение. Историческое краеведение: Сборник статей к юбилею доктора исторических наук Виктора Владимировича Митрофанова. Нижневартовск, 2017. С. 104–126.
 17. Львова Д. Л. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Международную конференцию студентов и аспирантов «Ломоносов-99» // Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова 1999 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm> (дата обращения: 22.01.2023).
 18. РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей-(коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. Ед. хр. 49.
 19. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 319 с.
 20. Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется... М.: Международные отношения, 1988. 216 с.
 21. Эскин Ю. М. Местническое дело К. А. Трусов – князь Ф. Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв.: сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002 С. 300–307.
 22. ПСРЛ Т. 31. Летописцы последней четверти XVII века. Мазуринский летописец. Лист 279. Наука М. 1968 с. 163.
 23. Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
 24. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. Ч. 1

(Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания и Испания). Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 304 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В русской истории известно такое явление как местничество, под которым принято понимать практику распределения должностей в зависимости от знатности рода, существовавшая в государстве Российском. Очевидно, что подобное распределение, ставившая человека на определенное место не взирая на его способности, не могло способствовать эффективным кадровым решениям. В тоже время данная система примеряла соперничающих аристократов, что отмечает историк Д.М. Володихин. В любом случае при местническом споре служилые люди обращались к тем документам, которые позволяли подкрепить аргументы о достижениях своих родственников.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является отражение деятельности Баима Болтина в Столяровом хронографе и частной разрядной книге Никиты и Григория Зюзиных. Автор ставит своими задачами рассмотреть Столяров хронограф, проанализировать те места из хронографа, а также из частной разрядной книги Никиты и Григория Зюзиных, в которых упомянут Баим Болтин.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор ставит своими задачами охарактеризовать на примере биографии Баима Болтина расхождения в документальных источниках относительно родовых заслуг.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена как опубликованными (разрядные книги, полное собрание русских летописей), так и неопубликованными источниками из фондов Российского государственного архива древних актов. Из привлекаемых автором исследований отметим труды Ю.М. Эскина, С.Ф. Платонова, В.К. Зиборова, в центре внимания которых различные аспекты истории местничества. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей России, в целом, так и местничеством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной, автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что период начала династии Романовых «характеризуется увеличением количества споров между представителями

малоизвестных дворянских родов и уходом с арены местнических споров некоторых аристократических фамилий». Автор придерживается мнения, что Столяров хронограф принадлежит перу Байма Болтина, государственного деятеля первой половины XVIIв. В работе показано, что «Болтин делает акценты на своих заслугах и подробно описывает значительные события с собственным участием, конкретизируя свою роль в них», при этом «замечено явное умалчивание заслуг других лиц, участвующих в тех же событиях (самое явное – отсутствие сведений о первом воеводе Иване Еропкине – руководителе Болтина в Северском походе)». Собственно, как справедливо показывает автор, «самым важным событием в службе Байма Болтина является его участие в Смоленской войне в качестве второго воеводы на северском направлении и взятие Новгород-Северского под его непосредственным руководством».

Главным выводом статьи является то, что по мнению автора Хронографа Байма Болтина приведенное им описание своих заслуг должно было обеспечить его положение при дворе.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Агеев Р.Е. — Эволюция избирательных технологий в Германии и выборы в Бундестаг 1998 года // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39773 EDN: DIVZIN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39773

Эволюция избирательных технологий в Германии и выборы в Бундестаг 1998 года

Агеев Ростислав Евгеньевич

соискатель, кафедра новой и новейшей истории, Московский Государственный Университет имени МВ. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27, корпус 4

 nwpoint@ya.ru

[Статья из рубрики "Традиции, новации, модернизации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39773

EDN:

DIVZIN

Дата направления статьи в редакцию:

10-02-2023

Дата публикации:

19-02-2023

Аннотация: Предметом исследования являются федеральные предвыборные кампании основных конкурентов на выборах в Бундестаг Германии 1998 года - ХДС и СДПГ. Объект исследования - эволюция политической культуры Германии, относящейся к практике проведения федеральных предвыборных кампаний. Цель данной работы заключается в проведении анализа предвыборных кампаний ХДС и СДПГ 1998 года для выявления новых элементов профессионализированного, "американизированного", модернизированного ведения кампании СДПГ, которые на фоне традиционной кампании ХДС способствовали победе социал-демократов и приходу к власти в Германии "красно-зеленой" коалиции во главе с канцлером Герхардом Шредером. Научная новизна статьи состоит в том, что эффективность ведения предвыборных кампаний рассматривается в качестве одного из существенных факторов, влияющих на исход партийно-политической борьбы, а выборы 1998 года рассматриваются как один из поворотных моментов эволюции политической культуры Германии в части проведения партийных предвыборных кампаний. Успешная кампания СДПГ, отказавшаяся от многих традиционных элементов и активно заимствовавшая новые практики ведения

предвыборной борьбы из США и Великобритании, оказала значительное влияние на модернизацию форм и методов предвыборной борьбы основных партий Германии в следующие два десятилетия.

Ключевые слова:

Германия, история Германии, выборы, политическая культура, выборы в Бундестаг, СДПГ, ХДС, избирательная кампания, избирательные технологии, Герхард Шредер

1. Профессионализация и «американизация» политической жизни в ФРГ

Использование профессионалов в политической борьбе накладывает отпечаток на результаты межпартийной конкуренции, функционирование политической системы в целом. Более глубокое изучение этого фактора политической жизни Германии могло бы пролить свет на причины неожиданных изменений общественного мнения, ротации партийных кадров, результатов избирательных кампаний, корреляции между успехами партий на выборах и объемом их финансирования.

Определенные элементы профессионализации политической жизни в ФРГ существовали всегда. Это и наличие многочисленных оплачиваемых партийных аппаратов под руководством генеральных секретарей, и регулярное обращение к рекламным агентствам для творческого выражения предлагаемых политических решений, и широкое использование во внутрипартийной работе опросов общественного мнения, и привлечение специалистов по связям с общественностью во все уровни правительственного аппарата.

Профессионализацию политической жизни ФРГ сдерживала традиционная политическая культура, определяющая привычные формы и методы политической конкуренции. Принцип приоритета идеологии и политической проблематики над предвыборными и рекламными технологиями в деятельности партий многие годы оставался неизменным. Сформировался стандартный набор предвыборных технологий, сопровождающих каждую кампанию, который соответствовал ожиданиям избирателей, членов партий, работников партийных аппаратов и политиков.

Кроме того, в германском обществе сложилась устойчивая система партийных предпочтений населения. Уровень жизни, принадлежность к определенному социальному слою, вероисповедание, семейные политические традиции в значительной степени определяли идеологические приоритеты и мнения избирателей по всем вопросам текущей политической жизни, которым соответствовала палитра существовавших политических сил от крайне левых до крайне правых.

С ускорившимся социальным развитием конца 1990-ых годов, крушением коммунистической системы, появлением обширных групп с изменчивым избирательным поведением возникли условия для увеличения профессионализации политической борьбы.

Перед партиями стояли задачи по управлению политической повесткой в СМИ и общественном мнении, перенаправления внимания общественности на проблемы, наиболее выгодные партии в данный момент.

С изменением роли СМИ в политической системе и появления новой информационной среды, интернета, возникла возможность создавать общественно-политические

дискуссии по заранее заданным темам и уводить фокус общественного внимания от обсуждения экономических или внешнеполитических государственных проблем, в случае если это обсуждение было невыгодно для партии. Побочным эффектом профессионального управления общественным мнением стало размытие партийной идентичности основных действующих политических сил, а вслед за этим и потеря партийной лояльности значительного числа избирателей.

Происходил рост значения предвыборных кампаний в связи с тем, что все большая часть избирателей изменяла свои политические предпочтения под воздействием интенсивной рекламы в преддверии приближающихся выборов. Качество избирательной кампании и эффективность применения партиями предвыборных технологий стало сильнее определять итог голосования и число полученных мест в парламенте, а значит и играть более заметную роль в политической истории как отдельных партий, так и страны в целом.

Данный процесс, зародившись в Соединенных Штатах Америки, получил широкое распространение по всему миру.

Избирательные кампании превратились в грандиозные общенациональные шоу с обилием дорогостоящих массовых мероприятий, агрессивной телевизионной рекламой и пристальным вниманием СМИ.

Именно США стали центром разработки новых предвыборных технологий. Здесь возникла индустрия политического консультирования, был создан пласт специализированной литературы, появилось множество известных политических консультантов. Краткий очерк развития избирательных технологий в США в описании французского политолога Ф.Маарека можно найти в книге Т.Ю.Лебедевой, посвященной выборам во Франции [1].

В европейской публицистике в это время возник термин «американизация» политической жизни, несущий негативный подтекст и означающий выхолашивание сути политической дискуссии и ее замену на личное противостояние кандидатов, широкое использование критики и нападок на оппонентов, активное привлечение высокооплачиваемых профессионалов из различных сфер – от коммерческой рекламы до работы в интернете.

Процессы "американизации" далеко зашли во многих развитых европейских странах - и сопровождались размытием традиционной политической системы, либо путем смены идеологических ориентиров ведущими политическими партиями, их переходом на путь "оппортунистического" существования, приспособления к изменчивой социальной действительности (Великобритания), либо путем возникновения все новых политических сил и их соучастия во власти в изменчивых коалициях (Италия, Франция).

«Американизация» политической жизни в Германии замедлялась наличием жесткой партийной структуры и политической культуры, в которой не приветствовалось негативное ведение избирательной кампании, слишком обильные траты на политическую рекламу и выполнение предвыборной активности силами нанятых профессионалов, вместо партийных функционеров. Основным сдерживающим элементом оставалась СДПГ, в которой после перехода в оппозицию в 1982 году разгорелась упорная борьба между левым, радикально-демократическим и правым, технократическим крыльями [2]. Сохранение левой фразеологии, заигрывание в ландтагах с "зелеными" и Партией Демократического Социализма (ПДС) препятствовали смене власти путем перехода заметной части новых средних слоев на сторону СДПГ.

1998 год стал заметной вехой в изменении устоявшихся традиций ведения предвыборной

борьбы в ФРГ и внедрения американизированной системы демократии в Германии. Традиционная концепции межлагерной борьбы, использованная ХДС, потерпела фиаско в связи с ее несовместимостью с новым образом СДПГ, воплощенном в кандидате на пост канцлера Г.Шредере.

Кампания СДПГ, проведенная по-новому, наоборот, оказалась успешна. Именно в ней был отработан стандартный набор приемов «американизированного» ведения предвыборной борьбы: персонификация, активное привлечение профессионалов, создание параллельного штаба, отделенного от партии, шоу-мероприятия, агрессивная реклама и т.д. Был заложен первый камень в систему броских избирательных кампаний, с различием между конкурентами лишь по форме и языку преподносимых решений и по личностям кандидатов.

Более подробный анализ двух принципиально различных кампаний основных оппонентов – СДПГ и ХДС, может показать какие черты профессионализированного, маркетингового, "американизированного" ведения избирательной кампании стали определяющими для успеха социал-демократов на общегосударственных выборах 1998 года. Особое внимание стоит уделить роли внешних специалистов по избирательным технологиям и специализированных фирм, чтобы в конечном счете ответить на вопрос произошел ли переход в основных партиях ФРГ к такой степени профессионализации, когда специалисты в области менеджмента, политической рекламы и связям с общественностью стали играть не обслуживающую, а направляющую роль в работе партии.

Источниками для изучения поведения партий во время кампании 1998 года служат отчеты партийных секретариатов, газетная и журнальная публицистика, освещавшая ход кампании, агитационные материалы, предвыборные платформы и инструкции, интервью с руководителями кампаний, стенограммы съездов и записей выступлений ведущих кандидатов, видеоролики о партийных митингах и многое иное. Дополнительно привлекаются законодательные акты, отчеты об исходе выборов, программные партийные документы.

Вопрос профессионализации политической жизни в ФРГ поднимался на протяжении двух последних десятилетий не раз. Особенно следует отметить работы Вернера Вольфа [3], Петера Радунского [4], Моники Бетшнейдер [5]. В своих исследованиях они приходят к выводам, что профессионализация есть неизбежный процесс, однако в Германии он сдерживается целым рядом факторов. Его исход и скорость развития неизвестны. Профессионализация оценивается по-разному: от препятствия на пути нормальному демократическому волеизъявления и первому шагу к потере легитимности выбранной власти (Бетшнейдер) до процесса, повышающего эффективность деятельности политических субъектов и оперативность реагирования на процессы, происходящие в обществе, на качество обратной связи.

Избирательная кампания 1998 года по выборам германского парламента сразу же привлекла к себе повышенный интерес исследователей Германии. Вплоть до очередных выборов в Бундестаг 2002 года, она оставалась в центре внимания немецких политологов. Ей были посвящены десятки статей и несколько комплексных монографий.

С точки зрения анализа эволюции избирательных технологий можно отметить ряд работ, посвященных возрастающей роли средств массовых коммуникаций и политической рекламы в политической системе ФРГ. В первую очередь это сборник статей под редакцией Кристины Хольц-Бача "Кампании в медиа - медиа в кампаниях" [6] и ее

монография «Реклама на выборах как политическая культура» [7]. В них ставилась проблема избыточного влияния СМИ в современных условиях, перерождения германской демократии в медиакратию, когда деятельность основных электронных и печатных средств массовой коммуникации определяет исход партийно-политической борьбы.

Значимым вкладом в изучение истории избирательных технологий во время кампании 1998 года стала монография Кнута Бергмана "Избирательная кампания в Бундестаг 1998 года", изданная в 2000 году, в которой он постарался дать комплексный анализ данного события политической жизни Германии [8]. При этом сам автор признавал, что его работа носит скорее описательный характер и ставит целью не внести свой вклад в "создание общественно научных теорий", а "показать сложность политической коммуникации в современном обществе, пронизанном различными средствами массовых коммуникаций".

В отечественной литературе тема эволюции политической культуры ФРГ в части изменения практики использования предвыборных технологий затрагивалась лишь косвенно и не выделялась в особую исследовательскую проблему.

2. Избирательная кампания СДПГ

Кампания 1998 года с самого начала была крайне важна для СДПГ. Приближалась печальная дата ее 20-летнего пребывания в оппозиции. Две предыдущие кампании закончились неудачно, несмотря на хорошие стартовые позиции. В этот раз социал-демократы надеялись, наконец, получить кресло канцлера и прервать многолетнее правление Гельмута Коля.

На избирательные кампании 1998 года партия собрала 124 миллиона марок, при том, что ее главный оппонент, партия ХДС, собрала лишь 111 миллионов марок (правда, стоит отметить, что вместе с ХСС совокупный бюджет блока на кампанию 1998 года был все же выше – 145 миллионов марок) (Deutscher Bundestag Drucksache 1412508, Unterrichtung durch den Präsidenten des Deutschen Bundestages. Bekanntmachung von Rechenschaftsberichten der politischen Parteien für das Kalenderjahr 1998 vom 14. Januar 2000 // [Электронный ресурс]: <https://dserv.bundestag.de/btd/14/025/1402508.pdf> (дата обращения 03.05.2022)).

Была заново выстроена внутрипартийная работа – всем членам при каждом удобном моменте напоминалась значимость и эпохальность происходящих выборов, что должно было привести к дисциплинированности и безоговорочной вере в правоту руководящих кампанией органов.

Основным органом, ведущим кампанию был, как и у других партий, Центральный аппарат во главе с Федеральным управляющим Францем Мюнтеферингом (58 лет, с 1975 до 1992 года депутат Бундестага, с 1991 до 1992 года руководитель аппарата фракции, с 1992 до 1995 года министр труда, здравоохранения и социальной работы в правительстве Северной Рейн Вестфалии, с 1995 года федеральный управляющий СДПГ, с 1998 года руководитель Вестфальского отделения СДПГ). Еще за год до выборов с октября 1997 года начал работать первый сотрудник отдельно размещенного избирательного штаба, что должно было само по себе символизировать независимость ведения кампании от традиционного аппарата. Более трехсот местных партийных организаций были соединены внутренней выделенной компьютерной сетью.

Отдельное внимание уделялось созданию единой базы данных высказываний партийных лидеров и аргументов против оппонентов, которая должна была подкрепить

агитационную работу партии, способствовать разоблачению пропаганды конкурирующих кандидатов. В "Кампу" (так был коротко назван избирательный штаб партии - в противовес "бараку", "Дому Эриха Олленхаузера", где с 1975 года размещался аппарат СДПГ) были стянуты многие компетентные в избирательных делах специалисты, в частности, консультанты Шредера на кампаниях в Нижней Саксонии Бодо Хомбах и Уве-Карстен Хейе. К работе был привлечены 8 профессиональных агентств, помогающих размещать рекламу в СМИ, готовить выступления кандидатов и проводить мероприятия [9].

Помимо креативной работы по выработки агитационных материалов агентства отвечали за подготовку, техническое оснащение и проведение массовых мероприятий. Особое значение профессиональная деятельность event-агентств приобрела в условиях необходимости организации предвыборного тура Шредера по Германии. Оно началось 31 августа в Бремене и завершилось 25 сентября в Берлине. Турне прошло через 38 городов Германии и сопровождалось массовыми митингами и другими мероприятиями. Немалая роль досталась агентствам и при изготовлении и размещении телевизионной рекламы. Разнообразие запущенных социал-демократами в эфир рекламных роликов, демонстрировало экономическую кредитоспособность партии.

Широко известным стал факт привлечения к разработке стратегии кампании СДПГ сотрудников предвыборного штаба Билла Клинтона американцев Доу Шона и Генри Шайнкопфа, а также организаторов кампании Тони Блэра Филипа Гоулда и Петера Мендельсона [10].

Основные вопросы, по которым привлекались консультанты, были следующие: какие инструменты пропаганды наиболее эффективны в современном обществе массовых коммуникаций, какую роль играет агитация по телефону, какое значение имеют прямые уличные акции, какую ценность имеют опросы, как правильно представлять отдельные темы и как реагировать на действия противников. В соответствии с рекомендациями привлеченных консультантов наряду с традиционными исследованиями общественного мнения штаб Мюнтеферинга стал широко практиковать телефонные и другие формы быстрых опросов, которые хотя и не имели репрезентативности, однако позволяли быстро корректировать проведение кампании.

Два фактора благоприятствовали переносу центра тяжести в специально созданный партийный орган для обеспечения ведения избирательной кампании. Во-первых, нацеленность на безусловную победу. Во-вторых, негативный опыт 1994 года, когда за время кампании полностью растаяло начальное преимущество СДПГ над ее оппонентом, что очевидным образом продемонстрировало нецелесообразность передачи рычагов управления партийной управляемческой вертикали и самому кандидату.

В основе стратегии СДПГ лежала персонифицированная кампания.

Вместо, председателя партии с 1995 года, бессменного руководителя Саара (с 1985 года), Оскара Лафонтина, правда уже проигравшего один раз, в 1990 году общегерманские выборы было принято решение выставить кандидатом Министра-президента Нижней Саксонии с 1990 года, 54-летнего Герхарда Шредера, представителя правого крыла социал-демократии, находящегося с середины восьмидесятых годов в меньшинстве. К такому решению ведущие партийные функционеры пришли только после выборов в ландтаг Нижней Саксонии 1 марта 1998 года, когда после восьми лет правления Шредера СДПГ показала улучшение электоральных показателей.

Выдвижение правого деятеля на пост основного кандидата могло отпугнуть большую прослойку левой части избирателей партии. В целях предотвращения этого, сразу после выборов в Нижней Саксонии, Шредер заявил о возможности заключения в случае победы коалиционного договора с партией "Зеленых" [11].

Концепцией участия партии в предвыборной кампании были, с одной стороны, отказ от идеологизирования, максимальная персонализация, приводящая к замещению в головах избирателей высказываниями основного кандидата предвыборной партийной программы, привлечение в команду Шредера двух претендентов на посты министров из среды крупных менеджеров и лоббистов - Роланда Берегера и Вернера Мюллера (это должно было привести к росту доверия в среднем классе и способствовать завоеванию "нового центра"), с другой стороны, постоянные контакты с "зелеными" и ПДС, нацеленные на доказательство своего неизменного следования идеалам "демократического социализма".

Содержательная часть кампании состояла в выдвижении на первый план тех тем, где социал-демократы оказывались в более предпочтительном положении. Состояние дел благоприятствовало этому - эти же темы в данный момент оказались наиболее значимыми для избирателей.

Ключевыми темами предвыборной кампании стали экономические вопросы, в которых Шредер имел имидж компетентного политика - снижение безработицы и налоговой нагрузки на предприятия, социальная справедливость, давно назревшая пенсионная реформа.

Не столь благоприятные для СДПГ темы внешней и европейской политики имели гораздо меньшее значение в предвыборной повестке.

По вопросам безработицы предлагалось финансировать "Работу вместо безработицы", прекратить злоупотребление правом 620 марочных работ, сократить и сделать график более гибким и создать таким образом ряд новых рабочих мест. По вопросам налогового законодательства социал-демократы обещали разгрузить семьи с двумя детьми на 2500 марок в год. Подоходный налог должен был находиться между 21,9 и 49 процентов и должен был быть вновь введен налог на имущество. По пенсионным проблемам выход виделся в возвращение к урезанному уровню пенсий, однако пенсионный возраст должен быть увеличен и установлен более жесткий контроль за выплатами всех работающих в пенсионные кассы ("Arbeit, Innovation und Gerechtigkeit" SPD-Programm für die Bundestagswahl 1998 Beschluss des ausserordentlichen Parteitages der SPD am 17. April 1998 in Leipzig. // [Электронный ресурс]: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Beschluesse/Bundesparteitag/wahlprogramm_bund (дата обращения 03.05.2022).

Основной упор в кампании, делался на завоевание центра избирателей, оказавшегося в преддверии выборов перед сложной альтернативой - или проголосовать за ХДС и потерять возможность осуществления своего давнего желания сменить руководителя страны уже 16 лет пребывающего на данном посту, либо пойти все-таки на смену, но оказаться с коалиционным правительством социал-демократов и "зеленых", поддерживаемом еще и ПДС. В связи с этим большинство агитационных мероприятий и материалов СДПГ так или иначе обыгрывало тему СМЕНЫ. Необходимо было стратегически укрепить и без того заметную, благоприятную тенденцию. Так, например, предвыборный съезд в Лейпциге 17 апреля 1998 года имел широко рекламированное название - "Мощь нового" (Kraft des Neues), главным слоганом для политической

агитации был избран "Коль должен уйти" (Kohl muss weg). В рекламной продукции часто использовался образ переключателя скоростей в автомобиле, где на месте движения вперед и назад обозначались соответственно Шредер и Коль.

Особую роль в кампании СДПГ приобрела агитация в Интернет, являвшаяся в тот момент новаторской по содержанию и объему. Это подчеркивало современность кампании партии. Был разработан современный дизайн сайта, многие партийные мероприятия в прямом эфире транслировались в Интернете. Работала многочисленная интернет-редакция сайтов СДПГ.

К моменту выборов показатели посещаемости сайтов достигали 2.5 миллионов пользователей в день, что в 2 раза превосходило показатели ХДС. Оборудование и арендованный широкополосный канал позволяли обеспечить работу всех ресурсов партии без задержек. Сайт был заполнен материалами, необходимыми для ведения агитационной кампании на местах и удовлетворения любопытства простых избирателей. Здесь можно было ознакомиться с программой партии, документами съездов и конференций, биографиями партийных деятелей, агитационной продукцией. Функционировала активная конференция, где обсуждалось ведение кампании и политические вопросы. В прямом эфире транслировались партийные мероприятия. Апофеозом этого процесса было широкое освещение предвыборного съезда СДПГ в Лейпциге.

Активность социал-демократов в Интернете в 1998 году укрепила их имидж новаторской партии, ориентированной на технологическое обновление немецкой промышленности и общества.

Отдельно необходимо отметить повышенное внимание к распределению первых голосов, что является нововведением в немецких кампаниях, где традиционно незначительное внимание уделялось борьбе в одномандатных округах, и где такие известные кандидаты как Коль, зачастую проигрывали новичкам в политике, так как основным мотивом для голосования являлись партийные пристрастия, сильно различающиеся территориально. В этой кампании Мюнтеферинг решил выделить 32 наиболее значимых одномандатных округа, чтобы оказать целевую организационную, методическую и финансовую помощь кандидатам от СДПГ. На особом счету оказались округа, где шли Г.Коль (округ № 157, в итоге Г.Коль проиграл Дорису Барнету, тот набрал 47,9 % голосов), М.Кантер (округ № 80, М.Кантер также проиграл Х.-Б.Брукману, тот набрал 59,0% первых голосов) и Х.Зеехофер (округ № 202 Х.Зеехофер выиграл у Х.Бюттнера, набрав 55% голосов) [\[12\]](#).

Общая направленность на тщательную работу за одномандатные округа дала свои плоды - из 299 завоеванных мандатов 213 пришлось на кандидатов, прошедших первыми голосами.

Подводя итог, можно сказать, что кампанию СДПГ вела профессиональная команда, состоящая как из штатных специалистов аппарата партии, так и консультантов из-за рубежа, а также политических консультантов, работавших с Г.Шредером в Нижней Саксонии. Организаторам удалось создать в ФРГ настроение неминуемо приближающихся перемен и окончания эры Коля, навязать выгодную социально-экономическую повестку, и привлечь на свою сторону значительную часть избирателей ХДС (к СДПГ перешло по разным оценкам от 1.15 до 1.67 миллионов избирателей ХДС) [\[13\]](#).

По данным института Инфратест наибольший прирост СДПГ получила в группах служащих

+7% и предпринимателей +5%. Прирост голосов по сравнению с выборами 1994 года составил более 3 миллионов голосов, что дало СДПГ 46 дополнительных мандатов. В результате эффективной предвыборной кампании власть в Германии перешла к красно-зеленой коалиции во главе с канцлером от СДПГ Герхардом Шредером.

3. Избирательная кампания ХДС

Для ХДС значение кампании 1998 года было экзистенциально велико. Проигрыш означал бы не только уход из федеральной власти, но и, учитывая, что коренной избирательный округ ХДС с каждым годом сокращается, реальную угрозу превращения в "20 процентную" партию. Однако реальная расстановка сил в партии не благоприятствовала повышению роли "внешних управляющих", как по аналогии с приглашенными на предприятия в кризисные времена специалистами, можно назвать политических консультантов вне и внутри партийного аппарата. Многократные победы на парламентских выборах последнего двадцатилетия притупили бдительность. Традиционный аппарат в Доме Конрада Аденауэра был готов вести кампанию в большой степени полагаясь на собственные силы. Основной задачей ставилось удержание имеющегося избирательного округа и его мобилизация.

Первой проблемой, с которой столкнулась партия ХДС была объективно сложившаяся усталость населения от Г.Коля. Его шансы на победу расценивались по этой причине не слишком высоко и в партии начал дискутироваться вариант о возможном выдвижении на пост кандидата в канцлеры В.Штайнле - лидера парламентской фракции. Однако тяготение к проверенным решениям и неоспоримый авторитет Коля в широких партийных кругах привели к отказу от данной идеи и выставление его в шестой раз в качестве основного кандидата.

Вместо персонифицированной кампании, Генеральный секретарь ХДС Петер Хинце решил вести "кампанию двух лагерей" и нагнетать страх перед последствиями, которые может иметь приход к власти коалиции в лице СДПГ, "зеленых" и ПДС. Это была проверенная временем тактика, которая позволяла мобилизовать свой избирательный округ и в то же время отпугнуть от СДПГ значительную часть потенциальных избирателей (Bericht des Generalsekretärs der CDU Deutschlands Peter Hintze // Protokoll 10. Parteitag der CDU Deutschlands 18.-19. Mai 1998 Stadthalle Bremen / CDU Deutschlands, Bundesgeschäftsstelle (Hrsg.). - Bonn : Union Betriebs-GmbH. - S.72-84. // [Электронный ресурс]: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=aa74c192-5f83-89ef-c27fd2d2c507ae21&groupId=252038 (дата обращения: 03.05.2022).

Для успеха этой тактики требовались три вещи: достаточно "левый" кандидат от СДПГ, его необдуманные резкие заявления и предложения и укрепления имиджа антисистемности у "зеленых" и ПДС.

Однако уже в самом начале в партии стали раздаваться предостерегающие от такой концепции кампании голоса, которые призывали не отвергать все предложения "красно-зеленой" коалиции, а противопоставлять им свои предложения, или даже прямо брать их себе на вооружение и доказывать большую компетентность в данных вопросах. Тем не менее общая концепция сложилась по традиционному плану - запугивание избирателей мнимыми или реальными опасностями, чтобы привести их к мысли оставить все как есть. В ходе кампании данная позиция даже еще более обострилась и партии "красно-зеленой" коалиции стали изображаться как имеющие принципиально другую политическую направленность - антидемократическую и популистскую, экономически некомпетентную. Такой способ ведения избирательной борьбы стал называться

"кампанией направления" ("Richtungskampanie") [\[14\]](#).

Проведение вышеописанной линии с самого начала реализации стало давать серьезные сбои, которые были отмечены в прессе и стали поводом для непрекращающихся нападок на Генерального секретаря ХДС с обвинениями в некомпетентности. Восточные отделения выступили против яростных нападок на ПДС и пытались доказать, что ее растущая популярность учитываться не как свидетельство роста внесистемных настроений на востоке, а как повод для внимательного анализа ее требований. Особо явственно данные противоречия проявились при проведении аппаратом ХДС акции "красные руки" (Rote Hände), которая заключалась в расклейке плакатов, похожих на визуальные материалы партии 1948 года, на которых изображалось рукопожатие двух красных рук, одна из которых символизировала Немецкую Коммунистическую Партию, теперь ПДС, а другая Социалистическую Партию Германии, теперь СДПГ, а само рукопожатие пробуждало воспоминания о насильственном объединении двух партий в СЕПГ. Однако это вызвало волну критики в местных отделениях на востоке и нежелание распространять подобную агитационную продукцию.

Сильный удар по концепции острой борьбы направлений, нанесло выдвижение в марте кандидатом от СДПГ Герхарда Шредера, тогда как вся стратегия ХДС была рассчитана на выдвижение Оскара Лафонтина. Около двух месяцев потребовалось на перестройку агитационной работы против иного кандидата. ХДС утратила инициативу и ей пришлось перейти в оборону под натиском кампании Шредера, символом чего стало добавление в концепцию нового элемента: "за содержательную кампанию" (Bericht des Vorsitzenden der CDU Deutschlands Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl // Protokoll 10. Parteitag der CDU Deutschlands 18.-19. Mai 1998 Stadthalle Bremen / CDU Deutschlands, Bундегешäftsstelle (Hrsg.). - Bonn : Union Betriebs-GmbH. - S.18-50. // [Электронный ресурс]: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=aa74c192-5f83-89ef-c27fd2d2c507ae21&groupId=252038 (дата обращения: 03.05.2022).

Агрессивная кампания СДПГ по американскому образцу давала надежду разыграть карту несоответствия методов борьбы германской политической культуре. Было решено критиковать отсутствие содержания и персонаификацию кампании СДПГ. Однако, это не сработало, так как содержательный элемент в самой кампании ХДС не нашел отклика у избирателей.

В борьбе повесток ХДС также проиграла. Ее традиционные темы – стимулирование экономического роста снижением налогов, Единая Европа и безопасность, уступили дискуссиям о пенсиях и безработице. Опросы показывали, что, признавая экономическую компетентность ХДС, население не верит, что экономический подъем под руководством ХДС принесет снижение безработицы и налогового бремени.

В областях выдвинутых усилиями организаторов кампании СДПГ на первый план ХДС могло противопоставить следующие соображения.

По вопросам безработицы предлагалось обеспечить работу для всех за счет улучшения инвестиционного климата после налоговой реформы.

По вопросам налогового законодательства ХДС обещал сокращение подоходного налога с 25,9 до 15 процентов минимального и с 53 до 39 процентов максимального, и при этом должны существовать многочисленные облегчения налога в том числе для работников. Общее сокращение налоговых платежей в бюджет оценивалось в сумму до 30 миллиардов марок. По пенсионным проблемам выход виделся в самостоятельном попечении за собой через развитие системы капитализированных пенсионных фондов, а

все виды пенсий должны постепенно сокращаться (Wahlplattform von CDU und CSU 1998-2002//[Электронный ресурс]: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=7f7482d3-0e0c-818a-3701-b78da7086c4d&groupId=252038 (дата обращения 03.05.2022)).

Традиционный подход ХДС, направленный на удержание и мобилизацию центра перед угрозой опасности сползания системы влево в вышеуказанных условиях практически не работал. Катастрофически происходил отток в первую очередь в новых землях, где отсутствовал по историческим причинам коренной избирательный округ и экономическое положение в которых способствовало укрепление позиции той партии, которая избрала центральной темой искоренение безработицы [20].

Такая ситуация сопровождалась паникой в высших эшелонах власти, некоторой недисциплинированностью низовых подразделений, постоянной критикой в СМИ тактики и способов ведения кампании.

Характерно для всей кампании ХДС и то, как велась агитация во всемирной электронной сети Интернет. На фоне огромной редакции СДПГ, у коалиции за сайт партии отвечало две сотрудницы, которые физически не могли обеспечить размещение необходимого объема информации. Дизайн сайта оставался старомодным, характерным для первых страниц в сети. Трансляция мероприятий и работа на форумах не велась (Интервью с руководителем интернет редакции ХДС Сюзанной Ланд// [Электронный ресурс]: <https://www.wahlkampf98.de> (дата обращения 23.09.1998)).

ХДС, как и все другие партии традиционно тесно сотрудничала с рекламными агентствами, однако эта работа в условиях отсутствия единой концепции построения кампании, оказалась мало эффективной, а порой, как в случае с кампанией "красные руки" просто контрпродуктивной - эффективное творческое решение, одинаково усиливает как хорошую идею, так и плохую.

Таким образом, оценивая кампанию ХДС, видно, что при ее организации не произошел переход на иную ступень профессионализации, принятие основополагающих решений осталось за традиционными партийными структурами, принимающими решения не исходя из просчетов эффективности, а исходя из инерционной, традиционной идеологии. Необходимость конкурирования с социал-демократами в проблемах являющихся центральными для левого спектра - социальных и экологических, требовали в этот раз более гибкой реакции, чем просто отвержение всех предлагаемых конкурентами решений. Потеря инициативы и внутренние распри привели к крушению имиджа ведущей политической силы Германии.

Результат оказался закономерным, потеря 6,2 % голосов избирателей, сокращение избирательного избирательного округа до 35%, а по некоторым районам "новых" земель и до 20 %, минимальное число прошедших кандидатов по одномандатным округам. Переход в оппозицию и избрание на съезде 7 ноября 1998 года нового Председателя партии - В.Шойбле и нового Генерального Секретаря - А.Меркель стали логическим исходом этой одной из самых неудачных для ХДС кампаний.

Выводы

Проследив наиболее значимые моменты кампании 1998 года основными немецкими партиями, можно сделать следующий вывод. В конкуренции двух моделей проведения избирательной кампании явную победу одержала новая схема работы, предполагающая упор на личных чертах кандидатов в канцлеры, навязывание повестки в СМИ, активное

использование Интернета, использование профессиональных услуг во всех сферах – от управления кампанией до проведения мероприятий при снижении роли партийного актива.

Традиционная кампания, ведущаяся способами идеологического и программного конкурирования, столкнувшись с данным типом кампании оказалась малоэффективной.

Особенно поразительно было то, что инициатива в переходе к новым формам предвыборной борьбы принадлежала СДПГ, бережно оберегающей традиции политической работы и более зависимой от настроений рядовых членов партии, зачастую не одобряющих подобных новаций. Это заложило основу для дальнейшей трансформации политической культуры ФРГ в части проведения предвыборных кампаний начала 21 века под воздействием сдвигов в социальной структуре общества, все более активного применения интернета и изменения роли СМИ.

Библиография

1. Лебедева Т.Ю. Путь к власти. Франция: выборы президента. М.: Издательство МГУ, 1995. С.13-15.
2. Западноевропейская социал-демократия: поиски обновления / Перегудов С. П., Паньков В. С., Шадрина И. П. и др. М.: Наука, 1989. С.235-242.
3. Wolf W. Der Wahlkampf : Theorie und Praxis. Köln: Wissenschaft und Politik, 1980.
4. Radunski P. Wahlkampfe: Moderne Wahlkampfführung als polit. Kommunikation. – München : Günter Olzog Verlag, 1980.
5. Bethscheider M. Wahlkampfführung und politische Weltbilder. Eine systematische Analyse des Wahlkampfes der Bundestagsparteien in den Bundestagswahlkämpfen 1976 und 1980. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1987..
6. Wahlkampf in den Medien-Wahlkampf mit den Medien : Ein Reader zum Wahljahr 1998 / C. Holtz-Bacha (Hrsg.). Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2000.
7. Holtz-Bacha C. Wahlwerbung als politische Kultur. Parteienspots im Fernsehen 1957-1998. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2000.
8. Bergmann K. Der Bundestagswahlkampf 1998: Vorgeschichte, Strategien, Ergebnis. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002.
9. Günsche K.-L. Münteferings Kampf um die neue Mitte // Die Welt – 1998. – 12 März. – S.2.
10. Gaschke S. Invasion der Imagepfleger // Die Zeit – 1998. – 5 März. – S.1.
11. Bergmann K. Op.cit. S.123.
12. Günsche K.-L. Müntefering Testläufe oder Mit Blitzumfragen am Puls der Wähler // Die Welt – 1997. – 1 November. – S.2.
13. Bergmann K. Op.cit. S.334.
14. Conrad B. Union ändert ihre Wahlkampf-Taktik // Die Welt. – 1998. – 14-15 März. – S.1.
15. Emmert T. Das Ende einer Ära-Die Bundestagswahl vom 27. September 1998 / T. Emmert, M. Jung, D. Roth // Wahlen und Wähler : Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 1998 / H.-D. Klingemann, M. Kaase (Hrsg.). Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2001. S.17-56. doi: 10.1007/978-3-322-95630-9_1

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вторая половина прошедшего двадцатого века оказалась ознаменована серьезной трансформацией политической системы целого ряда стран Европы. К примеру, сразу после окончания Второй мировой войны Италия, Румыния, Болгария, Югославия сменили форму правления с монархической на республиканскую, а Западная Европа в полной мере ощутила на себе влияние американского образа жизни и, помимо прочего, американской политической культуры. Напомним, что для американской политической модели характерно не только двухпартийность, но и замена партийных функционеров на политтехнологов. Конечно, собственные политические традиции не могли исчезнуть в один момент, но тем интереснее проследить эволюцию политической жизни ведущих европейских стран в конце ХХ в.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является эволюция избирательных технологий в Германии в конце ХХ в. Автор ставит своими задачами проанализировать профессионализацию политической жизни ФРГ, рассмотреть избирательную кампанию 1998 г., определить причины перехода к новым формам политической борьбы.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать перемены в политической культуре ФРГ на примере предвыборной кампании 1998 г. Как отмечается в рецензируемой статье, в отечественной литературе «тема эволюции политической культуры ФРГ в части изменения практики использования предвыборных технологий затрагивалась лишь косвенно и не выделялась в особую исследовательскую проблему».

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 10 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на немецком языке, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на материалы периодической печати (*Die Welt*, *Die Zeit*). Из используемых исследований отметим монографию Кнута Бергмана «Избирательная кампания в Бундестаг 1998 года», сборник статей под редакцией Кристины Хольц-Бача «Кампании в медиа - медиа в кампаниях» и ее монография «Реклама на выборах как политическая культура». Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей политической культуры ФРГ, так и трансформацией методов политической борьбы в ФРГ, в частности. Аppeляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «1998 год стал заметной вехой в изменении устоявшихся традиций ведения предвыборной борьбы в ФРГ и внедрения

американизированной системы демократии в Германии». В работе показаны две методики предвыборной кампании: традиционная, представленная стратегией ХДС, и американизированная, которую проводила СДПГ. Автор обращает внимание на то, что «в конкуренции двух моделей проведения избирательной кампании явную победу одержала новая схема работы, предполагающая упор на личных чертах кандидатов в канцлеры, навязывание повестки в СМИ, активное использование Интернета, использование профессиональных услуг во всех сферах – от управления кампанией до проведения мероприятий при снижении роли партийного актива». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «инициатива в переходе к новым формам предвыборной борьбы принадлежала СДПГ, бережно оберегающей традиции политической работы и более зависимой от настроений рядовых членов партии, зачастую не одобряющих подобных новаций».

Главным выводом статьи является то, что «традиционная кампания, ведущаяся способами идеологического и программного конкурирования» показала свою неэффективность при взаимодействии с кампанией другого типа.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках политологических исследований.

К статье есть отдельные замечания: так, библиография статьи оформлена не по требованиям журнала.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Малыгина О.А., Ахмадулина С.З. — Донесение пристава XII Русской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками (первая половина XIX в.) // Исторический журнал: научные исследования. — 2023. — № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.38994 EDN: IJWRJH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38994

Донесение пристава XII Русской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками (первая половина XIX в.)

Малыгина Ольга Анатольевна

ORCID: 0000-0002-4244-2355

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник Института Внутренней Азии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670018, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Янтарная, 43

✉ kirienko-o@mail.ru

Ахмадулина Светлана Зиннатовна

ORCID: 0000-0002-8254-6036

кандидат исторических наук

доцент, кафедра религиоведения и теологии, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова

670000, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

✉ lana_clio@mail.ru

[Статья из рубрики "Верования, религии, Церкви"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.38994

EDN:

IJWRJH

Дата направления статьи в редакцию:

21-10-2022

Дата публикации:

27-02-2023

Аннотация: Русская духовная миссия в Китае на протяжении двух столетий выполняла функции форпоста Православия и внешнеполитического ориентира российского государства в Китае, наша задача заключается в анализе, выявленного и впервые

представленного научной общественности, отчета пристава XII Русской духовной миссии Н.И. Любимова. За 30 лет работы в Министерстве иностранных дел Н.И. Любимов собрал в своей коллекции весомый пласт официальных документов, личной и деловой переписки, воспоминаний, которые он забрал, уезжая из России. После его смерти документы были найдены и сегодня они хранятся в Российском государственном историческом архиве г. Санкт-Петербург. На основе подробного обращения к историческим документам проанализированы особенности взаимоотношений России и Китая во второй половине XIX века. Огромную роль в этом сыграла личность Н.И. Любимова, который непосредственно занимался составлением донесений, о важных событиях и действующих лицах китайской политики, анализируя возможность их использования в вопросах дипломатии, также примечательно, что пристав дает ценные советы по сбережению казенных средств за границей. Авторы приходят к выводу о том, что Русская духовная миссия в Китае, в целом и ее представители, в частности, являлись связующим звеном между двумя странами, источником достоверной информации о внутриполитической жизни Цинской империи, о его языке, традициях, истории, культуре и быте. Представители этой миссии длительное время выступали в качестве неофициального дипломатического представительства России в Китае.

Ключевые слова:

Николай Иванович Любимов, Пекинская духовная миссия, Русская Православная Церковь, Китай, российско-китайские отношения, архив, миссионеры, Азиатский департамент, чиновники, пристав

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 21-011-44156 «Миссионерская деятельность Русской православной церкви на территории Внутренней Азии в условиях трансграничья (XVII–XXI вв.)».

Введение. Деятельности пристава XII духовной миссии в Пекине Н.И. Любимова представляется актуальным для анализа истории Русской Духовной миссии в Пекине, ее важной роли в контексте контактов между двумя государствами – Россией и Китаем.

Во время работы по гранту РФФИ Малыгиной О.А. и Ахмадулиной С.З. в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург) был изучен фонд Канцелярии Синода (Фонд №796), в котором отражены дела о православных монастырях и церквях на территории России и за границей, о внутренних и зарубежных миссиях, духовных учебных заведениях. В данном фонде содержатся материалы Н.И. Любимова, сопровождавшего Пекинскую духовную миссию в 1840-1842 гг., пекинские записки, путевые журналы и записные книжки Н.И. Любимова за 40-60-е гг. XIX в. и др. (Российский государственный исторический архив Доступ: <https://fgurgia.ru/>. Дата обращения: 09.07.2022 г.).

Сама личность пристава XII духовной миссии в Пекине достаточно интересна. Согласно биографическим запискам Н.И. Веселовского, Николай Иванович Любимов родился 16 декабря 1808 г. в духовной семье. Окончив Московский университет со степенью кандидата, поступил на службу в Азиатский департамент министерства иностранных дел. Любимов быстро продвигался по служебной лестнице и часто награждался орденами. Н.И. Веселовский характеризует его как работоспособного и исполнительного человека, дает ему высокую оценку: «Все эти награды, дававшиеся Н.И. (Любимову) почти ежегодно, надо объяснять не протекцией, которой у него не было, а его замечательною

работоспособностью, очень ценимою начальством» [3, с. 2-3]. В 1836 г. Николай Иванович получил должность начальника 2-го отделения Азиатского департамента, а 20 апреля 1840 г. министерством иностранных дел был отправлен в качестве пристава сопровождать РДМ в Пекине, откуда вернулся 2 марта 1842 г. Вице-директором Азиатского департамента Любимов назначается 22 апреля 1843 г., а директором ведомства становится 10 марта 1852 г. После Крымской войны, 2 октября 1856 г. он получил чин сенатора. Скончался Любимов 31 августа 1875 г. в швейцарском г. Гайсе. Надо отметить, что он посетил Китай дважды, второй раз в 1845 г., в качестве секретного агента он также проник в Чугучак и Кульджу [5, с. 35]. Судьба личного архива Николая Ивановича Любимова особая, уезжая из России, он забрал все свои документы, все, что было накоплено за 30 лет работы в Министерстве иностранных дел с собой в Швейцарию и после его смерти рукописи были утеряны. И только благодаря упорству вдовы его друга М.Б. Аничковой на чердаке его дома в Швейцарии были найдены эти документы и переданы на хранение в российский архив (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25). Впоследствии большая часть документов Н.И. Любимова была опубликована, и новизна нашего исследования заключается в том, что нам удалось найти ранее не опубликованный отчет пристава XII Русской духовной миссии Н.И. Любимова за 1840-1842 гг., в котором освещены вопросы взаимодействия с китайскими чиновниками. Цель работы реконструкция исторические события о взаимоотношении России и Китая через призму личных взглядов пристава XII Н.И. Любимова, которые непосредственно нашли отражение в его донесениях.

Историография вопроса. Среди исторических исследований дореволюционного периода особое значение имеет работа Н.И. Веселовского о поездке Н.И. Любимова, под видом купца Хорошева, в западные китайские города Чугучак и Кульджу в 1845 году [3, 52 с.]. В указанной работе были опубликованы материалы донесения Н.И. Любимова о торговле, проводимой через г.Семипалатинск. Главная цель тайной отправки статского советника заключалась в анализе возможности распространения торговли России с западными областями Китая. Отметим, что обращение к личности и деятельности Н.И. Любимова отражено в большей степени в трудах современных историков, сквозь призму изучения российской духовной миссии в Китае. Интерес представляют работы российского востоковеда, китаеведа, специалиста в области истории взаимоотношений России, Китая, Японии и Монголии В.Г. Дацышена [4, 448 с.]. Научный интерес представляют работы С.Г. Андреевой, Н.А. Самойлова, Т.Ю. Фекловой, А.Н. Хохлова, В.Г. Шароновой о работе Пекинской духовной миссии в контексте российско-китайских отношений [1, С.79-86; 2, С. 187 с.; 8, С.48-76; 9, С.139-150, 11, С. 864-915; 12, С. 151-169]. Среди зарубежных авторов наше внимание привлекла работа сотрудника Токийского университета Куроянаги Тиаки о дипломатической функции Российской духовной миссии в Пекине во время Первой опиумной войны [5, С.32-43]. Анализируя исследования по заявленной теме, мы приходим к выводу о том, что деятельность Н.И. Любимова нашла свое отражение в трудах дореволюционной и современной исторической науки, опубликованы многие отчеты Н. Любимова о его пребывании в Китае. Однако материалы донесения в качестве пристава XII Русской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками, которые были обнаружены авторами в российском государственном историческом архиве, будут впервые опубликованы в данной статье.

Основная часть. В 1713 году указом Святейшего Синода Русской Православной Церкви была учреждена Русская Духовная Миссия в Китае. Начиная с 1715 года и до начала 1930-х гг. в Пекин было направлено два десятка миссий и свыше двухсот православных

проповедников. Уникальность миссии заключается не только в том, что по времени возникновения она была одной из самых ранних по времени основания среди зарубежных миссий Православной Церкви, но и выступала в качестве неофициального дипломатического представительства России в Китае. До 1864 года миссия подчинялась Святейшему Синоду и Коллегии иностранных дел (с начала XIX – Министерству иностранных дел России).

Длительное время Духовная миссия являлась связующим звеном между двумя странами, источником достоверной информации о внутриполитической жизни Китая, о его языке, традициях, истории, культуре и быте. Основная задача, которая была поставлена перед миссионерами – изучение китайского и маньчжурского языков, для ведения проповеднической деятельности, перевода богослужебной литературы на язык региона, изучения культурного наследия Китая.

Все эти годы миссионеры распространяли православную веру в Пекине и других районах Китая, вели большую работу по переводу богослужебных книг на китайский и маньчжурский языки, переводили на русский язык и публиковали сочинения по истории, культуре и современному положению Китая, выполняли различные дипломатические поручения, а начиная с 1917 г., приняли на себя труд по духовному окормлению и моральной поддержке многочисленной русской диаспоры, образовавшейся на территории Китая после трагических событий революции и гражданской войны в России [\[8, с. 50\]](#).

За весь период существования Русской Духовной Миссии на территории Китая появилось более тридцати православных храмов, учреждены мужские и женские религиозные школы, православная семинария, открылась библиотека, издательство, были выпущены различные тематические номера журнала «Китайский благовестник» на русском, китайском и английском языках, проводилась активная благотворительная деятельность.

Как было отмечено выше, особое положение миссии на территории Китая до 60-х гг. XIX в. привело к тому, что Внешнеполитическое ведомство России принимало непосредственное участие в подготовке каждой очередной духовной миссии в Пекин, снабжая начальников Миссий и приставов инструкциями и денежными средствами. При внимательном обращении участниками миссии мы видим, что помимо начальника, как правило, архимандрита, в ее состав входили иеромонахи, иеродиаконы, причетники, псаломщики, послушники, ученики, студенты, врачи, художники, прикомандированные (ботаники, астрономы, монголоведы), а также особая категория – приставы [\[7, с. 1-4\]](#).

Институт приставов был введен, начиная с 3-ей Российской духовной мисси (1736 – 1743 гг.), повторен при 5-ой, но окончательно утвердился с 8-ой Миссии (1794 – 1807 гг.). Пристав назначался из числа сотрудников внешнеполитического ведомства, либо из военных людей для сопровождения в Пекин новой Миссии и возвращения на родину предшествующей. Кроме того, пристав выполнял в Пекине отдельные дипломатические поручения, по мере необходимости привлекая к этой деятельности членов миссии, главным образом, учеников [\[2, с. 58\]](#). Не имея возможности привлекать профессиональных дипломатов, российское правительство вынуждено было обходиться деятельным участием церковно-политического представительства Православной церкви.

Возможно, поэтому работоспособный и исполнительный Н.И. Любимов, в момент поражение Китая в опиумной войне 1840-1842 гг., в период краха изоляционной политики страны и постепенном вытеснении российских товаров с китайского рынка был приставлен к Русской духовной миссии. Ведь именно в этот момент началась

конкурентная игра в Азиатском регионе, и российское правительство было крайне озабочено происходящими там политическими процессами. При отправлении Николай Ивановича Любимова в Пекин от Министерства иностранных дел Российской империи им были получены достаточно подробные инструкции: «<...> Министерство Иностранных дел, желая пояснить некоторые предметы, относящиеся как до Миссии, так и вообще до сношений наших с Китаем, инструкцией данной мне от 7 апреля 1840 г., удостоенного Высочайшим утверждением поручило мне вникнуть в следующие главные вопросы: 1. До какой степени Миссия наша по средствам связей своих в Пекине может быть полезным орудием Правительства для достижения, каких-либо политических видов <...>» (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 2). Азиатский департамент МИД в первую очередь интересовал отчет по политической части от пристава Н.И. Любимова. И он попытался максимально подробно разобраться в этом вопросе. Из документа понятно, что пристав Н.И. Любимов отправляясь за границу, получил задание, заняться мониторингом политической ситуации и выявлением лиц, которые могут быть полезны для воздействия на правительство Китая.

Как пишет Н.И. Любимов, «может ли миссия по средствам связей своих в Пекине быть для правительства полезным орудием в политических отношениях? Нам поручено было обратить особое внимание на <...> связи в Пекине, на свойство влиятельных там лиц, на политический характер китайцев и их правительства, чтобы на том вывести с некоторой основательностью заключение о степени таких услуг, каких мы можем ожидать от подобных связей в Пекине» (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 4). Перед присланным в Китай Н.И. Любимовым поставили задачу выяснить, как можно использовать духовную миссию в политических целях, если люди, через которых можно было бы воздействовать на правительства. Николай Иванович, подошел к решению этого вопроса основательно. Он изучил имеющихся в окружении миссии людей из китайского правительства, китайского окружения и дал им характеристики. Так, он считал, что «первое место» во взаимоотношениях может сыграть «родственник китайского императора Динь-Вань, который считался одним из важнейших сановников и сильным лицом при Пекинском дворе», он, по мнению, Н.И. Любимова был «из числа знакомых людей миссии» (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 4). Еще было несколько людей, на которых стоило бы обратить внимание были «китайский <...> Сю-Бандэ и нынешний командующий трибуналом внешних сношений Сай-Шангу», эти чиновники не просто занимали ключевые посты в китайском правительстве, но и пользовались значительным доверием в обществе. При этом анализируя сведения об окружении, Н.И. Любимов понимал, что нужно брать во внимание и более низших чиновников, таких например как начальники отделов. И он прекрасно осознавал, что это не просто взаимодействие органов власти, это еще и серьезная защита и покровительство против каких-либо притеснений или несправедливости (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 5). Любимов достаточно быстро разобрался в полезности важных сановников Китая и в каких вопросах их можно использовать.

В дальнейшем Н.И. Любимов пишет, что «основываясь на сих соображениях, я полагаю, что для связей наших в Пекине нужны своего рода границы, дабы не лишаться полезности, при действиях, а с другой не напрягать казну напрасными издержками. Поддержание всякого знакомства в Китае с каким-то не было даже мелкими лицами требует значительных издержек, необходимый китайский этикет требует, чтобы два раза в год (по новому китайскому году и в начале июля) посыпать подарки по всем знакомым лицам степень подарка <...> с важностью лица и не посыпать в эти дни подарков, значит прервать всякие знакомства» (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 8).

И момент подарков для привлечения на свою сторону китайских чиновников, стал «камнем преткновения» для Н.И. Любимов, он считал, что дарить подарки и «дружить» надо с китайскими чиновниками разного уровня, что нарушать этикет нельзя. С другой стороны он понимал и писал об этом в своем докладе, что китайцы очень подозрительно относятся к подаркам и подношениям, а эти подарки приводят к значительным затратам из средств миссии и российской казны. Говоря в своих посланиях о затратах, он акцентирует внимание на том, что для поддержания взаимоотношений с китайскими жителями и для соблюдения этикета подношения дают даже мелким чиновникам. А учитывая подозрительность китайцев, он считал не целесообразно тратить средства на огромное количество людей. Предлагал просто выделить два-три основных влиятельных чиновников и раз в год (накануне китайского нового года) делать эти подарки (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 8). Примечательно, что в данном контексте Н.И. Любимов заботливо относится к государственной казне и предлагает выход для экономии средств.

Подводя итог в своем докладе в МИД, Н.И. Любимов, еще раз говорит о том, что финансирование должно идти на определенных людей, но выбирать этих людей нужно достаточно тщательно. Именно, от них зависит в пользу или во вред китайские чиновники, и китайское общество будет взаимодействовать с миссией «этим и должны, ограничится наши старания в приобретении полезных связей в Пекине» (РГИА Ф. 796. Оп.448 Д. 25. Л. 9).

Вывод. Представители Русской духовной миссии в Пекине длительное время выступали в качестве неофициального органа дипломатического взаимодействия России и Китая. Анализ, впервые выявленного документа позволил авторам через призму личных взглядов пристава XII Русской духовной миссии Н.И. Любимова представить подробные сведения об интересующих Азиатский департамент Российской империи вопросах. Со знанием дела он изучил окружение и дал рекомендации по вопросам взаимоотношения с китайскими чиновниками. Четко определил должностных лиц с кем нужно взаимодействовать и кто в этот момент оказывает влияние на китайское общество. Понимая, что финансовые возможности Духовной миссии в Китае не безграничны, признавал, что совсем отказаться от трат, из-за правил этикета взаимодействия с китайскими чиновниками, не возможно. В своих донесениях выдвинул ряд предложений, способных снизить материальную нагрузку с финансовой стороны миссии. В целом, изучение Православной миссии в Китае имеет огромной интерес и историческую важность, позволяет представить механизм сближения двух стран и связанных с этим внешнеполитических интересов, оформления дипломатических, культурных, экономических отношений.

Библиография

1. Андреева С. Г. Миссионерская деятельность Русской (православной) духовной миссии в Китае // Религиоведение. 2009. № 1. С. 79-86.
2. Андреева С. Г. Пекинская Духовная Миссия в контексте российско-китайских отношений (1715–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Ин-т востоковедения РАН. М., 2001. 187 с.
3. Веселовский Н. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 году под видом купца Хорошева. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1909. 52 с.
4. Дацьшен В. Г. История российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховых апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
5. Куроянаги Тиаки. Дипломатическая функция Российской духовной миссии в Пекине

- во время Первой опиумной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 32-43.
6. Лысенко Ю. А., Ян Цуйхун. Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 8: История. С. 59–73.
7. Отчет о состоянии Пекинской Духовной Миссии в прошедшем 1907 году // Китайский благовестник. Выпуск 9-10.-Пекин, 1908. 46 с.
8. Самойлов Н.А. Изучение истории Российской духовной миссии в Китае: основные направления, подходы и перспективы// Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 2 (7). С. 48-76.
9. Феклова Т. Ю. Под сенью Церкви: научная деятельность Русской духовной миссии в Китае в XIX в. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 139–150.
10. Хохлов А. Н. Миссионерская деятельность Гурия Карпова до и после преобразования Пекинской духовной миссии в 60-е годы XIX в. Карповым // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 864–915.
11. Шаронова В. Г. Православная община в Ханькоу (1860–1910) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2020. № 2 (5). С. 151–169.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Донесение пристава XII Русской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками (первая половина XIX в.)

Название соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор не разъяснил выбор темы исследования и не обосновал её актуальность.

В статье не сформулирована цель исследования, не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор отчасти охарактеризовал круг источников, однако в статье их не использовал.

На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор пояснил, что из России до начала «1930-х гг. в Пекин было направлено два десятка миссий и свыше двухсот православных проповедников», и что

духовная миссия «выступала в качестве неофициального дипломатического представительства России в Китае» т.д. Автор сообщил, что «миссия являлась связующим звеном между двумя странами, источником достоверной информации о внутриполитической жизни Китая, о его языке, традициях» т.д., что «миссионеры распространяли православную веру в Пекине и других районах Китая, вели большую работу по переводу богослужебных книг на китайский и маньчжурский языки» т.д., что «на территории Китая появилось более тридцати православных храмов» т.д. Затем автор перечислил состав должностных лиц, акцентировав внимание на приставах и их функциях

Перейдя, видимо, к основной части статьи, автор неожиданно заявил, что «большое значение в изучении Пекинской духовной миссии играют архивные документы Российского государственного исторического архива» т.д., указал на содержание фонда Канцелярии Синода и сообщил, что только «благодаря упорству» М.Б. Аничковой, вдовы друга Любимова, «на чердаке его дома в Швейцарии» были найдены его личные документы, переданные на хранение в РГИА.

Далее автор кратко описал биографию Любимова, заключив, что «работоспособный и исполнительный Н.И. Любимов, в момент поражения Китая в опиумной войне 1840-1842 гг., в период краха изоляционной политики страны... был приставлен к Русской духовной миссии» т.д., охарактеризовал инструкцию, выданную ему. Затем автор сообщил, что новый пристав «изучил имеющихся в окружении миссии людей из китайского правительства, китайского окружения и дал им характеристики» т.д., а также «достаточно быстро разобрался в полезности важных сановников Китая и в каких вопросах их можно использовать» т.д. В следующем сюжете автор объяснил, почему Любимов настаивал на целесообразности «просто выделить два-три основных влиятельных чиновников и раз в год (накануне китайского нового года) делать эти подарки».

В статье встречаются незначительные описки, как-то: «Духовна миссия», «что Внешнеполитическое ведомство», «в момент поражение», «в период краха изоляционной политики страны и постепенном вытеснении», «В заключении отметим что,» и т.д.

Выводы автора носят обобщающий характер, обоснованы, сформулированы ясно.

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования. Выводы не отражают результатов исследования, проведённого автором, в полном объёме.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что «Любимов, прибывший в качестве пристава с XII Русской духовной миссией в Пекин, собрал подробные сведения об интересующих Азиатский департамент Внешнеполитического ведомства Российской империи вопросах» т.д. Автор резюмировал, что «изучение деятельности пристава XII духовной миссии в Пекине Н.И. Любимова представляется актуальным для анализа истории Русской Духовной миссии в Пекине» т.д.

Выводы, на взгляд рецензента, не проясняют цель исследования.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Донесение пристава XII Русской духовной миссии в Пекине Н. И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками (первая половина XIX в.) (Исторический журнал: научные исследования)

В сложных условиях современного мира основополагающее значение играют дружественные отношения государства со своими соседями, а тем более с Китаем. Многовековое добрососедство России и Китая всегда поддерживала Русская православная церковь. При многогранности взаимоотношений возрастает значение исследований, посвященных деятельности российских православных миссионеров. Недаром на европейском севере России интересуются биографией Бичурина не только как невольного жителя Валаамского монастыря, но и как члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Сибирские авторы исследуют участие в составе Русской духовной миссии в Пекине с конца XVII в. отправленных из Тобольска верхотурского священника Григория, Тобольского дьякона Лаврентия и других православных деятелей. Об интересе к истории русской православной миссии в Пекине свидетельствует и рецензируемая статья, в которой акцент сделан на роли православных миссионеров в изучении культуры Китая. Статья содержит все необходимые разделы научного исследования. Лаconичная историческая справка о возникновении и задачах миссии вводит читателя в поучительную историю русских православных миссий. Историографический обзор посвящен истории изучения конкретного деятеля миссии. Цель работы заключается в реконструкции исторических событий и взаимоотношениям России и Китая «через призму личных взглядов» пристава Н.И. Любимова. Новизна заключается в том, что в научный оборот введен не опубликованный отчет пристава за 1840-1842 гг., где показано, как складывалось и под влиянием каких условий развивалось взаимодействие с китайскими чиновниками. В статье имеется объяснение причин назначения Любимова: «Из документа понятно, что пристав Н.И. Любимов, отправляясь за границу, получил задание, заняться мониторингом политической ситуации и выявлением лиц, которые могут быть полезны для воздействия на правительство Китая». Новый источник дает неплохую характеристику китайской жизни на фоне деятельности православной миссии. Статья содержит информацию о повседневной жизни российских православных миссионеров и тем самым демонстрирует элементы повседневной культуры, как китайской жизни, так и российских миссионеров в Китае. Не менее важными являются данные об особенностях и формировании дипломатического этикета. Объективным итогом записок Любимова становятся выводы, что пристав закладывал основы и инициировал принципы постоянных дипломатических отношений России и Китая, а также утверждал в этом процессе взаимоотношений двух стран активную роль Русской православной церкви. Новые интересные, факты, приведенные в статье, привлекут внимание разных слоев читателей. Замечания по статье незначительны. Статья достойна публикации при условии тщательного редактирования для улучшения ее восприятия.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Саломатина С.А. — Банковский кризис 1880-х гг. в Российской империи: новые количественные данные и оценки // Исторический журнал: научные исследования. — 2023. — № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39571
EDN: GMGWPV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39571

Банковский кризис 1880-х гг. в Российской империи: новые количественные данные и оценки

Саломатина Софья Александровна

ORCID: 0000-0003-0748-6229

кандидат исторических наук

доцент, кафедра исторической информатики, исторический факультет, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, Ломоновский проспект, д. 27, корп. 4, оф. Г423

✉ ssalomatina@gmail.com

[Статья из рубрики "Количественные методы в истории, историческая информатика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39571

EDN:

GMGWPV

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2023

Аннотация: Исследование посвящено самому серьезному кризису в истории российских банков, когда в 1882–1889 гг. закрылись 49 городских общественных банков и 13 обществ взаимного кредита. Причины кризиса по-разному объяснялись в историографии, однако для уточнения этого вопроса не хватало данных об операциях всех городских банков и обществ взаимного кредита в 1880-е гг. Такой новый массив данных был создан для этого исследования по разным источникам. Сравнение динамики акционерных коммерческих банков, городских банков и обществ взаимного кредита за 1875–1895 гг. показало, что падение городских банков было особенно резким, глубоким и не совпадавшим по тренду с другим учреждениями. В работе доказывается, что причинами кризиса городских банков стали накопившиеся безнадежные кредиты, слабая финансовая устойчивость и отсутствие должного контроля со стороны городских дум и министерства финансов. Преодоление этих проблем стало новым этапом в истории банковского регулирования и надзора в Российской империи, что недооценено в историографии. «Выталкивание» городских банков из области рискованных операций было необходимо для защиты финансовых интересов городского самоуправления, при котором действовали эти банки. Однако у кризиса оказался еще и ярко выраженный

региональный аспект, потому что большая часть банкротств произошла в Центральном Черноземье, что объясняется кризисом аграрного экспорта из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию в сочетании с локальными неурожаями в первой половине 1880-х гг.

Ключевые слова:

городские общественные банки, общества взаимного кредита, коммерческие банки, банковский кризис, кредитный риск, банковское регулирование, банковский надзор, историческая статистика, Центральное Черноземье, Российская империя

Исследование проводится при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00342 "Эволюция коммерческих банков Российской империи, 1860-1913: новые концепции, данные, методы".

Автор выражает глубокую благодарность за ценные советы А. К. Кириллову, за помочь в подготовке карт Т. Я. Валетову, за помочь подготовке данных Э. Ю. Аблаеву, В. Я. Ивакину, И. М. Харитонову.

История банковских кризисов имеет дело с недооцененными рисками и переоцененными возможностями. Банковский кризис в Российской империи в 1880-е гг. долго не удавалось внятно объяснить в такой парадигме, потому что для этого сильно не хватало количественных данных об операциях городских общественных банков и обществ взаимного кредита. В этом исследовании такие лакуны были заполнены, в результате на первый план вышли вопросы о неоправданном кредитном риске, слабой финансовой устойчивости, запоздавшем банковском регулировании и надзоре, а также о региональных экономических катализмах, усугубивших сложное положение банков.

В центре нашего внимания находятся городские общественные банки и общества взаимного кредита. Их можно условно определить как коммерческие банки неакционерных форм собственности. Для XIX в. коммерческий банкинг — это кредит и услуги для предпринимателей, фирм и компаний, а также для держателей ценных бумаг в сочетании с депозитами и переводами для более широкой публики. В обществах взаимного кредита кредитоваться могли только их члены, которые брали на себя ответственность по обязательствам обществ, тогда как вкладчиками могли быть любые лица. Городские общественные банки были подотчетны городским думам и отдавали часть прибыли на городские проекты. Кроме преобладающего в их операциях коммерческого банкинга, эти банки могли предоставлять ипотечный и ломбардный (под залог вещей) кредит. Эти формы кредитных учреждений в нашем исследовании сравниваются с более мощными акционерными коммерческими банками.

В 1880-е гг. Российская империя пострадала от самого серьезного банковского кризиса за 1860–1913 гг. Термин «кризис» применяется к самому тяжелому периоду 1882–1889 гг., когда закрылись 49 городских общественных банков и 13 обществ взаимного кредита. Однако 1880-е гг. — это часть длинной депрессии, общемирового периода плохой экономической конъюнктуры. Для банковской системы Российской империи длинная депрессия продолжалась с 1875 г. примерно до 1893–1895 гг., поэтому в наших расчетах используются временные ряды за 1875–1895 гг. Кредитные учреждения уходили с рынка весь этот период: 60 из 294 городских банков и 24 из 119 обществ взаимного кредита. Акционерные коммерческие банки пострадали раньше, во второй половине 1870-х гг., это был другой кризис, который не является предметом нашего

исследования [\[3, с. 37–72\]](#).

Проблемы городских банков в 1880-е гг. известны в научной литературе. А. Н. Гурьев писал в 1904 г., что из-за несовершенства законодательства и контроля эти банки совершенно отошли от «своего прямого назначения» — кредитовать торговлю и промышленность в районе вокруг города [\[4, с. 198–199\]](#). Результаты изучения этой темы в советской историографии можно резюмировать цитатой И. Ф. Гиндина: «Решительный удар городским банкам нанесли затянувшаяся депрессия 1880-х годов, возобновившийся рост акционерных банков и подрыв доверия вкладчиков к городским банкам в результате бесконтрольного хозяйствичанья темных дельцов в отдельных банках» [\[3, с. 45\]](#). В современных исследованиях А. К. Кириллов добавил к этому усиление государственного регулирования как причину сжатия системы городских банков после кризиса [\[7, с. 54–76\]](#) [\[8\]](#). В его работах анализируются отчеты городских банков Западной Сибири, среди которых не было банкротов, тем не менее автор на микроуровне показал процесс сокращения активов банков, расположенных далеко от эпицентра кризиса, который, как показано в нашей работе, находился в Центральном Черноземье. В статье С. А. Саломатиной и А. Б. Божинова доказывается слабая финансовая устойчивость городских банков накануне кризиса и заметное ее усиление впоследствии в результате мер государственного регулирования и надзора [\[16\]](#). Основой расчетов для такого вывода стали дореволюционные статистические сводки на 1 января 1882 и 1895 гг. В этой статье также содержится обзор современной историографии городских общественных банков, из которого следует, что кризису 1880-х гг. не хватает общенациональных обобщений по статистическим данным [\[16, с. 176–178\]](#). Исходя из вышесказанного, появление новых данных должно привести к уточнению причин и последствий кризиса.

Как уже отмечено выше, изучению кризиса мешало отсутствие сводок по операциям всех городских банков и обществ взаимного кредита за 1883–1894 гг., а также списка закрывшихся учреждений. Эта проблема решена в нашем исследовании, для которого создан новый массив данных за 1875–1895 гг., в котором учтены активы всех этих учреждений, а также зафиксированы все факты их ухода с рынка. Список источников этой коллекции данных приводится в приложении.

По этим новым данным заметны существенные различия в динамике городских банков по сравнению с обществами взаимного кредита и акционерными банками. Эта разница сделала приоритетным вопрос об институциональных изменениях в системе городских банков в связи с кризисом. В нашем исследовании обосновывается, что к этому кризису привели ненадежные кредиты, неустойчивое финансовое положение, отсутствие достаточного контроля со стороны как городов, так министерства финансов. Проблемные банки закрылись в кризис. Для остальных были усилены меры регулирования и надзора. В результате активы городских банков значительно сократились. Ограничение риска в городских банках было необходимо для защиты финансовых интересов городского самоуправления, которому эти банки подчинялись.

Однако у кризиса 1880-х гг. оказался сильный региональный аспект, потому что большая часть банкротств произошла в Центральном Черноземье. В нашем исследовании это объясняется расширением в 1870-е гг. экономики аграрного экспорта по железным дорогам на запад, а затем резким сжатием этого сектора в начале 1880-х гг. из-за общемирового кризиса аграрных цен и чреды локальных неурожаев.

Кроме статистики, в качестве источников сведений о риске, регулировании и надзоре

используется законодательство, а также материалы ревизий банков министерством финансов, которые сильно недооценены в историографии [18, с. 123–139], хотя А. Н. Гурьев писал о них в 1904 г. [4, с. 201–202]. В качестве исторического нарратива используется текст Петра Черкасова, учредителя маленького стабильного Соликамского городского общественного банка в Пермской губернии, который накануне кризиса, в мае 1882 г., выступил за усиление контроля и надзора, причем предлагал более жесткие меры, чем в итоге были применены [20]. Однако, стоит отметить, что критика регулирования городских банков публиковалась и раньше [9, с. 105–115]. Черкасову оппонировал автор еще одного нарратива, экономист Власий Судейкин, который в 1884 г. высказал предположение, что городские банки законодательно «задушили» [19, с. 43–48]. Однако проблема этого нарратива в том, что аналогичные меры были применены и к акционерным коммерческим банкам, операции которых в 1880-е гг. росли. В качестве примера докризисного кредитного риска при отсутствии контроля использована история краха Скопинского городского общественного банка в октябре 1882 г. по современному тексту А. В. Белякова, в котором она изложена по опубликованному следственному делу, воспоминаниям и архивным документам [2]. Еще одна история краха, второго по размерам активов Орловского городского общественного банка в июне 1884 г., рассказана в 1888 г. от имени орловского городского головы Дмитрия Волкова и двух гласных думы, когда они пытались получить правительенную ссуду, чтобы разобраться с долгами города и банка [14].

Для объяснения региональных аспектов кризиса использованы материалы наших предыдущих статей, в которых статистика из отчетов Орловского коммерческого банка и Государственного банка Российской империи (далее – Госбанк) по отделениям в Орле и Ельце сопоставляется с историческими нарративами о региональной экономической конъюнктуре [15] [17]. К таким нарративам относятся фрагменты из отчетов орловских губернаторов, обзоров Министерства земледелия и государственных имуществ («... год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев»), земских публикаций и некоторых других текстов.

Статья имеет следующую структуру: в первом разделе анализируется динамика кредитных учреждений разных типов за 1875–1895 гг., во втором разделе рассматривается проблема чрезмерного кредитного риска в городских общественных банках, в третьем разделе показано, как банковское регулирование и надзор были направлены на снижение этого риска, в четвертом разделе представлен региональный аспект кризиса. В приложении кратко излагается методика сбора данных для исследования и приводится список использованных для этого источников.

Таким образом, заполнение лакун в количественных данных по городским общественным банкам и обществам взаимного кредита приводит к необходимости по-новому взглянуть на известный историографический сюжет и пересмотреть устоявшиеся оценки.

Динамика кредитных учреждений в 1875–1895 гг.

Во время длинной депрессии сильно не совпадали фазы и глубина кризисов кредитных учреждений разных типов — городских общественных банков, обществ взаимного кредита и акционерных коммерческих банков. Это следует из анализа динамики этих учреждений за 20 лет (с 1 января 1875 г. по 1 января 1895 г.), представленной в этом разделе. В центре внимания находятся три вопроса: когда снижалась численность учреждений, когда падали их активы (объемы операций в целом) и, более узко, когда из

них наблюдался отток вкладов.

На рисунке 1 показана численность кредитных учреждений. Городские общественные банки выведены на правую шкалу, потому что их было раза в 2–3 больше. Акционерные банки представлены суммой правлений (главных офисов) и отделений, их численность падала в 1875–1881 гг., затем очень медленно росла, а с 1894 г. началось бурное расширение региональных филиальных сетей. По городским общественным банкам и обществам взаимного кредита наблюдается совсем другая тенденция. Их рост, хотя и с периодами плато, продолжался до 1883 г., затем численность городских банков быстро снижалась до 1889 гг., после чего этот процесс замедлился. Численность обществ взаимного кредита сокращалась очень постепенно.

Если сравнить масштаб потерь, то из 88 подразделений акционерных банков было утрачено 19. Как уже упоминалось, из 294 городских банков за весь период с рынка ушли 60, из них 49 в 1882–1889 гг. Из 119 обществ взаимного кредита было утрачено 24, из них 13 в 1882–1889 гг. Таким образом, за всю длинную депрессию количество учреждений разных типов сократилось на 20–22 %.

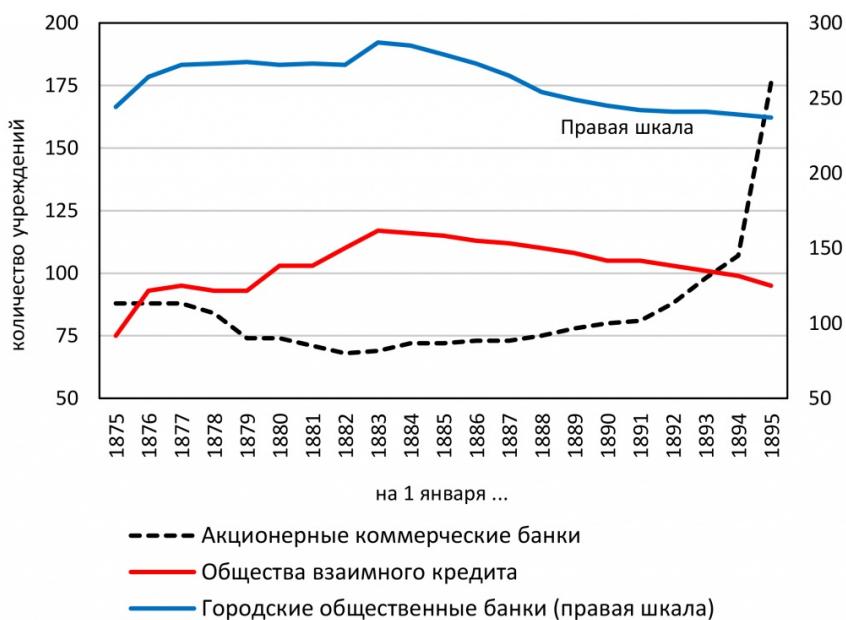

Рисунок 1. Количество банков разных типов в 1875–1895 гг.

Примечание: для акционерных коммерческих банков показано в сумме число правлений (главных офисов) и отделений.

Источники: база данных, созданная автором по источникам, указанным в Приложении.

На рисунке 2 представлена динамика совокупных активов. Это сумма обязательств банку (активы) или банка (пассивы) является наиболее обобщенным показателем масштаба его операций. Однако теперь на правой шкале показаны активы акционерных банков, в 2–3 раза превосходившие активы других учреждений.

Операции акционерных банков падали в среднем на 5% в год в 1875–1880 гг., это и был их кризис, дно которого пришлось на 1880–1881 гг., затем в 1880-е гг. наблюдался рост в среднем 3% в год, а в первой половине 1890-х гг. — 9%. По обществам взаимного кредита роста не было все 20 лет, однако ситуация была наихудшей в 1884–1886 гг. (–4% в год) и в 1894 г. (–12%). Городские общественные банки в 1875–1882 гг. росли в среднем на 7% в год, затем семь лет (1883–1889 гг.) падали в среднем на 7%, а в 1890-е гг. их активы оставались на одном уровне. Получается, что самый глубокий и

длительный спад был именно в системе городских банков.

На рисунке 3 показана динамика депозитов (вкладов и текущих счетов всех видов), причем акционерные банки опять выведены на правую шкалу из-за большого объема операций. Изменения в сумме депозитов помогают оценить уровень доверия к банковской системе: снижение доверия означает изъятие депозитов.

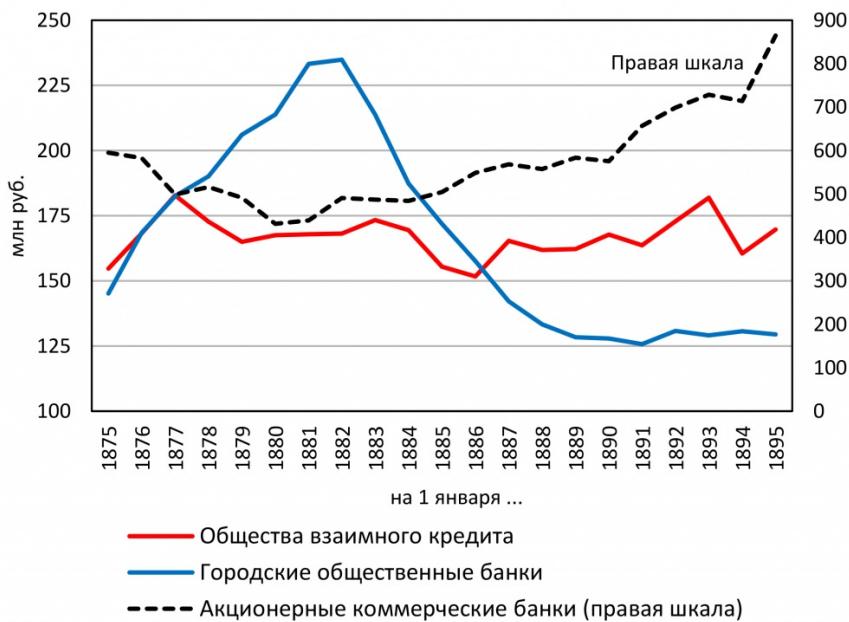

Рисунок 2. Активы банков разных типов в 1875–1895 гг.

Источники: см. Источники к рисунку 1.

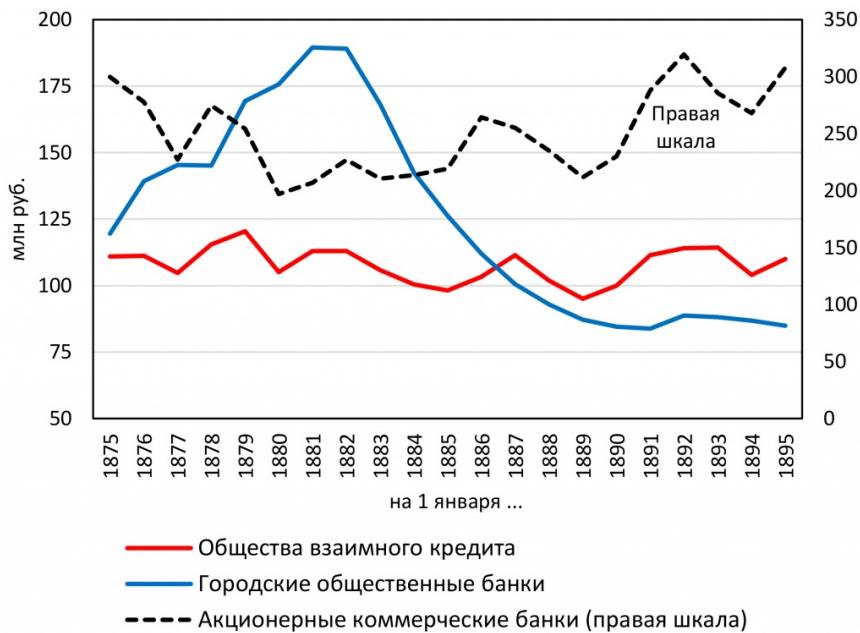

Рисунок 3. Депозиты банков разных типов в 1875–1895 гг.

Источники: см. Источники к рисунку 1.

Депозитная операция акционерных банков была намного менее стабильна, чем активы на рисунке 2. Однако если выделять тренды, то депозиты падали в среднем на 5% в год до 1880 г., а затем с колебаниями росли в среднем на 3% в год. У депозитов в обществах взаимного кредита не было повышательного тренда. Однако у этих двух рядов есть высокая положительная корреляция 0,77 с вероятностью ошибки менее 1%, рассчитанная по годовым приростам для исключения тренда. Такая корреляция

означает, что колебания депозитов в банках разных типов зависели от общей ситуации в экономике: в неблагоприятные периоды вклады везде изымались, в периоды улучшения, наоборот, поступали. Динамика депозитов в городских банках, наоборот, никак не коррелировала с другими кредитными учреждениями, а значит и с рынком в целом. До 1882 г. был рост в среднем по 7% в год, затем до 1890 г. — падение в среднем по 8%, а в 1890-х гг. депозиты оставались на одном уровне.

Сжатие городских банков можно рассмотреть более детально и в сравнении с обществами взаимного кредита. В таблице 1 активы на 1 января 1882 и 1890 гг. показаны отдельно для закрывшихся, выживших и новых учреждений. В 1882 г. активы всех городских банков составляли 231,6 млн руб., из них активы банков, обанкротившихся к 1890 г. — 51,3 млн руб. (-22,1%). Активы банков, выживших к 1890 г., сжались на 54,5 млн руб. (-23,5%). Таким образом, от активов 1882 г. к 1890 г. осталось лишь 54,3%. Активы новых банков составили 2,1 млн руб. Итоговая сумма активов к 1890 г. — 127,9 млн руб. Получается, что городские банки потеряли почти половину активов в равной мере за счет ухода банков с рынка и за счет сжатия оставшихся.

Таблица 1. Изменения в активах городских общественных банков и обществ взаимного кредита от 1 января 1882 г. к 1 января 1890 г.

Активы	Городские общественные банки		Общества взаимного кредита	
	в млн руб.	в %	в млн руб.	в %
Все активы в 1882 г.	231,6	100,0	173,8	100,0
За исключением закрывшихся в 1882–1889 гг.	-51,3	-22,1	-10,5	-6,0
Изменения активов выживших в 1882–1889 гг.	-54,5	-23,5	+3,0	+1,7
Осталось в 1890 г. в % к 1882 г.		54,3		95,7
Новые учреждения за 1882–1889 гг.	+2,1		+1,4	
Итого активов в 1890 г.	127,9		167,8	

Рассчитано по: см. Источники к рисунку 1.

Ситуация с обществами взаимного кредита была явно лучше. На 1 января 1882 г. их активы составляли 173,8 млн руб., из которых 10,5 млн руб. приходилось на закрывшиеся общества (-6%). Выжившие общества не сократили, наоборот, немножко увеличили активы (на 3 млн руб., +1,7%). От активов 1882 г. к 1890 г. осталось 95,7%, т. е. сокращение было минимальным; 1,4 млн руб. добавилось за счет новых обществ, и итоговая сумма на 1890 г. получилась 167,8 млн руб.

В итоге длинная депрессия сократила численность банков всех видов примерно на 20–22%. Кризис акционерных банков ограничивался 1875–1881 гг., затем они росли, постепенно ускоряясь. Общества взаимного кредита не особо наращивали операции, но и сильно не сокращали их все 20 лет, это и есть депрессия. Городские банки только после 1882 г. начали закрываться, сжиматься по активам и терять депозиты. Этот

процесс был наиболее ярко выражен в 1882–1889 гг., после чего почти совсем замедлился. Такая динамика наводит на мысль, что ее причиной были институциональные изменения в системе городских банков, этот вопрос разбирается далее.

Кредитный риск в системе городских банков

В этом разделе многие хорошо известные факты из истории городских банков переосмысливаются с точки зрения повышенного кредитного риска, распространившегося по этим банкам до кризиса. Слабое законодательное регулирование и недостаток контроля дали возможность городским банкам с 1862 г. проводить рискованные операции в том смысле, что деньги вкладчиков размещались в кредитах, которые вряд ли будут возвращены. Вопрос был в том, когда доверие к банкам упадет настолько, что истребование вкладов превысит приток новых вкладов, или же отсутствие платежей клиентов по просроченным кредитам приведут к тому, что касса банка окажется пустой, что и есть банкротство. Сигналы, что с кредитными портфелями городских общественных банков не всё в порядке, поступали и в 1870-е гг. Однако напряжение с наличностью стало ощущаться только в начале 1880-х гг., и кризис стал вопросом не очень отдаленного времени.

Исторический контекст понятий «избыток риска» и «недостаток контроля» проще всего проиллюстрировать двумя самыми крупными и резонансными банкротствами тех лет в Скопине и в Орле.

Скопинский городской общественный банк, который с момента основания в 1863 г. возглавлял директор Иван Гаврилович Рыков (1831–1897), лопнул в октябре 1882 г. Факты, вскрывшиеся в ходе следствия по уголовному делу, потрясли современников, отразились в художественной литературе, и даже сейчас часто упоминаются в научно-популярном контексте. Попробуем посмотреть на риск и контроль в этом деле через историю, систематизированную А. В. Беляковым [2].

Риск в скопинской истории заключался прежде всего в том, что огромные депозиты заведомо не было возможности прибыльно поместить в кредиты, которые принесли бы банку доход. Банк постоянно был занят привлечением новых вкладчиков, причем по всей стране, за счет повышенных процентных ставок и рекламы в газетах. К 1 января 1882 г. банк небольшого уездного города Скопина «раздулся» до размеров петербургских и московских акционерных коммерческих банков, являясь крупнейшим городским банком в стране (активы 13,4 млн руб.) [6, 110–111, 246–247]. Деньги вкладчиков Скопинского банка шли на льготное кредитование лиц, близких к банку или полезных ему на уровне города, губернии и за ее пределами, а также на многочисленные потребности города Скопина и его жителей. При таком вольном подходе к кредитованию систематический невозврат и переписывание на новые сроки значительной части кредитов были обычным делом. Банк существовал, пока ему удавалось привлекать новые вклады.

Контроль за деятельностью руководства Скопинского банка отсутствовал. Поскольку реальная модель операций банка не предполагала прибыли, отчетность приходилось фальсифицировать. Руководство как города, так и губернии смотрело на это сквозь пальцы в значительной степени потому, что само было должно банку значительные суммы. Служащие банка тоже участвовали в этой схеме, потому что получали высокую зарплату и льготные кредиты. Эта схема в целом так или иначе была выгодна очень многим, потому что банк инвестировал в городское благоустройство и

благотворительные проекты, а приток денег в принципе был благоприятен для города и его экономики.

Как долго такой банк мог продержаться? Есть признаки, что Скопинский банк действовал в таком режиме довольно долго — лет пятнадцать. Повышение процентов по вкладам началось с 1867 г., когда пришел более покладистый городской голова. Требования о проверке операций банка поступали с 1869 г. Заметки в прессе, намекавшие на неблагополучие, появлялись и в 1870-е гг. Однако превышение оттока над притоком вкладов стало устойчивым только в 1882 г. Уголовное дело было открыто 22 сентября, и 12 октября было объявлено о банкротстве.

Еще одно крупное банкротство с уголовными последствиями постигло Орловский городской общественный банк, действовавший тоже с 1863 г. Однако здесь уже речь идет о банке губернского центра, а не уездного, как Скопин. По размеру активов на 1 января 1882 г. банк в Орле был четвертым городским банком (6,5 млн руб.) [\[6, с. 244–245\]](#). Банкротство было объявлено 27 июня 1884 г. История краха рассказана в марте 1888 г. от лица городского головы Дмитрия Волкова и двух гласных думы, когда масштаб проблем, постигших город, уже был понятен, но пока было неясно, как они будут в итоге разрешены [\[14, с. 5–10\]](#).

Примечательно, что в этой истории акцент сделан именно на большое количество ненадежных кредитов в портфеле банка, т. е. она про риск. Директор банка, Иван Алексеевич Авилов, купец и почетный гражданин г. Орла [\[1, с. 54\]](#), кредитовал близких к себе лиц, «втянул в вексельную операцию» тех, чья кредитоспособность была слабой. Тема бесконтрольности звучит очень похоже на скопинскую историю: Авилов «поработил правление, большинство состава городской думы», потому что все они являлись должниками банка. В результате отчеты утверждались думой не глядя. Ни у городских властей, ни у назначаемых ими ревизоров не было доступа к списку клиентов банка по кредиту.

С начала 1880-х гг. стали возникать слухи о злоупотреблениях в банке и ненадежности его кредитного портфеля, затем эти слухи усилились, доверие к банку поколебалось. Основные события орловской истории разворачивались в 1883–1884 гг. Наиболее независимые гласные думы стали требовать правительенную ревизию. Началась паника вкладчиков. Притока денег в кассу не хватало. Орловское отделение Госбанка начало экстренно кредитовать городской банк, доведя сумму кредита до 1,5 млн руб., но этого оказалось недостаточно, чтобы погасить панику. Дума боролась за банк как могла, обновила правление, вела переговоры с правительством о ссуде до 2,5 млн руб., но банк прекратил платежи раньше. В результате конкурсное управление по долгам банка было открыто одновременно с уголовным делом.

К началу 1888 г. из примерно 5,5 млн руб. обязательств банка по вкладам и текущим счетам вернуть вкладчикам удалось 2 млн руб. Оставалось 3,5 млн руб., по поводу которых было опасение, что их придется возвращать за счет города. Более того, Орел был должен банку 860 тыс. руб. по кредиту на строительство двух мостов через реки Оку и Орлик. Фактически речь шла о банкротстве Орла, которое формально произойти всё же не могло, однако долги могли «висеть» на городе годами, что в итоге произошло в Орле, как, впрочем, и в Скопине.

В какой мере истории в Скопине и в Орле являлись типичными? Конечно, в Скопинском крахе есть уникальность — слишком большой лопнувший банк в маленьком городе. Однако в какой мере ненадежные кредиты и отсутствие контроля были системной

проблемой городских общественных банков? Петр Черкасов, учредитель Соликамского городского банка, объяснил связь между повышенными процентными ставками по депозитам, о которых упоминается в скопинской истории, и ненадежным кредитным портфелем [20, с. 14]. При дорогих для банка депозитах кредитовать тоже нужно по высоким ставкам, чтобы получить прибыль на разнице между доходами по кредитам и расходами по вкладам. Крупные предприниматели с солидной репутацией найдут кредит по более низким ставкам в отделениях Госбанка или в акционерных коммерческих банках, куда им было проще получить доступ из-за высокого статуса. Городские банки с дорогими депозитами будут вынуждены кредитовать тех, кто согласен на повышенные кредитные ставки, а это клиентура с заведомо более низкой платежеспособностью.

По мнению Черкасова, слишком консервативному, как будет ясно далее, проценты по срочным вкладам не должны были превышать 5% [20, с. 27]. Комитет съездов акционерных коммерческих банков систематизировал информацию из годовых отчетов о процентных ставках по депозитам в городских общественных банках на 1 января 1882 г. [6, с. 271-280] Они рассчитали средние за год ставки по всем депозитам (вкладам и текущим счетам, исключая вечные вклады) как отношение начисленных процентов к среднему балансовому остатку. Результат оказался интересным, даже с учетом несовершенства банковской отчетности. У подавляющего большинства банков (76%), для которых среднегодовая процентная ставка могла быть рассчитана, она оказалась более 5%, т. е. Черкасов предложил слишком низкий порог. Тем не менее, в этом массиве есть данные по 43 банкам, которые закрылись до 1890 г. В этой группе дорогие депозиты, со ставкой более 6%, были у 18 банков, или у 42%. По всей системе таких банков с дорогими депозитами было намного меньше, лишь 17%. Примечательно, что среди банкротов почти не было банков с дешевыми депозитами со ставкой до 5%, тогда как по всей системе их было почти четверть, или 24%. Таким образом, дорогие депозиты часто были именно у банков-банкротов, хотя это явно не единственная причина их краха.

Другими косвенными признаками раздутых депозитов, которые не удалось надежно вложить в кредиты, является размер банков-банкротов и масштаб сжатия выживших банков после того, как в них навели порядок. Всего с 1878 по 1889 г. закрылся 51 городской банк, из них 28 учреждений были с активами выше медианы по уровню 1882 г. (более 377 тыс. руб.), а это более половины всех банкротов (54%). Сжатие активов выживших банков также было значительным. Если в 1882 г. средний банк имел активы в 852 тыс. руб. ($\pm 1,5$ млн руб., стандартное отклонение), то к 1890 г. уже только 522 тыс. руб. (± 921 тыс. руб.).

Таким образом, сочетание дорогих пассивов с низкокачественными кредитами было одной из системных проблем городских общественных банков. Вопрос, как такая ситуация стала возможной, рассматривается в следующем разделе.

Развитие банковского регулирования и надзора

В этом разделе показано, что реальное наведение порядка в системе городских банков началось с 1882 г., причем законодательные нормы тогда ужесточались одинаково для акционерных и городских банков, поэтому роль законодательства в сжатии городских банков в научной литературе переоценена, тогда как совсем осталось без внимания начавшиеся в те же годы массовые правительственные ревизии городских банков. Все эти меры «вытолкнули» городские банки из области риска, что стало причиной существенного снижения масштабов их операций. Это была своего рода плата за

восстановление доверия к этим банкам и повышение имущественной защиты городов, которым эти банки подчинялась. Далее об этом рассказывается более подробно. Законодательное регулирование обществ взаимного кредита не рассматривается в нашей работе, потому что финансовая ответственность их членов подчиняется другим принципам.

Вопрос об усилении контроля в 1880-е гг. необходимо рассматривать прежде всего в контексте изменений законодательства. Для этого нужно еще раз обратиться к трем главным вехам в регулировании городских общественных банков — Положения 1857 и 1862 гг., а также изменения Положения 1862 г., принятые в 1883 г. (Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). II собр. № 31967. Положение о городских общественных банках от 10 июня 1857 г.; № 37950. Нормальное Положение о городских общественных банках от 6 февраля 1862 г.; III собр. № 1526. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении нормального Положения о городских общественных банках» от 26 апреля 1883 г. К Положению 1862 г. есть ряд более ранних уточнений: ПСЗ. II собр. № 43311, 48964, 59676.)

Разница между положениями 1857 и 1862 гг. оказалась значительной. В 1857 г. контроль реализовывался через ограничение операций городских банков, которые могли принимать депозиты и кредитовать только в своем городе по процентным ставками как у государственных кредитных учреждений, размеры кредитов для купцов разных гильдий и для владельцев недвижимости были указаны в самом положении, а прибыль могла идти только на цели, указанные в уставе. Таким образом, правление не могло устанавливать по своему желанию регион деятельности банка, процентные ставки, кредитные лимиты и распределение прибыли.

Положение 1862 г. дало городским банкам все возможности коммерческого банка той эпохи в сочетании с ипотечным и ломбардным кредитом. Однако теперь банки не были ограничены своими городами, правление могло управлять процентными ставками (ст. 32, 46), кредитными лимитами, а также распределять прибыль по своему усмотрению (ст. 120, 121). Противовесом такой свободе должна была стать ответственность руководства и служащих банка (ст. 8–11), а также контроль со стороны городской думы, прежде всего через систему регулярной отчетности (ст. 19–21). Появилась и пресловутая статья 25 «Вверенные банку вклады обеспечиваются ручательством всего городского общества, которое отвечает и за целость всех сумм банка», однако она совсем не сочеталась с возможностями получить в том же банке кредит под залог городской недвижимости, к тому же так и осталось непонятным, кто именно из горожан каким имуществом должен отвечать в случае банкротства банка.

Как уже известно на примере Скопинского и Орловского банков, проблема оказалась в том, что представители городского самоуправления легко попадали в зависимость от руководства банка. Приток вкладов свыше региональных возможностей давал правлению свободные средства для этой коррупционной схемы. Более того, не было реального внешнего контроля за городскими банками со стороны министерства финансов [\[20, с. 7–8\]](#) [\[19, с. 24\]](#).

Изменения 1883 г. усиливали контроль, а также была сделана попытка разобраться с ответственностью городов по долгам банков. Для новых банков статья 25 отменялась. Гарантией по вкладам теперь являлся собственный капитал банка и дополнительно по желанию выделенное свободное городское имущество, на операции с которым министр финансов должен был наложить запрет. Старые банки могли ходатайствовать о переходе на эти новые правила (ст. 1, прим. 1, прим. 2).

Увеличивалось число запретов на одновременное занятие должностей в банках и в городском самоуправлении, теперь под запрет попадали еще и родственники, а также представители одной фирмы. Эти меры должны были сделать менее герметичными местные коалиции вокруг банков (ст. 4–6). К этой же группе правил нужно отнести возможность для городской думы учредить при банке учетный комитет для оценки качества принимаемых к учету векселей и определения кредитных лимитов для клиентов (норма 1879 г. — ПСЗ. II собр. № 59676).

Вводились или повышались нормативы по кассовым резервам, собственным капиталам и кредиту одному лицу. Это были классические меры по снижению риска банковской деятельности. Резервы (касса и текущие счета в Госбанке) должны были составлять не менее 10% обязательств банка (ст. 22), чтобы всегда были средства для выплат по депозитам. Та же норма вводилась для акционерных коммерческих банков с пояснением, что постоянное 10%-ное резервирование может быть использовано только для выплат по обязательствам, а не для других операций. Однако если этот резерв начинает тратиться, его нужно или быстро пополнять, или сокращать кредитование (ПСЗ. III собр. № 1484. Ст. 3). Из этого следовало, что банки должны были держать резервы выше 10%, чтобы иметь возможность проводить и другие операции. В статье С. А. Саломатиной и А. Б. Божинова анализируются похожие коэффициенты, рассчитанные по данным на 1 января 1882 г. и 1895 г., приближенные к современным методикам оценки финансовой устойчивости кредитных учреждений: доля высоколиквидных активов (касса, текущие счета в других банках и государственные ценные бумаги, принадлежавшие банку), а также отношение высоколиквидных активов к текущим счетам и близким к ним по форме бессрочным вкладам [16, с. 184–190]. Результаты этого анализа показывают, что норма резервирования появилась не случайно, потому что к 1882 г. все банки, но особенно будущие банкроты, держали резервы на крайне низком уровне, точно ниже 10%. Слабые резервы могли свидетельствовать еще и о плохом притоке средств от кредитования, что косвенно подтверждает гипотезу о низкокачественных кредитных портфелях городских банков накануне кризиса. После реформы выжившие банки подняли резервы ближе к 15%.

С 1883 г. усиливался контроль за достаточностью собственных капиталов банка: теперь обязательства должны были быть не более чем в пять раз больше суммы его основного и запасного капиталов (ст. 21), тогда как ранее — не более чем в 10 раз (ПСЗ. II собр. № 48964). Та же норма вводилась и для акционерных коммерческих банков (ПСЗ. III собр. № 1484. Ст. 4.). Чем ниже был размер капитала относительно депозитов, тем больше банк зависел от поведения вкладчиков, которые, как правило, легко поддавались панике. В пересчете в проценты от суммы активов капиталы по новым нормам должны были составлять не менее 17%. У будущих банкротов в 1882 г. этот показатель был ниже, а после реформы выжившие банки подняли этот коэффициент в среднем до уровня более 30% [16, с. 190–193].

Еще одной нормой, о которой часто упоминается в историографии, является ограничение кредита одному клиенту. Для акционерных банков норма была не более 1/10 основного капитала, а для городских банков — основного и запасного капитала вместе взятых (ПСЗ. III собр. № 1484. Ст. 6; № 1526. С. 32). Однако эта норма менее значима, чем вышеупомянутые нормирование резервов и основного капитала, потому что она всё равно допускала достаточно крупных клиентов по кредиту, что могло стать проблемой для банка в случае их дефолта.

Таким образом риск был системной проблемой городских банков к 1882 г., но после

введения лимитов по операциям он явно снизился. Однако эти лимиты не были главной причиной сжатия системы городских банков, потому что эти ограничения были одинаковыми для городских банков, операции которых падали, и акционерных коммерческих банков, которые в тот период росли.

Важным фактором, повлиявшим на систему городских банков в 1880-е гг., стали массовые внутренние и внешние ревизии, вынудившие банки привести в порядок активы. Нормы 1883 г. усиливали городские ревизии и добавляли к ним прямые правительственные ревизии (ст. 9–19). Ревизионная комиссия для проверки годового отчета теперь избиралась закрытым голосованием городской думы, имела два месяца, а не один, как раньше, на проверку отчета. Решения думы по поводу выявленных в банках проблем должны были приниматься также закрытым голосованием. Городская дума могла через губернатора запрашивать правительенную ревизию, которую должно было проводить министерство финансов. То же самое могли сделать гласные думы, если их набиралась пятая часть от общего состава. Ревизия должна была проводиться в присутствии выбранных для этой цели представителей думы. Ее результаты сообщались думе через губернатора. Однако независимо от этой процедуры министр финансов по согласованию с министром внутренних дел имел право напрямую назначить чрезвычайную ревизию банка.

Ревизии действительно стали очень распространенным явлением. Многие отчеты городских банков за 1883–1885 гг., которые удалось просмотреть в Российской государственной библиотеке (РГБ), в Российской национальной библиотеке (РНБ), в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (ф. 583, оп. 2) содержат расширенные отчеты ревизионных комиссий, из которых следует, что с делами банков действительно пытались разобраться.

В 1898 г. Особенная канцелярия опубликовала материалы 68 правительенных ревизий, которые прошли в 1883–1891 гг. [\[18, с. 123–139\]](#) Получается, что из примерно 293 банков, существовавших в те годы, примерно четверть (!) подверглась этой процедуре. Как правило, это были не те банки, что позже закрылись. Однако для всех выживших банков ревизии были дисциплинирующим фактором.

Обзор ревизионных материалов из публикации Особенной канцелярии сделан в статье С. А. Саломатиной и А. Б. Божинова [\[16, с. 181–182\]](#). По каждому банку в них доступно два баланса — до ревизии и после, что позволяет оценить масштаб выявленных нарушений. Проблемы с отчетностью действительно были: занижались сомнительные и безнадежные долги, текущие и операционные расходы, а также прямые убытки. Собственное имущество оценивалось самими банками намного оптимистичнее, чем ревизорами. Масштаб ревизий 1880-х гг. не мог не привести к серьезной чистке активов по всей системе городских банков в соответствии с новыми требованиями к операциям и отчетности. Снижение риска и восстановление доверия сопровождалось значительным сокращением операций. Однако 1880-е гг. были в целом не очень неблагоприятным периодом для банковской деятельности, о чем речь пойдет в следующем разделе.

Региональный аспект кризиса 1880-х гг.

Эпицентр банковского кризиса 1880-х гг. оказался в Центральном Черноземье, что осталось совершенно незамеченным в научной литературе, поэтому региональный аспект кризиса заслуживает пристального внимания. На географических картах на рисунках 4 и 5 представлены городские банки, действовавшие с 1875 по 1895 гг. в европейской и

азиатской частях страны, а на карте на рисунке 6 для сравнения показано расположение обществ взаимного кредита, которых в тот период совсем не было в Азии. Населенные пункты с закрывшимися кредитными учреждениями выделены красным цветом. Основой для карт стала «Карта пароходных сообщений, железных и почтовых дорог Российской империи» (Санкт-Петербург, Издание картографического заведения А. Ильина, 1911), предоставленная Фондом картографических изданий РГБ. Эта карта разделена на европейскую часть и юг азиатской части Российской империи, при этом из-за особенностей проекции Оренбург, Орск, Троицк и Тюмень представлены на обеих картах. Границы губерний на картах на рисунках 4–6 скорректированы на 1890 г. Для ориентировки на картах европейской части подписаны только губернские центры, где достаточно места, а также Одесса и Ростов-на-Дону.

География городских общественных банков специфична: их нет в Польше, Финляндии, в Киевской, Волынской и Подольской губерниях (Юго-Запад), Виленской, Kovенской, Гродненской и Минской (Северо-Запад). Вопрос о расположении городских банков не сводится к географическому аспекту Городового положения 16 июня 1870 г. (ПСЗ. II собр. № 48498.) — банки действовали при городском самоуправлении — и нуждается в дальнейшем изучении. В дополнение к этому, городских банков не было в крупных городах, где было много кредитных учреждений других типов (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Одесса, Рига).

Городские банки были сосредоточены прежде всего в уездных городах в Центральном черноземном, Центральном промышленном, Украинском Левобережном и Средне-Волжском районах, по районированию И. Д. Ковальченко [5, с. 181–184]. Доля Центрального черноземного района (Воронежская, Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская губернии) была крупнейшей в активах системы городских банков. К 1 января 1882 г. из суммарных активов всех банков в 231,6 млн руб. на этот район приходилось 82,9 млн руб. (36%). Для сравнения, в следующем по размеру Центральном промышленном районе активов было уже намного меньше — 37,5 млн руб. (16%). Однако если из данных 1882 г. выделить активы закрывшихся банков, то их подавляющее большинство, или 84%, относилось к Центральному черноземному району. На рисунке 4 заметно, что наибольшее число закрывшихся банков находились здесь, тогда как в европейской части были губернии, слабо затронутые волной банкротств, а в азиатской части их почти совсем не было (рисунок 5).

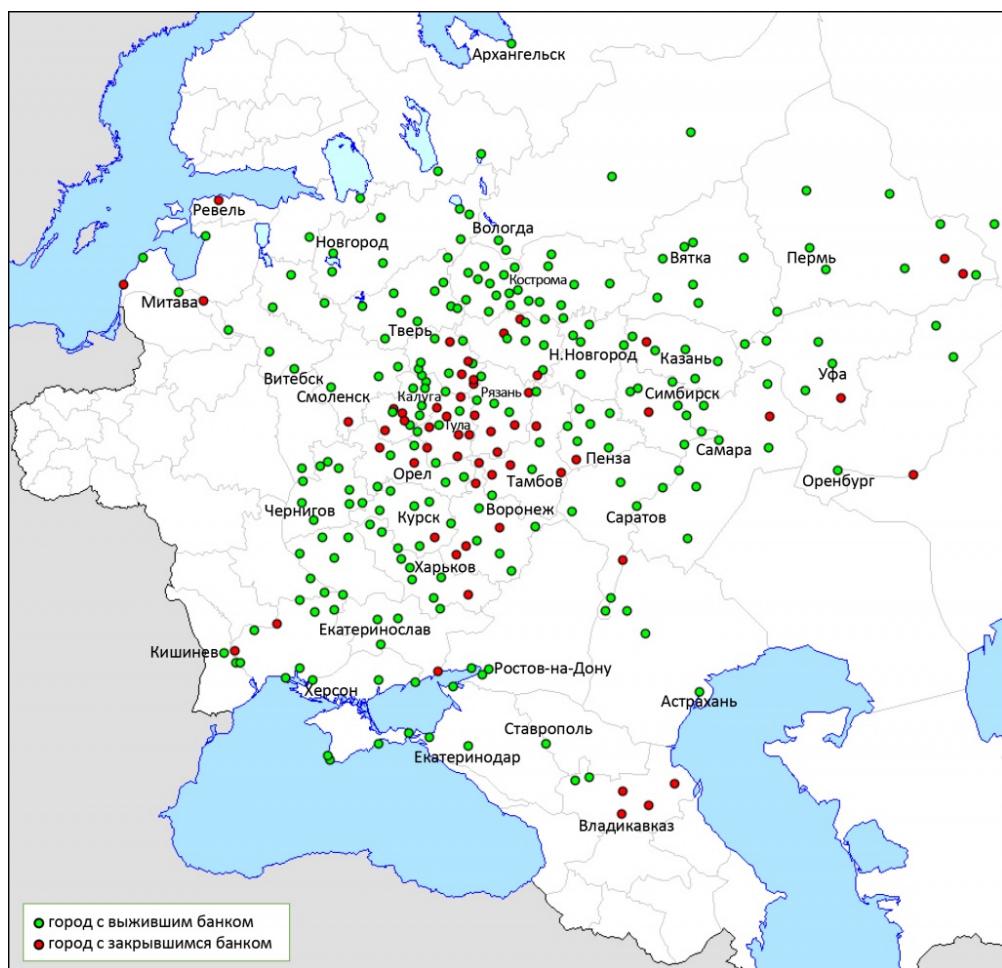

Рисунок 4. Городские общественные банки, действовавшие в 1875–1895 гг. в европейской части Российской империи.

Примечание: подписаны только губернские центры, где есть место на карте, а также Ростов-на-Дону.

Источники: см. Источники к рисунку 1.

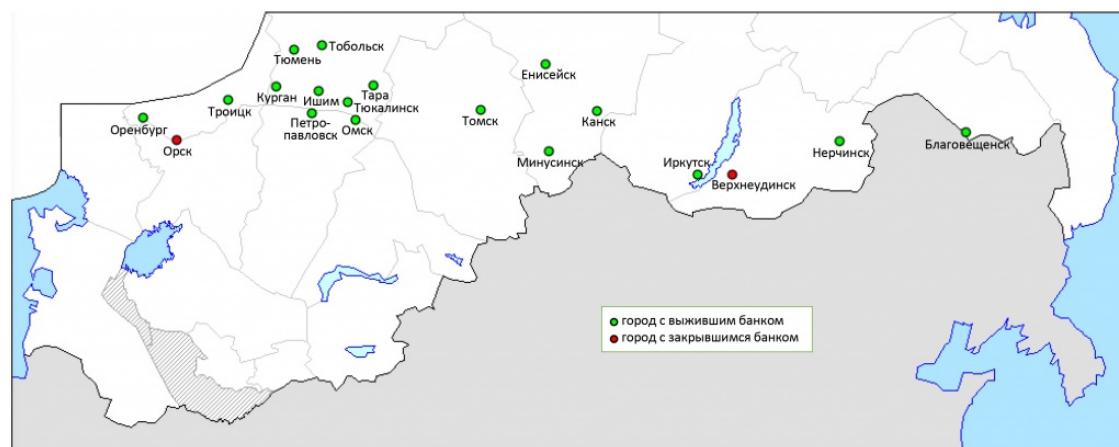

Рисунок 5. Городские общественные банки, действовавшие в 1875–1895 гг. в азиатской части Российской империи.

Источники: см. Источники к рисунку 1.

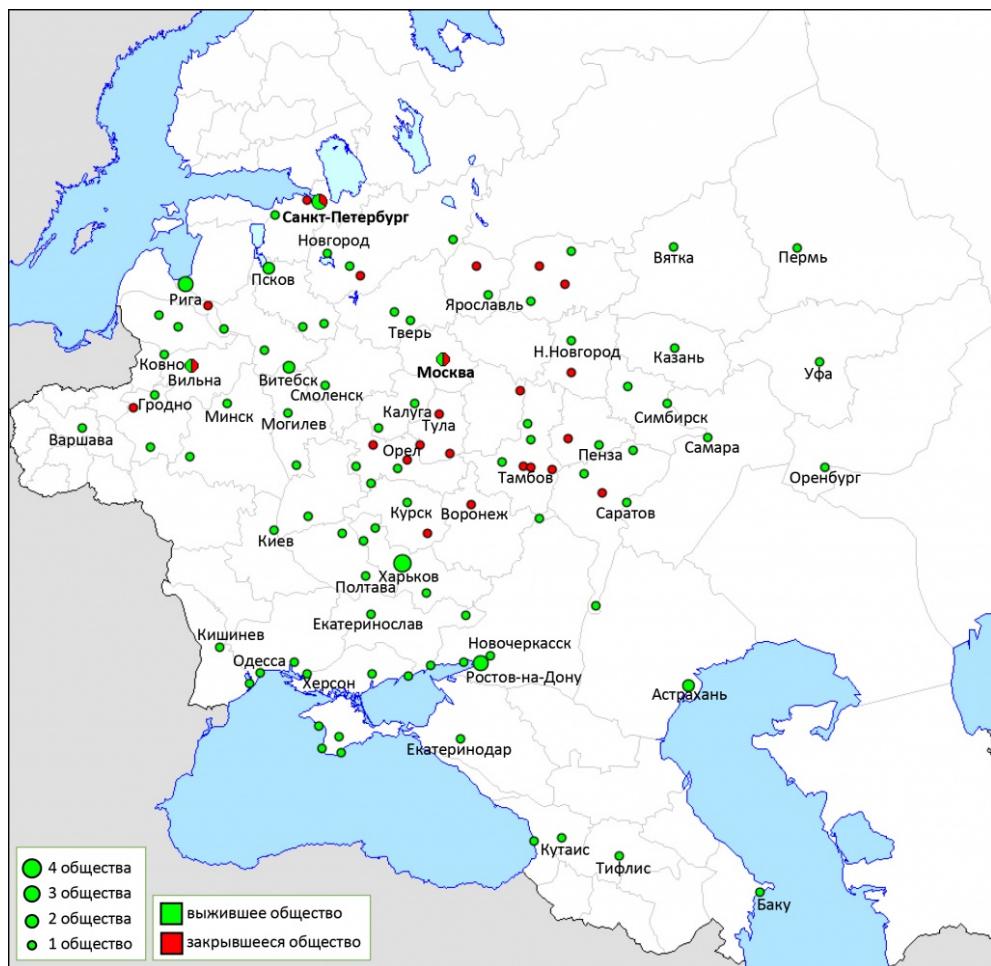

Рисунок 6. Общества взаимного кредита, действовавшие в 1875–1895 гг. в европейской части Российской империи.

Примечание: подписаны только губернские центры, где есть место на карте, а также Ростов-на-Дону и Одесса.

Источники: см. Источники к рисунку 1.

Сравнение системы городских банков с обществами взаимного кредита (рисунок 6) помогает подтвердить, что Центральный черноземный район был эпицентром кризиса. География обществ взаимного кредита отличается от городских банков. Столичные общества (в Санкт-Петербурге и Москве) были очень крупными, и на них приходится 33% всех активов (56,8 млн руб. из 173,3 млн руб.). Этих обществ нет в Азии, о чем уже упоминалось, в Финляндии, их мало на Юго-Западе. В некоторых городах могло быть несколько обществ (два в Санкт-Петербурге, два в Москве, четыре в Харькове, три в Риге, по два в Астрахани, Вильне, Витебске, Пскове, три в Ростове-на-Дону, т. е. два в самом городе и одно в почти слившейся с ним Нахичевани-на-Дону). С учетом этих географических особенностей понятно, что на Центральный черноземный район приходилось немногих активов обществ взаимного кредита — 14,8 млн руб., или 8,6%. Однако почти все активы закрывшихся обществ (89%) находились именно здесь.

Посмотрим на банковский кризис в Центральном Черноземье в губернском разрезе. В таблице 2 оцениваются потери по активам в сумме по городским банкам и обществам взаимного кредита от 1882 к 1890 гг., что можно рассматривать как сокращение региональных неакционерных коммерческих банков за самый тяжелый период.

Таблица 2. Сокращение активов городских общественных банков и обществ взаимного кредита в Центральном Черноземье, по активам на 1 января 1882 и 1890 гг., млн руб.

Губерния	Активы в 1882 г.	За исключением закрывшихся в 1882–1889 гг.	Изменения активов учреждений, выживших в 1882–1889 гг.*	Итого активы в 1890 г.	1890 г. в % к 1882 г.
Воронежская	13,6	-4,0	-6,4	3,2	23,8
Курская	6,3	-	-1,6	4,7	74,9
Орловская	22,3	-12,8	-5,0	4,5	20,2
Рязанская	23,7	-16,3	-3,7	3,7	15,8
Тамбовская	17,3	-6,2	-5,6	5,5	31,7
Тульская	14,5	-13,2	-0,4	0,9	6,1
Всего	97,8	-52,2	-22,7	22,6	23,1

* — Активы новых учреждений учтены в расчетах, хотя по этому району их сумма была ничтожной.

Рассчитано по: см. Источники к рисунку 1.

Таблица 2 показывает печальную картину. Почти полностью потеряла неакционерные коммерческие банки Тульская губерния, от них осталось 6,1% активов. В Рязанской, Орловской и Воронежской губерниях к 1890 г. активы составляли лишь 15–25% от 1882 г. Именно в этих губерниях действовали знаменитые банкроты — Скопинский и Орловский городские банки, но кроме них здесь было утрачено еще 13 учреждений. Больше всего активов сохранилось в Тамбовской губернии — 5,5 млн руб., но это всего лишь 31,7% от 1882 г. Наименьшие потери были в Курской губернии, осталось 74,9%, но там активов было в разы меньше, чем в других губерниях (6,3 млн руб.), и 1880-е гг. прошли без банкротств. Потери кредитных учреждений в Курской губернии случились раньше, в 1878 г., когда в уездном городе Короче закрылись и городской банк, и общество взаимного кредита. Подробности этого резкого падения доверия в одной точке за несколько лет до основной волны кризиса нужно искать в региональных материалах.

В целом по Центральному Черноземью к 1890 г. осталось 23,1% от активов 1882 г. Напомним, что по данным таблицы 1 по всей системе городских банков этот показатель был заметно больше — 54,3%, а по обществам взаимного кредита общий спад был минимальным — 95,7 % от 1882 г.

Причины банковской катастрофы в Центральном Черноземье нужно искать в региональной экономике. Для этого сосредоточимся на Орловской губернии, по которой уже накоплено достаточно информации, чтобы показать, как общая экономическая ситуация усугубляет банковской кризис [15, с. 165–171] [17, с. 137–138, 141–152]. Из этих материалов следует бурный рост экономики аграрного экспорта в 1870-е гг., затем резкое ухудшение ситуации с 1882 г., и устойчивый негативный тренд все 1880-е гг.

Аграрная Орловская губерния еще до появления железных дорог была центром накопления, переработки и перепродажи сельскохозяйственной продукции для соседних регионов. В 1870-е гг. Орел получил большие преимущества, потому что теперь через губернию проходила железнодорожная магистраль Рига – Царицын, дававшая прямой выход к балтийским портам и западным границам. Ситуация на внешних рынках сельскохозяйственной продукции была тогда благоприятной. В результате в Орловской губернии вырос сектор, ориентированный на аграрный экспорт по железным дорогам. Товарная специализация сельского хозяйства усилилась. Орел, Елец, Ливны и даже

некоторые крупные села и железнодорожные станции функционировали как центры накопления и переотправки продукции. В восточных черноземных уездах (Елецкий, Ливенский, Малоархангельский) пшеница перерабатывалась в муку и затем шла на продажу. Остальная продукция, прежде всего рожь и овес, в необработанном виде отправлялась в Ригу, Либаву, Варшаву и Кёнигсберг. В регионе расширялась торговая инфраструктура, усиливаясь роль посредников из экспортных портов, цены на землю росли, помещики получали хороший доход и инвестировали в улучшение своих хозяйств, благосостояние крестьян также росло.

В 1882 г. конъюнктура ухудшилась. Упали цены на сельскохозяйственную продукцию, а урожай по количеству и качеству оказался ниже среднего. Более того, в 1884–1885 гг. случился значительно более тяжелый и длительный локальный неурожай. Снижение цен было общемировым и сохранялось на неблагоприятном для производителей уровне все 1880-е гг. Региональная экономика оказалась в ситуации длительного спада, продолжавшегося минимум до 1893 г. Как помещики, так и крестьяне были в сложном положении все эти годы.

Кредитные учреждения в 1880-е гг. чаще погибали не в начале кризиса, а позже под грузом накопившихся проблем. Падение доверия в одной точке приводило к краху как городского банка, так и общества взаимного кредита, хотя эти события могли быть разнесены во времени. В Орле примерно через полгода после банкротства городского банка та же судьба постигла общество взаимного кредита (8 января 1885 г.). Эти два краха развивались почти одновременно, и от них пострадали одни и те же жители города [14, с. 11]. Двойное банкротство случилось также в уездных городах — Мценске (в 1885 г. общество взаимного кредита, в 1887 г. городской банк) и Брянске (в 1886 г. общество взаимного кредита, в 1889 г. городской банк).

Однако список выживших кредитных учреждений Орловской губернии не выглядит таким уж коротким, т. е. тяжелая экономическая ситуация не обязательно вела к банкротству. Пережили кризис городские банки в Ельце и Ливнах, Болхове и Карабчеве. Небольшой уездный Севск сохранил и городской банк, и общество взаимного кредита. Продолжали действовать общества взаимного кредита в Кромах и Трубчевске.

Однако главными контрольными примерами для оценки глубины проблем в регионе являются банки государственной и акционерной форм собственности, где была сосредоточена наиболее статусная клиентура. С 1872 г. в Орловской губернии действовал Орловский коммерческий банк с правлением в Орле и отделениями в Ельце, Брянске и Ливнах. Банк входил в группу предприятий банкира Лазаря Полякова, ядро которой находилось в Москве. Еще в 1870-е гг. Орловский коммерческий банк развил кредитование под залог сельхозпродукции, вывозимой на запад. Самыми тяжелыми для банка стали годы большого неурожая 1884–1885 гг., когда пришлось резко сократить кредит под залог товаров. В 1884–1889 гг. сжимались другие кредитные операции банка, но все 1880-е гг. банк публиковал отчеты с прибылью, хотя и минимальной за всю его историю. У Госбанка в губернии были отделения в Орле с 1865 г. и в Ельце с 1882 г. В 1880-е гг. Орловское отделение сокращало операции и было убыточным с 1884 по 1887 гг. Елецкое отделение также не могло выйти на прибыль до 1889 г. [15, с. 168.]

Если сравнить активы этих банков в тех же контрольных точках — на 1 января 1882 и 1890 гг., то Орловский коммерческий банк, при неизменном числе подразделений, сократился с 7,3 млн руб. до 5,9 млн руб., или на 18 % [12, с. 34–35] [13, с. 34–35]. По Госбанку такой расчет возможен только для Орловского отделения, потому что Елецкое

отделение на 1 января 1882 г. еще не открылось. Сумма активов по каждому отделению не публиковалась в отчетах Госбанка в 1880-е гг., однако можно рассчитать сумму основных активных операций (касса, ценные бумаги, кредиты, включая просроченные). Для Орловского отделения этот показатель сократился с 3,5 млн руб. до 2,2 млн руб., или на 38% [10] [11]. Таким образом, за восемь лет сжатие операций Орловского коммерческого банка и Орловского отделения Госбанка было в разы меньшим, чем у местных городских банков и обществ взаимного кредита, которые сократились почти на 80%. Если считать, что акционерный и государственный банк сократили операции из-за плохой экономической конъюнктуры, то для неакционерных банков это явно не было единственной причиной. К ней нужно добавить низкое качество кредитных портфелей и слабую финансовую устойчивость, о которых шла речь в предыдущих разделах. Все эти факторы вместе могли внести вклад в такое большое сжатие активов в Орловской губернии. Однако, как это следует из географического распределения закрывшихся учреждений на рисунках 4 и 6, а также из таблицы 2, это была проблема всего Центрального Черноземья, поэтому сочетание плохой конъюнктуры, ненадежных кредитов и финансовой неустойчивости можно распространить на весь регион. Для других регионов с банками-банкротами локальную экономическую ситуацию нужно уточнять в отдельных исследованиях.

Заключение

Банковский кризис 1882–1889 гг. является самым крупным в истории Российской империи по числу утраченных учреждений. Основные потери понесли городские общественные банки и, в меньшей степени, общества взаимного кредита. Акционерные коммерческие банки пережили «свой» кризис в 1875–1880/1881 гг.

Изучение кризиса 1880-х гг. ранее было затруднено из-за отсутствия сводных количественных данных по всем городским банкам и обществам взаимного кредита, не было известно даже точного числа закрывшихся учреждений. Эта проблема решена в нашем исследовании, для которого был создан новый массив данных по активам и числу учреждений за 1875–1895 гг. Эта коллекция данных собрана по принципу, что сначала уточняется список учреждений, существовавших в конкретный год, а затем по разным источникам собираются данные о каждом из них. Результатом такой работы стал еще и список кредитных учреждений, прекративших операции.

Резкое сокращение операций городских банков с 1882 г. наводит на мысль, что у этого процесса были институциональные причины в том смысле, что для этих банков поменялись «правила игры». Действительно, в нашем исследовании показано, что с 1860-х гг. этим банкам дали возможность проводить рискованные кредитные операции без надлежащего контроля со стороны городских дум, которым банки были подотчетны, или министерства финансов. Однако только в 1882 г. создалась ситуация, когда превышение оттока вкладов над притоком привели к первому крупному банкротству, с которого начался кризис. К тому времени уже многие банки не только имели ненадежный кредитный портфель, но и были в состоянии недостаточной финансовой устойчивости. Кризис убрал с рынка слабые кредитные учреждения. Активы выживших банков уменьшились в процессе наведения в них порядка. Однако законодательные меры для сжимавшихся городских банков не отличались от новых норм для растущих акционерных коммерческих банков, и сами по себе не могли привести к такому большому сокращению, какое в итоге произошло. Это была именно чистка активов, важный вклад в которую внесли начавшиеся тогда массовые ревизии как на городском уровне, так и по линии министерства финансов. Ужесточение требований к городским банкам было

необходимо для защиты финансовых интересов городов, которым эти банки подчинялись.

Однако у кризиса 1880-х гг. был еще и региональный аспект, потому что пострадало прежде всего Центральное Черноземье. К 1890 г. в районе осталась незначительная часть активов городских банков и обществ взаимного кредита по сравнению с 1882 г. На примере Орловской губернии известно, что регион пострадал от обрушения экономики аграрного экспорта по железным дорогам, которая расцвела здесь в 1870-е гг. Кризис падения аграрных цен, который усугубили локальные неурожаи, сделал положение слабых банков безнадежным. Однако акционерный и государственный банки в Орловской губернии пострадали намного меньше по сравнению с городскими банками и обществами взаимного кредита, что опять обращает наше внимание на институциональные причины кризиса городских банков.

Таким образом высказывание И. Ф. Гиндина о кризисе, процитированное во введении, можно обновить с учетом полученных результатов: решительный удар по городским банкам нанесли накопившиеся безнадежные кредиты, слабая финансовая устойчивость, отсутствие контроля и кризис падения аграрных цен в Центральном Черноземье.

Приложение 1. Методика и источники составления статистической сводки по активам кредитных учреждений за 1875–1895 гг.

Все данные являются балансовыми, т. е. на 1 января каждого года.

Для акционерных коммерческих банков использован фрагмент сводки за 1865–1916 гг., включающий данные о числе правлений и отделений: Русские акционерные коммерческие банки по отчетам за 1915 г., с соответственными данными за 1914 год. Пг., 1916. С. 54–55.

Для городских общественных банков и обществ взаимного кредита сначала уточнялся список действующих учреждений за каждый год, для чего были использованы все перечисленные далее источники.

Для некоторых лет есть опубликованные дореволюционные сводки (1875–1882, 1895 гг.), в таких случаях проводилась проверка полноты учета учреждений в сводках, выявленные лакуны заполнялись данными из других источников. Для 1883–1894 гг. балансы отдельных учреждений собраны «поштучно».

Для 1875–1877 гг. вместо полноценных балансов по Ежегодникам Министерства финансов можно рассчитать только суммы основных активов и основных пассивов, поэтому в качестве балансовой суммы использована наибольшая из них.

Лакуны по конкретному учреждению заполнялись средними показателями, рассчитанными по доступным балансам за ближайшие годы. Если лакун оказалось больше, чем выявленных балансов, учреждение исключалось из расчетов.

Список источников

1. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1885.
2. Вестник финансов, промышленности и торговли. Балансы кредитных учреждений. 1885–1894.
3. Вестник финансов, промышленности и торговли. Отчеты обязанных публичной отчетностью предприятий. 1886–1899.

4. Голубев А. К. Русские банки. Год первый. Санкт-Петербург: Комитет Съезда представителей банков коммерческого кредита, 1896.
5. Губернские ведомости (разных губерний). 1875–1885.
6. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1–13. Санкт-Петербург: Тип. ред. период. изд. Мин-ва финансов, 1869–1883.
7. Ежегодник русских кредитных учреждений / Сост. под ред. И. С. Иващенко. Вып. 1–4. Санкт-Петербург: Комитет Съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита, 1880–1886.
8. Сведения о городских общественных банках. Санкт-Петербург: Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов, 1898.
9. Указатель правительственные распоряжений по Министерству финансов. 1871–1884.

Коллекции отчетов банков за 1870-е – 1880-е гг.

1. Брошюры отчетов отдельных кредитных учреждений в РГБ и РНБ.
2. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 484. Собрание материалов по истории финансов России.
3. РГИА. Ф. 583. Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов. Оп. 2. Отчеты кредитных учреждений.

Библиография

1. Адрес-календарь Орловской губернии. – Орел: Типография газеты «Орловский Вестник», 1877 (обл. 1878).
2. Беляков А. В. О Скопинском городском банке и его директоре И. Г. Рыкове // Банковское дело на Рязанской земле. История и современность: исторические очерки, воспоминания и другие материалы о деятельности банк. учреждений / [ред. совет: М. В. Одинцова (ред.) и др.]. – Рязань: Банк. дом, 2004. – С. 50–59.
3. Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. – Москва: Госфиниздат, 1948.
4. Гурьев А. Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. – Санкт-Петербург: Типо-литогр. «Якорь», 1904.
5. Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР: учебное пособие для исторических факультетов университетов. – Москва: Высшая школа, 1973.
6. Ежегодник русских кредитных учреждений. Вып. 4. 1880 и 1881 гг. / Сост. под ред. И. С. Иващенко. – Санкт-Петербург: Комитет Съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита, 1886.
7. Кириллов А. К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX – начало XX века). – Новосибирск: Офсет, 2003.
8. Кириллов А. К. Городские общественные банки в 1880-е годы: причины кризиса // Индустральное наследие: материалы III Международной научной конференции, г. Выкса, 28 июня – 1 июля 2007 г. – Саранск: Изд. центр Историко-социологического ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – С. 231–239.
9. Осоков В. Я. Городские общественные банки России: обзор их деятельности по 1-е января 1871 года. – Санкт-Петербург: тип. Майкова, 1872.
10. Отчет Государственного банка за 1881 г. – Санкт-Петербург: Тип. Мин-ва путей

- сообщения (А. Бенке), 1882.
11. Отчет Государственного банка за 1889 г. – Санкт-Петербург: Тип. Государственного банка, 1890.
 12. Отчет Орловского коммерческого банка за 1881 год. – Москва: Типо-Литография Н. И. Куманина, 1882.
 13. Отчет Орловского коммерческого банка за 1889 год. – Москва: Типо-Литография Н. И. Куманина, 1890.
 14. Просьба погибающего города: Записка уполномоченных от г. Орла Волкова, Булаткина и Суханова: (О ссуде г. Орлу 1.200.000 руб. для расчета с вкладчиками несостоятельного городского банка). – [Санкт-Петербург: тип. Э. Арнольда, 1888].
 15. Саломатина С. А. Коммерческие банки и сельское хозяйство во второй половине XIX в.: статистический анализ операций Орловского коммерческого банка в сравнении с Государственным банком Российской империи // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – № 6. – С. 151–178. – DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31310.
 16. Саломатина С. А., Божинов А. Б. Кризис городских общественных банков в Российской империи в 1880-е годы: анализ финансовой устойчивости по историческим данным // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 6. – С. 174–199. – DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39231.
 17. Саломатина С. А., Гарскова И. М., Валетов Т. Я. Вывоз товаров из аграрного района: сетевой и геоинформационный анализ банковских платежей в Орловской губернии во второй половине XIX в // Историческая информатика. – 2021. – № 1. – С. 131–160. – DOI: 10.7256/2585-7797.2021.1.35447.
 18. Сведения о городских общественных банках. – Санкт-Петербург: Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов, 1898.
 19. Судейкин В. Т. Наши общественные городские банки и их экономическое значение. – Санкт-Петербург: типо-лит. Дома призр. малолет. бедных, 1884.
 20. Черкасов П. Городские общественные банки. – Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1882.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Банковский кризис 1880-х гг. в Российской империи: новые количественные данные и оценки»

Рецензируемая статья посвящена историографическим и источниковедческим аспектам анализа банковской истории пореформенного периода. Объектом анализа являются городские общественные банки и общества взаимного кредита в период банковского кризиса 1882–1889 гг., а также на протяжении более длинного периода 1875–1895 гг. – т.н. «длинной депрессии», вызванной общемировым трендом плохой экономической конъюнктуры.

Новизна и актуальность данного исследования обеспечивается привлечением большого объема количественных данных об операциях городских общественных банков и обществ взаимного кредита, что позволило заполнить информационные лакуны и решить ряд вопросов о причинах и последствиях банковского кризиса, о роли таких факторов, как неоправданный кредитный риск, слабая финансовая устойчивость, недостаточное

банковское регулирование и надзор, а также региональная экономическая специфика. В статье рассмотрена историография проблемы кризиса городских банков, которая привлекала внимание исследователей с начала XX века и до настоящего времени, и показано, что для изучения этой проблемы требуются статистические данные общегосударственного характера. В ходе исследования создан новый массив данных за 1875–1895 гг. по широкому кругу источников, в котором учтены активы этих учреждений, а также зафиксированы все факты их ухода с рынка. Для 1883–1894 гг. балансы отдельных учреждений собраны, как пишет автор, «поштучно», что дает представление о большом объеме проведенной источниковой работы.

Автором использованы не только статистические источники, но и законодательство, материалы ревизий банков министерством финансов и различные нарративные документы о региональной экономической конъюнктуре: губернаторские отчеты, обзоры Министерства земледелия и государственных имуществ, земские материалы и др.

К новизне исследования относятся также выявление институциональных особенностей кризиса системы городских банков в сравнении с обществами взаимного кредита и акционерными банками и влияние регионального аспекта, связанного с особенностями аграрного сектора экономики в Центральном Черноземье. Этот фактор был обусловлен целым комплексом причин: развитием экспорта аграрной продукции на Запад, рядом неурожайных лет, мировым кризисом аграрных цен. Автор подчеркивает, что этот аспект оставался совершенно незамеченным в историографии, поэтому в статье ему уделяется особое внимание.

Статья имеет четкую структуру, состоящую из 4 разделов: динамика кредитных учреждений разных типов за 1875–1895 гг., проблема чрезмерного кредитного риска, банковское регулирование и надзор, региональный аспект кризиса. Самостоятельную роль играет приложение, в котором рассмотрена методика сбора данных для исследования.

В аналитической части статьи представлены весьма информативные географические карты с пунктами, где были банки и общества взаимного кредита; для наглядности населенные пункты с существовавшими и закрывшимися кредитными учреждениями выделены разными цветами. Эти карты демонстрируют, что ЦЧР, безусловно, был эпицентром кризиса.

Проведенная в работе оценка потерь по активам для городских банков и обществ взаимного кредита за самый тяжелый период (1882–1889 гг.) показывает, что по Центральному Черноземью к 1890 г. осталось менее четверти от активов 1882 г. (именно в этом регионе находились те городские банки, банкротства которых рассмотрены в работе как самые характерные кейсы). Наиболее подробно рассматривается ситуация в Орловской губернии, причем, как показано в статье, сравнение с акционерным и государственным банками, которые также сократили операции в этот период из-за плохой экономической конъюнктуры, свидетельствует о том, что для неакционерных банков к этой причине нужно добавить низкое качество кредитных портфелей и слабую финансовую устойчивость, а эти факторы были характерны для всего Центрального Черноземья.

Таким образом, автор обновляет и уточняет на новой источниковую базе высказанную И.Ф.Гиндиным характеристику кризиса городских банков, в основе которого лежали накопившиеся безнадежные кредиты, слабая финансовая устойчивость, отсутствие контроля и падение аграрных цен в Центральном Черноземье.

Работа написана в хорошем академическом стиле, имеет логически обоснованную структуру, снабжена таблицами, графиками и картами, иллюстрирующими полученные новые результаты. Использована солидная источниковая база, хорошо представлена тематическая библиография. Безусловно, статья найдет заинтересованную читательскую

аудиторию и может быть рекомендована к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сивкина Н.Ю., Кривошекова Е.В. — Вавилония как центр раннеселевкидской империи // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39671 EDN: HRZOAD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39671

Вавилония как центр раннеселевкидской империи

Сивкина Наталья Юрьевна

доктор исторических наук

профессор, кафедра Истории древнего мира и Средних веков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; НОЦ "Славяно-греко-латинский кабинет" при Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ natalia-sivkina@yandex.ru

Кривошекова Елизавета Владимировна

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603000, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2

✉ elizaweta.krivoschyoekova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Исторические факты, события, феномены"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39671

EDN:

HRZOAD

Дата направления статьи в редакцию:

26-01-2023

Аннотация: Интерес к державе Селевкидов и проблемам организации политического пространства на эллинистическом Востоке в последнее время обусловлен методологическим поворотом в историографии эпохи эллинизма. Эти изменения актуализировали изучение роли Вавилонии в империи первых Селевкидов по данным нарративных и эпиграфических источников. Сатрапия предстает в них регионом, где началась политическая карьера диадоха и основателя династии Селевка после смерти Александра Великого. Именно здесь наиболее закрепилась его власть, по всей видимости, поддерживаемая местными жреческими элитами. Хотя в историографии вопрос политического центра государства Селевкидов рассматривался, однако систематизированного изучения так и не получил. Научная новизна заключается в изучении раннеселевкидского государства и особенностей восточной политики первых

Селевкидов в имперском контексте. Методологической базой являются методики, используемые для изучения имперских и поликультурных пространств, а также общенаучные философские и исторические методы. Исследование легендарных сведений о Селевке вскрыло частые ссылки на Вавилонию в предсказаниях ему будущей власти, которые следует воспринимать как *vaticinium ex eventu*. Это говорит об идеологическом и «мифополитическом» значении образа Вавилонии для Селевкидов, что можно объяснить как стратегической и экономической ролью региона, так и его значением в политике Александра, что можно трактовать как проявление «*imitatio Alexandri*».

Ключевые слова:

Эллинизм, Селевкиды, Селевк I, Антиох I, Вавилония, диадохи, мифология, имперские практики, восточная политика, Александр Великий

Интерес к исследованию проблем имперского строительства, кросскультурным исследованиям на примере государства Селевкидов и проблемам организации политического пространства на эллинистическом Востоке в последнее время [1; 2] обусловлен методологическим поворотом в историографии эпохи эллинизма, возникновением так называемого «постколониального» исследовательского направления или поворота к Востоку. Эти изменения актуализировали проблемы имперского опыта, интеграции ближневосточного региона в политическое пространство империи и взаимосвязи пространства, власти и идеологии в государстве Селевкидов.

Держава Селевкидов в эпоху своего расцвета, раскинувшись на территории от Северной Сирии до Северного Афганистана, занимала большую часть ойкумены, охватывала разнообразные по культурным, этническим, экономическим характеристикам политии, задавала тон в средиземноморской геополитике. Политический центр империи Селевкидов уже у древних авторов ассоциировался с Северной Сирией, в источниках их называют сирийскими царями, а их царство Сирийским. Однако для первого правителя Селевка Никатора фундаментом государственного строительства и основания династии стала Месопотамия, а именно, сатрапия Вавилония, столичный статус которой подтверждается сведениями о раннеселевкидской государственности.

Нужно оговориться, что речь не идет о столице (столичном регионе) в современном смысле этого слова, так как для царей древних евразийских империй был свойствененnomadizm. Однако именно здесь присутствие династии на раннем этапе селевкидской государственности было наиболее заметным.

Источниковая база данного исследования представлена нарративными и эпиграфическими источниками. При этом нарративные источники (Диодор, Аппиан, Плутарх, Юстин, Полиэн, Страбон и др.), являясь наиболее информативными содержат лишь отдельные сведения о градостроительстве Селевкидов, восточной политике и сатрапии Вавилония. Особого внимания заслуживает «Вавилоника» жреца Беросса, созданная при дворе Антиоха I Сотера и дошедшая до нас в отрывках, изложенных в произведениях других писателей. Фрагментарность источника значительно ограничивает круг исследовательских возможностей, однако история его создания и даже отрывочные представления о его содержании могут вскрыть бо льшую заинтересованность Селевкидов в месопотамской культуре, чем принято считать.

Эпиграфика эпохи Селевкидов представлена немногочисленными, но информативными надписями – сведениями по политической, социально-экономической истории, идеологии. Клинописные источники раннеэллинистического периода, характерные только для государства Селевкидов, вавилонского происхождения, в основном (астрономические дневники, хроники), и дают сведения по политической истории, по административному и социально-экономическому устройству отдельных сатрапий, в частности Вавилонии, а также об отношениях династии с местными элитами и их интеракциях: «Хроника диадохов» (ВСНР 3) и «хроника последних лет жизни Селевка» (ВСНР 9), а также хроники, иллюстрирующие попечительство царей месопотамским храмам (ВСНР 5, ВСНР 6, ВСНР 7, ВСНР 8).

В историографии вопрос о политике, градостроительстве, особенностях взаимодействия центра и периферии, роли цариц в государстве поднимался неоднократно [\[3; 4; 5; 6; 7; 8; 9\]](#). Хотя проблема политического центра государства Селевкидов также рассматривалась, однако систематизированного изучения так и не получила [\[10, с. 256-261\], \[11\]](#).

Положение сатрапии Вавилонии в раннеселевкидской империи было особенным. Селевк, будущий основатель династии, принимал участие в событиях, связавших судьбу эллинов с Ближним Востоком – походах Александра Великого (App. Syg. 56), а на заре жизни басилевса стал одним из ближайших его полководцев, начальником личной охраны царя – гипаспистов (Arr. Anab. V. 13. 4). Самостоятельная политическая карьера военачальника началась после смерти царя, когда диадоху в Трипарадисе было решено дать в управление Вавилонию (Diod. XVIII. 39. 6; Diod. XIX. 12. 2).

Не вполне ясно, чем было обусловлено решение сделать Селевка сатрапом настолько богатой и важной области, возможно, участие в заговоре против назначенного Александром имперского регента Пердикки способствовало складыванию его благонадежного политического реноме среди диадохов и назначению сатрапом (Diod. XVIII. 36. 5; Diod. XVIII. 39.2). Дальнейшая судьба диадоха будет связана с этой областью, и когда начнется новый виток борьбы за власть между эпигонами Александра Селевк будет военной силой отстаивать свое право на управление именно этим регионом.

Будучи сатрапом Вавилонии Селевк зарекомендовал себя как рачительный и справедливый управленец, в противовес державшим этот регион Антигонидам впоследствии. Он не только покровительствовал вавилонским храмам, но и, вероятно, великодушием своим заслужил признание рядовых вавилонян. Иначе чем положительной репутацией первых Селевкидов трудно объяснить оказанную Селевку и его малочисленному войску поддержку во время его возвращения в Вавилон в 312 г. до н.э. после победы при Газе. Как сообщает Диодор Сицилийский, опирающийся на традицию историописания Иеронима Кардийского, современника Селевка и сторонника его соперников Антигонидов, вавилоняне вышли в знак приветствия и поддержки навстречу Селевку и примкнули к его вооруженному отряду (Diod. XIX. 91. 1-2.).

О политике Селевка в период его службы сатрапом в подчинении у Антигона Монофальма почти ничего не известно, но, вероятно, положительно оценить деятельность диадоха и его сподвижников в отношении вавилонского населения можно по эпизоду эвакуации вавилонян в период осады города Деметрием Полиоркетом (Diod. XIX. 91; Paus. I. XVI. 1; Arr. Anab. VII. 22).

В отличие от эллинских святилищ храмы на Древнем Востоке сосредотачивали на себе не только религиозную, но и административную функцию на местном уровне, поэтому для стабильного управления этим регионом необходимо было поддерживать баланс в отношениях с ними. Этим объясняется благоволение царей храмам, в которых они воцарении начинают проводить строительные работы, за исключением тех случаев, когда правители стремились к полному подчинению Вавилонского царства, низведению его политических, экономических и идеологических ресурсов к достижению возможной суверенности (к примеру, ассирийские цари при завоевании тех или иных стран увозили из них истуканов главных божеств, Ксеркс I поступил подобным же образом с вавилонским Мардуком после восстания вавилонян и т.д.) [12, с. 323]. Александр Македонский также стремился к политическому и идеологическому «присвоению» пространства Вавилона и окрестностей посредством строительных акций, в частности возведения гавани, восстановления храма Эсагила и знаменитого зиккурата Этеменанки, так и не отстроенного заново по причине смерти царя (Strabo. XVI. 15.).

От своих предшественников Селевкиды не отставали. Эпиграфические нарративы подтверждают политические шаги Селевка по налаживанию отношений с традиционными носителями местной власти в регионе - храмами и жрецами. «Хроника диадохов» свидетельствует о связях диадоха с храмом Эмеслам в Куте, храмом в Борсиппе и их поддержке его, тогда как соперники Селевка Антигониды испытывали неудачи в Вавилонии: храмы, вероятно, не шли на согласие с ними, поэтому их попытки подчинения сводились к разграблению, как это было с храмами в Куте, Набу в Бит-Харе и обычным населением (BCHP 3).

Известно, что в это время жрецы храма Бела Мардука обратились к администрации Селевка с просьбой о финансовой помощи для проведения уборочных работ в храме (BCHP 3). И хотя исход ситуации исследователям остается не известен, точно можно сказать, что гипотетический отрицательный ответ правителя на просьбу идет вразрез с общим направлением политики Селевка I на Ближнем Востоке.

Покровительство басилевсов храмам, а также адаптация ими вавилонской концепции власти прослеживаются на разнообразном эпиграфическом материале. Большая часть сведений о санкционированных басилевсом реставрационных или уборочных работах в храмах связаны с именем Антиоха I, соправителя Селевка и его преемника: известно, что хотя бы в Эсагиле и Эзиде проводились ремонтные работы (BCHP 5, BCHP 6, BCHP 7, BCHP 8) [13, с. 56]. В текстах вавилонских хроник часто упоминается строительный мусор, развалины и подготовленный для ремонта кирпич, что свидетельствуют о проведении широких реставрационных работ в царствование первых Селевкидов. Такой размах строительных работ можно объяснить последствиями войны с Антигонидами или даже запустением ахеменидского времени.

Раннее всего закрепившись в Вавилонии, оставил здесь свою администрацию, опираясь на свое весьма зыбкое владение этими территориями, которые оставались предметом военных столкновений с Антигоном Одноглазым, Селевк оттуда распространял свою власть на другие территории. Но если о других подвластных Селевку территориях источники дают отрывочные сведения, то его правление в Вавилонии отражено гораздо планомернее. Известно, что царский титул Селевк Никатор принял только в 304 г., причем это была ответная политическая акция на провозглашение Антигонидов царями. Однако и до этого официального воцарения вавилоняне уже провозгласили его царем раньше, чем начался этот демарш царей, сразу же после своего возвращения из Египта и завоевания Вавилонии (Plut. Dem. 18). Сам Селевк тем самым принимал и

поддерживал привычные вавилонянам представления о царской власти и придворные ритуалы.

Династы из рода Селевкидов, начиная с Селевка, продолжают череду царствований местных правителей в локальных хрониках: «списке царей Урука» под именем «*m Si-lu-ku*» (IM65066. Rev.6) и «Вавилонском списке царей» (CM 4. Obv. 6.).

В Вавилонской хронике конца жизни Селевка I (281 г. до н.э.), описывающей переправление ресурсов из Бактрии и путь царя и его армии из Вавилонии через Сарды в Македонию – Родину династии, цель последних лет жизни басилевса, демонстрируется, подчеркивается территориальный охват скипетра Селевкидов (ВСНР 9). Здесь мы видим широкий географический охват и взаимосвязанные путешествия царя, сатрапов, армии и переброски слонов и ресурсов между Сардами, Вавилоном и Бактрией. Все это создает ощущение связанного имперского пространства. В этом же документе есть ссылка на «процессионную дорогу» и храм Эсагила – культовый центр Вавилонии, часто упоминающийся в царских надписях нововавилонского периода, что, безусловно, говорит в пользу участия Селевка в священных церемониях в Вавилоне (ВСНР 9. Obv.2.) [\[14\]](#),[\[15\]](#),[\[16\]](#).

Мифическая история династии, основным героем которой, безусловно, был основатель царского рода, также проникнута лейтмотивом обладания Вавилоном. Легенды и оракулы, предсказывающие Селевку будущее царствие и обосновывающие законность и предопределенность его власти, часто содержат ссылки на ландшафты Месопотамии. Так, Аппиан Александрийский в своей «Римской истории» пересказал сон матери Селевка Лаодикеи: она услышала предсказание царской власти сыну, который должен был обронить перстень с изображением якоря, подаренный ею, там, где ему суждено было воцариться (App. Syr. 56). На следующий день она нашла это кольцо, подарила его сыну, а он обронил его в походе Александра на Евфрате, а позднее, как гласит легенда, нашел его в Вавилонии.

Одновременно несколько античных писателей с малозначительными для нас расхождениями передают и другое, связанное с Месопотамией, предсказание власти Селевку, который якобы, проплывая с Александром по Евфрату, спас царскую диадему, с ветром переместившуюся с головы басилевса на могилу некого древнего царя (App.Syr.57.; Arr. Anab. VII. 22). Критикуя с точки зрения вероятности данную легенду, можно предположить, что поступок броситься в воду вряд ли был по статусу македонскому аристократу, военачальнику царя Селевку [\[17, с. 259\]](#). Исходя из этого, эти нарративы нужно рассматривать как *vaticinium ex eventu*, легенды, создававшиеся Селевкидами с целью обоснования фатума их воцарения. С одной стороны, миф связывает Селевка с Александром, почти мифическим героем, роль которого в мифологии – придавать жизни устойчивость, творить реальность вместо хаотического состояния [\[18, с. 84\]](#). Естественно, что личности, соприкасавшиеся с ним и также попавшие в сферу действия мифа о знаменитом завоевателе, наделялись мифологические чертами [\[19\]](#). В силу этого обстоятельства, можно предположить, что подобные легенды имели политический контекст и были весьма далеки от действительно происходивших событий. Но, с другой стороны, фабула этих предсказаний часто обыгрывает «месопотамские мотивы», что связано с принципиальным значением Вавилонии для становления и облика Селевкидского государства, создания династии и ее процветания.

Объяснить такое настойчиво подчеркнутое упоминание Вавилонии и связи региона с

селецкидскими властными амбициями можно и иными причинами. Вавилония – сердце империи Александра, он умер здесь, то есть события, произошедшие там, привели к смене эпох. Вавилон стал средоточием власти и для Селевка, центром его державы, именно из этой земли распространялась его власть и на Восток, и на Запад. Мы не можем точно сказать о том, насколько запланированными были такие крупномасштабные завоевания Селевка и создание мировой державы подобной Александровой ни много ни мало. Однако из географических (особенно после того, как Александр продлил судоходное движение по Евфрату до Вавилона, приказав построить здесь огромную гавань), экономических и культурно-политических соображений Вавилония стала серьезным подспорьем для утверждения власти Селевка, его перехода из статуса диадоха, вельможи македонской династии Арgeадов в статус басилевса.

Эта сатрапия являлась ключом к контролю над империей Александра, стратегически важным регионом для переброски товаров, рабочей силы, ресурсов, «хлебным амбаром» всей империи. Вавилон был как для Александра, так и для Селевка, первым огромным городом мирового значения, образцом для построения других городов. Ни одна персидская резиденция не несла на себе такой груз исторического прошлого [20, с. 451]. Именно Вавилон достоин был считаться самой почитаемой из столиц Востока, колыбелью идеи мирового господства, «благословенной самим великим Мардуком», дарующим мировую гегемонию. Вавилон отвечал пристрастию Александра ко всему грандиозному, а привязанность Александра к этому городу отвечала требованиям Селевка. Это все еще была величественная столица, несколько потускневшая, но все еще производящая сильное впечатление.

Библиография

1. Каспэ С.И. Империя как политическая форма: актуальность теории // Модерные империи и их значение для современности. М.: Центро, 2020. С. 36-56.
2. Strootman, R. Hellenistic Imperialism and the Ideal of World Unity // The City in the Classical and Post-Classical World: Changing Contexts of Power and Identity. Cambridge Cambridge University Press, 2014. P.38–61.
3. Kuhrt A., Shervin-White S. Aspects Of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder Of Antiochus I From Borsippa // JHS. Vol.111. 1991. P. 71–86
4. Erickson K.G. The early Seleucids, their gods and their coins. Exeter, 2009. 337 p.
5. Смирнов С.В. Доминирующий этнокласс в государстве Селевкидов при Селевке и Антиохе I: основные проблемы // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства. М., 2014. С. 317–330.
6. Kosmin, P. Seeing Double in Seleucid Babylonia: Rereading the Borsippa Cylinder of Antiochus I / P. Kosmin // Patterns of the Past: Epitēdeumata in the Greek Tradition. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 173 – 198.
7. Engels D. Apama and Stratonike: Marriage Policy and Legitimacy / D. Engels, K. Erickson // Sekeukid Royal Women: Roles and Representations. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. – P.28-60.
8. Кривощекова Е.В., Сивкина Н.Ю. Особенности имперского правления раннеселецкидских царей // Клио. 2021. № 2 (170). С. 22-29.
9. Смирнов С.В. Легенда об основании Антиохии-на-Оронте / С.В. Смирнов // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т.6. С.126-132.
10. Смирнов, С.В. Государство Селевка I (политика, экономика, общество). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 344с.

11. Shervin-White, S. From Samarkand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire / S. Shervin-White, A. Kuhrt. L., 1993. 261p.
12. Саггс Г. Величие Вавилона. История древней цивилизации Междуречья. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. 463 с.
13. Берзон Е.М. Деятельность и полномочия соправителя царя в селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I // Восток (Oriens). 2020. № 3. С. 51–64.
14. Anagnostou-Laoutides, E. In the Garden of the Gods. Models of kingship from the Sumerians to the Seleucids. New York: Routledge, 2017. 256 p.
15. Stevens, K. Empire begins at home: local elites and imperial ideologies in Hellenistic Greece and Babylonia // Cosmopolitanism and empire : universal rulers, local elites, and cultural integration in the ancient Near East and Mediterranean. N. Y.: Oxford University Press, 2016. P. 65-88.
16. Stevens, K. The Antiochus Cylinder, Babylonian scholarship and Seleucid imperial ideology // Journal of Hellenic studies. 2014. Vol. 134. P. 66-88.
17. Журавлева Н.В. Селевк Никатор. Создание династии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. №17. С. 255-269.
18. Иванов А. Г. Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 80-88.
19. Сивкина Н.Ю. Мифологизация и рационализация образа знаменитой царицы Македонии // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 1. С. 48-56.
20. Шахермайр, Ф. Александр Македонский. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. 384 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В эпоху Перестройки на волне демократизации и гласности наметился повышенный интерес к социальным и гуманитарным наукам, а сами исследователи – профессиональные историки, к слову, в конце 1980-х - первой половине 1990-х гг. обратились к прежде замалчиваемым темам: это и Белое движение, и вопросы репрессий в сталинский период, и вопросы имперства. Последняя тема достаточно обширна: ведь хотя империи континентальной Европы и не пережили Первую мировую войну, в течение второй половины XX в. установилась тенденция понимать под империализмом «неравенство людей и территориальных отношений, как правило, в форме империи, основанное на идеях превосходства и практики доминирования, и использование расширенных полномочий и контроля одного государства или элит над другим». В этом случае под империями отдельными авторами будут пониматься и формально республиканские США, и СССР. Но чтобы разобраться в имперском строительстве представляется важным обратиться к истокам.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является имперский опыт эллинистического государства Селевкидов. Автор ставит своими задачами проанализировать имеющуюся источниковую базу, рассмотреть положение сатрапии Вавилонии в раннеселевкидской империи, а также определить роль Вавилонии в становлении власти Селевка.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого

находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать Вавилонию как центр раннеселевкидской империи, способствовавшей складыванию самого крупного по территории эллинистического государства.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя до 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы. Источниковая база статьи представлена, как отмечает автор рецензируемой статьи, «нарративными и эпиграфическими источниками», при этом «особого внимания заслуживает «Вавилоника» жреца Беросса, созданная при дворе Антиоха I Сотера и дошедшая до нас в отрывках, изложенных в произведениях других писателей». Из привлекаемых автором исследований отметим труды С.В. Смирнова, Н.В. Журавлевой, К. Эрикссона и других, в центре внимания которых ранний этап формирования Селевкидской империи. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как империестроительством в целом, так и ранними империями, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «для первого правителя Селевка Никатора фундаментом государственного строительства и основания династии стала Месопотамия, а именно, сатрапия Вавилония, столичный статус которой подтверждается сведениями о раннеселевкидской государственности». В работе показано, что «ранее всего закрепившись в Вавилонии, оставив здесь свою администрацию, опираясь на свое весьма зыбкое владение этими территориями, которые оставались предметом военных столкновений с Антигоном Одноглазым, Селевк оттуда распространял свою власть на другие территории». Примечательно, что «если о других подвластных Селевку территориях источники дают отрывочные сведения, то его правление в Вавилонии отражено гораздо планомернее».

Автор в этой связи указывает, что «из географических (особенно после того, как Александр продлил судоходное движение по Евфрату до Вавилона, приказав построить здесь огромную гавань), экономических и культурно-политических соображений Вавилония стала серьезным подспорьем для утверждения власти Селевка, его перехода из статуса диадоха, вельможи македонской династии Аргеадов в статус басилевса».

Главным выводом статьи является то, что сатрапия Вавилония «являлась ключом к контролю над империей Александра, стратегически важным регионом для переброски товаров, рабочей силы, ресурсов, «хлебным амбаром» всей империи», чем и был обусловлен ее высокий статус в раннеселевкидский период.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории древнего мира, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Булатов И.А. — Династия Романовых и детско-юношеские движения в Российской Империи и эмиграции «первой волны» // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39838 EDN: GLOYTT URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=39838

Династия Романовых и детско-юношеские движения в Российской Империи и эмиграции «первой волны»

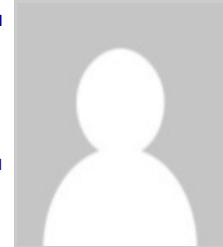
Булатов Иван Александрович

ORCID: 0000-0001-7148-491X

кандидат исторических наук

доцент, кафедра истории и политологии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.

410054, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

✉ kicum-333@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39838

EDN:

GLOYTT

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является влияние представителей рода Романовых на становление, развитие и идеологию русских внешкольных организаций в первой половине XX в. Автор также подробно рассматривает такие аспекты темы, как символическое значение членства Романовых в детских объединениях и роль института покровительства организациям в сохранении имперских традиций в эмиграции «первой волны». Так же рассматривается связь великих князей с молодёжными движениями Союз мушкетеров и Орден крестоносцев, активно действовавшими во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. в Харбине и в зоне отчуждения Китайско-восточной железной дороги. Научная новизна работы заключается в широкой постановке вопроса: рассматривается 5 организаций на протяжении 3 десятилетий. В результате проведенного исследования делаются выводы, что правящая династия оказала большое влияние на возникновение детско-юношеских организаций в Российской Империи. Их создание началось с инициативы Николая II в 1908 г. Впоследствии на протяжении многих десятилетий члены семьи Романовых были покровителями и участниками разных русских детских движений. Многие из этих движений в свою очередь сделали монархизм важной составляющей своей идеологии. Помимо Николая II до революции помочь в

развитии скаутского движения оказывала великня княгиня Елизавета Федоровна, почетным скаутом был наследник престола, а его троюродный брат Георгий Константинович, являлся уже не почетным, а настоящим скаутом Царскосельского отряда.

Ключевые слова:

Романовы, Николай II, Пантюхов, скауты, НОРР, НОРС, воспитание молодёжи, мушкетеры, Орден крестоносцев, потешные

Одним из родоначальников внешкольных детских организаций в Российской Империи был император Николай II. Всё началось с его официальной записи от 8 января 1908 г. в которой он распорядился: «завести в деревнях обучение детей в школах строю и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату» [\[12, с. 26; 9, с. 165\]](#). Хотя в указе речь шла о деревнях и школах в реальности деятельность преимущественно сосредоточилась в городах и вскоре вышла за пределы школ. Первым на царское пожелание отреагировал инспектор народных училищ А.А. Луцкевич, который весной 1909 г. собрал при образцовом бахмутском народном училище роту детей, обучавшихся военному строю и гимнастике [\[14, с. 31\]](#). Инициатива пришла по душе Николаю II. 6 мая того же года через военного министра император объявил высочайшую благодарность «за отличный почин и что понял и привел в исполнение Мою мысль». В том же году с царского позволения рота Луцкевича стала называться «Первый народный класс военного строя и гимнастики Его Императорского Величества Наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича» [\[14, с. 26\]](#) (по другим данным, которые приводит Ю.В. Кудряшов, присвоение названия имело место после встречи с императором в мае 1910 г.) [\[12, с. 26\]](#). На Высочайшем смотре 22 мая 1910 г. детская рота Луцкевича встретилась с царем. Николай II обошел строй, поговорил с детьми, сфотографировался [\[23; 14, с. 41-50\]](#). 24 февраля 1911 г. А.А. Луцкевич был удостоен аудиенции у императора [\[14, с. 55\]](#). Видя такую расположность государя к новой затее, сходные роты стали появляться по всей стране и получили название «потешных».

Многие организаторы «потешных» отрядов интересовались европейской педагогической мыслью и пытались внедрять в свою деятельность элементы набиравшего в то время популярность скаутинга. И хотя сегодня русское скаутское движение точно знает дату своего рождения – 30 апреля 1909 г., в реальности правильнее говорить о постепенном произрастании скаутинга из «потешничества» с некоторыми промежуточными формами. При этом «потешные» послужив плодородной почвой для появления новой организации после 1912 г. пошли на спад, а скауты, на русский манер ставшие называть себя разведчиками, наоборот пошли в гору. И тут тоже не последнюю роль сыграл император.

Как было сказано выше, скаутинг постепенно прорастал из «потешничества» и в разных городах появлялся по инициативе отдельных энтузиастов, не связанных друг с другом: осенью 1910 г. в Санкт-Петербурге «Легион юных разведчиков» организовал В.Г. Янчевецкий (в будущем известный советский писатель Ян), в Москве в том же году на базе Александровского училища дружину юных разведчиков собрал ротмистр Г.А. Захарченко, в Царском Селе примерно в 1909-1910 гг. с детьми по скаутской системе стал работать поручик О.И. Пантюхов. Так вышло, что лавры родоначальника русского скаутинга достались последнему. Этому было несколько причин, одной из которых стал

тот факт, что он служил в лейб-гвардии I-м Стрелковом Его Величества батальоне [19, л. 319; 16, с. 142], и время от времени имел доступ к августейшим особам. Так во время традиционного посещения императором полкового собрания, Пантихов передал ему для царевича Алексея символ скаутского движения, лилию, с вензелем государя и короной. Император подарок благожелательно принял, тем самым благословив продолжение работы. Позднее, уже во время Первой Мировой войны, наследник престола присоединился к царскосельским скаутам, вслед за своим троюродным братом великим князем Георгием Константиновичем [26, р. 194; 18, с. 7]. Близость семьи Пантиховых к императорской фамилии послужила причиной появления легенды об одной из русских скаутских эмблем – «Мальчика под деревом». Автором изображения является Нина Михайловна Пантихова, жена основателя скаутского движения. Согласно преданию, она изобразила на эмблеме царевича Алексея, которого неоднократно видела в Царском Селе. В феврале 1915 г. в Москве был утверждён устав Московского общества содействия юным разведчикам, а покровительство над этой организацией взяла Елизавета Федоровна, в 1992 г. канонизированная как св. преподомученица Елизавета Алапаевская. В силу этого шефства название получилось довольно длинным: «Состоящее под покровительством Её Императорского Величества Великой Княгини Елизаветы Федоровны московское общество содействия организации «юных разведчиков» (Русский Скаут)» [2, с. 5; 12, с. 47]. Большую помощь в создании 1-го Московского отряда юных разведчиков оказал секретарь Елизаветы Федоровны камер-юнкер Владимир Владимирович фон Мекк, который начал работу по скаутской методике в августе 1914 г., т.е. ещё до создания общества содействия [20, с. 14-15].

В эмиграции контакты детских организаций с Романовыми расширились. Лидером скаутов зарубежом стал уже упоминавшийся полковник Олег Иванович Пантихов, которого на двух разных съездах выбрали Старшим Русским Скаутом. Он ещё в семье впитал монархические взгляды, которые укрепились во время учёбы и службы около императорской семьи в Царском Селе [4, с. 73]. В эмиграции он вступил в Корпус Императорской армии и флота (КИАФ). Это было военное объединение, стоявшее на монархических позициях. При этом О.И. Пантихов, как и Корпус, был сторонником великого князя Кирилла Владимировича, которого видел во главе дома Романовых. Сторонников таких взглядов называли легитимистами или кирилловцами. Старший сын О.И. Пантихова, полковник американской армии Олег Олегович Пантихов, был секретарём Нью-Йоркского отделения другой легитимистской организации, Российского Имперского Союза-Ордена (РИС-О). При этом Старший Русский Скаут очень осторожно относился к вопросу выбора августашего шефа для своей организации. Историк скаутизма Ю.В. Кудряшов показывает ту тщательность, с которой Пантихов подошёл к этому вопросу. Например, в 1935 г. он отверг всерьёз рассматриваемую кандидатуру великого князя Дмитрия Павловича [12, с. 137], из-за его вступления в Младоросскую партию в середине того же года [11, с. 78]. Позднее, в 1939 г., он стал патроном только Французского отдела русских скаутов [12, с. 139]. Контакты же с ним Пантихов стал налаживать заранее, благословив бывшего скаута Царскосельского отряда, великого князя Георгия Константиновича, подарить свой скаутский значок следующему поколению Романовых – сыну Великого Князя Дмитрия Павловича князю Павлу Дмитриевичу Ильинскому [18]. Важными для монархизма в скаутинге, были и личные отношения Пантихова с самим Георгием Константиновичем, правнуком Николая I. Письма великого князя публиковались в скаутской прессе, он делился в них своими воспоминаниями и давал наставления подрастающему поколению. После смерти Георгия Константиновича по организации был объявлен двухнедельный траур, а его имя внесли в скаутские

списки для поминовения. Возможно, хорошим отношениям великого князя и Старшего Русского Скаута способствовали не только воспоминания о днях в Царском селе, но и то, что они оба в 30-е гг. проживали во Флориде (США). Что касается почетного шефа Национальной организации русских скаутов (НОРС), как называлась организация Паньюхова, то им в итоге стал Владимир Кириллович, наследник Кирилла Владимировича. Теплые отношения с Парижским отделом НОРС сложились у великой княжны Марии Павловны. Так она подарила знамя сборному парижскому звену НОРС, помогавшему устроить общебельгийское Джамбори (национальный или международный скаутский лагерь) в 1923 г. [10, с. 28], а 4 июля 1937 г. она принимала участие в весеннем костре парижского НОРС [15, с. 12].

Гораздо активнее в вопросе насаждения монархизма были конкуренты скаутов из Национальной организации русских разведчиков (НОРР). Основателем этого объединения являлся полковник Петр Николаевич Богданович. Он возглавлял французское отделение паньюховской НОРС, но 3 мая 1928 г. сообщил о том, что покидает организацию. К нему присоединилось большое количество скаутмастеров Франции и дальневосточного Харбина, и меньшее по остальным странам рассеяния. Богданович всячески критиковал скаутов за английское и масонское происхождение, а свою организацию выставлял полностью самобытной, коренящейся только в отечественной истории. По взглядам он был монархистом, состоял в Русском общевоинском союзе (РОВС), в союзе Преображенцев и Объединении Лейб-гренадерского эриванского полка [21, с. 57]. В РОВС он работал в штабе генерала Кутепова вплоть до 1929 г., когда НОРР стала отвлекать на себя всё время и он был вынужден полностью заняться разведчиками. Хорошие отношения с РОВС у него сохранились, что можно наблюдать, например, на страницах журнала «Часовой» официального органа РОВС. Время от времени там выходили положительные статьи о скаутах, потом их стали вытеснять разведчики Богдановича (которых иногда по старинке называли скаутами), в ноябре 1931 г. НОРР вошла членом в «Общество друзей Часового» и стала помогать с распространением журнала, с 1-го ноября 1932 г. в нём стала печататься официальная информация по организации разведчиков [24], а с октября 1933 г. в «Часовом» стал печататься вкладыш «Русский разведчик» [25], являвшийся органом НОРР.

Монархизм этой организации демонстрировало уже официальное название: «Состоящая под покровительством Великого Князя Александра Михайловича Национальная Организация Русских Разведчиков». После смерти Александра Михайловича в феврале 1933 г., покровительницей стала его вдова Ксения Александровна, сестра Николая II. Их сын Федор Александрович был шефом 1-го отряда [13, с. 20]. Другой сын августейших покровителей - Никита Александрович с 9 апреля 1934 г. стал шефом марсельского 10-го отряда имени фельдмаршала князя Аникиты Репнина. Его дети Никита Никитич и Александр Никитич были зачислены тем же числом в орлята, соответственно, в 4-й (Харбин) и 18-й имени Генералиссимуса Суворова (Деснин) отряды. Разведчиками были так же князья Михаил Андреевич в 5-м отряде (Крезо) и Андрей Андреевич в 1-м отряде (Париж) [17], а орленком (младшим разведчиком) Михаил Федорович [13, с. 20]. В разведческой периодике регулярно появлялись поздравления к праздникам от своих покровителей, а также описания их посещения летних лагерей. Исключением не был и сам великий князь Александр Михайлович, заезжавший с сыном в лагерь около г. Капбретонь [5, л. 4]. Могли посетить лагерь разведчиков и не имевшие отношения к организации великие князья, так в 1933 г. в тот же лагерь заезжал Борис Владимирович

[\[13, с. 20\]](#). Всё это способствовало поддержанию ещё имперской традиции шефства великих князей над организациями.

Отсылали к свергнутой династии и названия некоторых структурных единиц. Например, в Маньчжурии были отряды имени Великих княжон Ольги Николаевны, Татьяна Николаевны, Марии Николаевны, Анастасии Николаевны, имя Екатерины Великой носили 11-й и 14-й отряды девочек. У мальчиков 37-й и 42-й отряды были названы именем цесаревича Алексея Николаевича. Символическая связь с династией Романовых прослеживалась и в мифологической истории организации, которая вела свои корни с 1682 г., когда Пётр Великий собрал своих потешных [\[3\]](#).

НОРС и НОРР работали с детьми и подростками, с молодёжью от 16 лет работали два следующих объединения о которых пойдёт речь. Оба они возникли в Харбине, столице русской Маньчжурии, в 1924 г. и главной своей целью видели духовное и физическое противостояние советской молодёжи, чьи позиции были сильны в этом регионе. Названия они имели романтичные, хотя и не очень русские: крестоносцы и мушкетёры. Первые, были организованы поручиком Борисом Антоновичем Березовским. Что примечательно до создания Ордена Крестоносцев он работал со скаутами, а вскоре после ухода из него стал работать с разведчиками в НОРР. По взглядам был легитимистом [\[7, л. 2 об.\]](#). Среди целей Ордена значилось «восстановление национальной России (возглавляемой ЗАКОННЫМ МОНАРХОМ)[\[6, л. 3 об.\]](#). Так же на монархическую сущность организации указывает тот факт, что начальник Ордена, подчинялся Верховному Вождю, имя которого, однако указано не было. С.В. Смирнов из этого делает вывод, что подразумевался великий князь Николай Николаевич [\[22, с. 149, 151\]](#). В пользу этой теории говорит так же тот факт, что в 1926 г. он был провозглашен Вождём русской эмиграции. Однако выделение в тексте слов «ЗАКОННЫЙ МОНАРХ» может означать Кирилла Владимировича, так как его сторонники не даром назывались легитимистами, от латинского *legitimus* — законный. Сходный с Орденом характер носил «Союз Его Высочества князя Никиты Александровича мушкетеров», появившийся 4 февраля 1924 г. [\[8, л. 28\]](#) Правда первоначально это был просто Союз Мушкетеров, а под покровительство Никиты Александровича он перешёл только 29 марта 1930 г., [\[1, с. 6\]](#) который через 4 года также стал шефом марсельского 10-го отряда НОРР.

Подводя итог, можно отметить, что императорская фамилия сыграла значительную роль в становление детских движений в России, а позднее исполняла символическую функцию, связывая эмигрантские организации с дореволюционным прошлым. Для носителей белых идей, среди которых монархисты были очень заметны, шефство великих князей и княгинь было важным идеологическим фактором. В определенной степени это давало чувство нормальности, отсылая ко временам империи, когда у всех заметных общественных объединений были августейшие покровители.

Библиография

1. (10)-летие Союза Мушкетеров // Наш путь. 1934. № 29 (115). С. 6.
2. Будь готов! М.: Моск. о-во содействия орг. "юных разведчиков" (Рус. скаут), 1916.
3. Булатов И.А. Национальная организация русских разведчиков: краткая история // Genesis: исторические исследования. 2021. № 2. С. 8 - 17. URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=35110 (дата обращения: 07.01.2023)
4. Булатов И.А. Олег Иванович Панюхов – Старший Русский Скаут. М.: Минувшее,

2012.

5. ГАРФ. Ф. Р-6083. Оп. 1. Д. 11.
6. ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 238.
7. ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 4243.
8. ГАХК. Ф. Р-831. Оп. 2. Д. 36.
9. Гефнер О.В. Военное и патриотическое воспитание молодежи в начале XX в.: «потешное» движение в городах Западной Сибири // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 162-172.
10. Добужинский Р. История французского отдела // Опыт. 1955. № 19. С. 27-30.
11. Климович Л.В. Союз Младороссов и дом Романовых: точки соприкосновения в эмиграции 1920-1930-е гг. // Клио. 2015. № 9 (105). С. 76-82.
12. Кудряшов Ю.В. Российское скаутское движение. Архангельск, 2005.
13. Летние лагеря НОРП в 1933 г. // Русский Разведчик. 1933. № 1. С. 19-20.
14. Луцкевич А.А. Бахмутские «потешные». Бахмут: тип. И.Х. Новикова, 1912.
15. Нац. орг. русских скаутов // Возрождение. 1937. № 4085. С. 12.
16. Общий список офицерских чинов Русской Императорской Армии. СПб., 1909.
17. От начальника НОРП // Русский Разведчик. 1934. № 7. С. 16.
18. Письмо его высочества князя Георгия Константиновича // Под стягом Святого Георгия. Юбилейный сборник. Шанхай, 1934. С. 7.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26518.
20. Русанов А. Елизавета Федоровна Романова и московское разведчество // Русский скаут. 2018. № 5 (11). С. 13-18.
21. Рутыч Н. Биографический справочник высших офицеров Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы по истории Белого движения). М., 1997.
22. Смирнов С.В. Орден крестоносцев в Маньчжурии (1924 – начало 1930-х гг.) // Россия и АТР. 2016. № 4 (94). С. 145-154.
23. Смотр первому народному классу гимнастики в Высочайшем присутствии // Русский спорт. 1910. № 22. С. 4.
24. Часовой. 1931. № 70. С. 26.
25. Часовой. 1933. № 110-111. С. 19-22.
26. Pantuhoff O.I. Of time gone by. Maplewood, NJ: Durand House Publishers, 1989.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Как известно, сегодня экспертное сообщество - педагоги, психологи, социологи - все чаще говорят о необходимости усиления работы детско-юношеских организаций, которые снижают количество «детей улицы». Примечательно, что в отличие от 1990-х гг., данные предложения с одобрением рассматриваются и высшими органами государственной власти. В то же время выстраивание грамотной молодёжной политики невозможно без учёта исторического опыта отечественных детско-юношеских организаций. И если старшему поколению памятны пионерская и комсомольская организации, то опыт подобных организаций в дореволюционный период и в эмиграции известен значительно меньше.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются детско-юношеские движения в Российской Империи и эмиграции «первой волны». Автор ставит своими задачами показать роль Николая II в развитии внешкольных детских организаций, рассмотреть деятельность данных организаций в дореволюционный и в послереволюционный периоды.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать взаимодействие династии Романовых и детско-юношеских движений в Российской Империи и эмиграции «первой волны». Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 26 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена как опубликованными материалами (издания «Наш путь», «Русский разведчик», «Часовой»), так и документами из фондов Государственного архива Хабаровского края и Российского Государственного военно-исторического архива. Из привлекаемых автором исследований отметим труды О.В. Гефнера и Ю.В. Кудряшова, в центре внимания которых различные аспекты деятельности скаутского движения в России в начале XX в. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей детско-юношеского воспитания, в целом, так и ролью династии Романовых в этом вопросе. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определённой логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что император Николай II был одним из родоначальников внешкольных детских организаций в Российской Империи. Примечательно, что в эмиграции контакты подобных организаций с представителями династии Романовых усилились. На примере Национальной организации русских скаутов, Национальной организации русских разведчиков автор показывает продолжение имперской традиции шефства великих князей над организациями.

Главным выводом статьи является то, что «императорская фамилия сыграла значительную роль в становление детских движений в России, а позднее исполняла символическую функцию, связывая эмигрантские организации с дореволюционным прошлым».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в рамках переосмыслиния исторического опыта отечественной молодёжной политики.

К статье есть замечания: так, автор не осуществляет обзор источников и литературы по теме статьи.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Тимшина Е.Л. — Особенности исторической политики ЛДПР // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39392 EDN: HSLAAK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39392

Особенности исторической политики ЛДПР

Тимшина Екатерина Леонидовна

кандидат исторических наук

доцент, кафедра языковой подготовки кадров государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 82 стр.1

✉ k.timshina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историческая память"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39392

EDN:

HSLAAK

Дата направления статьи в редакцию:

13-12-2022

Аннотация: ЛДПР является старейшей из современных российских политических партий, бессменным успешным участником федеральных выборов. Для партий, занимающих крайние позиции в политическом спектре, характерно наличие собственных представлений о прошлом, которые они активно продвигают. За десятилетия активной деятельности ЛДПР сумела выработать собственную самобытную историческую политику, основанную на воззрениях многолетнего руководителя партии В. В. Жириновского. Автором статьи анализируется отношение ЛДПРовцев к ключевым событиям отечественной истории, производится выявление особенностей их партийной политики в области памяти, сравнение подходов с другими политическими партиями. Основными источниками послужили официальные документы ЛДПР, интервью, книги и статьи лидера партии В. В. Жириновского, издания, осуществленные при поддержке партии. В отличие от остальных политических партий, ЛДПР обращается не только к историческим событиям бурного XX в., хотя он и занимает основное место в исторической политике партии. Основным лейтмотивом отечественной истории ЛДПР считает противостояние коллективному Западу, который на протяжении веков после распада единой христианской церкви, старался устраниТЬ конкурента в лице Востока, и в частности России. Экспансия Запада происходила как силовым путём, так и идеологическим, который партия оценивает как более разрушительный. Через призму этого

противостояния ЛДПР рассматривает большинство ключевых событий, наиболее ярким примером вмешательства Запада стали инспирированные им революции 1917 г. Идеалом государства партия считает Российскую империю. Формирование исторической политики ЛДПР в полной мере не завершено, по отдельным вопросам партией ещё не сформулировано единой точки зрения.

Ключевые слова:

ЛДПР, символическая политика, Историческая политика, Коллективная память, Жириновский, Октябрьская революция, Сталин, Распад СССР, Российская империя, миф основания

Для политических партий отношение к ключевым эпизодам истории своей страны стало частью идеологического базиса, маркером, помогающим приобретать сторонников и получать поддержку на выборах, особенно отчетливо это проявляется в деятельности объединений, принадлежащих к крайним сторонам политического спектра. Как показали последние десятилетия истории Восточной Европы и стран постсоветского пространства исторические идеи, даже первоначально маргинальные и не принимаемые профессиональными историками, со временем, благодаря усилиям политических партий, становились общепринятыми элементами государственной исторической политики. Хотя в Российской Федерации политические объединения и не имели таких возможностей для навязывания своих исторических идей обществу и государственной власти, партии смогли сформировать своё видение на ключевые исторические события.

В процессе модификации исторических процессов и явлений для политических задач, они значительно упрощаются и трансформируются в соответствии с целями партии, поиском параллелей с современностью и оправданием идей и претензий партий в настоящем. Таким образом, политические партии, используя свои возможности доступа к средствам массовой информации и предвыборные кампании имеют возможность формировать и закреплять в общественном сознании собственные исторические мифы, вытесняя воспоминания о реальном событии. Для изучения формирования и внедрения в общественное сознание исторических мифов подходит методологический опыт, наработанный в процессе исследований коллективной памяти.

В западной науке начало активного изучения коллективной памяти общества происходит с 70-х гг. XX в. Среди авторов своими исследованиями, задавших вектор развития данного направления в историографии и заложивших методологические основы, можно отметить Ж. Ле Гоффа, П. Хаттона, А. Ассман, П. Нора и П. Бурдье^[1-5]. В нашей стране начало исследований в области исторической политики и культуры памяти произошло позже, после распада Советского Союза. В центре внимания отечественных учёных (О. И. Малинова, Н. Е. Копосов, А. И. Миллер, Г. А. Бордюгов, А.Ю. Бубнов и др.) находилось формирование государственной исторической политики Российской Федерации и насаждение агрессивной антirоссийской политики памяти в постсоветских странах^[6-12]. Российские политические партии как акторы исторической политики в меньшей степени привлекали внимание исследователей.

Изучение проблемы коллективной памяти является ярким примером междисциплинарных исследований, учёные большинства гуманитарных наук участвовали в создании работ в этой области. Разница в научных корнях определила отсутствие единого терминологического аппарата, который несмотря на десятилетия развития направления

остаётся весьма разнообразным и не унифицирован. В исследованиях используются достаточно близкие по смыслу, но не всегда тождественные термины «культура памяти», «коллективная память», «символическая политика», «историческая память», «историческая политика», «политика истории», «политика прошлого». Для целей настоящей статьи кажется более удачным использование термина «историческая политика», в определении, предложенным А. Ю. Бубновым: «всякая целенаправленная деятельность по политическому использованию прошлого, включающая как деятельность власти в сфере национально-государственной идентичности, так и борьбу в публичном поле влиятельных общественных групп за утверждение своих версий интерпретации коллективного прошлого» [\[12, с. 6\]](#).

За три десятка лет существования Российской Федерации как суверенного государства основные политические партии страны в той или иной степени выработали собственные представления об исторической памяти, одной из наиболее самобытных политик прошлого является политика ЛДПР.ЛДСС (Либерально-демократическая партия Советского Союза) была создана в 1989 г. После распада СССР в 1992 г. партия была перерегистрирована как ЛДПР и принимала участие во всех федеральных выборах, входила в состав Государственной Думы Российской Федерации всех созывов. ЛДПР представляет собой ярко выраженную партию вождистского типа. С момента формирования партии до апреля 2022 г. её бессменным лидером был В. В. Жириновский, который определял идеологические основы движения.

Цель данной статьи состоит в исследовании отношения представителей ЛДПР к ключевым этапам отечественной истории, выявлении особенностей их взглядов на прошлое и коммеморацию важных событий, сравнении нарративов ЛДПР с представлениями других акторов исторической политики. Объектом изучения является историческая политика ЛДПР, предметом – особенности использования прошлого в партийных политических целях. В основе исследования лежит сравнительный анализ исторических нарративов ЛДПР, направленный на выявление уникальных представлений партии об историческом процессе и особенностей использования прошлого в качестве политических аргументов. Основными источниками послужили официальные документы ЛДПР, предвыборные программы, выступления и публикации её лидера, книги, выпущенные партией, в которых рассматриваются исторические события. Особенностью комплекса источников является его связь с взглядами В. В. Жириновского, который фактически единолично определял политику прошлого ЛДПР. Остальные функционеры ЛДПР практически не выражали своей позиции по событиям прошлого, что отличает партию от основных политических конкурентов. В. В. Жириновский, будучи прекрасным полемистом, часто модифицировал свои высказывания в зависимости от конъюнктуры или сиюминутных целей в дискуссии, что в определенной степени затрудняет их систематизацию. Как справедливо отметила О. Ю. Малинова, лидер ЛДПР «в рамках одного выступления может говорить совершенно противоположные вещи» [\[13\]](#). В результате по ряду проблемных вопросов в статьях и интервью В. В. Жириновского можно встретить совершенно разные подходы, после смерти лидера партия не предпринимала попыток по систематизации его наследия.

Для современных отечественных политических партий характерно обращение к истории исключительно XX в. Обилие драматических перипетий и поворотов, множество незакрытых дискуссий, отсутствие чёткой государственной политики по наиболее травматичным для общества проблемам предоставили партиям широкие возможности для апелляции к прошлому. ЛДПР не вписывается в общую тенденцию: хотя события XX в. занимают в нарративах партии существенное место, она часто и системно обращается и

к более древнему прошлому.

После распада СССР ключевая дата истории (так называемый «миф основания»), использовавшаяся в советских нарративах – Великая Октябрьская социалистическая революция, больше не соответствовала идеологически государственной исторической политике и разобщала общество, кроме того ассоциировалась с деятельностью КПРФ которая в 1990-х гг. регулярно использовала революционную годовщину для масштабных митингов, мобилизующих сторонников. Дата провозглашения суверенитета России, увязывалась с распадом СССР – событием, воспринимаемым большинством граждан как трагедия, и не могла использоваться в качестве мифа основания. Попытки учреждения государственной властью нового праздника – Дня народного единства, хотя и сопровождались массированной информационной поддержкой, не вызвали поддержки общества, не найдя отклика в его коллективной памяти. В поиске источника мифа основания ЛДПР отстаивает собственную дату. По мнению партии, «Днём России» должно стать 21 сентября: «в этот день в 862 году русские князья собрались, чтобы провозгласить создание Русского государства» [\[14\]](#). ЛДПР считает, что дата политически нейтральна и подчёркивает преемственность истории страны.

В «русском народе» ЛДПР видит основного движителя истории страны, считая, недопустимым его размывание через введение терминов «советский народ», «многонациональность» или «россияне». Русский народ находится в центре предвыборных программ партии, и роль народа в историко-культурной инфраструктуре страны должна быть увеличены, а сам народ необходимо признать государствообразующим.

В основе исторических представлений ЛДПР лежит многовековое противостояние (с XI в., а в отдельных выступлениях и ранее) русского народа и коллективного Запада: «Противостояние с Западом – не современная новация, ему уже тысяча лет. С 1054 года – великого раскола христианства мы стали Западу чужими, ценностными оппонентами, несогласными. А с несогласными на Западе, несмотря на так называемую демократию, разговор короткий: кто не с нами, тот против нас. Запад не настроен на диалог, на поиск компромисса» [\[15, с. 4\]](#). Запад в исторических построениях ЛДПР часто выступает как единая сила: идеологические, религиозные, политические отличия отдельных стран не влияют на общий вектор. Лейтмотивом в ЛДПРовской концепции является перманентное желание Запада остановить развитие России и Востока, в более широком смысле; выиграть многовековую конкурентную борьбу. По мнению В. В. Жириновского, данное противостояние не прекращалось никогда, менялись только его формы: от прямой военной экспансии в Средние века к влиянию идеологическому, большинство волн которого мешали прогрессу страны. ЛДПР видит несколько идеологических вмешательств Запада: «Наибольшее влияние среди них оказали следующие: протестантизм (1717 – 1840), идеи Просвещения (1750 – 1824), технический модернизм – приезд инженеров, строительство заводов (1890 – 1925), политический либерализм (1770 – 1917), марксизм (1860 – 1917), марксизм-ленинизм (1903 – 1991), идеи свободного рынка (1991 – 1996)» [\[15, с. 55\]](#).

Идеал государства ЛДПР находит в Российской империи, считая имперскую форму государственности, наиболее подходящей для русского народа. «Империя – самая удачная форма государственного устройства. Крупная держава объединяется с соседними странами, защищает их, урегулирует все внутренние конфликты и одновременно укрепляет себя и свои интересы. Так, Россия защитила Грузию от персов, Армению от турок, казахов от джунгар, Запорожскую Сечь от поляков и османов,

белорусов от литовцев. В конечном счете Россия включила в состав своего государства Польшу и Прибалтику в результате многочисленных оборонительных войн, которые завершились после этого» [16]. Необходимость проведения ряда реформ ЛДПР объясняет необходимостью возвращения к успешному опыту Российской империи, при этом реальность существования именно такого опыта в империи не является значимым для партии. Ярким примером подобного обращения к прошлому является предложение ЛДПР об отмене федеративного устройства и отказе от формирования национальных административных единиц с переходом к унитарному типу организации государства и разделением страны на губернии в соответствии с их экономическим потенциалом.

ЛДПР отрицает наличие кризиса в Российской империи во время правления Николая II, отмечая значительные успехи в экономической, социальной и культурной сфере [17]. В этом вопросе лидер партии В. В. Жириновский активно полемизирует с представителями КПРФ, считающими в продолжение советской историографической традиции, что причиной падения империи стали нарастающие кризисные явления и нерешенность ключевых социально-экономических вопросов. Видя в Российской империи процветающее государство с перспективами превращения в мирового лидера, представители ЛДПР воспринимали революционные события 1917 г., как тяжёлую трагедию и насильственное прерывание «эволюционного развития» страны [18, с. 3], результатом которого через несколько десятилетий должна была стать разновидность конституционной монархии без резкой смены политической формации.

В представлениях ЛДПР о поздней Российской империи просматривается ряд противоречий. С одной стороны партия указывает, что имперское устройство идеально для России, и оно стало одной из причин её впечатляющих успехов во всех областях, с другой отмечает, что слабое звено этой системы и одна из причин краха – император. В. В. Жириновский отмечал многочисленные кадровые ошибки Николая II («Подбор кадров – все министры, губернаторы слабые, слабовольные, неспособные» [19, с. 51]) и его разрыв со всеми слоями российского общества («Дворяне недовольны, помещики недовольны, рабочие недовольны, русские недовольны, нацмены недовольны. Все недовольны, потому что царь не сумел сорганизоваться» [19, с. 70]).

Основным объяснением революционных событий 1917 г. ЛДПР считает заговор. Среди политических партий России ЛДПРовцы являются наиболее последовательными приверженцами концепции заговорщицкого происхождения как Февральской, так и Октябрьской революции. Такой подход помогает партии объяснить внезапный крах империи на фоне её успешного развития. Основными движущими силами и февральского, и октябрябрьского заговоров В. В. Жириновский называл иностранные державы, что укладывается в теорию партии о многовековом противостоянии Запада России. Используя параллель с современными событиями, лидер ЛДПР определял свержение монархии как «оранжевую» революцию, совершенную на иностранные деньги [20]. Непосредственным инициатором заговора ЛДПР называет союзника России по Антанте Великобританию: – «По всем позициям у нас были показатели лучше, чем в любой воюющей стране. И вдруг у нас революция! Это все козни Британии» [19, с. 52].»

ЛДПР не поддерживает обсуждаемую в профессиональном историческом сообществе идею объединения событий, начиная со свержения монархии до окончания гражданской войны, под единым термином «Великая российская революция», по аналогии с Великой французской революцией (1789-1799 гг.). В своих нарративах партия всегда разделяет Февральскую и Октябрьскую революции, считая их разными событиями, как по причинам,

так и по последствиям. Если февральский заговор приводил к установлению республики или сохранению ограниченной монархии, то есть находился в рамках обозначенного партией эволюционного тренда развития империи и лишь ускорял его, то Октябрьскую революцию ЛДПР определяет как величайшую трагедию XX в., вызвавшую все остальные катаклизмы столетия. «Нам говорят – благодаря революции мы потом, впоследствии, разгромили фашистскую Германию. Ее бы не было. Фашистскую Германию запад выгнал искусственно, испугавшись того, что происходит с советской Россией.<...> Не надо думать, что революция закончилась 25 октября 1917 года. Она продолжалась в гражданскую войну, она перешла в сталинский террор, она перешла в Великую Отечественную войну, она перешла в политику Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина... и сегодня Украина дымит – это продолжение Октябрьской революции» [\[21\]](#). Октябрьскую революцию ЛДПР именует переворотом и считает результатом иностранного заговора. По мнению В. В. Жириновского, приход к власти большевиков был выгоден Германской империи, которая улучшала своё положение в Первой мировой войне и активно финансировала антиправительственные силы в России: «После Февральской революции 1917 года Россия шла к нормальной европейской демократии. Временное правительство состояло из бывших депутатов, на ноябрь были назначены выборы в Учредительное собрание, при этом Россия шла к победе в Первой мировой войне. Но Ленин все это сломал, организовав госпереворот на деньги немцев» [цит. по 22]. В. В. Жириновский последовательно выступал за максимальное свертывание государственной коммеморации В. И. Ленина и Октябрьской революции. В дискурсе о событиях 1917 г. ЛДПР традиционно оппонируют Коммунистической партии РФ, которая сохранила советские, хотя и модифицированные, представления об Октябрьской революции.

ЛДПР резко осуждает Октябрьскую революцию, характеризуя как полностью негативное событие, но отношение к Советскому Союзу у партии не такое однозначное. ЛДПРовцы указывают: «Советский Союз тоже был империей» и нельзя исключать из истории её отдельные периоды: «Российская империя, СССР и Российская Федерация – это исторически одно и то же государство с одним и тем же народом. Отрицание или очернение эпизодов своей истории – это отрицание реальности» [\[14\]](#). Чтобы избежать явного противоречия, ЛДПР в своих нарративах старается разграничить политический строй и государство. Партия демонстрирует свою неприязнь к коммунистической идеологии, последовательно критикуя политику коммунистов. Особенно резкого осуждения в программных документах партии удостоилась национальная политика в СССР, которая проводилась в ущерб интересам русского народа. ЛДПР критиковала «излишнюю коренизацию» [\[14\]](#), что привело к росту местного антирусского национализма (в качестве яркого примера партия обычно приводила украинский национализм). Главной же ошибкой, ставшей одной из основных причин распада Советского союза, стало выделение республик по национальному признаку [\[14\]](#). Этот исторический пример активно использовался партией в предвыборных кампаниях как ещё один аргумент за изменение принципов административного устройства Российской Федерации. Если, по мнению партии, советский строй был бесперспективен и обречен, то Советский Союз как государство должен был продолжить своё существование. В отличие от оппонентов из либерального лагеря, ЛДПР считала СССР вполне жизнеспособным после реформирования. Во всех предвыборных документах ЛДПРовцы формировали образ ЛДПСС (предшественницы ЛДПР) как единственной партии, выступившей в 1991 г. за сохранение Советского Союза [23 и 14].

Хотя ЛДПР и КПРФ являются непримиримыми оппонентами, в том числе и в рамках политики прошлого, можно отметить зеркальность их взглядов. Обе партии

мифологизируют определенное время: ЛДПР – позднюю Российскую империю, КПРФ – сталинский СССР. Обе партии наделяют избранную для образца эпоху чертами «золотого века», сильно упрощая и идеализируя происходившие в стране социально-экономические процессы. Так как, в таком случае, кризисные явления невозможны, обе партии активно вводят заговорщицкую компоненту как универсальное объяснение для внезапного «изгнания из рая», которыми стали революция в концепции ЛДПР, и распад СССР – для КПРФ. Основное отличие – в персонализации идеального государства. Образ империи ЛДПР не сопровождается образом идеального руководителя, она чаще всего обезличена. Упоминаются отдельные монархи или государственные деятели, но основной герой и двигатель истории для партии – русский народ. КПРФ же использует значительно мифологизированный и идеализированный образ И. В. Сталина как олицетворение своего идеального государства.

События распада СССР ЛДПР охарактеризовала как революционные, уровняв по негативному влиянию на судьбу русского народа с другими российскими революциями: «Все революции были вредны для России: 1905 года, две в 1917 году, в 1991 году, в 1993 году. Сама идея революции – борьба за равенство, справедливость, братство, помогать бедным и тому подобное – она хорошая, но мы смотрим на конечный итог. Мы оцениваем по поговорке “цыплят по осени считают”. Когда закончилась революция, прошли десятилетия, и мы видим, что произошло» [\[24\]](#). Если в причинах событий 1917 г. ЛДПР видит преобладающую долю иностранного влияния, обвиняя во вмешательстве Запад (как страны Антанты, так и Германию), то причины кризиса советской системы партия объясняет причинами внутренними, в первую очередь увязывая их с некачественным управлением государством и деградацией элит. Помимо неправильной национальной политики, причинами кризиса стали попытка модернизации системы (слишком резкие реформы подорвали аппарат управления, основанный на структурах КПСС, не предложив дееспособной замены) и экономический кризис, вызванный слишком активной внешней политикой СССР, расходами на поддержание союзников по всему миру [\[19, с. 81, 85\]](#). Если в последние годы популярной, особенно в среде российских коммунистов, стала версия о предательстве руководства СССР, то В. В. Жириновский предлагает рассматривать проблему в разрезе кризиса управленческих элит: слабые и некомпетентные политики поднялись до самого верха государственной иерархии, но при этом ни партийные, ни государственные, ни силовые институты не смогли ни отстранить их от власти, ни предложить внятной альтернативной политики [\[19, с. 87\]](#).

Внутри истории советского периода ЛДПР (как и остальные политические партии, и государственная власть) сосредотачивает внимание на Победе в Великой Отечественной войне. В связи с высокой проработанностью темы в медийном пространстве и укрепившемся в сознании общества едином коммеморативном подходе, практически все политические партии следуют в кильватере государственной исторической политики, не предлагая собственных исторических толкований, но активно поддерживая сложившуюся культуру памяти. Из особенностей трактовки событий Второй мировой войны ЛДПР можно отметить, что партия негативно трактует роль Великобритании в рамках своей доктрины противостояния Запада Востоку. По мнению В. В. Жириновского, в обоих мировых войнах англичане «стравливали» Россию и Германию для получения собственных выгод [\[19, с. 32\]](#).

Одной из самой сложных проблем партийной исторической политики остаётся отношение к личности И. В. Сталина и его политике. В современном обществе число сторонников и

противников «вождя народов» делится примерно пополам, что ставит перед политическими партиями не простую дилемму: невозможно не высказаться, но велик риск потери потенциальных избирателей. И. В. Сталин, как и остальные лидеры СССР, удостоились критики ЛДПР. Лидер партии В. В. Жириновский в публичных выступлениях на протяжении многих лет последовательно негативно оценивал роль И. В. Сталина в истории России. В центре критики вождя ЛДПР была некомпетентность, антируссская политика, репрессии [25], катастрофические ошибки в начале Великой Отечественной войны [26], кроме того он подчеркивал, что его семья пострадала от сталинизма. Среди положительных черт Сталина В. В. Жириновский выделял его государственничество и позицию по национальному вопросу (победа позиции И. В. Сталина против национальных республик при создании СССР помогла бы сохранить страну в 1991 г. [19, с. 76-77]). Несмотря на личную антисталинскую позицию В. В. Жириновского, процент людей, поддерживающих Сталина, среди его сторонников велик. Согласно опросам, 67% голосовавших за лидера ЛДПР на последних президентских выборах положительно оценивают деятельность И. В. Сталина [27], что значительно превзошло процент поддержки у сторонников других кандидатов, в том числе и представителя КПРФ. В результате, в предвыборных кампаниях и программах ЛДПР не транслировала своё отношение к Сталину и избегала оценок его деятельности.

Время существования Российской Федерации ЛДПР как и большинство отечественных партий разделяет на два периода. Если к государственной власти «лихих 90-х» партия транслирует крайне негативное отношение (осуждение «дикого рынка» и трагедия русского народа на фоне распада СССР), то деятельность правительства, начиная с 2000-х гг., партия оценивает значительно нейтральнее, хотя и именует себя оппозиционной и критикует отдельные направления деятельности, особенно в период предвыборных кампаний.

В рамках создания инфраструктуры памяти, подкрепляющей исторические воззрения партии, ЛДПР помимо традиционных методов предложила использовать и сравнительно новые. В западном мире статус музеиного пространства в последние десятилетия подвергся достаточно радикальному пересмотру. Большее значение, нежели отстранённая научная репрезентативность, получила интерактивность экспозиции, её способность вызывать сопереживание и чувственный отклик у посетителя. Музеи стали значимым ресурсом поддержания государственной исторической политики и формирования коллективных воспоминаний через эмоциональное восприятие. Образцами новых подходов к музейной организации можно считать институты, посвящённые изучению коллективных травм общества – музеи жертв Холокоста в Западной Европе, музеи советской оккупации в Восточной Европе, музей Голодоморогеноцида на Украине, оказавшие значительное влияние на формирование национальной идентичности и общественной памяти. В ходе предвыборных кампаний ЛДПР неоднократно выступала за «увековечение памяти геноцида русских» [14]. Наиболее подробно свою инициативу партия представила во время электоральной кампании 2011 г. – должен быть создан «Институт Русского холокоста XX века» [23], который будет отвечать за расследование, изучение и музеификацию преступлений против русского народа.

Современные исследователи «войн памяти» считают, что историческая политика современной Европы в части отношения к трагической истории Второй мировой войны делится на два разных периода. Первоначально, в Западной Европе сформировался «космополитический» подход общей вины за преступления войны, в центре которого

находился Холокост. «Этот подход основывается на уникальности Холокоста как основной европейской трагедии XX в., а также на коллективной вине и ответственности всех народов Европы за него. Коллективная ответственность всех европейцев опиралась на понимание того, что в Холокост были вовлечены не только нацистская Германия и ее союзники, но также местное население и политические группы на всех оккупированных территориях» [28, с. 170]. Однако, увеличение Европейского союза за счёт стран Восточной Европы привело к серьезным видоизменениям исторической политики. Новые члены (особенно ярко это проявилось в деятельности властей Польши и Прибалтийских стран) перенесли акцент на страдания собственного народа от тоталитарных режимов, задав вектор постепенного уравнивания нацистского и советского режимов. Напористая политика «самовиктимизации» принесла свои плоды, с течением времени модифицировав направление общеевропейской политики. ЛДПР была одной из первых политических сил России, уловивших новую тенденцию. Введение термина «русский холокост» следует рассматривать как попытку, используя тактику оппонента, сформулировать вариант ответа на политику виктимизации, призванный показать, что русский народ тоже является жертвой. По мнению историка А.И. Миллера, российская государственная историческая политика, начиная с 2019 г. перестраивается постепенно в том же направлении, например, юридическая трактовка преступлений войны как геноцида, рассекречивание и публикация документов, связанных с участием в нацистских преступлениях прибалтийских и украинских коллаборационистов [29, с. 228].

ЛДПР достаточно расплывчato и ситуативно определяет, какие события прошлого века следует отнести к «геноциду русского народа». Среди упоминавшийся событий это и лагеря военнопленных Центральных держав в Первой мировой войне, красный террор, нацистский террор на оккупированных территориях и в лагерях смерти, преследования русских в бывших республиках СССР. В программе 2011 г. указано, что жертвами террора в 1918-1924 гг. (в программе не указано о характере террора, но наиболее часто к геноциду партия относит коммунистический террор) стали более 30 млн русских [23]. Предложенная партией периодизация (от начала Гражданской войны до смерти В. И. Ленина) не является традиционной. Историками рассматриваются или отдельно жертвы Гражданской войны, и периодизация соответствует её продолжительности, или в контексте подсчета жертв коммунистического режима время окончания продлевают до смерти И. В. Сталина. Необычная датировка связана с желанием исключить время правления Сталина из хронологических рамок террора, учитывая популярность «вождя народов» среди сторонников партии.

Помимо создания коммеморативной инфраструктуры ЛДПР предпринимала попытки и законодательного закрепления собственного взгляда на историю – неоднократно вносила предложения в Государственную Думу по принятию отдельного закона, направленного на защиту от «посягательств на историческую память о русских» один из таких проектов законов, инициированный вскоре после выборов 2016 г., вносил в уголовный кодекс статьи, предусматривающие тюремное наказание или штраф за «оправдание геноцида русских» [30]. Для правоприменительной практики требуется чёткая терминологическая дефиниция, но проект закона, предложенный ЛДПР, и пояснительные документы к нему, так и не раскрывают содержания термина «геноцид русских». События, отнесенные к геноциду, перечисляются достаточно общими определениями без детализации и датировок, оставаясь на уровне более ранних заявлений. Относительно подробно с примерами и указаниями названий описаны только австро-венгерские преступления в лагерях военнопленных времён Первой мировой войны [31].

Таким образом, ЛДПР сумела выработать собственную историческую политику, хотя по отдельным вопросам её формирование и не завершено, например, отношение к личности Сталина и точное определение событий, относящихся к «геноциду русского народа». По части направлений важных для государственной политики (в частности, память о Великой Отечественной войне, противопоставление 2000-х гг. «лихим девяностым», недопустимость и пагубность революционных событий) позиция партии близка к позиции правящей элиты, но по другим партия предложила своё видение. Основной линией, определяющей историю России, является многовековое противостояние с коллективным Западом, фактически цивилизационный конфликт. Именно пагубным вмешательством Запада объясняются многие трагические события истории. Из политических акторов ЛДПР является единственным, кто уделяет такое значение внешнему вмешательству. Другой значительной особенностью является акцент на вклад русского народа и его ведущую роль в истории страны. Через подобное конструирование прошлого партия укрепляет свой образ защитника русского народа, интересы и устремления которого, по её мнению, незаслуженно игнорировались в советский и постсоветский периоды, и обосновывает необходимость масштабных административных реформ. В отличие от остальных парламентских партий, ЛДПР активно транслировала свои представления о прошлом во время избирательных кампаний, в том числе и внося в предвыборные программы.

Библиография

1. Ле Гофф Ж. История и память. – М., 2013. – 303 с.
2. Хаттон П. История как искусство памяти. Спб., 2004. – 422 с.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. – М. 2014. – 328 с.
4. Нора П. Проблематика места памяти // Франция-память. – СПб. 1999. С. 17-50.
5. Бурдье П. Социология социального пространства. Спб., 2007. – 288 с.
6. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М., 2013. – 421 с.
7. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015. – 207 с.
8. Копосов Н. Е. Память строгого режима. История и политика в России. – М., 2011. – 320 с.
9. Миллер А. И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. – 2008. – Т. 44. – № 5. – С. 66-75.
10. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: сборник статей / под ред. А. Миллера, М. Липман. – М., 2012. – С. 7-32.
11. Бордюгов Г. А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М., 2011. – 256 с.
12. Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 4. – С. 3-12.
13. Столетний юбилей революций 1917 года и российская политика памяти. Коммеморации столетия революции в России: от памяти к политикам памяти. // Интернет-журнал ГЕФТЕР. URL: <http://gefter.ru/archive/23171> (дата обращения: 01.11.2022)
14. Предвыборная программа ЛДПР // Сайт ЛДПР. URL: https://ldpr.ru/party/The_election_archive/ (дата обращения: 24.09.2019).

15. Жириновский В. В., Воронин С. А. Россия – Европа: история непонимания. – М., 2018. – 112 с.
16. ЛДПР предложила праздновать в России "день империи" // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20200221/1565036497.html> (дата обращения 01.11.2022).
17. Жириновский В. В. Россия на взлёте. М., 2019 – 80 с. // Сервис электронных книг Литрес. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-volfovich-zhirinovskiy/rossiya-na-vzlete/> (дата обращения 01.11.2022).
18. Хозяин земли русской. М., 2020. – 80 с.
19. ВВЖ. Марш мысли. – М., 2018. – 176 с.
20. Жириновский уверен, что революция 1917 года тоже была «оранжевой» // Издание Федерального Собрания «Парламентская газета». URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/02/22/zhirinovskiy-uveren-chto-revolyuciya-1917-goda-tozhe-byla-oranzhevoy.html> (дата обращения: 02.11.2022).
21. Жириновский В. В. Любая революция это насилие // Радио «Комсомольская правда». URL: <https://www.kp.ru/daily/26752/3782385/> (дата обращения: 03.11.2022).
22. «В юности Ленин со мной был всегда» // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3959623> (дата обращения: 03.11.2022).
23. Мы за русских! 111 позиций ЛДПР // Сайт ЛДПР. URL: https://ldpr.ru/common/next/?resource_id=10169 (дата обращения 30.11.2019).
24. «Без революции мы бы не проиграли в Первой мировой»: Жириновский в интервью RT // Сайт телевизионной сети RT. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/355899-zhirinovskii-intervyu-oktyabrskaya-revolyuciya> (дата обращения: 02.11.2022).
25. Жириновский осудил желание возлагать цветы к могиле Сталина // Сайт РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20191220/1562648936.html> (дата обращения 01.11.2022).
26. Владимир Жириновский об ошибках Сталина // Сайт депутатов ЛДПР Донского края. URL: <https://ldpr61.ru/ldpr/714-vladimir-zhirinovskiy-ob-oshibkah-stalina.html> (дата обращения 01.11.2022).
27. Динамика отношения к Сталину // Аналитический центр Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (дата обращения 01.11.2022).
28. Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // Политическая наука. 2018. № 3. С. 167-189.
29. Миллер А. И. Вторая мировая война в войнах памяти // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 222-231.
30. В ЛДПР предложили сажать в тюрьму за «оправдание геноцида русских» // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20171214/1510960945.html> (дата обращения 30.10.2022).
31. Законопроект № 340882-7 (пояснительная записка) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/340882-7> (дата обращения: 24.10.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ на статью

Особенности исторической политики ЛДПР

Название в целом соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензируемая статья представляет относительный научный интерес. Автор разъяснил выбор темы исследования и обозначил её актуальность.

В статье сформулирована цель исследования («Целью данной статьи является исследование отношения представителей ЛДПР к ключевым этапам отечественной истории, выявление особенностей их взглядов на прошлое и коммеморацию важных событий, сравнение нарративов ЛДПР с представлениями других политических партий»), не указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором. На взгляд рецензента, основные элементы «программы» исследования автором не вполне продуманы, что отразилось на его результатах.

Автор представил результаты анализа историографии проблемы, но не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования.

Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы, ограничившись их перечислением.

На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования, обозначил её актуальность, а также сообщил о том, что в современной России политические партии «смогли сформировать своё видение на ключевые исторические события» т.д., что «политические партии, используя свои возможности доступа к средствам массовой информации и массовые предвыборные кампании имеют возможность формировать и закреплять в общественном сознании собственные исторические мифы, вытесняя воспоминания о реальном событии». Автор кратко описал результаты анализа историографии проблемы коллективной памяти общества, сообщил цель своего исследования.

В основной части статьи автор пояснил, почему «ЛДПР представляет собой ярко выраженную партию вождистского типа» т.д., что «в поиске источника мифа основания ЛДПР отстаивает собственную дату»: «по мнению партии, «Днём России» должно стать 21 сентября: «в этот день в 862 году русские князья собрались, чтобы провозгласить создание Русского государства» т.д. Автор сообщил, что «в «русском народе» ЛДПР видит основного движителя истории страны, считая, недопустимым его размывание через введение терминов «советский народ», «многонациональность» или «россияне» и т.д.

Далее автор разъяснил мысль о том, что «в основе исторических представлений ЛДПР лежит многовековое противостояние русского народа и коллективного Запада» т.д., сообщил, что «идеал государства ЛДПР видит в Российской империи, считая имперскую форму государственности, наиболее подходящей для русского народа» т.д. Автор описал восприятие представителями ЛДПР истории империи, сообщил, что ЛДПР, в частности, «отрицает наличие кризиса в Российской империи во время правления Николая II», но что при этом в представлениях о поздней Российской империи

«просматривается ряд противоречий».

Далее автор заявил, что «ЛДПР не разделяет обсуждаемую в профессиональном историческом сообществе идею объединения событий, начиная со свержения монархии до окончания гражданской войны, под единым термином Великая российская революция», что «в своих нарративах партия всегда разделяет события Февральской и Октябрьской революции» т.д., что «ЛДПР резко осуждает Октябрьскую революцию, характеризуя как полностью негативное событие, но отношение к Советскому Союзу у партии не такое однозначное» т.д.

Автор пояснил, почему «события распада СССР ЛДПР охарактеризовала как революционные, уровняя по негативному влиянию на судьбу русского народа с другими российскими революциями», и заметил, что «внутри истории советского периода ЛДПР (сосредотачивает внимание на Победе в Великой Отечественной войне» т.д., описал отношение в партии к личности Сталина, заключив, что «в предвыборных кампаниях и программах ЛДПР не транслировала своё отношение к Сталину и избегала оценок его деятельности».

Далее автор сообщил, что «время существования Российской Федерации ЛДПР как и большинство отечественных партий разделяет на два периода», и что «деятельность правительства, начиная с 2000-х гг., партия в целом поддерживает, хотя и именует себя оппозиционной».

Следующий сюжет автор посвятил вопросу об использовании музеев как «значимого ресурса поддержания государственной исторической политики и формирования коллективных воспоминаний через эмоциональное восприятие». Автор сообщил, что «в ходе предвыборных кампаний ЛДПР неоднократно выступала за «увековечение памяти геноцида русских» т.д., в частности выступив с инициативой создания «Института Русского холокоста XX века» т.д.

Затем автор обратил внимание на инициативу партии «по принятию отдельного закона, направленного на защиту от «посягательств на историческую память о русских» т.д.

В завершение основной части статьи автор сравнил и сопоставил представлений ЛДПР и КПРФ, указав на «зеркальность их воззрений».

В статье встречаются описки, как-то: «остенсивно», неудачные выражения, как-то: «В процессе модификации исторических процессов и явлений для политических задач, они значительно упрощаются и модифицируется в соответствии с целями партии, поиском параллелей с современностью и оправданием идей и претензий партий в настоящем», «Разница в научных корнях определила отсутствие единого терминологического аппарата», «ЛДПР стоит особняком», «ЛДПР (как и остальные политические партии, и государственная власть) сосредотачивает внимание».

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования. Выводы не отражают результатов исследования, проведённого автором, в полном объеме.

В заключительном абзаце статьи автор констатировал, что «формирование исторической политики ЛДПР не завершено», что «лидер партии В. В. Жириновский, будучи прекрасным полемистом, часто модифицировал свои высказывания в зависимости от конъюнктуры или сиюминутных целей в дискуссии» т.д. Затем автор сообщил, что «после последних событий на Украине, когда в СМИ началась активная републикация выступлений В. В. Жириновского, которые... приобретали ореол сбывшихся пророчеств, а противостояние Западного мира и России стало признаваться и государственной властью» т.д.

Автор резюмировал, что «партия после смерти главного идеолога продолжит совершенствование и развитие своей исторической политики, на основании базиса, заложенного лидером партии».

Таким образом, автор оставил читателю выявление и формулирование особенностей исторической политики ЛДПР. Автор не пояснил читателю, что такое и в чем выражается «историческая политика».

Заключительные абзацы статьи не проясняют цель исследования.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти.

Публикация может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки, прежде всего, в части формулирования ключевых элементов программы исследования и соответствующих им выводов.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в конце 1980-х гг. в нашей стране начался период Перестройки, или как метко назвал А.А. Зиновьев «Катастройка», на волне демократизации и гласности произошло постепенное крушение до толе казавшихся незыблемыми официальных марксистских догматов. Это привело к поиску новых ориентиров (увеличение влияния традиционных религий) и пересмотру не только экономических стратегий, но и исторического прошлого нашей страны. Разумеется, история может рассматриваться и в качестве идеологической составляющей, поэтому особый взгляд на прошлое могут формировать и общественно-политические силы. Среди влиятельных политических партий нашей страны особое место по праву принадлежит Либерально-Демократической партии. Фактически старейшая из ныне существующих партия в глазах многих россиян ассоциируется с личностью эксцентричного В.В. Жириновского, который на протяжении трех десятилетий современной российской истории формулировал партийную политику, в том числе относительно коллективного прошлого.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является историческая политика Либерально-Демократической партии России. Автор ставит своими задачами проанализировать отношение представителей ЛДПР к ключевым этапам отечественной истории, рассмотреть особенности их взглядов на прошлое и коммеморацию важных событий, сравнить нарративов ЛДПР с представлениями других акторов исторической политики.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе также используется сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать особенности использования прошлого в партийных политических целях на примере ЛДПР.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена официальными документами ЛДПР, предвыборными программами, выступлениями и публикациями её лидера, книг, выпущенных партией, в которых рассматриваются исторические события. Из привлекаемых автором исследований отметим ставшие классическими труды Ж. Ле Гоффа, П. Нора, П. Бурдье и др., в центре внимания которых различные аспекты изучения коллективной памяти. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам

по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как опытом формирования коллективного прошлого, в целом, так и отношением политических сил России к ключевым событиям истории, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что для ЛДПР характерно обращение не только к отечественной истории XX в., но и к более давним событиям. В работе показано, что «по части направлений важных для государственной политики (в частности, память о Великой Отечественной войне, противопоставление 2000-х гг. «лихим девяностым», недопустимость и пагубность революционных событий) позиция партии близка к позиции правящей элиты, но по другим партия предложила своё видение». Так, например, многие негативные явления российского прошлого В.В. Жириновский объяснял вмешательством внешних, если быть точнее, то западных сил. Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «события распада СССР ЛДПР охарактеризовала как революционные, уровняя по негативному влиянию на судьбу русского народа с другими российскими революциями». В то же время в ряде случаев отношение ЛДПР к прошлому, к тому же И.В. Сталину, достаточно противоречиво.

Главным выводом статьи является то, что «ЛДПР сумела выработать собственную историческую политику, хотя по отдельным вопросам её формирование и не завершено, например, отношение к личности Сталина и точное определение событий, относящихся к «геноциду русского народа».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения формирования коллективной памяти.

К статье есть отдельные замечания: так, читателям был бы интересен авторский прогноз относительно дальнейшей эволюции исторической политики ЛДПР.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. — Проблемы статуса Македонской Православной Церкви в современной политике исторической памяти Республики Северная Македония // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39724 EDN: GLQPEJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39724

Проблемы статуса Македонской Православной Церкви в современной политике исторической памяти Республики Северная Македония

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

доктор исторических наук

Воронежский государственный университет; доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Историческая память"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39724

EDN:

GLQPEJ

Дата направления статьи в редакцию:

04-02-2023

Аннотация: Целью исследования является анализ восприятия проблем истории статуса Македонской Православной Церкви в политике памяти современной Северной Македонии. Автор анализирует роль и место церковных нарративов в исторической политике, развитии мемориальной культуры и сохранении национальной идентичности в Республике Северная Македония. В статье анализируется восприятие церковной проблематики в современной мемориальной македонской культуре основными участниками исторической политики, формирующими коллективную память. В статье также показано, что политика памяти, которая формирует и продвигает восприятие истории Церкви в македонской этнической системе координат связано с развитием македонского национализма. Новизна исследования заключается в анализе особенностей религиозного уровня политики памяти в современном македонском обществе как светском государстве. Предполагается, что политические элиты современной Северной Македонии активно используют проблемы истории Церкви одновременно для консолидации национальной идентичности и проведения политики

памяти. Результаты исследования позволяют предположить, что мемориальная культура современного македонского общества в контекстах восприятия истории Церкви отличается националистическим характером, а восприятие церковной истории в коллективной памяти Македонии развивается в контекстах мемориальных войн с другими балканскими обществами, склонными интегрировать историческое наследие православия на территории Македонии в свои собственные исторические памяти.

Ключевые слова:

историческая политика, историческая память, коллективная память, войны памяти, политика памяти, Македонская Православная Церковь, история церкви, Охридская Архиепископия, мемориальная культура, Македония

Введение. Современные государства в воспроизведстве политической и этнической идентичности не могут обойтись без столь важного символического ресурса как историческая политика. В историографии единое определение понятия «историческая политика» не предложено. Среди исследователей существует компромисс, согласно которому под последней понимается «набор приёмов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие» [1]. Историческая политика или политика памяти к 2020-м гг. стала универсальным средством политически и идеологически мотивированных манипуляций с фактами прошлого в целях поддержания определенных форм идентичности и лояльности находящимся у власти элитам. Историческая политика универсальна, ее различные элементы применяются в большинстве стран мира.

В ряде государств манипуляции элит в сфере истории институционализированы, что привело к созданию специализированных институтов памяти. Историческая политика не тождественна академической историографии. Основными участниками политики памяти являются специализированные институты (если таковые созданы властями), общественные активисты и средства массовой информации, которые формируют и воспроизводят в публичных пространствах те образы прошлого, понимаемого в категориях «национальной истории», которые соотносятся с актуальной идеологической повесткой правящих групп.

Современная Северная Македония не является исключением. Политические элиты республики, начиная с получения независимости в 1991 г., активно используют символический ресурс истории, манипулируя с коллективной памятью для формирования ее упорядоченного канона как основы мемориальной культуры, необходимой для функционирования македонской национальной и политической идентичности. Политика памяти в Северной Македонии, как и в других странах, характеризуется значительной тематической гетерогенностью.

В разное время объектами идеологически мотивированных манипуляций могли становиться различные аспекты истории отношений с Болгарией и Грецией, проблема статуса македонцев как отдельной нации и македонского языка, что стало причиной мемориальных македонско-болгарских и македонско-греческих «войн памяти». Среди аспектов прошлого, которое содействовало воспроизведству и функционированию конфронтационной модели исторической памяти, особое место занимает история Македонской Церкви, которая только 24 мая 2022 г. урегулировала вопросы своего

статуса, будучи признанной со стороны Константинопольского патриархата, что устроило не все стороны, вовлечённые в решение македонского церковного вопроса.

Македонская церковная проблема: историко-политический фон. Македонский церковный вопрос – это совокупность проблем и противоречий, связанных со статусом Церкви на территории бывшей югославской республики Македония. В 1966 г. верующие Македонии при поддержке властей республики обратились с просьбой к Сербской Православной Церкви о представлении автокефального статуса, на что получили отказ. В ответ на это власти и лояльное духовенство инициировали проведение Церковно-народного собора в Охриде в июле 1967 г.

Острая фаза в развитии вопроса началась 19 июля 1967 года, когда Православная Церковь, территориально связанная с СР Македонией в составе СФРЮ, провозгласила автокефалию [\[2\]](#). В ответ на это очередной Собор Сербской Православной Церкви объявил новую Церковь раскольнической. Реакцией со стороны властей СР Македонии стала институционализация Македонской Православной Церкви, для чего в 1967 г. создается семинария, а в 1977 г. – богословский факультет. Вопрос о статусе Церкви обострился после получения Македонией независимости. Если Сербия не могла принять МПЦ в силу канонических противоречий, то болгаро-македонский конфликт был отягощен не только церковно-организационными (до 1944 г. территории Македонии входили в состав Скопле-Велешской и Охридско-Битольской епархий БПЦ), но и политическими противоречиями, связанными со статусом македонского языка и идентичности.

На протяжении 1990-х – начала 2020-х гг. церковный вопрос, связанный со статусом Церкви, в Македонии обрел международный характер. Понимая противоречия статуса, связанные в том числе и названием страны, власти Македонии в 2004 г. приняли «Декларацию в поддержку Македонской Православной церкви», которая предусматривала существование МПЦ как единственной признанной Церкви, что вызвало противодействие со стороны властей Сербии и СПЦ, так как в тому времени на территории независимой Македонии действовало несколько приходов, которые не подчинялись Скопье, но оказались под юрисдикцией Белграда. Осознавая свою слабость на международной арене, в 2005 г. Скопье обратилось к Константинополю, предложив патриарху Константинопольскому Варфоломею стать посредником в диалоге между МПЦ и СПЦ, что, однако, не привело к разрешению конфликта, который к концу 2000-х гг. вновь обострился.

В 2009 г. МПЦ принимает решение изменить название Церкви на территории Македонии на «Македонская православная церковь – Охридская архиепископия», что фактически стало попыткой апеллировать к историческому наследию и подчеркнуть континуитет в истории македонцев и их Церкви. Такое решение обострило отношение не только с Сербией, но и Болгарией и Грецией, приведя к очередной волне «мемориального конфликта», так как новая Церковь декларировала свои притязания на прошлое, которое к тому времени «своим» считали сербские, болгарские и греческие верующие. В условиях церковной конфронтации власти Скопье во второй половине 2010-х гг. предприняли ряд примирительных шагов, призванных улучшить отношения с другими Православными Церквями. Именно в рамках такой миротворческой линии в 2017 г. Священный синод МПЦ попытался символически сблизиться с Болгарией, признав Болгарский экзархат своей «Матерью-Церковью», установив с ней евхаристическое общение, на что отреагировала Элладская Православная Церковь, восприняв действия Софии и Скопье как недопустимые.

В 2018 г. власти Македонии активизировали меры в направлении признания Македонской Церкви, проведя ряд юбилейных мероприятий, включая «1000-летие Охридской Архиепископии», «60-летия со дня восстановления Охридской Архиепископии в лице Македонской Православной Церкви», «75 лет со дня Священнического Собрания в Издеглавье», «200 лет со дня рождения митрополита Парфения Зографского», «1155 лет со дня Моравской миссии святых братьев Кирилла и Мефодия»[\[3\]](#), что указывало на превращение памяти о прошлом в важный ресурс политической мобилизации и легитимации решений элит. Подобные мероприятия фактически были попыткой Скопье заявить, что на территории Северной Македонии сложилась собственная устойчивая национальная Церковь, интегрированная в сохранение и воспроизведение македонской идентичности и коллективной памяти.

К началу 2020-х гг. политика элит привела к своим результатам, чему предшествовало сближение Скопье с Вселенским Патриархом Варфоломеем, который выразил свою готовность урегулировать статус МПЦ, если из ее название исчезнет прилагательное «Македонская». 9 мая 2022 г. Священный синод Константинопольского патриархата признал Церковь Македонии под названием «Охридская архиепископия», что стало стимулом для возобновления и активизации диалога с СПЦ и БПЦ. Поэтому 24 мая и 13 декабря 2022 г. автокефальный статус Македонской Православной Церкви под названием «Охридская архиепископия» были признан церковными властями в Белграде и Софии. Формализация положения Церкви, чей статус был спорным на протяжении 55 лет, не привела к радикальным изменениям в исторической политике основных участников спора, актуализировав важность и значение церковного измерения в политике памяти современной Северной Македонии.

Цель и задачи статьи. В центре авторского внимания в представленной статье – церковные аспекты политики памяти в современной Северной Македонии. Целью статьи является анализ церковного изменения в исторической македонской политике, а в число задач входит изучение использования церковной истории в современных «войнах памяти», анализ роли истории Церкви в развитии и функционировании македонской мемориальной культуры, выявление перспектив дальнейшего использования церковных нарративов в политике памяти как эффективного символического мобилизационного ресурса.

Церковное измерение политики памяти в Северной Македонии Македонская историческая политика в ее церковном измерении на протяжении длительного времени проводилась при активном участии государства. Такая активностей властей стала следствием их осознания того, что строительство государственности должно сочетаться не только с продвижением этнической, политической и гражданской, но и религиозной идентичности. Последняя имела особое значение, так как история православия на македонской территории историческими традициями и мемориальными культурами Болгарии, Сербии и Греции интегрировалась в их собственные национальные нарративы, что автоматически превращало историю Церкви в пространство «войн памяти». Под последними в историографии, как правило, понимается «конфликты партикулярных идентичностей и исторических памятей разного рода “воображаемых сообществ”»[\[4, с. 68\]](#).

Распад СФРЮ и изменение статуса Македонии, которая обрела независимую государственность привели к тому, что «на руинах коммунистических федераций» произошли «масштабные перемены в символическом инвентаре»[\[5, с. 155\]](#), что сделало историю Церкви актуальным и эффективным ресурсом политики памяти в противостоянии

с альтернативными мемориальными культурами соседей. Конфронтационной модели функционирования образов македонской церковной истории содействовала позиция элит Македонии, которые настаивали на признании со стороны других православных Церквей «многовекового существования» Македонской Церкви [6] и «преемственности, которую наша историческая Церковь имеет с древней Охридской Архиепископией» [7], что фактически было попыткой институционализировать разделение истории Церкви между различными национальными коллективными памятами.

Стремление к обособлению македонской памяти от религиозного опыта соседей, однако, не помешало политическим элитам Македонии удержать, что именно «Охридская архиепископия была важным определяющим фактором в истории церкви, в истории христианства в этих областях, так как... христианство на территории географической Македонии впервые было принесено, распространено и проповедано святым апостолом Павлом» [8]. В этом контексте представители элит фактически интегрируют прошлое в качестве одного из мобилизационных ресурсов в число тех методов, которые используются ими для консолидации и воспроизведения мемориальной культуры.

История, как полагает американский культурный антрополог Джонатан Фридмэн, является «представлением о прошлом, тесно связанным с выработкой идентичности в настоящий момент» [9, р. 195], о чем свидетельствует и опыт Македонской Церкви как агента исторической политики, фактически формирующей свой собственный пласт памяти, интегрированный в мемориальную культуру на национальном уровне. Поэтому история православия в политике памяти Северной Македонии интерпретируется через призму этничности, а значительная часть авторов склонна и вовсе синтезировать православное христианство с идеями национализма, полагая, что «христианство стало частью македонской славянской культуры, частью македонского бытия» [10, с. 39].

Представители элит Северной Македонии в своем официальном дискурсе активно содействуют инструментализации исторической памяти и ее интеграции в механизмы функционирования и воспроизведения идентичности. Министр культуры Бисера Костадиновска-Стойчевска в 2022 г. подчёркивала, что Македония исторически имела «свою веру и свою церковь», которые «не упраздняются и не вводятся указом». Поэтому в официальной мемориальной культуре македонская идентичность воспринимается как примордиальная, так как македонцы «сохранили нашу церковь, восстановили Охридскую архиепископию по образу Македонской Православной Церкви, поколение за поколением с исконной любовью оберегали и сохраняли македонскую идентичность». В рамках такого восприятия памяти история церкви интегрируется в более широкие контексты идентичности, которая прочитывается как исключительно македонская: «в нашем прошлом нет ничего, чего можно было бы стыдиться, поэтому мы не должны отвернуться от него. И наш язык, и наша музыка, и наши картины, и наши книги, и наши танцы, и наши дома, и наша кухня — все тождественно. И тот факт, что мы македонцы, — это идентичность, идентичность, которую мы наследуем, и от нас зависит, будем ли мы ее носить в своих сердцах» [11].

Более того, понятия «Охридская Архиепископия» и «Македонская Православная Церковь» в мемориальной культуре Северной Македонии фигурируют в качестве синонимичных, а сама современная Церковь позиционируется в качестве единственной легитимной наследницы средневековой Архиепископии [12], что, в целом, соотносится с доминированием национализма как универсального языка конструирования нарратива. Именно поэтому, как полагает М.В. Белов, «националистическая ревизия стала

водоразделом между большими группами исследователей, экспертов и публичных интеллектуалов» [\[13, с. 72\]](#), вовлечённых в проведение исторической политики. В рамках подобной модели мемориальной политики, реализуемой Скопье в отношении церковной истории, факты прошлого, интерпретируемые в соответствии с идеологической конъюнктурой «используются для легитимации государства, для борьбы за равноправие с другими народами» [\[14, р. 470\]](#), что в случае с Северной Македонией на протяжении длительного времени было отягощено непризнанием ее права на обладание собственной национальной Церковью.

Продвижение именно такого нарратива указывает на склонности элит воспринимать идентичность вне принципов историзма, что позволяет им манипулировать с фактами прошлого, проецируя македонское самосознание на те группы, которые им не обладали. В рамках современной македонской политики памяти «история объективно пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» [\[15, р. 42\]](#). В македонской ситуации на статус именно Других идентичностей, потенциально претендующих на средневековое православное историческое наследие и его интеграцию в собственные мемориальные культуры, являются Греция и Болгария.

В этом контексте политика памяти в Северной Македонии подчинена логике партикуляризма и отделения собственного мемориального проекта от аналогичных практик и конструктов соседей. Нарратив о Македонской Церкви как «преемнице древней Охридской Архиепископии» [\[16\]](#) в мемориальной культуре Северной Македонии подвергся универсализации и стал фактически общим местом. Вместе с тем, министр экономики Крешник Бектеш подчеркивал, что признание Македонской Церкви означает не только признание множественного мемориального опыта, но и указывает на возможность достижения «добрососедства и прогресса на Балканах» [\[17\]](#), отягощёнными разными и конкурирующими прочтениями прошлого со стороны элит.

Позиция властей Северной Македонии, которые активно участвовали в урегулировании статуса Церкви, инициируя смену ее названия, привела к мемориальному конфликту с Болгарией, так как Синод Болгарской Православной Церкви ставит под сомнение легитимность современного названия Македонской Церкви, настаивая на том, что «правопреемником Охридской Архиепископии является Болгарский Патриархат» [\[18\]](#). Такая позиция Софии не устраивала Скопье, где местные участники исторической политики используют универсальную логику развития национализма, «искусственно навязывая современную этническую глубокой древности» [\[19, с. 20\]](#). В этой ситуации политические элиты Македонии, представленные органами государственной власти, фактически оказались втянуты в процессы конструирования образов прошлого, которое воображалось ими в национальной системе координат.

Македонские элиты стали акторами политики памяти. 24 мая 2022 г. премьер-министр Димитар Ковачевски констатировал в своем выступлении в связи с урегулирование статуса Церкви важность ее роли в развитии национальной исторической памяти, подчеркивая, что в истории македонцев наступил «великий исторический день». Апеллируя к наследию «святых братьев Кирилла и Мефодия», чьи образы конструировались в македонской системе координат, Д. Ковачевски указывал на важность получения автокефалии, что воспринималось как признание «равноправия с другими и признание ее наследия в духовном величии древней Охридской Архиепископии» [\[20\]](#).

В целом, по инициативе элит, утвердилось восприятие Охридской Архиепископии как «подлинной части македонской идентичности» [21], которая последовательно приписывается церковной истории в регионе в целом. Подобная логика развития мемориальной культуры в Северной Македонии подчеркивает, что «современные политические и идеологические сражения могут быть выиграны благодаря подчеркиванию определенных и замалчиванию других моментов истории» [22, р. 532], чем открыто пользуются агенты политики памяти в Скопье, решительно актуализируя «македонское» и столь же настойчиво игнорируя «болгарское» и «греческое» в средневековой истории православия в пределах границ современной Северной Македонии.

Что касается Кирилла и Мефодия, то они, с одной стороны, в македонской мемориальной культуре подвергаются последовательной македонизации, воображаясь в качестве провозвестников последующего развития македонского языка [23], а македонцы как нация позиционируются в качестве хранителей наследия «всеславянских просветителей» [24]. С другой, апелляция к их наследию и чествования святых в общественных пространствах стало системным элементом македонской мемориальной культуры [25], войдя в число гражданских ритуалов и изобретенных политических традиций. В такой ситуации историческая память «помогает в создании общего прошлого и идеи единства, которая особенно важна в новых обществах, которые еще продолжают развивать политическое сообщество» [26, р. 426], нуждающееся не только в политической, но и религиозной легитимации путем проведения континуитета между современными и средневековыми Церквями.

В современной мемориальной политики на официальном уровне доминирует прочтение истории Церкви через призму этничности в то время, как критические интерпретации, основанные на идее, что «название Церкви никогда не выражает этническую принадлежность» [27] фактически игнорируются и маргинализируются. Помимо этого, официальный мемориальный канон активно продвигает и воспроизводит нарратив, что представители Церкви, исторически связанные с территорией Македонии, участвовали в «создании и утверждении самобытности македонского народа» [28].

В рамках такого восприятия истории борьба за создание Македонской Церкви, по мнению элит, вполне легитимна, так как «великие исторические процессы формирования и определения наций, когда православные христианские народы образовали автокефальные национальные церкви» [29], начавшиеся в 19 веке, протекали неравномерно, что поставило македонцев в неравноправное положение в сравнении с сербами, болгарами и греками. Исходя из доминанты в македонской исторической политике этнической парадигмы, средства массовой информации Македонии как участники политики памяти, в конце 2022 г. приветствовали решение Константинопольского Патриарха использовать македонский язык для поздравления верующих [30].

В такой ситуации этнизация, то есть македонизация, истории христианства в современной политике памяти Македонии становится просто неизбежной. Подобная мутация в мемориальной культуре стала следствием того, что большинство обществ, подобных македонскому, пережили процессы «суверенизации, а потом и национализация истории» [31, с. 24]. В частности, относительно Клиmenta Охридского в официальной мемориальной культуре подчеркивается, что именно он стал «основоположником

македонской духовности и покровителем Македонской православной церкви» [32]. Более того, появление фактически национальной Церкви интерпретировалось как институционализация «подлинной македонской идентичности» в сфере православия, а принадлежность именно к македонской церкви воспринимается как проявление национальной консолидации [33].

Элиты Северной Македонии понимают, что такая идентичность, которая имеет и религиозные основания, нуждается в «своих» национальных святых. Шагом в этом направлении стала канонизация Кирила Пейчиновича [34], что вызвало непонимание со стороны болгарских церковных и светских националистических деятелей, так как последними «новый» македонский святой воспринимается как болгарский деятель Церкви и политик. Аналогичными взаимными претензиями сопровождалась и канонизация Иоакима Крковского [35]. Подобная модель функционирования мемориальной культуры жестко интегрирует историю церкви в историю македонского национализма, ставшего, по мнению представителей элит, «осуществлением многовекового стремления к своему собственному и независимому государству, в рамках чего народ Македонии после второй мировой войны поощрял создание Македонской Православной Церкви, которая призывала к духовным связям со своей первоначальной матерью - Охридской Архиепископией» [36].

Подобная политика памяти элит основана не только на акцентировании внимания роли Церкви в сохранении идентичности, но и в содействии большей визуализации позиции православных иерархов [37] по вопросам исторической памяти и коллективной идентичности в публичных и общественных пространствах. Исходя из такой логики, идея македонских элит о том, что Македонии как независимому государству нужна собственная национальная Церковь стала общим местом в мемориальной культуре [38]. Визуализация Церкви в публичном пространстве Северной Македонии усиливается, когда власти организовывают совместные мероприятия, посвященные возвращению раннее вывезенных икон на территорию страны [39], что позиционируется как материализация культурного и исторического наследия, воспринимаемого в качестве важного компонента мемориального канона. В свою очередь Церковь реагирует на такую позицию властей, не только декларируя ей лояльность, но и активно включаясь в политику памяти, указывая на важность ценностей национализма, основанных на «любви к Родине, истории, культуре, языку, священному и народному наследию наших предков» [40].

Выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории развития и функционирования церковной проблемы в исторической политике Македонии.

Церковные нарративы в мемориальной политике Македонии играют важную роль, так как создание Македонской Церкви и защита ее независимого статуса стали элементами процесса национального и государственного строительства Македонии. В 20 веке, до распада Югославии, македонский церковный вопрос в мемориальной культуре играл второстепенную роль, так как национальные и политические проблемы, связанные с этническим и гражданским национализмом, представлялись для македонских элит более важными в деле отстаивания собственных интересов. Распад Югославии и появление независимой Македонии привели не только к интернационализации церковного македонского вопроса, но и превратили церковную историю в важный элемент мемориальной культуры и политики памяти.

Поэтому политические элиты Македонии в 1990-е гг. стали уделять особое внимание религиозной проблеме, воспринимая религию как часть македонской национальной культуры и идентичности. В этой ситуации как академическая историография, так и интеллектуалы, вовлеченные в процессы воспроизведения коллективной памяти в публичных и общественных пространствах, предприняли усилия, направленные на национализацию и македонизацию истории православия в той части Балканского полуострова, которая в 1991 г. стала независимой Македонией. В результате македонский церковный вопрос привел к символическим мемориальным конфликтам и «войнам памяти» с Болгарией, Сербией и Грецией.

Если в случае с Сербией мемориальный конфликт носил почти исключительно формальный статус и касался вопросов институционализации церкви и ее положения среди других православных поместных церквей, то в случае конфликта памятей с греками и болгарами, церковная история была отягощена влиянием этнического и политического национализма. В болгаро-македонском мемориальном конфликте ситуация обострилась в связи с тем, что до 1944 г. территории Македонии не только в организационном плане, подчинялись Болгарской церкви, но и воспринимались болгарскими интеллектуалами как неотъемлемая часть именно болгарского культурного и политического пространства.

Поэтому болгарское общество было не готово признать независимость Македонии не только в этническом, но и в церковном плане. Что касается мемориального конфликта с Грецией, то он был отягощен фобиями и опасениями Афин относительно того, что Македония гипотетически сможет претендовать на одноименные греческие территории. В целом развитие церковных нарративов в македонской политике памяти было всецело подчинено решению политических вопросов, связанных с утверждением и развитием независимой македонской государственности. В этом случае церковные нарративы играли второстепенную вспомогательную роль, используясь одновременно с другими мифами, которые воспроизводились в рамках исторической политики и, как следствие, тиражировались в мемориальной культуре македонского общества.

В целом относительно мирное разрешение македонского церковного конфликта в 2022 г. временно ослабило остроту мемориальных противоречий македонского общества с соседними государствами, что не исключает вероятности дальнейшего роста конфронтации и ее возобновления, так как историческая память на Балканах развивается в качестве символического ресурса, который регулярно используется элитами для решения идеологических задач.

Библиография

1. Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3 – 4.
Историческая политика. С. 6 – 23.
2. Јосиф, Митрополит Тетовско-гостиварски, Прогласувањето на автокефалноста на Македонската Православна Црква на Третиот Македонски Црковнонароден Собор (Охрид, 17-19 јули 1967) // Огледало. 2017. Бр. 8 – 9. С. 8 – 13.
3. АЦНС: Потврден ставот за неменување на името на црквата и на државата // Радио Слободна Европа. 2018. Октомври 06. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/29529197.html>
4. Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 68. С. 57 – 93.
5. Белов М.В. Политика календаря в постъюгославских государствах: обзор //

- Историческая политики в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 155. С. 154 – 158.
6. Ковачевски Д. Историската одлука на Вселенската Патријаршија е признание за вековното постоење на МПЦ-ОА // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 10. URL.: <https://vlada.mk/node/28743>
 7. Ковачевски Д. Одлуката на Цариградската Патријаршија ја внесе МПЦ-ОА во заедница со другите цркви // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 9. URL.: <https://vlada.mk/node/28724>
 8. Заев З. Десет векови поврзаност и континуитет со изворот од кој произлезе духовната сувереност на народот кој се збра околу идејата за своја држава и се избори за неа // Влада на Република Северна Македонија. 2018. Мај 28. URL.: <https://vlada.mk/node/14801>
 9. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. VII. No 1. P. 195. P. 194 – 210.
 10. Борисов Д. Македонска Православна Црква – Охридска Архиепископија // Огледало. 2017. Бр. 8 – 9. С. 39. С. 37-47.
 11. Костадиновска-Стојчевска Б. И «Охридско лето» е потврда на македонскиот идентитет како дел од европската култура // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Јули 13. URL.: <https://vlada.mk/node/29563>
 12. Митевска М. Што натаму по канонското признавање на Охридската архепископија? // Радио Слободна Европа. 2022. Мај 10. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/што-натаму-по-канонското-признавање-на-охридската-архепископија-/31842867.html>
 13. Белов М.В. «Исторический ревизионизм» в критике постюгославских историков // Историческая политики в странах бывшей Югославии / под. ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 72. С. 58 – 73.
 14. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // *Ab Imperio*. 2004. No 1. P. 470. P. 467 – 486.
 15. Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. No 1. P. 42. P. 41 – 62.
 16. Ковачевски Д. Да се радуваме и да бидеме горди за прифаќањето на МПЦ-ОА како автокефална црква еднаква во православната заедница // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 25. URL.: <https://vlada.mk/node/28942>
 17. Бектеши К. Честитки до поглаварот на МПЦ-ОА и сите верници, политиките на добрососедство се од голема важност за целиот регион // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 24. URL.: <https://vlada.mk/node/28928>
 18. Бугарски медиуми: БПЦ го призна томосот на СПЦ за автокефалност на МПЦ // Радио Слободна Европа. 2022. Декември 14. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32176053.html>
 19. Шнирельман В.А. Войны памяти. Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: «Академкнига», 2003. С. 20. 592 с.
 20. Ковачевски Д. Автокефалноста на Македонската православна црква – Охридска Архиепископија е историска вест и автентичен дел на македонскиот идентитет // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 24. URL.: <https://vlada.mk/node/28927>
 21. Политички реакции по српскиот благослов за автокефалност на МПЦ-ОА // Радио Слободна Европа. 2022. Мај 24. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31865808.html>

22. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No 4. P. 532. P. 531 – 560.
23. Заев З. Ден на сесловенските просветители Светите Кирил и Методиј, во заедничка организација со Република Словачка: Мисиите на светите браќа пред 12 века биле обединувачки, исто како и денес // Влада на Република Северна Македонија. 2021. Мај 20. URL.: <https://vlada.mk/node/25323>
24. Ковачевски Д. Со особена грижа и верност гичуваме заветите на Светите Кирил и Методиј // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 24. URL.: <https://vlada.mk/node/28922>
25. Премиерот Ковачевски и владина делегација положија цвеќе на споменикот на Светите браќа Кирил и Методиј во кампусот на УКИМ // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 20. URL.: <https://vlada.mk/node/28881>
26. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. No 3. P. 426. P. 425 – 448.
27. Васиќ С. Ниту имаме територијални претензии, ниту ја бараме славата на историската Охридска Архиепископија // Радио Слободна Европа. 2022. Октомври 08. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/ниту-имаме-територијални-претензии-ниту-ја-бараме-славата-на-историската-охридска-архиепископија/32069910.html>
28. Ковачевски Д. Манастирот Св. Јован Бигорски е живо сведоштво за автентичниот македонски идентитет // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 27. URL.: <https://vlada.mk/node/28977>
29. Заев З. Десет векови поврзаност и континуитет со изворот од кој произлзе духновната сувереност на народот кој се збра околу идејата за своја држава и се избори за неа // Влада на Република Северна Македонија. 2018. Мај 28. URL.: <https://vlada.mk/node/14801>
30. Вартоломеј го објави божиќното послание и на македонски јазик // Радио Слободна Европа. 2022. Декември 21. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32187778.html>
31. Касъянов Г. Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. 2009. Мај – август. С. 24. С. 24 – 42.
32. Владина делегација се поклони пред споменикот на Свети Климент Охридски // Влада на Република Северна Македонија. 2021. Август 12. URL.: <https://vlada.mk/node/27195>
33. Ковачевски Д. Со добра мисла и добри дела може да одиме напред // Влада на Република Северна Македонија. 2023. Јануари 7. URL.: <https://vlada.mk/node/31654>
34. Кирил Пејчиновиќ канонизиран во светител // Радио Слободна Европа. 2022. Октомври 16. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32085544.html>
35. Канонизација на игуменот Јоаким Крчовски за светител // Радио Слободна Европа. 2022. Мај 22. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31862172.html>
36. Заев З. Десет векови поврзаност и континуитет со изворот од кој произлзе духновната сувереност на народот кој се збра околу идејата за своја држава и се избори за неа // Влада на Република Северна Македонија. 2018. Мај 28. URL.: <https://vlada.mk/node/14801>
37. Премиерот Ковачевски на божиќен ручек кај поглаварот на МПЦ-ОА, г.г.Стефан // Влада на Република Северна Македонија. 2023. Јануари 9. URL.: <https://vlada.mk/node/31661>
38. Заев З. Православниот народ во нашата земја заслужува црковна независност и автокефална Македонска Православна Црква – Охридска архиепископија со

- благослов и писмена одлука од цариградскиот патријарх Вартоломеј // Влада на Република Северна Македонија. 2018. Септември 22. URL.: <https://vlada.mk/node/22579>
39. Костадиновска-Стојчевска Б., Цветковски С. Чинот на реституција на иконите е историски // Влада на Република Северна Македонија. 2023. Ноември 15. URL.: <https://vlada.mk/node/31013>
40. Стефан, Да ги сакаме и почитуваме татковината, историјата, културата и јазикот // Радио Слободна Европа. 2023. Јануари 06. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32212402.html>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в конце 1980-х гг. на волне Перестройки наметилось ослабление центральной власти на фоне кризиса официальной коммунистической идеологии и социально-экономических неурядиц, это не могло не привести в действие различные центробежные силы, которые в форме Народных фронтов или иных организаций приходили к власти в то время еще союзных республиках. Как известно, на протяжении почти семидесяти лет официальная история Советского Союза настаивала на формировании единой общности «советский народ», в связи с чем объявлявшие о своем суверенитете республики вынуждены были обращаться к конструированию своего коллективного прошлого. Однако в этот период с данной необходимостью столкнулись не только союзные республики: в конце 1980-х - первой половине 1990-х гг. парад суверенитетов распространился и на другие государства Центральной и Восточной Европы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является статус Македонской православной церкви. Автор ставит своими задачами рассмотреть использование церковной истории в современных «войнах памяти», проанализировать роль истории Церкви в развитии и функционировании македонской мемориальной культуры, показать перспективы дальнейшего использования церковных нарративов в политике памяти как эффективного символического мобилизационного ресурса.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится на основах различных источников охарактеризовать церковные аспекты политики памяти в современной Северной Македонии.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 40 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском и македонском языках, что определяется самой постановкой темы. Источниковая база статьи представлена прежде всего материалами периодической печати. Из используемых автором исследований укажем на труды Д. Фридмана, В.А. Шнирельмана, М.В. Белова, в центре внимания которых различные аспекты коллективной исторической памяти. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут

обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как проблемами исторической памяти в целом, так и статусом Македонской Православной Церкви в современной политике исторической памяти Республики Северная Македония, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что политические элиты республики Северная Македония с момента получения независимости в 1991 г. «активно используют символический ресурс истории, манипулируя с коллективной памятью для формирования ее упорядоченного канона как основы мемориальной культуры, необходимой для функционирования македонской национальной и политической идентичности». В работе показано, что «распад Югославии и появление независимой Македонии привели не только к интернационализации церковного македонского вопроса, но и превратили церковную историю в важный элемент мемориальной культуры и политики памяти». Автор обращает внимание на то, что в 2022 гг. автокефальный статус Македонской Православной Церкви под названием «Охридская архиепископия» были признан церковными властями в Белграде и Софии. Примечательно, что как отмечает автор, «понятия «Охридская Архиепископия» и «Македонская Православная Церковь» в мемориальной культуре Северной Македонии фигурируют в качестве синонимичных».

Главным выводом статьи является то, что «относительно мирное разрешение македонского церковного конфликта в 2022 г. временно ослабило остроту мемориальных противоречий македонского общества с соседними государствами, что не исключает вероятности дальнейшего роста конфронтации и ее возобновления, так как историческая память на Балканах развивается в качестве символического ресурса, который регулярно используется элитами для решения идеологических задач».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в исследованиях по исторической политике.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Клейтман А.Л. — Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Брёккель и его деятельность в России в 1695–1698 гг. // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39839 EDN: GJUFTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39839

Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Брёккель и его деятельность в России в 1695–1698 гг.

Клейтман Александр Леонидович

доктор исторических наук

ведущий научный сотрудник ФГБУН "Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН"

125315, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Балтийская, 14

✉ malk@bk.ru

[Статья из рубрики "Запад – Россия – Восток"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39839

EDN:

GJUFTA

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2023

Аннотация: В статье представлен анализ историографии, посвященной биографии Я. Брёккеля – инженера, в 1697 г. руководившего работой по строительству первого судоходного канала, который должен был соединить Волгу и Дон через их притоки Камышинку и Иловлю. Проведенный анализ показал, что несмотря на то, что в XVIII–XX вв. были введены в научный оборот многие источники, содержащие достоверную информацию о деятельности Я. Брёккеля в России, авторы трудов об истории строительства Волго-Донского канала основывались, главным образом, не на этих источниках, а на книге англичанина Джона Перри "Состояние России при нынешнем царе", руководившего строительными работами на Камышинке в 1698–1702 гг. В ходе проведенного исследования удалось установить основные биографические сведения о Ягане Брёкколе до его приезда в Россию, уточнить обстоятельства его поступления на царскую службу. Анализ широкого комплекса опубликованных и архивных данных позволил доказать, что в 1696 г. Я. Брёк科尔 принимал участие в Азовском походе, занимался строительством земляных укреплений после взятия города русскими войсками. В 1697 г. под его руководством был прокопан земляной ров – ложе канала между притоками Волги и Дона Камышинкой и Иловлей. В начале 1698 г., видимо,

поняв, что успешно завершить строительство канала он не сможет, Я. Брёк科尔 бежал из России. В конце 1698 г. он был захвачен русскими войсками при попытке перехода на службу к туркам.

Ключевые слова:

Петр I, Яган Брёк科尔, строительство каналов, Камышинка, Иловля, Волга, Дон, историография, источниковедение, Петровская эпоха

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках реализации гранта РНФ «Канал Камышинка-Иловля (Волга-Дон) как памятник науки и техники и объект культурного наследия Петровской эпохи» (проект № 22-28-20016).

The work was carried out within the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation "Kamyshinka-Ilovlya Canal (Volga-Don) as a monument of science and technology and an object of cultural heritage of the Peter the Great era" (project No. 22-28-20016) with the financial support of the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd Region.

Строительство канала между Волгой и Доном через притоки Камышинку и Иловлю было одним из первых крупных проектов по модернизации транспортной инфраструктуры России, реализовывавшихся в России во время правления Петра I. Автором первого проекта данного канала был офицер шведского происхождения, поступивший на русскую службу в 1695 г., Яган Брёк科尔. Работы по строительству канала по его проекту велись в 1697 г., а уже зимой 1698 г. он покинул Россию, оставив работу на Камышенке незавершенной.

Несмотря на то, что данный сюжет традиционно рассматривается на страницах обобщающих трудов об истории Петровской эпохи, истории науки и техники, специальных исследований, посвященных биографии Я. Брёк科尔я, до настоящего времени не проводилось. В огромном потоке популярной и краеведческой литературы, посвященной Петровской эпохе, его биография обросла многими подробностями, зачастую противоречащими не только исторической правде, но и здравому смыслу. В связи с этим, существует необходимость специального анализа историографии, в которой так или иначе рассматривалась деятельность Я. Брёк科尔я в России, а также написания его биографии, которая будет основываться на широком комплексе достоверных опубликованных и архивных источников.

Первым трудом, в котором рассматривалась история строительства канала на Камышинке в 1697 г., была книга Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе». Англичанин Дж. Перри, инженер, специалист по строительству судоходных каналов и доков, был автором второго проекта канала через Камышинку и Иловлю, работа по которому велась в 1699 – начале 1700-х гг., но также не была завершена. В своем труде он в нескольких предложениях охарактеризовал своего предшественника и его проект. Дж. Перри ошибочно полагал, что Брёк科尔 был немцем, но абсолютно справедливо отмечал, что он служил полковником в царской армии и был хорошим специалистом по части укреплений. Причиной бегства инженера заграницу был страх наказания за то, что он не смог довести строительство Волго-Донского канала до конца. Как отмечал Дж. Перри, уже находясь за пределами России, беглец написал письмо царю с жалобой на Б.А. Голицына, который, якобы, отказывал инженеру во всем необходимом для производства

работ, и дурно обращался с ним [\[17, с. 3-4\]](#).

Известный исследователь биографии Петра I И.И. Голиков, хотя допустил ошибку в фамилии Я. Брёккеля, назвав его «Блеклер», справедливо отмечал, что автор первого проекта канала «хорошо знал только строить укрепления, а больше ничего», а также верно указывал, что известие о приостановке работ на канале застало Петра I в Лондоне [\[8, с. 78\]](#).

На протяжении XIX века в различных изданиях были опубликованы отдельные документы, содержащие информацию о приеме на службу и бегстве из России Я. Брёккеля.

В первые годы XIX века были опубликованы письма Петра I к Апраксиным, в том числе письмо, направленное из Дерфпорта 29 марта 1698 г., в котором царь выражал сожаление по поводу бегства Я. Брёккеля: «Тут же пишешь, что полковник Брекель проехал тайно за границу, и то зело худо, что таково оплошно у вас, можно было покрепче смотреть в том, а здесь не токмо иной кто, но и сами короли каждому проезжую подписывают своей рукою...» [\[20, с. 2\]](#).

Расширить базу источников об истории строительства канала между Камышинкой и Иловлей по проекту Я. Брёккеля смог российский географ, гидролог немецкого происхождения Иоганн-Христиан Шту肯берг. В книге «Beschreibung aller, in Russischer Reiche gegrabenen oder projectirten, schiff- und flossbaren Canaele...», опубликованной на немецком языке в 1841 г., он впервые обратился к документам о найме на службу Я. Брёккеля, хранившимся в архиве коллегии иностранных дел. Благодаря этим документам, И.Х. Штуkenберг смог уточнить биографические данные о Я. Брёккеле, а также более детально описать обстоятельства его бегства из России [\[11\]](#).

В приложении к изданному в 1858 г. труду «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялов опубликовал донесение австрийского посла О.А. Плейера, отправленное королю Леопольду I в марте 1697 г., в котором было указано, что Петр I собирался направить 20000 человек для строительства канала между Волгой и Доном. Данный канал, как отмечал дипломат, был необходим для обеспечения снабжения завоеванного Азова, оперативного направления туда войск [\[21, с. 633\]](#). В приложении к 4-му тому своего труда, вышедшему в 1863 г., Н.Г. Устрялов опубликовал письмо Ф.М. Апраксина к великим послам от 16 февраля 1698 г., в котором описывались обстоятельства бегства Я. Брёккеля заграницу [\[22, с. 604-606\]](#).

В 1864 г. в качестве приложения к статье «Проект соединения Волги с Доном. Брекель и Перри» хранитель музея Института Корпуса инженеров путей сообщения Николай Павлович Дуров поместил фрагменты документов о приеме Я. Брёккеля на службу, которые ранее были введены в научный оборот И.Х. Штуkenбергом. Исследователь более точно смог определить роль Я. Брёккеля в данном проекте. По его справедливому замечанию, на строительстве данного канала за хозяйственную и строительную часть отвечал астраханский губернатор князь Б. А. Голицын, а Брёккелю отводилась роль заведующего технической частью [\[11\]](#).

В изданном в 1867 г. сборнике «Памятники дипломатических отношений с Римскою империею» были опубликованы столбцы Посольского приказа, содержащие пересказ письма Ф.М. Апраксина к великим послам, ранее введенного в научный оборот Н.Г. Устряловым [\[15, с. 1195-1196\]](#).

На страницах следующего тома «Памятников дипломатических сношений с Римской империей» было опубликовано письмо российского дипломата П.Б. Возницина из Карловиц от 29 октября 1698 г., сообщавшего о том, что Я. Брёккель был захвачен при попытке перехода на службу к туркам [16, с. 242]. Несмотря на то, что данный документ был опубликован в 1867 г., исследователи Петровской эпохи, упоминавшие Я. Брёккеля, на него не ссылались. Впервые на данный, давно опубликованный документ как на источник информации о биографии первого руководителя работ по строительству канала на Камышенке обратили внимание Д.Ю. и И.Д. Гузевичи только в 2000-х гг. [10, с. 609].

В 1872 г. на страницах сборника документов Петровской эпохи, хранившихся в архиве Воронежского губернского статистического комитета, была опубликована «Грамота царя Петра Алексеевича воеводе Димитрию Полонскому об допросе капитана Густава Меера о бежавшем инженере Яганько Бреколе и о вещах и документах, оставленных у него», позволяющая понять, какой резонанс вызвало бегство Я. Брёккеля, как проводился поиск лиц, оказывавших ему помочь в этом «воровстве» [7, с. 141–142].

В первом томе «Писем и бумаг Петра Великого», изданном в 1887 г., было опубликовано письмо Ф. Лефорта Петру I, направленное из Амстердама 21 марта 1698 г., в котором были приведены сведения, уточняющие картину бегства Я. Брёккеля из России. Ф. Лефорт был возмущен тем, что 19 января 1698 г. Я. Брёккель проинформировал его письмом, что отправляется на Камышинку: «19 янв. 1698 г. Господарь мой. Я еду сегодня на работы свои у канала. Князь Борис Алексеевич меня рано отпустил, для ради надобет мне машину приготовить вперед землю копать, и для ради князь Борис Алексеевич желает работу скоро совершить» [18, с. 710–711], а сам при этом выехал в Нарву.

Исследователь биографии Петра I М.М. Богословский, анализируя первую попытку соединения Камышинки и Иловли судоходным каналом в 1697 г., обратил внимание, что в «Дневных записках» И.А. Желябужского, опубликованных ещё в 1840 г., были приведены несколько иные, чем в других источниках, сведения по данной теме. Автор «записок» указывал, что боярин князь Борис Алексеевич Голицын с 35000 посошных людей ходил водою в поднizовые города и на Царицыне хотел перекапывать реку, однако, они ничего не сделали и простояли напрасно [4, с. 375]. При описании бегства Я. Брёккеля из России М.М. Богословский использовал письма Лефорта Петру I [5, с. 355].

В советской и современной российской историографии исследователи обобщали, осмысливали в более широком контексте события, связанные со строительством Волго-Донского канала под руководством Я. Брёккеля в 1697 г., однако, новых источников, которые бы дополняли или уточняли сформировавшуюся в трудах историков начала XX в. картину данных событий, в научный оборот до настоящего времени не было введено.

Подводя итог анализу историографии, посвященной биографии Я. Брёккеля, и истории публикации источников, содержащих информацию о нём, следует отметить следующее. На протяжении XVIII–XXI вв. в научный оборот были введены многие делопроизводственные источники, содержащие информацию о приезде, деятельности в России и бегстве из страны Я. Брёккеля. При этом, исследователи истории Петровской эпохи, истории строительства Волго-Донского канала большую часть данных источников не использовали, а описывая работу по строительству канала, которая велась под руководством Я. Брёккеля, ограничивались воспроизведением информации из сочинения Дж. Перри. В связи с этим, существует необходимость обобщения и систематизации данных опубликованных и архивных источников по данной теме, реконструкции его

биографии на их основе.

Как следует из челобитной Ягана Брёккеля, поданной при приезде в Россию в Посольский приказ, он родился в г. Висмар. Его отец, Лаврентий Брёккель, находился на службе у датского короля, служил в конном полку и дослужился до чина подполковника. Сам Яган Брёккель служил в королевском шведском полку во Франции, впоследствии перешёл на службу к английскому королю. По словам Я. Брёккеля, он «научился инженерству» во время службы во Франции. Находясь в Голштинии, он узнал о возможности поступить на службу к русскому царю. 6 ноября 1695 (204) г. Я. Брёккель приехал во Псков, а 19 декабря прибыл в Москву и остановился на шведском дворе [\[19, л. 1-4\]](#).

Петр I писал А.А. Виниусу и А.Ю. Кревету 5 августа 1696 г. из Азова, недавно захваченного во время второго Азовского похода: «Господа инженеры Леваль и Брюкель непрестанно труждаются в строении города» [\[18, с. 100-101\]](#). В большинстве исследований по истории Петровской эпохи инженер Брюкель, работавший на строительстве укреплений Азова, и Я. Брёккель, трудившийся над каналом на Камышинке, не отождествлялись друг с другом. В примечании к дневникам П. Гордона, опубликованным в 2018 г., редакторы кратко указали, что Брюкель, упоминаемый в Азове, является тем же самым человеком, который руководил строительством Волго-Донского канала в 1697 г. На наш взгляд, требуется пояснить, почему речь в обоих случаях идёт действительно об одном и том же персонаже. Отождествить Я. Брёккеля, известного по работам на Камышинском канале, с Брюкелем, трудившимся в Азове, позволяют письма Ф.М. Апраксина о бегстве интересующего нас инженера за границу в январе 1698 г.: «Королевского величества Свейского фактор Филип Фингаген, которой живет в Новгороде, подал мне писма, а прислал-де к нему те писма из Ругодева полковник Яган Брекель, которой был у нас в войсках под Азовым инженером... А с Москвы он убежал без отпуску, и до Ругодева тайно прокралялся...» [\[22, с. 604\]](#). Основываясь на данном источнике, действительно можно уверенно утверждать, что Я. Брёккель принимал участие в Азовском походе, был одним из авторов проекта укреплений Азова, которые стали возводиться после захвата крепости летом 1696 г., и как специалист по фортификации производил хорошее впечатление на военных специалистов [\[14, с. 506-507\]](#).

Зиму 1696–1697 гг. Я. Брёккель, вместе с другими инженерами, принимавшими участие в Азовском походе, по-видимому, провёл в Москве. Весной 1697 г. он приступил к выполнению следующего задания – подготовке проекта и началу работ по строительству Волго-Донского канала. Установить дату точной отправки Я. Брёккеля на Камышинку по известным на сегодняшний день источникам не представляется возможным. В книге С.В. Бернштейн-Когана [\[3, с. 32\]](#) и диссертации В.В. Кистенева [\[13, с. 182-183\]](#) приводится ошибочная дата 19 января 1698 г., а сами работы на Камышинке под руководством Я. Брёккеля датируются 1698–1699 гг. Путаница возникла из-за письма Я. Брёккеля, написанного в этот день Ф. Лефорту, в котором он сообщил о выезде из Москвы на Камышинку для подготовки машины для копания земли. Однако, как подтверждают публикуемые нами сейчас и проанализированные выше опубликованные в XIX веке документы, в этот день Я. Брёккель отправился не на Камышинку, а в Новгород, а оттуда в Нарву. Этим днем следует датировать не начало, а конец пребывания нашего героя в России [\[18, с. 710-711\]](#).

За 1697 г. под руководством Я. Брёккеля был прокопан ров протяжённостью несколько

километров между речками Камышинкой и Иловлей, следы которого хорошо сохранились до настоящего времени в районе р.п. Петров Вал Волгоградской области. На данных работах трудились, по разным источникам, от 20000 до 35000 человек. Однако, как отмечал Дж. Перри, из-за неверной прокладки трассы канала и ошибок, допущенных при строительстве, построенный шлюз при первых испытаниях был прорван потоком воды [\[17, с. 3-4\]](#).

Осенью 1697 г. Я. Брёккель направился в Москву, откуда, как мы указали выше, 19 января 1698 г. бежал в Новгород и далее в Нарву. Бегство Я. Брёккеля искренне удивило знатных его людей. П. Гордон в дневнике в записи от 7 февраля 1698 г. удивленно отметил: «Известие, что полковник Брюкель исчез и, говорят, сбежал» [\[9, с. 129\]](#). Отъезд Я. Брёккеля заграницу вызвал волну расследований, поиск всех, кто оказывал ему в этом помощь, хранил оставленные им бумаги и вещи или даже просто знал о его планах и никому о них не сообщил. По указу Петра I допрашивались все известные Посольскому приказу иноземцы, бывшие в Москве. «Сказки с подтверждением» о Я. Брёккеле были взяты с ямщиков Антипки и Андрюшки Ивановых, Илимки Исакова и новгородского переводчика Вилима Крестьянова, которые были причастны к его побегу [\[19, л. 24-25\]](#). В Воронеже был допрошен капитан Густав Меер, у которого, как выяснило следствие, хранились вещи и документы сбежавшего инженера [\[7, с. 141-142\]](#). Хотя прямых указаний в источниках по данному вопросу пока обнаружить не удалось, возможно, с бегством Я. Брёккеля был связан и арест продолжавшего работать над укреплениями Азова инженера А. де Лаваля весной 1698 г. [\[6\]](#)

Последнее, подтверждаемое источниками, известие о судьбе Я. Брёккеля датируется 29 октября 1698 г. Российский дипломат П.Б. Возницын в письме великому посольству сообщал: «Слюзной мастер Бекер, которой ушёл с Москвы, явился здесь таким образом: хотел служить и в службу записался, и немного в том быв, умыслил изменить, и ночью из полков поехал к турским войскам, переправляясь через некоторые воды и болота, и попал на отводной драгунской полк, которые его взяли, привели. В распросе винился, и то сказал, что и с Москвы сбежал; сидит ныне в тюрьме окован» [\[10, с. 609\]](#). Учитывая обстоятельства бегства Я. Брёккеля за пределы России в январе 1698 г., резонанс, которое оно вызвало, попадание в русский плен могло иметь для него роковые последствия.

Проведенное историко-биографическое исследование позволило нам восстановить основные факты жизненного пути Ягана Брёккеля и его деятельности в России. Иные подробности его биографии, которыми изобилует краеведческая и оклононаучная литература, поскольку невозможно доказать обратное, должны быть признаны вымыслом.

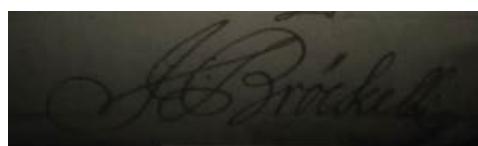

Рис. 1. Автограф Я. Брёккеля (РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1696 г. Д. 7. Л. 4).

Библиография

1. Stuckenberg, J. C. Beschreibung aller, im Russischen Reiche gegrabenen oder projectirten, schiff-und flossbaren Canaele, in historischstatistisch-technischer Beziehung, nach den vollstaendigsten und zuverlaessigsten Quellen verfasst ... / von J.

- Ch. Stuckenbergs. – St. Petersburg: Druckerei des Staabes der Militair-Lehr-Anstalten, 1841. – 572 s.
2. Беляков, А. В. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: персональный состав (предварительные данные) / А. В. Беляков, А. Г. Гуськов, Д. В. Лисейцев, С. М. Шамин // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: материалы междунар. науч. конф. М.: Институт Российской истории РАН, 2019. С. 187–209.
 3. Бернштейн-Коган, С. В. Волга-Дон. Историко-географический очерк / С. В. Бернштейн-Коган. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 224 с.
 4. Богословский, М. М. Петр I: материалы для биографии. Т. 1. Детство. Юность. Азовские походы / М. М. Богословский. – Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940. – 435 с.
 5. Богословский, М. М. Петр I: материалы для биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. 1 и 2. 9 марта 1697 – 25 августа 1698 г. / М. М. Богословский. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1941. – 624 с.
 6. Борисов Л. Б. Антоний де-Лаваль. По неизданным документам // Русский вестник. – 1890. – XII. – С. 3–46.
 7. Воронежские Петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского Губернского статистического комитета. – Вып. 1. – Воронеж: [Б.и.], 1872. – 204 с.
 8. Голиков, И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. Т. 5. / И. И. Голиков. – М.: В Университетской тип., 1791. – 352 с.
 9. Гордон, П. Дневник, 1696–1698 / Патрик Гордон; перевод с английского, статья и примечания Д. Г. Федосова. – М.: Наука, 2018. – 323 с.
 10. Гузевич, Д. Великое посольство: рубеж эпох или начало пути, 1697–1698 / Д. Гузевич, И. Гузевич. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 693 с.
 11. Дуров, Н. П. Материалы для истории строительного дела в России. Проект соединения Волги с Доном. Брекель и Перри / Н. П. Дуров // Журнал главного управления путей сообщения и публичных зданий. – 1864. – Кн. 1. – С. 82–164.
 12. Ефимов, С. В. Шведский дипломат Томас Книппер в России / С. В. Ефимов // От Нарвы к Ништадту: петровская Россия в годы Северной войны 1700–1721 гг. Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 280-летию со дня заключения Ништадтского мира. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2001. – С. 38–42.
 13. Кистенев, В. В. Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четверти XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук / В. В. Кистенев. – Самара, 2009. – 227 с.
 14. Ласковский, Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 2. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого / Ф. Ф. Ласковский. – СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1861. – 642 с.
 15. Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. VIII. Памятники дипломатических сношений с Римскою империою (с 1695 по 1699 год). – СПб.: 2 Отд-ние собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 1416 с.
 16. Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Т. IX. Памятники дипломатических сношений с Римскою империою (с 1698 по 1699 год). – СПб.: 2 Отд-ние собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 1230 с.
 17. Перри, Дж. Состояние России при нынешнем царе / Дж. Перри. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871. – 196 с.
 18. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. 1688–1701. – СПб.: Государственная типография, 1887. – 888 с.

19. РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. 1695 г. Д. 7. Приезд в Россию шведского города Висмара уроженца капитана Ягана Бреккеля для вступления в службу, и побег его из России. 37 л.
20. Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. Ч. 1. – М.: в типографии Н.С. Всеволожского, 1811. – 232 с.
21. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. III / Н. Г. Устрялов. – СПб.: тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1858. – 662 с.
22. Устрялов, Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I / Н. Г. Устрялов. – СПб.: тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1863. – 629 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Первый руководитель работ по строительству Волго-Донского канала (на Камышенке) Яган Брёкель и его деятельность в России в 1695–1698 гг. // Исторический журнал: научные исследования.

История промышленного развития России в конце XVII – начале XVIII в. все больше привлекает внимание историков в последнее время не только для характеристики мощного рывка России в международном отношении, но и в других областях, в том числе экономической и военной практике. Один из таких сюжетов связан с развитием водного речного транспорта на юге сразу после знаменитых Азовских походов Петра I и следовательно, доказывает актуальность, современное звучание выбранной темы. В статье сформулированы задачи, показано разнообразие использованных опубликованных источников и основного архивного документа из Российского государственного архива древних актов о приезде в Россию шведского города Висмара уроженца капитана Ягана Бреккеля для вступления в службу, и побег его из России». На первый взгляд, в статье отсутствует информация об используемых методологических приемах. Читателя аккуратно подводят к более широкому размышлению, как можно трактовать описываемые события, каково их значение и какие конкретные выводы получаются. Изящно построенный исторический научный текст вызывает немало позитивных размышлений об эпохе Петра, возможностях и формах международных отношений, привлечении иностранных технических специалистов на русскую службу. Фактически в статье показано зарождение нового слоя интеллигенции – инженерных кадров, способных не только готовить боевое снаряжение и военные укрепления, но и возводить новые, водные пути сообщения. Обосновано, что строительство канала между Волгой и Доном было одним из первых крупных проектов по модернизации транспортной инфраструктуры России во время правления Петра. В статье впервые проведено историко-биографическое исследование, из которого выясняется, что автором проекта канала был офицер шведского происхождения, поступивший на русскую службу в 1695 г., Яган Брёкель. Доказано, что Брёкель строил крепость Азов, т.е хорошо знал обстановку на юге и понимал необходимость расширения транспортного сообщения между Волгой и Доном. Статья, фактически, расширяет хронологические рамки службы шведского инженера в России. Значение статьи заключается в уточнении имени героя, дат жизненного пути Брёккеля. Библиографический список содержит опубликованные в XIX в. документы и отражает хорошее знание литературы по теме как историков XIX в., так и современных. Стиль, структура, содержание статьи выдержаны в единстве, научная новизна не вызывает сомнения, а текст вызовет неподдельный интерес разных

читателей. Статью рекомендую к публикации.

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Алексеев Т.В. — История судостроения для Балтийского флота петровской эпохи в отечественной историографии: география размещения и деятельность адмиралтейств и верфей // Исторический журнал: научные исследования. – 2023. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.1.39560 EDN: HRYSZK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39560

История судостроения для Балтийского флота петровской эпохи в отечественной историографии: география размещения и деятельность адмиралтейств и верфей

Алексеев Тимофей Владимирович

ORCID: 0000-0002-0809-2400

доктор исторических наук

профессор кафедры истории и философии, Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского
Министерства обороны Российской Федерации

197198, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Ждановская, 13

✉ timofey1967@mail.ru

[Статья из рубрики "История науки и техники"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2023.1.39560

EDN:

HRYSZK

Дата направления статьи в редакцию:

01-01-2023

Аннотация: Предметом исследования являются результаты изучения отечественными исследователями истории становления и развития объектов судостроительной базы Балтийского флота в петровскую эпоху. Целью работы ставится анализ трудов отечественных ученых-историков дореволюционного, советского и постсоветского периодов по указанной проблеме и формирование на этой основе целостного представления о становлении и развитии на начальном этапе одной из важнейших отраслей отечественной военной промышленности. В ходе исследования основное внимание будет обращено на последовательное рассмотрение истории возникновения, особенности организации и обеспечения деятельности, а также результаты деятельности всех верфей, работавших в интересах Балтийского флота в обозначенный период. Методология исследования базируется на совокупности общефилософских, общенаучных исторических и специально-исторических методов, таких как анализ и синтез, моделирование, проблемно-хронологический и метод перспективного анализа. Новизна проведенного исследования заключается в том, что подобный подход к

изучению начального этапа истории судостроительной промышленности в интересах Балтийского флота в отечественной историографии не применялся. По результатам исследования представлена обобщенная картина всех судостроительных предприятий, созданных в петровскую эпоху в северо-западном регионе России и на завоеванных в ходе Северной войны территориях Прибалтики и Финляндии. Результаты исследования позволили оценить характер формирования отрасли как преимущественно спонтанный, хотя и не лишенный определенной логики в конкретно исторических условиях Северной войны. Показаны определенные закономерности размещения тех или иных объектов судостроительной инфраструктуры, влияние на их специализацию географических, гидрографических, производственно-логических и других особенностей. Сформулирован проблемный вопрос, требующие дальнейшего изучения.

Ключевые слова:

судостроение, судостроительная промышленность, Адмиралтейство, верфь, Балтийский флот, петровская эпоха, военная промышленность, парусные корабли, судостроительная инфраструктура, история судостроения

Введение. Проблема строительства Балтийского флота и создания с этой целью производственной судостроительной инфраструктуры издавна привлекала внимание исследователей. Достаточно отметить, что впервые данная тема была затронута самим Петром I в предисловии к «Книге устава морского», вышедшей в свет в 1720 г. По мере накопления знаний о проблеме складывалась картина грандиозного по своим масштабам и комплексного по своей сути мероприятия. Однако разнообразие взглядов и оценок исследователей, занимавшихся данной проблемой вот уже на протяжении трех столетий, создают определенную трудность в восприятии картины происходивших событий. Необходимость сопоставления и обобщения имеющихся данных актуализирует тему настоящей статьи.

Учитывая комплексный характер проблемы балтийского судостроения, в качестве предмета исследования возьмем только один из ее аспектов, а именно – формирование и функционирование объектов судостроительной инфраструктуры, включавшей в себя Главное Адмиралтейство и многочисленные верфи. В ходе исследования будет показано, как в отечественной историографии постепенно ширилось представление о числе данных объектов, как накапливались сведения о их создании, деятельности и ее результатах.

Методология. В ходе исследования нашли применение методы научного познания различного уровня. Подход в балтийскому судостроению как системному понятию потребовал использования общефилософского метода анализа, позволяющего расчленить данную целостность на составные элементы в виде отдельных объектов судостроительной инфраструктуры и исследовать ход их изучения в историографии в отдельности. На основе полученных результатов с использованием метода синтеза удалось сформулировать некоторые итоговые суждения об основных направлениях правительственной политики в области развития судостроительной промышленности в интересах создания и развития Балтийского флота.

Ограниченнность сведений о целом ряде объектов судостроительной инфраструктуры исследуемого региона потребовал применения общенаучного метода моделирования, дающего возможность представить их слабоизученные стороны с помощью сформированной модели судостроительного предприятия эпохи парусного флота.

Из специально-исторических методов в исследовании были использованы проблемно-хронологический и метод перспективного анализа. Первый из них определил саму структуру работы, представляющей из себя последовательное рассмотрение всех адмиралтейств и верфей, непосредственно занятых постройкой судов для Балтийского флота. С использованием метода перспективного анализа показан ход изучения истории объектов судостроительной базы отечественными исследователями различных периодов.

За рамки настоящего исследования вынесены верфи, располагавшиеся в Архангельске, Воронеже и Казани. Они имели свою богатую историю, требующую отдельного рассмотрения, а по отношению к Балтийскому флоту каждая из них выполняла свою весьма специфическую функцию.

Начальный этап изучения истории балтийского судостроения. Как уже отмечалось, впервые тема создания судостроительной инфраструктуры для Балтийского флота была затронута Петром I. Впрочем, царствующий автор ограничил свое описание «строения» только упоминанием о сооружении в Санкт-Петербурге «множества кораблей великих, и галер, и всякого рода регулярных судов...» [\[1, с. 30\]](#). Более детальные сведения о судостроительной базе появились в изданной в 1770-1772 гг. князем М. М. Щербатовым «Гистории Свейской войны». Здесь были отмечены по крайней мере две важнейшие верфи, где велось строительство боевых кораблей Балтийского флота: Олонецкая верфь, сооружением которой в начале 1703 г. занимался А. Д. Меншиков [\[2, с. 61\]](#), а также Адмиралтейская верфь с Санкт-Петербурге, основание которой авторы «Гистории» отнесли к 5 октября 1704 г. [\[2, с. 97\]](#) (на некоторое время данная дата утверждалась в отечественной историографии). Дальнейшие упоминания о ходе судостроительных работ носили в труде довольно отрывочный характер и касались преимущественно сообщений о спуске в Адмиралтействе на воду крупных судов [\[2, с. 234\]](#), [\[3, с. 153\]](#).

Автор одного из ранних описаний новой российской столицы А. Богданов не просто упомянул о существующих здесь верфях, но и впервые представил довольно подробную общую картину судостроительной базы в самом Санкт-Петербурге. Он упоминал о наличии в Кронверке верфи «для починки небольших морских судов и некоторых вновь делания» [\[4, с. 49\]](#), о Смольном дворе, «в котором лежала смола, приготовляемая про весь корабельный флот» [\[4, с. 61\]](#), приводил довольно подробные сведения о кораблестроительной инфраструктуре в Петербурге, включавшей в себя само Адмиралтейство со стапелями, каменными магазинами, чертежными амбарами и каменными мастерскими [\[4, с. 67\]](#), смольни для смоления канатов, прядильни для изготовления канатов, складов для хранения лесоматериалов, а также верфей – Галерной, Партикулярной [\[4, с. 69\]](#) и Кронштадтской [\[4, с. 70\]](#). Отметил А. Богданов и находившиеся в ведении Адмиралтейств-коллегии Сестрорецкие железные и пороховые заводы [\[4, с. 132\]](#), а также факт постройки бригантина на реке Ижоре [\[4, с. 199\]](#). В дополнении к своему труду, опубликованном, впрочем, только в 1903 г., автор весьма неопределенно сообщал о постройке шести 24-пушечных фрегатов, начатой сразу после взятия русскими войсками Нотебурга в 1702 г. «при Ладоге на Ладожском озере» [\[5, с. 76\]](#). Примечательно, что весьма схожую картину кораблестроительной базы в Санкт-Петербурге и его ближайших окрестностях описывал в своем труде, составленном как известно еще в 1726-1727 гг., а опубликованном в 1831 г., известныйober-секретарь Сената И. К. Кириллов [\[6, с. 14, 21, 23\]](#).

Свой вклад в изучение истории судостроительной базы внес биограф Петра Великого И.

И. Голиков. По его словам, само основание царем нового города в устье Невы было вызвано необходимостью «... к устроению великого флота, им замышляемого» [7, с. 107]. Автор достаточно подробно осветил деятельность Адмиралтейской верфи, начиная с ее закладки осенью 1704 г. [7, с. 153], а затем по ходу своего повествования сообщал о всех фактах закладки и спуска кораблей, в которых принимал участие Петр I [7, с. 368, 370], [8, с. 148], [9, с. 86]. Вслед за авторами «Гистории Свейской войны» петровский биограф упоминал Олонецкую верфь, начальником которой он называл А. Д. Меншикова, и где в начале 1703 г. были заложены первые морские суда [7, с. 98], а осенью того же года при личном участии царя началось строительство шести фрегатов и девяти шняв [7, с. 112]. Еще одним местом сооружения судов для Балтийского флота И. И. Голиков называл верфь в Новгородском уезде на реке Поле, основанную, судя по его датировке, также в 1703 г., возглавляемую Татищевым и занимавшуюся сооружением судов типа шмака [10, с. 203].

Существенно расширил представления о географии судостроительной базы Балтийского флота в петровское время А. С. Шишков. В своем труде помимо Олонецкой верфи и Адмиралтейства в Санкт-Петербурге он указывал на сооружение в 1710 г. 50-пушечных линейных кораблей в Новой Ладоге [11, с. 31], отмечал активную деятельность по строительству в 1712 г. разнообразных судов «на пристанях Нерльской и Дубенской, на реках Ижоре и Луге» [11, с. 46].

Новым шагом в освещении истории формирования судостроительной базы стало сочинение официального историографа русского флота Н. А. Бестужева, над которым он работал в 1822-1825 гг. Автор отметил, что уже в 1701 г. в Пскове, Лодейном Поле и на Волхове строились гребные суда для участия в военных операциях на Ладожском и Чудском озерах [12, с. 88]. Автор четко локализовал Олонецкую верфь в Лодейном Поле, указав, что сооружением ее руководил Ф. Салтыков [12, с. 93], и что специализировалась она на строительстве стругов, яхт, транспортных судов, шняв, пакетботов, скампавей и бригантина. Н.А. Бестужев впервые отметил наличие верфи в устье реки Сяси, где судостроением руководил И. Татищев. В ведении этого чиновника находилась и верфь на реке Поле, которую автор называл Новгородской, где в начале 1703 г. велось активное строительство транспортных судов и барж, предназначавшихся для операций против Ниеншанца [12, с. 94]. Интересным является также упоминание Н. А. Бестужева о строительстве судов в Полоцке для действий против Риги в начале 1710 г. [12, с. 124]. В 1711 г. отмечалось строительство бригантина в Риге, Пернове, на р. Луге, на Нерльской и Дубенской пристанях, а также полугалер в Выборге [12, с. 138].

Таким образом, уже к исходу первой четверти XIX в. отечественными авторами были выявлены основные объекты судостроительной инфраструктуры Балтийского флота. В дальнейшем проблема получила свое дальнейшее разрешение, в том числе благодаря использованию документов из «Материалов для истории русского флота», публикация которых началась С. И. Елагиным в 1865 году. Остановимся теперь в отдельности на каждом из объектов судостроительной базы или районах их сосредоточения.

Сясьское Устье. Вслед за Н. А. Бестужевым на дворцовое село Сясьское Устье как место строительство судов для Балтийского флота указывал В. Н. Берх [13, с. 89]. У большинства исследователей не возникало сомнений в расположении данного судостроительного центра в месте впадения р. Сясь в Ладожское озеро. Исключение

составили два советских автора, которые явно ошибочно пытались локализовать его в районе г. Тихвина [\[14, с. 58\]](#),[\[15, с. 88\]](#).

Первоначально среди исследователей не было единого мнения и относительно времени начала функционирования верфи, и относительно ее «первозданности» в ряду других центров балтийского судостроения. А. П. Башуцкий полагал, что она была основана в 1703 г., позже, чем в Лодейном Поле, а заведующим собственно судостроительными работами указал корабельного мастера Г. Меньшикова [\[16, с. 26\]](#). Н. Г. Устрялов хронологию событий, связанных с основанием верфи, изложил так: указом от 23 января 1702 г. стольнику И. Татищеву было приказано для обороны Ладожского озера построить шесть 18-пушечных кораблей на р. Сяси или р. Паше, взяв плотников из Олонецкого уезда, а кузнецов из Устюжны-Железнопольской из расчета по 120 человек на корабль. А 4 февраля 1703 г. эта задача была продублирована, но теперь местом строительства была указана р. Сясь [\[17. С. 246\]](#).

Между тем уже по данным С. И. Елагина закладка первых кораблей на верфи в устье р. Сяси произошла в мае 1702 г. [\[18, с. 3\]](#). Ф. Ф. Веселаго также относил это событие к 1702 г., а дворцовое село Сясьское Устье называл «на первый случай удобнейшим местом для судостроения». Причем среди заложенных в этом году судов он называл четыре фрегаты, из которых как минимум два были 28-пушечного ранга [\[19, с. 152\]](#).

Г. И. Тимченко-Рубан о начале судостроения писал так: «Уже 22-го января 1702 года издается наказ о кораблестроении на Сяси, впадающей в Ладожское озеро в 30-ти верстах от Ладоги... Татищев на Сяси закладывает флейт, шмаки, буер и мелкие суда» [\[20, с. 42\]](#). В. Мегорский также указывал, что по результатам обследования И. Татищева строительство верфи началось в начале мая 1702 года [\[21, с. 3\]](#). Именно эта дата и закрепилась в отечественной историографии в дальнейшем [\[22, с. 89\]](#),[\[23, с. 432\]](#),[\[24, с. 61\]](#),[\[25, с. 37\]](#),[\[26, с. 87\]](#).

Исследователями было довольно досконально изучены особенности административного и технического управления Сясьской верфью [\[19. С. 152\]](#),[\[27, с. 47\]](#),[\[28, с. 50\]](#),[\[29, с. 118\]](#), источники ее материально-технического [\[19, с. 152\]](#),[\[26, с. 86\]](#) и кадрового обеспечения [\[30, с. 11\]](#),[\[19, с. 152\]](#),[\[26, с. 86\]](#),[\[25, с. 37\]](#),[\[27, с. 47\]](#),[\[31, с. 68\]](#). Производственную инфраструктуру Сясьской верфи изучал М. Р. Федоров, который отмечал наличие здесь четырех стапелей для строительства фрегатов, сараев для хранения корабельных и военных припасов, кузницы, мастерских по изготовлению такелажа, парусов и прочей корабельной оснастки [\[28, с. 50\]](#).

Определенные разногласия существовали среди исследователей относительно хода судостроительных работ на верфи и их результатов. Как уже отмечалось выше, Ф. Ф. Веселаго указывал на закладку здесь в 1702 г. четырех фрегатов [\[19, с. 152\]](#). По мнению К. Г. Житкова, несмотря на это царь Петр не очень надеялся на их готовность к началу операции против Нотебурга, поэтому и отправился в свою очередную поездку в Архангельск [\[22, с. 90\]](#). По всей видимости опасения оказались не напрасными: хотя первые два фрегата, которые П. А. Кротов классифицировал как малые [\[26, с. 87\]](#), и были спущены уже осенью 1702 г. [\[19, с. 152\]](#), но они обладали низкими мореходными качествами и недостаточной герметичностью, в следствие чего были переделаны позднее в брандеры [\[31, с. 68\]](#). Закладка еще двух фрегатов, теперь уже мореходного

типа [26, с. 92], была произведена в ноябре того же 1702 г. [32, с. 74, 76]. Относительно сясьских фрегатов среди исследователей существовали определенные разнотечения как относительно их численности, так и сроков ввода в строй. Большинство, включая и авторов авторитетных справочных изданий, называли цифру в четыре единицы [18, с. 3],[32, с. 74, 76],[33, с. 66], [34. С. 11], [35, с. 184, 186, 228]. И только А. П. Шершов утверждал, что на Сясьской верфи были заложены шесть фрегатов [36, с. 209]. Кроме этого М. Р. Федоров, в отличие от прочих авторов, полагал датой спуска первых двух кораблей 18 апреля 1703 г. [28, с. 50], чему, по всей видимости, могли способствовать сведения С.И. Елагина [18, с. 3].

Помимо фрегатов на Сяси строились суда вспомогательных типов. Ф.Ф. Веселаго называл среди них флейт, пять шмаков и другие мелкие суда [19, с. 152], автор юбилейной статьи в журнале «Судостроение» – шмаки, флейты, буеры и др. [31, с. 68], а Ю.Н. Беспятых обобщенно писал о строительстве около 40 грузовых судов [25, с. 38]. М.Р. Федоров, говоря о существовании кооперированных связей между Сясьской и Олонецкой верфями, упоминал о присылке в качестве прототипов из Лодейного Поля бригантины и скампавеи [28, с. 50]. И.В. Богатырев, проанализировав ход работ на верфи в 1703-1705 гг., пришел к выводу, что судостроение здесь имело гораздо большие масштабы, чем это считали предшествовавшие ему исследователи. По его оценкам, помимо четырех фрегатов, здесь были сооружены как минимум два флейта, 12 шмаков, три буера, десять катов, каторга, две будары, несколько бригантин [27, с. 47-48].

Относительно прекращения деятельности Сясьской верфи среди исследователей особых разногласий не было. После спуска на воду в 1705 г. четвертого фрегата, по утверждению И. В. Богатырева, последовало повеление Петра I перевести все скопившиеся на верфи корабельные припасы в Лодейное Поле [27, с. 48]. Была продолжена достройка вспомогательных судов, однако в конце 1706 г. последовал указ об упразднении Сясьской верфи и переносе всех работ на Олонецкую [37, с. 29],[28, с. 50],[27, с. 48]. Среди причин такого решения исследователями назывались: истощение лесных ресурсов вблизи верфи [37, 29], неудобство ее местоположения «... в связи с продвижением военных действий непосредственно к Неве, а затем и к Финскому заливу» [38, с. 142], а также тот факт, что «... практика постройки первых четырех фрегатов, а также спуска их на воду выявила, что место для оборудования Сясьской верфи было выбрано неудачно» [31, с. 68].

Олонецкая верфь. В. Н. Берх в своем жизнеописании «адмирала Петра Михайлова» явно полагал Олонецкую верфь первым центром балтийского судостроения, но несколько неопределенно называл ее просто «Олонец». По его мнению, именно здесь были построены суда, задействованные в ходе овладения устьем Невы и участвовавшие в знаменитом бою со шведскими кораблями в ночь на 7 мая 1703 г. По сведениям автора в ноябре 1703 г. на верфи в Олонце работали 18 корабельных мастеров, которые вели одновременно строительство 13 бригантины, 13 скампавей, пакетбота, восьми галер, одного корабля, восьми шняв, двух шмаков и шести транспортов [13, с. 85]. Сходной позиции придерживался анонимный автор статьи в «Записках Ученого комитета Морского штаба», прямо писавший, что «начало кораблестроения для Балтийского флота Петр Великий положил на Олонецкой верфи» [39, с. 245].

Большую ясность в последовательность событий внес в своем труде Н. Г. Устрялов. По

его словам, одновременно с решением задачи стольником И. Татищевым по сооружению верфи на Сясьском Устье в феврале 1703 г. А. Д. Меншиковым были осмотрены берега р. Свири и обнаружены там леса, пригодные для строительства даже 50-пушечных кораблей. В результате при Лодейном Поле и была заложена верфь, названная Олонецкой, а уже в мае 1703 г. началась заготовка леса под руководством А. Кикина [17, с. 246]. Летом 1703 г. верфь посетил Петр и лично заложил шняву. С 1 августа 1703 г. начался спуск судов. Вскоре был спущен и оснащен фрегат «Штандарт», на котором Петр I 8 сентября 1703 г. и направился в Санкт-Петербург [17, с. 248]. Мартом 1703 г. датировал закладку первых кораблей в Лодейном Поле и С. И. Елагин [18, с. 3].

Однако дата основания верфи на р. Свири в отечественной историографии продолжала трактоваться различно. Вслед за Н. Г. Устряловым и С. И. Елагиным к началу 1703 г. (февраль-март) относили это событие целый ряд авторитетных авторов [19, с. 157], [40, с. 5], [21, с. 8], [23, с. 432], [41, с. 192], [25, с. 40], [42, с. 22], [26, с. 93]. В то же время другие исследователи называли датой основания верфи конец 1702 года [43, с. 417], [44, с. 903], [45, с. 28], [24, с. 61], [46, с. 46]. Объяснением подобных расхождений могут служить различные подходы к определению начального события в истории верфи. В первом случае в таком качестве, как правило, рассматривалась закладка на верфи первого фрегата «Штандарт», которая и произошла 24 марта 1703 г. [32, с. 74]. Во втором случае исходным считалось принятие решения о создании верфи или начало работ по ее оборудованию, так как закладке судно всегда предшествует определенный подготовительный период. Следовательно, принципиальных различий между отмеченными двумя точками зрения не существует. Тот же В. Мегорский, говоря, что «24-го марта 1703 г. была открыта Лодейнопольская верфь» [21, с. 8], одновременно заметил: «Осенью 1702 г., вероятнее всего, по взятии Нотебурга, когда почувствовалась явная нужда во флоте для закрепления за собой течения Невы..., выбрано место для верфи в пиркинском погосте, на берегу р. Свири, близ деревни Мокришвицы» [21, с. 3]. Задавшийся целью определить точную дату основания верфи, И. В. Богатырев на основе анализа петровского «Журнала или Поденной записки» предложил считать таковой 1 сентября 1702 г. [46, с. 46].

Как и в случае с Сясьской верфью исследователями были изучены вопросы управления судостроением в Лодейном Поле [19, с. 157], [47, с. 259], [21, с. 4], его кадрового [21, с. 16], [38, с. 145], финансового [21, с. 6, 7], [38, с. 145], материально-технического обеспечения [41, с. 193], [38, с. 145], [21, с. 8], [46, с. 47]. Собственно производственная инфраструктура верфи в Лодейном Поле, по мнению Н. И. Барбашева, была довольно традиционной. Помимо верфи с несколькими стапелями она включала кузницы, вододействующие мельницы, парусную, блочную и мачтовую мастерские, канатный завод, прядильные амбары, смоляной и конопаточный дворы, амбары для хранения корабельных частей и судовых припасов [38, с. 145]. Такого мнения по данному вопросу придерживался позднее и П. А. Кротов [48, с. 10]. И. В. Богатырев полагал, что уже к весне 1703 г. были построены как минимум девять стапелей, на которых в марте этого года и были заложены первые корабли. К лету 1703 г. на верфи уже действовали 13 стапелей, а к октябрю того же года их численность увеличилась вдвое в связи с началом строительства скампавей и бригантины [46, с. 47]. В целом же, по словам исследователя, «... в 1703 г. на Олонецкой верфи существовало в общей сложности 64 стапеля или стапельных места, причем все они находились в работе и в следующем году; однако потом верфь начало лихорадить, поэтому более или менее полная их загрузка относится лишь к 1707, 1712, 1716 и 1722

гг. Столь массовая закладка судов в 1703-1704 гг. говорит о том, что Лодейнопольская верфь имела филиалы. По всей видимости, до взятия Выборга в 1710 г. они располагались поблизости, вверх по течению Свири, где непроходимые леса надежно защищали их от вражеских нападений» [\[46, с. 48\]](#).

Не осталась вне внимания исследователей и производственная деятельность Олонецкой верфи. Вслед за составителями «Гистории Свейской войны» и И. И. Голиковым ряд авторов продолжали указывать в своих работах на закладку в Лодейном Поле в 1703 г. шести фрегатов и девяти шняв [\[49, с. 86\]](#), [\[16, с. 25\]](#). Позднее исследователи подчеркивали, что уже в самом начале судостроительных работ в марте 1703 г. на верфи велось сооружение разнообразных судов: Ф. Ф. Веселаго, а за ним и Г. Городков писали об одном фрегате и семи грузовых судах [\[19, с. 157\]](#), [\[40, с. 5\]](#), Г. И. Тимченко-Рубан – о корабле, галиоте, флейте, буере, шмаке, галере и различных мелких судах [\[20, с. 42\]](#), В. Мегорский – о корабле (фрегате), галиоте, флейте, четырех буерах и двух шмаках [\[21, с. 8\]](#), из которых первым спущенным на верфи 22 июня 1703 года стал галиот «Курьер» [\[21, с. 10\]](#), В. Г. Крайнюков – о фрегате, двух галиотах, пяти буерах и двух шмаках [\[42, с. 22\]](#). В ходе посещения Петром I верфи летом 1703 г. последовали новые закладки судов: Ф. Ф. Веселаго называл среди них семь фрегатов, шнявы, полугалеры, галиоты, бригантины [\[19, с. 158\]](#), а В. Мегорский добавлял буера, шмаки, скампавеи, карбусы, флейты, каторги [\[21, с. 10\]](#).

Особой заслугой Олонецкой верфи И. В. Богатырев называл постройку здесь для Балтийского флота в общей сложности десяти «первоklassных по тому времени фрегатов», а также участие в строительстве первых линейных кораблей [\[46, с. 48\]](#). Всего же, по оценкам И. В. Богатырева, на верфи строились военные, транспортные, торговые и промысловые суда 34 типов [\[46, с. 48\]](#).

Если говорить об общих результатах строительства судов для Балтийского флота в Лодейном Поле, то сведения различных авторов весьма расходятся. С. И. Елагин в своем списке упоминал 11 линейных кораблей и фрегатов и 77 судов иных типов [\[18, с. 2-59\]](#), Ф. Ф. Веселаго соответственно 13 и 96 [\[19, с. 505\]](#), А. И. Дубравин – 12 и 103 [\[33, с. 66\]](#), А. П. Глаголева – 13 и около 100 [\[41, с. 193\]](#), Л. Г. Бескровный писал о 50 крупных и 66 гребных судах [\[50, с. 107\]](#), а И. А. Быховский о 12 кораблях и фрегатах и 106 вспомогательных судах [\[34, с. 11\]](#). Наконец, максимальную цифру в 700 крупных и мелких военных, транспортных, торговых и промысловых судов называл И. В. Богатырев [\[46, с. 48\]](#).

Свертывание судостроительной деятельности на Олонецкой верфи авторы отмечали уже в 1709 г. несмотря на то, что в это время там велось строительство линейных кораблей [\[21, с. 18\]](#). Причины этого В. Мегорский видел в трудностях, сопровождавших перевод судов в Санкт-Петербург, вызванных как низким уровнем воды в устье р. Свири, так и сложностями плавания по Ладожскому озеру [\[21, с. 12\]](#). По мнению Н. И. Барбашева, оказались и недостаточные производственные мощности верфи, вызвавшие строительство судов в других местах [38. С. 146]. Впрочем, в отличие от большинства верфей петровского периода, Олонецкая продолжила свое существование вплоть до 1830 года.

Адмиралтейская верфь. Дискуссионными вопросами истории Адмиралтейской верфи в

Санкт-Петербурге в историографии стали даты ее основания и начала на ней судостроительной деятельности, а также цели и причины строительства и выбора месторасположения.

Как уже отмечалось выше, с подачи авторов «Гистории Свейской войны» среди исследователей долго бытовало мнение о закладке Петром I верфи в начале октября 1704 г. [\[51, с. 40\]](#),[\[52, с. 5\]](#). Отдельные авторы, в том числе и на страницах справочных изданий, датировали это событие 1705 годом [\[53, с. 206\]](#). И только Н. Устрялов первым отнес его к 5 ноября 1704 г., что и утвердилось в историографии в последующем [\[17, с. 254\]](#). Свою трактовку событий предложил советский исследователь В. М. Юрасов. Он считал, что датой рождения Адмиралтейской верфи следует считать дату закладки первого линейного корабля «Полтава» 5 декабря 1709 г. [\[54, с. 40\]](#). Однако подобный подход не получил поддержки других исследователей.

Причинами строительства верфи в только что основанном городе Санкт-Петербурге большинство исследователей уже давно называли недостаточность мощностей существовавших к тому времени верфей на Сяси и в Лодейном Поле, а также неудобство проводки крупных кораблей оттуда к морю по бурному Ладожскому озеру [\[16, с. 37\]](#),[\[19, с. 162\]](#),[\[55, с. 64\]](#), включая собственный опыт царя Петра, полученный им осенью 1704 года [\[17, с. 254\]](#),[\[56, с. 45-46\]](#).

Условиями, способствовавшими принятию решения о сооружении верфи, по мнению Ф. Ф. Веселаго, стало сооружение зимой 1704 г. крепости Кроншлот [\[19, с. 162\]](#). И. Г. Попов и вовсе называл Адмиралтейство «гвоздем С.-Петербурга, устройство которого было заветным желанием Петра» [\[57, с. 97\]](#). А С. Ф. Огородников полагал, что «... первоначальное и главное назначение петербургского адмиралтейства, определенное великим его основателем, было соединение в одном месте всех надобностей кораблестроения с возможно полным удобством к успешному производству дел» [\[58, с. 1\]](#). Интересную, но очень субъективистскую версию выбора Петром I места для строительства Адмиралтейства выдвинул в свое время П. Н. Столпянский: «Самым подходящим местом было устье реки Охты, где был Ниеншанц, а впоследствии возникла Охтенская верфь ... но Петр Великий уже облюбовал для себя сад майора Коняу, а верфь должна быть под непосредственным, постоянным надзором царя. Вот почему он решается устроить верфь, свое адмиралтейство, там же, на том же острове, на котором находится и полюбившийся ему сад... И не смотря на то, что Нева здесь делает отмель, и что, следовательно, место неудобно для верфи, верфь закладывается» [\[59, с. 18\]](#). Автор и в дальнейшем продолжал настаивать на неудобстве выбранного места для строительства военных судов ввиду наличия широкой отмели вдоль всего берега [\[60, с. 50\]](#). А вот по мнению современных петербургских авторов, выбор места для строительства Адмиралтейства был обусловлен наименьшей шириной Невы в этом месте, что позволяло вести артиллерийский огонь из Петропавловской крепости по неприятелю прямой наводкой [\[61, с. 54\]](#).

Большинство исследователей сходилось во мнении, что оборудование Адмиралтейской верфи, включая сооружение фортификационных сооружений, защищавших ее с суши, было завершено к зиме 1705/1706 г. [\[62, с. 18\]](#),[\[52, с. 6\]](#),[\[37, с. 8\]](#),[\[63, с. 64\]](#),[\[20, с. 161\]](#),[\[59, с. 154\]](#),[\[55, с. 64\]](#). А вот в вопросе о начале строительства здесь кораблей и их типе среди авторов не было единой позиции. П. Свинин и И. Пушкарев писали, что первое судно,

спущенное на воду в 1706 г., была бригантина [64, с. 90], [51, с. 41]. Н. Г. Устрялов отмечал спуск первого корабля в октябре 1706 г., упомянув только его название – «Надежда» и строителя – корабельного мастера Ф. Скляева [17, с. 254]. Ф. Ф. Веселаго классифицировал данное судно как яхту или шняву, а ее закладку датировал 5 июлем 1706 г. [19, с. 502]. Такого же мнения придерживались и другие исследователи [38, с. 148], [55, с. 64]. А. В. Невежин полагал, что первое судно было спущено на верфи в апреле 1706 г., и им стал 18-пушечный прам, построенный мастером Выбе Геренсом. Далее в мае того же года был спущен второй прам, затем две яхты, собранные из частей, полученных из Англии и из Воронежа («Екатерина» и «Любовь»), и только в октябре построенная Ф. Скляевым яхта «Надежда» [37, с. 8]. 18-пушечный прам называл первым судном, построенным в Адмиралтействе, и В. Г. Гейман [65, с. 248].

Советский исследователь В. М. Юрасова утверждал, что уже весной 1705 г. на верфи были спущены мелкие военные суда, а в 1706 г. более крупные – 18-пушечный бомбардирский корабль и яхта «Надежда» [54, с. 39]. На еще более раннее начало строительство судов указывали И. В. Богатырев, а за ним и П. А. Кротов. Они полагали, что судостроение и оборудование самой верфи шли параллельно уже с конца 1704 г. По мнению И. В. Богатырева, на десяти наспех сколоченных стапелях были заложены 14-18-пушечные малые шнявы [66, с. 56]. Затем осенью 1705 г. последовала закладка 30 ботов для судов флота, а уже в январе 1706 г. – прамов [26, с. 105]. Наконец, в работе В. Н. Половинкина и А. Б. Фомичева утверждалось, что уже в ноябре 1704 г. на Адмиралтейской верфи были построены первые десять бригантин русского типа [67, с. 196].

Авторами было замечено, что петровский период в истории Адмиралтейской верфи довольно отчетливо делился на две неравные части, между которыми своего рода водоразделом выступал год Полтавской битвы. Так В. Г. Гейман, характеризуя время работы верфи с 1706 по 1709 гг., подчеркивал, что тогда не строились большие корабли, требовавшие для изготовления длительных сроков, а приоритет был отдан судам средних размеров, которые могли быть построены за один сезон [65, с. 248]. При этом из-за угрозы шведов в 1705 г. работы на некоторое время даже приостанавливались [65, с. 247]. Н. И. Барбашев также указывал, что из-за опасения нападения шведов Адмиралтейская верфь первоначально не предназначалась для строительства линейных кораблей. В этой связи изначально здесь были использованы поперечные эллинги, позволявшие быстрее производить оснащение спущенных на воду судов. «Однако поперечные эллинги занимали слишком много места вдоль берега и поэтому при развитии деятельности верфи от них пришлось отказаться» [38, с. 148].

Новый этап в деятельности Адмиралтейства наступил только после Полтавской битвы: уже в декабре 1709 г. прибывшим в Санкт-Петербург Петром I лично был заложен линейный корабль «Полтава» [65, с. 248]. Ф. Ф. Веселаго довольно подробно останавливался на ключевых событиях этого этапа. «Полтава» была спущена 15 июня 1712 г. [19, с. 218], второй линейный корабль – «Екатерина» – в 1713 г., затем ежегодно вплоть до 1719 г. ежегодно на воду сходили по два корабля, в 1720 и 1721 гг. – по 4 корабля, в 1723 – один, в 1724 – два [19, с. 504]. Знаковым событием стал спуск 15 июля 1718 г. первого трехдечного корабля русского флота – 90-пушечного «Лесное» [19, с. 306].

Многие авторы, писавшие об Адмиралтейской верфи, обращали пристальное внимание на ее оборудование, на особенности и эволюцию ее фортификационных сооружений и архитектурного оформления [64, с. 94-96], [37, с. 8], [19, с. 501-503], [57, с. 143], [68, с. 768-769], [59, с. 153-159], [48, с. 10]. Ядром производственной инфраструктуры стали 13 эллингов для строительства судов различных размеров от линейных кораблей до буеров включительно [58, с. 2]. Развитие же этой инфраструктуры шло по нескольким направлениям. Исследователи отмечали, что построенные первоначально деревянными или мазанковыми мастерские и магазины (склады) Адмиралтейства с 1711 г. начали постепенно заменяться на каменные [19, с. 502], [58, с. 2]. И. Г. Георги датировал завершение этого процесса 1727 годом [62, с. 18].

Потребности растущего Балтийского флота неизбежно требовали расширения производственных мощностей и Адмиралтейской верфи, что при ограниченных ее размерах потребовало ее специализации. Как отмечал В. Г. Гейман, из-за массовой закладки в 1712 г. больших кораблей на верфи не оставалось места для строительства скампавей, полугалер и галер, в связи с чем их сооружение было перенесено на место будущего Нового Адмиралтейства [65, с. 248]. А вот постройка линейных кораблей была полностью сосредоточена в Главном Адмиралтействе [66, с. 56], которое тем не менее и после этого продолжило расширяться вниз по течению Невы: в 1719 г. был сооружен канатный завод, в 1722 г. – мастерские для изготовления фитилей и кузнецких мехов, инструментальная мастерская [65, с. 249]. Более того, как отмечал тот же В. Г. Гейман, за пределы Адмиралтейского двора стала выходить и собственно судостроительная инфраструктура. С 1720 г. по обоим сторонам от него началось оборудование новых эллингов, а к 1723 г. был оборудован большой, обложенный камнем эллинг, располагавшийся напротив церкви св. Исаакия Далматского [65, с. 250]. При этом, как указывал Н. И. Барбашев, при оборудовании Адмиралтейства был учтен негативный опыт Воронежской, Тавровской и Олонецкой верфей: стапеля были укрыты с трех сторон и сверху деревянными надстройками, что позволяло вести работы круглый год и предохранять суда от влияния погоды [38, с. 148].

Однако, пожалуй, самый существенный фактор в развитии возникшего в Петербурге судостроительного центра был впервые подмечен В. Г. Гейманом. Он рассматривал Адмиралтейство не просто как судостроительную верфь, а как целый промышленный комбинат. По его словам, «... судостроение требовало целого ряда подсобных предприятий и поэтому Адмиралтейство быстро обрастает ими». К верфи примыкают кузницы, канатный и прядильный заводы, пильные мельницы, смолокурни, различные мастерские [65, с. 246]. «Весь этот промышленный комбинат, имевший своею целью всестороннее обслуживание возникающего и развивающегося молодого Балтийского флота, имеет общее наименование – Адмиралтейство» [65, с. 247]. На комплексный характер предприятия указывали и другие исследователи [38, с. 159], [54, с. 40], [69, с. 525-526]. Однако в подобных оценках далее всех пошел И. В. Богатырев. Он писал: «Санкт-Петербургское адмиралтейство играло большую роль в жизни тогдашней России... постепенно адмиралтейству стали подчиняться все российские верфи, кроме архангельских... <...>... работа подсобных верфей (их насчитывалось около 50) находилась в прямой зависимости от Главного адмиралтейства (Адмиралтейской верфи), где в 1712-1724 гг. одновременно строилось от пяти до десяти крупных кораблей и значительное количество более мелких судов разных типов...» [66, с. 56].

Если говорить о результатах судостроительной деятельности на Адмиралтейской верфи, то и в этом вопросе единой точки зрения среди исследователей нет. Не говоря уже о судах более мелких типов, даже подсчеты числа сооруженных линейных кораблей разнятся у различных авторов. Так, П. Свинин писал о 40 судах данного класса [\[64, с. 116\]](#), С. И. Елагин – о 30 [\[18, с. 2-59\]](#), Ф. Ф. Веселаго – о 23 [\[19, с. 505\]](#), А.И. Дубровин – о 29, включая корабли, заложенные в петровский период и спущенные уже после смерти императора [\[33, с. 66\]](#), И. А. Быховский – о 33 [\[34, с. 11\]](#). Наконец, в работе А. А. Чернышева содержатся данные о 24 линейных кораблях, спущенных на воду в Адмиралтействе до конца 1724 г. [\[35, с. 25-149\]](#). Общее же количество построенных здесь, с учетом, по всей видимости, и Галерной верфи, судов различных классов колеблется от 288 у С. И. Елагина до 262 у Ф. Ф. Веселаго.

Помимо Адмиралтейской верфи в черте Санкт-Петербурга исследователями отмечались еще два места, где строились суда для Балтийского флота – Галерная и Кронверкская верфи.

Галерная верфь. Как уже отмечалось выше, первые упоминания о Галерной верфи содержались уже в работах А. Богданова [\[4, с. 68\]](#) и И. Кирилова [\[6, с. 14\]](#). Об основании Петром I этой верфи, расположенной на месте будущего Нового Адмиралтейства и предназначавшейся для постройки галер, писал И. Пушкирев. По его словам, «... к галерной верфи принадлежали дома морских служителей, магазины, и все строения носили наименование галерного двора до 1740 года» [\[51, с. 45\]](#). Ф. Ф. Веселаго первым указал, что строительство галер началось на этом месте в 1713 г. [\[19, с. 503\]](#). На эту же дату указывал и Н. Михайлов [\[70, с. 51\]](#). Этот же автор впервые показал, как происходило наращивание производственной инфраструктуры нового предприятия [\[70, с. 52\]](#).

В. Г. Гейман помимо того, что обосновал создание новой верфи необходимостью сосредоточения в Адмиралтействе строительства больших кораблей, изложил свою версию развития нового предприятия. По его мнению, оборудованная небольшими эллингами новая верфь первоначально получила наименование Скампавейного двора, где уже в 1712 г. были заложены 50 скампавей, а на следующий год еще 64 скампавеи и одна полугалера. По мере налаживания здесь строительства галер двор стал именоваться Галерным, а после сооружения для этих целей в 1721 г. специальной верфи – Галерной верфью. Так же, как и Главное Адмиралтейство она стала обрасти подсобными предприятиями, а в 1724 г. была защищена и палисадом. Вместе с тем В. Г. Гейман допустил явную ошибку, локализовав Галерную верфь на месте Новой Голландии [\[65, с. 249\]](#), что убедительно было опровергнуто последующими исследователями.

И. И. Яковлев показал, что помимо строительства гребных судов, на Галерной верфи изготавливали части набора корпуса и рангоута для кораблей, строившихся в Главном Адмиралтействе, а после строительства в 1716 г. нового эллинга верфь стала способной и сама строить большие парусные суда. Автор даже утверждал, что уже в первой четверти XVIII в. здесь сооружались и линейные корабли. Он также отмечал создание еще одного судостроительного предприятия на небольшом острове у левого берега Невы, получившего название Галерного островка. Указом 1719 г. здесь были построены каменные здания и мастерские для строительства скампавей, а в 1721 г. для его разгрузки от стоянки галер на Васильевском острове устроен Гребной порт. Со временем в этом порту были оборудованы ремонтные мастерские для ремонта галер и даже налажено строительство малых гребных судов [\[24, с. 67\]](#).

Историограф Адмиралтейского завода В. М. Юрасов полагал, что освоение территории будущего Нового Адмиралтейства – Галерного двора – началось с сооружения здесь складов для хранения лесоматериалов, затем мастерских по изготовлению шлюпок, корабельного рангоута и блоков, а с 1709 г. – и строительства галер [54, с. 41]. Вехой в истории предприятия автор называл указ Петра I от 1 октября 1719 г. о реконструкции Галерного двора, в результате чего там были возведены капитальные мастерские (такелажную, столярную, резную, мальярную, конопатную и др.) [54, с. 43]. Что касается Галерного островка, носившего первоначально название Калинкиного, то возникновение здесь судостроительной инфраструктуры В. М. Юрасов связывал с размещением на этом месте стоянки галерного флота. В результате в 1718 г. здесь строятся смольня, прядильный и полотняный завод, а уже указом от 8 января 1719 г. начинается оборудование верфи для строительства мелких судов (М. А. Богданов считал, что это были скампавеи и полугалеры [71, с. 14]). Однако первые суда на верфях Галерного островка были спущены только летом 1724 г. [54, с. 46]. Что касается переноса базы базирования гребных судов на Васильевский остров, то автор связывал это с неблагоприятными для флота последствиями наводнения 5 ноября 1721 г. [54, с. 45].

Наиболее основательно историю Галерной верфи исследовал И. В. Богатырев. Также как и В. М. Юрасов он относил основание Галерного двора к 1709 г., а к 1712 г. – начало строительства судов галерного класса под руководством греческого мастера Юрия Русинова [72, с. 61]. Отмечая бурное развитие производственной инфраструктуры двора, И. В. Богатырев писал о создании здесь к концу 1713 г. уже 62 стапелей, на которых помимо галер строились буера, баржи, шлюпки, верейки. Дальнейшему развитию Галерного двора способствовал успех русского флота в Гангутском сражении [72, с. 62].

По мнению исследователя, «можно с полным основанием утверждать, что Галерная верфь (так она стала называться после августовского указа 1721 г.) являлась настоящей лабораторией по созданию судов оригинальных конструкций...», среди которых он прежде всего выделял подводную лодку Е. Никонова [72, с. 63]. Видел И. В. Богатырев в этом предприятии и зачатки научно-исследовательского центра Балтийского флота: «Судя по большому масштабу работ на Галерной верфи, Петр I предполагал превратить ее в специализированное предприятие по созданию различных экспериментальных судов, по образцу которых велось бы массовое строительство прежде всего в Адмиралтействе и на Котлинской (Кронштадтской) верфи. Там же предполагалось улучшать и существовавшие классы судов, для чего начали возводить специальный эллинг «во весь двор по край Невы» [72, с. 64]. С выводами И. В. Богатырева вполне солидаризировался и М. А. Богданов [71, с. 7-14].

Кронверкская верфь. Первое упоминание о верфи в Кронверке встречается у А. П. Башуцкого под 1707 годом [16, с. 48]. Однако работы последующих исследователей существенно сдвинули дату основания этой верфи в сторону начала строительства города. Так, Ф. Ф. Веселаго указывал на закладку уже в феврале 1704 г. в Санкт-Петербурге 34 бригантина, не называя, впрочем, точно того места, где эти работы производились [19, с. 162]. М. А. Цветков считал, что строительство этих бригантина велось на «С.-Петербургской верфи», которую он отличал от Адмиралтейской верфи, основанной уже в конце 1704 года [73, с. 153]. Более определенно по этому поводу высказался Н. И. Барбашев, который полагал, что судостроение в Петербурге началось еще в 1703 г., производилось оно у Петропавловской крепости, и построены были 13

бригантин [\[38, с. 146\]](#).

Как и в случае с Галерной верфью, самое обстоятельное исследование истории верфи в Кронверке было проведено И. В. Богатыревым. Он называл ее первым судостроительным предприятием Санкт-Петербурга, а начало судостроения здесь относил к лету 1703 г. В 1704 г. последовал царский указ о строительстве тех самых 34 бригантины, о которых ранее писали исследователи. После закладки Адмиралтейской верфи Кронверкская стала ее подсобным предприятием. В конце 1704 – начале 1705 г. здесь проводились значительные работы по капитальному ремонту кораблей [\[74, с. 60\]](#).

В дальнейшем номенклатура строившихся на верфи судов еще более расширилась. В 1706 г. началось строительство нескольких шмаков, галер и четырех бригантины нового образца, а осенью того же года под личным руководством царя были заложены десять скампавей. В начале 1707 г. Кронверкская верфь была переоборудована под строительство гребных судов [\[74, с. 61\]](#). Общее количество судов, построенных на верфи в 1704-1724 гг., И.В. Богатырев оценивал в 137 единиц. По мнению автора, «... мастера и работные люди Кронверкской верфи петровского времени внесли весомый вклад в становление молодого Балтийского флота, особенно в период его зарождения. После смерти Петра I на Кронверкской верфи производился в основном мелкий ремонт судов; дата прекращения ее существования пока не установлена» [\[74, с. 62\]](#).

Верфь на о. Котлин. Дореволюционные авторы ничего определенного о судостроении в Кронштадте не сообщали. А. Богданов писал о верфи «... в Кронштате, на которой всякия военные суда починяют, для которой починки нарочные к тому делаются особливые доки...» [\[4, с. 70\]](#). И. Кирилов также упоминал о Кронштадте, где «делается канал с доками» [\[6, с. 23\]](#), а также приводил данные «об адмиралтейских мастеровых и служащих, обретающихся в Кронштадте». Среди них он указывал девять мастеров, восемь подмастерьев и пять учеников различных специальностей, а также более 1 100 рядовых, среди которых только плотников насчитывалось 573 человека [\[6, с. 24-25\]](#). Эти данные красноречиво говорили о значительных объемах судостроительных (или судоремонтных) работ, выполнявшихся в крепости-гавани.

Тем не менее, такой глубокий исследователь, как Ф. Ф. Веселаго, подробно освещая ход строительства гавани и доковых сооружений, только кратко упомянул о начале строительства в крест-канале зимой 1724 г. двух эллингов, а также об именном императорском указе от 5 октября того же года о передаче каналов и доков в ведение Адмиралтейств-коллегии и строительстве двух временных деревянных доков для ремонта двух- и трехдечных кораблей [\[19, с. 513\]](#).

А вот уже в советский период И. И. Яковлев стал утверждать, что «сразу же после взятия о-ва Котлин, одновременно с основанием Кронштадтской крепости, началось создание еще одной судостроительной и судоремонтной базы Балтийского флота – на острове были построены склады, казармы, судостроительная верфь; вслед за этим в 1721 г. развернулось сооружение сухих доков и началось строительство крупных судов» [\[24, с. 67\]](#).

Эти утверждения в полной мере были подтверждены И. В. Богатыревым. По его словам, первое упоминание о кроншлотском судостроении относилось к 7 августу 1705 г. В 1707 г. на о. Котлин ремонтировались боты для кораблей кроншлотской эскадры. Здесь же производилась достройка судов, прибывающих с санкт-петербургских верфей, а также

сборка бригантина, доставленных в разобранном виде с Лужской верфи. В 1716 г. было развернуто строительство островских лодок и шлюпок к ним. И все время продолжался интенсивный ремонт кораблей флота [\[75, с. 56\]](#).

По утверждению автора, в 1722 г. на о. Котлине существовали как минимум две верфи. В 1723 г. здесь был спущен на воду фрегат, а для строительства крупных кораблей стали возводить эллинги. Всего же, по подсчетам И. В. Богатырева, в Кронштадте за 1705-1723 гг. были построены четыре линейных корабля, фрегат, прам, три малые шнявы, бомбардирский корабль, восемь бригантина, транспорт, 13 ботов, шесть плашкоутов, два капера, две галеры, 20 островских лодок и 33 шлюпки [\[75, с. 58\]](#). Такие же данные позднее приводил и Н. Н. Афонин [\[76, с. 72\]](#). Однако и в авторитетных справочных изданиях Ф. Ф. Веселаго [\[32\]](#) и А. А. Чернышева [\[35\], \[77\]](#), и в перечнях судов, построенных в петровское время для Балтийского флота, составленных другими авторами [\[18, с. 2-59\]](#), [\[19, с. 505\]](#), [\[33, с. 66\]](#), [\[34, с. 11\]](#), сведения о строительстве кораблей в Кронштадте в петровский период отсутствуют.

Вместе с тем все исследователи без исключения отмечали едва ли не решающую роль Кронштадта в ремонте судов Балтийского флота [\[78, с. 55\]](#), [\[79, с. 85-86\]](#).

Верфи в бассейне р. Волхов. Довольно многоводная река Волхов, впадающая в Ладожское озеро, не могла не привлечь внимания русского правительства в плане организации в ее бассейне судостроения. Ф. Ф. Веселаго писал: «Зимой (30 января) 1701 года новгородскому приказу велено было: «на реках Волхове и Луге, для нынешней свейской службы, под всякие полковые припасы и на дачу ратным людям, сделать 600 стругов» [\[19, с. 513\]](#). По мнению К. Г. Житкова, эти струги должны быть собраны в Новгороде, и их «предполагал Царь послать в Ладожское озеро против шведов с лихими донскими казаками» [\[22, с. 89\]](#). О личном участии Петра I в строительстве гребных судов в районе Новгорода летом 1701 г. упоминал и С. И. Елагин [\[80, с. 120\]](#).

Как уже отмечалось выше, еще И. И. Голиков отмечал создание в 1703 г. верфи на р. Поле в Новгородском уезде [\[10, с. 203\]](#). Н. А. Бестужев называл эту верфь Новгородской и указывал на постройку здесь к кампании 1703 года «... до 300 всякого рода перевозочных судов и барж для доставления всяких припасов и материалов по Волхову и другим рекам» [\[12, с. 94\]](#). Поздней о ней писали А. П. Шершов и И. И. Яковлев [\[24, с. 61\]](#), причем первый из них утверждал, что здесь строились шесть фрегатов, пять яхт и пять судов других типов [\[36, с. 209\]](#). Исследовавший более досконально историю Новгородской верфи И. В. Богатырев поправил своих предшественников. В отличие от Н. А. Бестужева и И. И. Яковлева он доказывал, что 300 гребных судов были построены в течение нескольких лет, а именно в 1701-1703 гг. По мнению автора, именно эти суда и составляли основу флотилии под командованием И. Тыртова, действовавшей на Ладожском озере летом 1702 г. И. В. Богатырев также утверждал, что предпринятая в 1703 г. попытка строительства на р. Поле шести фрегатов не удалась. По оценкам исследователя, судостроение на Новгородской верфи продолжалось и в 1704 г., но затем она утратила свое государственное значение и упоминания о ней в документах прекратились [\[81, с. 56\]](#).

Другим местом, где осуществлялось строительство судов для Балтийского флота в Новгородском уезде, был Селицкий Рядок. Упоминание о нем впервые встречалось у В.

Н. Берха [13, с. 89]. С. И. Елагин датировал начало здесь судостроительных работ не позднее 1705 г. [18, с. 33]. Ф. Ф. Веселаго уточнил эту дату, отнеся ее к 1704 г., а также указал на строительство здесь двух шняв, десяти грузовых судов – шкотов и тартана [19, с. 163]. Этих оценок придерживались впоследствии большинство исследователей [50, с. 107], [33, с. 66], [15, с. 88], [34, с. 11]. Более основательно историю верфи в Селицком Рядке изучил П. А. Кротов. По его мнению, она была основана в конце 1703 – начале 1704 гг., так как в июне 1704 г. первые суда с этой верфи были приведены в Новую Ладогу. Строительство здесь началось с вспомогательных грузовых судов – шкотов и осташковок. В 1705 г. были построены боевые суда – шесть шняв с пушечными бойницами и тартаны [82, с. 61]. В 1706 г. государственное судостроение на верфи продолжилось, при этом, по мнению автора, строились шкоты, а также еще шесть шняв. Свертывание работ в Селицком Рядке автор относил к концу 1706 г., хотя полагал, что достроочные работы на шкотах продолжались и весной 1707 г. [82, с. 62].

Первые упоминания о верфи в Новой Ладоге встречались у А. С. Шишкова [11, с. 31] и В. Н. Берха [13, с. 89]. С. И. Елагин [18, с. 7], а вслед за ним и Ф. Ф. Веселаго [19, с. 163] указывали на строительство здесь в 1708-1711 гг. двух 50-пушечных линейных кораблей и двух шняв. С подачи этих маститых ученых многие исследователи и ограничивали деятельность Новоладожской верфи этим периодом [50, с. 107], [33, с. 66], [34, с. 11].

Однако И. И. Яковлев высказал мнение об ее основании лично Петром I уже в сентябре 1702 г. [24, с. 61]. А И. В. Богатырев расширил как хронологические, так и производственные рамки деятельности Новоладожской верфи. Первое упоминание о ней он относил к 1704 г., когда в устье Волхова началось строительство верфи и были заложены небольшие гребные и парусные суда. Изначально эта верфь играла вспомогательную роль, так как ее основная задача заключалась в обеспечении Адмиралтейства необходимым строительными материалами, корабельными припасами и кадрами мастеровых. Даже построенные здесь суда не всегда оснащались на месте [83, с. 77].

Пик производственной деятельности верфи автор относил как раз на 1708-1711 гг., когда именно здесь строились, по сути дела, первые линейные корабли Балтийского флота. В последующие годы здесь проводился ремонт судов, прибывавших с грузами для Адмиралтейства из Казани, а также строились галеры, шнявы, прамы, шкоты, тялки, «казанские струги», эверсы [83, с. 78]. Последние сведения о работе верфи автор относил к 1721 г. (постройка прама) и 1724 г. (строительство ластовых судов) [83, с. 79]. Оценки И. В. Богатырева разделяли и последующие исследователи [15, с. 88], [25, с. 47].

Завершая сюжет о верфях петровского времени в бассейн р. Волхова, следует еще сказать об упоминании А. П. Шершовым Старой Ладоги как места строительства судов для флота [36, с. 209], не подтвержденное, впрочем, больше ни одним исследователем.

Лужская верфь. О строительстве судов на р. Луге первым упомянул в своем труде под 1712 годом А. С. Шишков [11, с. 46]. Ссылавшийся на него К. Герман, писавший свою статью уже в начале XIX в., заметил: «Еще и ныне на берегах сей последней близ Нарвы, попадаются дубы за тогдашним адмиралтейским клеймом» [49, с. 87]. С. И. Елагин указал на строительство здесь бригантины: 44 единиц в 1704 году и еще 20 в 1712-1713 гг. [18, с. 59]. Такие же данные содержались в работах Ф. Ф. Веселаго [19, с. 162], К. Г.

Житкова [22, с. 111], Л. Г. Бескровного [50, с. 107], Н. И. Алексеева [15, с. 88].

В то же время Н. И. Барбашев полагал, что судостроение на Луге велось уже в 1703-1704 гг., и что помимо 44 бригантина в это время там сооружались две шнявы, пять шкоутов и тартана [38, с. 146].

С традиционной для него обстоятельностью подошел к исследованию истории Лужской верфи И. В. Богатырев. Он относил начало судостроения здесь к зиме 1701 г., ссылаясь на упомянутое выше в работе Ф. Ф. Веселаго повеление о строительстве 600 стругов на реках Волхове и Луге [19, с. 513]. Согласно локализации И. В. Богатырева верфь располагалась на берегу реки юго-восточнее порогов [84, с. 68]. Сразу заметим, что П. А. Кротов позднее уточнил место расположение верфи – д. Онежицы, находившейся в 18 км от нынешнего города Луга [26, с. 84]. В начале 1703 г. здесь строились паузки, использовавшиеся в качестве десантных судов при проведении операции по взятию Ниеншанца. А уже позднее началось и строительство бригантина, для чего, по мнению автора, на верфи было оборудовано как минимум 15 стапелей. Следующую активизацию строительства бригантина И. В. Богатырев относил к 1711 г., когда потребовалось большое количество не только крупных, но и мелких судов для закрепления на вновь завоеванных русскими войсками территориях. О масштабе проводимых на верфи работ в 1712 г. говорил факт запроса у новгородского коменданта И. Ю. Татищева неизвестным должностным лицом 1000 плотников, 73 кузнецов, 10 столяров, 100 работных людей непосредственно на стапелях и столько же на заготовке материалов. Большой проблемой для верфи стала проводка судов в море, также требовавшая задействования большого количества людей [84, с. 69]. Хотя автор ничего не говорил о судьбе Лужской верфи, можно вполне предположить, что именно это последнее обстоятельство и стало причиной свертывания на ней судостроительной деятельности.

Ижорская верфь. Ижорская верфь оказалась в тени основанных неподалеку Адмиралтейских Ижорских заводов, а вернее, действовавших первоначально на их месте лесопильных «мельниц». Все сообщения исследователей о судостроении на берегах Ижоры чрезвычайно кратки и ограничиваются указанием на строительство здесь бригантина. Первым об этом факте, как отмечалось выше, упомянул А. Богданов [4, с. 199]. С. И. Елагин в своем «Списке судов Балтийского флота» отметил, что в 1711 и 1712 гг. мастером Осипом Наем было сооружено 20 бригантина [18, с. 59]. Ф. Ф. Веселаго уточнил, что осенью 1711 г. планировалось строительство 200 бригантина, «... но могли построить не более 20» [19, с. 213]. Историограф Ижорских заводов Г. Городков локализовал верфь в устье реки Ижоры, а также отметил, что при строительстве бригантина использовались лесоматериалы, изготовленные как раз на расположенной поблизости «Меньшиковской Ижорской лесопильне, которая с этого времени, т.е. с конца 1711 года, начала служить “для адмиралтейских интересов к корабельному строению”» [40, с. 7].

Большинство последующих исследователей придерживались данных, приведённых С. И. Елагиным [32, с. 340], [50, с. 107], [33, с. 66], [34, с. 11]. Даже такой скрупулезный исследователь как И. В. Богатырев вынужден был констатировать крайнюю ограниченность сведений о деятельности Ижорской верфи. Он подтвердил данные о сооружении в 1711-1712 гг. 20 бригантина [84, с. 70]. Кроме этого, он сумел добавить, что в 1714 г. на верфи строились финские ботики, использовавшиеся как вспомогательные суда при действиях в шхерах. По мнению автора, о продолжении существования на Ижоре кораблестроения свидетельствовал «штат пиловарной Ижорской мельницы до

1732 года», куда входила и верфь, и где значились специальности судостроителей: подмастерья, ученики корабельного дела, плотники, пильщики, кузнецы и проч. [\[84, с. 71\]](#).

Уже в постсоветский период В. Арсеньев утверждал, что в ходе подготовки кампании 1712 г. Петр I приказал построить на Ижоре от 150 до 200 бригантины, для чего туда были направлены корабельные мастера из Воронежа и с Дона [\[85, с. 79\]](#). Возможно, речь шла только о планах строительства подобного масштаба, так как А. А. Чернышев в своем справочнике снова упоминает только о 20 сооруженных на Ижоре бригантинах, правда, относя это к периоду 1712-1713 гг. [\[77, с. 232\]](#).

Верфи в бассейне Волги и на Вышневолоцкой водной системе. История этих верфей слабо освещена в отечественной историографии. Выше уже говорилось о том, что А. С. Шишков упомянул о строительстве судов в 1712 г. на «пристанях Нерльской и Дубенской» [\[11, с. 46\]](#), о чем чуть позднее повторил в своей статье К. Герман [\[49, с. 87\]](#) (этот последний автор явно оговорился, упомянув вместо Нерльской Невскую верфь).

В дальнейшем в работах исследователей даже упоминания об этих верфях не содержалось. Впервые к этому вопросу в конце 1980-х гг. обратился П. А. Кротов, исследуя проблему строительства транспортных судов в связи с возрастанием потребностей в каботажных перевозках для снабжения армии и флота после овладения русскими войсками балтийским побережьем в 1710 г. Одними из центров строительства таких судов и стали верфи в устье рек Нерли и Дубны в Московской губернии. В конце 1710 г. была поставлена задача строительства здесь 50 грузовых одномачтовых судов, т.н. тялок. После Прутского похода 1711 г. судостроение на обоих верфях усилилось [\[86, с. 54\]](#).

Однако из-за нехватки рабочих рук вторая партия тялок была заложена только в январе 1712 г. Из-за проволочек с поставками смолы, канатов, якорей и т.д. задержали отправку судов, и зима 1712/1713 гг. застала их в различных точках Вышневолоцкого водного пути. Всего во второй партии было построено на Нерлинской пристани 50 тялок и 25 мелекшотов, на Дубенской – 50 тялок. Автор отметил довольно значительный производственный потенциал верфей. Так, в хозяйство Нерлинской верфи входили 50 стапелей, мастерская для изготовления мелекшотов, угольный и кузнечный сараи с 82 горнами, различные склады и хозяйствственно-бытовые постройки. А для снабжения верфей такелажем в Москве пришлось основать новый канатный завод. Общая оценка П. А. Кротова звучала весьма внушительно: «... верфи у Нерлинской и Дубенской пристаней выполнили поставленную перед ними задачу, внеся большой вклад в создание транспортной флотилии на Балтике. Как крупные промышленные предприятия мануфактурного типа они имели все необходимое для широкого развертывания судостроения» [\[86, с. 55\]](#).

И. В. Богатырев выявил еще один центр строительства грузовых судов. По его мнению, в 1710 г. для активизации грузовых перевозок по только что созданной Вышневолоцкой водной системе в Вышнем Волочке возникла крупная верфь. В дальнейшем здесь был создан центр постройки «новоманерных» судов, для чего в конце 1712 г. из Новой Ладоги был прислан образец тялки. В 1715 г. освоено производство эверсов и вышневолодок. Позднее верфь переключилась на строительство судов только для Каспийского моря [\[81, с. 57\]](#).

Верфи в Прибалтике. По мере занятия русскими войсками шведских территорий в

Прибалтике здесь также начиналась определенная судостроительная деятельность в интересах Балтийского флота.

И. В. Богатырев выяснил, что в занятом Дерпте весной 1705 г. начала работу верфь, на которой были заложены три шнявы. В 1706-1707 гг. здесь была построена еще одна шнява. Однако затем судостроение здесь было прекращено в связи с перемещение района боевых действий на запад [\[87, с. 59\]](#).

Следующей по времени возникновения стала верфь в Нарве. По словам того же И. В. Богатырев, успешные действия русской флотилии на Чудском озере в 1704 г. привели к пленению десяти шведских судов, которые в течение двух лет находились в полузатопленном положении. По приказу Петра I в Нарве были оборудованы десять стапелей для ремонта этих судов. В последующие годы ремонтные работы на верфи продолжились и по утверждению автора они продолжались как минимум до 1713 г. Кроме того осень того же 1713 г. в Нарве была проведена сборка и оснащение пяти бригантина, построенных на Лужской верфи [\[84, с. 70\]](#). Активные судоремонтные работы в Нарве подтвердил и П. А. Кротов [\[26, с. 16\]](#).

В ходе подготовки к осаде Риги строительство прамов и мелких судов велось на Западной Двине, о чем писали еще Н. А. Бестужев и Ф. Ф. Веселаго [\[12, с. 124\]](#), [\[19, с. 196\]](#). И. В. Богатырев уточнил, что сооружение этих судов велось в 1709-1710 гг. в районе Торопца и на р. Копонее – притоке Западной Двины [\[87, с. 59\]](#). Исследовавший историю развития судостроения в Прибалтике И. И. Яковлев, отмечал, что несмотря на существование Рижской верфи еще с 1672 г., при прибытии Петра I в Ригу в 1711 г. он был удивлен почти полным отсутствием здесь судостроительной базы. По приказу царя в Риге, Пернове (Пярну) и ряде других мест было организовано строительство бригантина для охраны морского побережья [\[89, с. 56\]](#). Н.А. Бестужев еще в свое время упоминал, что в Риге велось строительство 50 бригантина «из полоцких лесов», а в Пернове 10 судов того же класса [\[12, с. 133\]](#). Для выполнения этой задачи, по утверждению В. Арсеньева, на прибалтийские верфи были направлены корабельные мастера из Воронежа и с донских верфей [\[85, с. 79\]](#). И. В. Богатырев указывал также на проведение в Риге активных судоремонтных работ, а также наличие таких работ в небольших масштабах в Пернове и Либаве (с 1715 г.) [\[87, с. 60\]](#). Этот же автор утверждал, что в 1721 г. в Риге намеревались строить 54-пушечный линейный корабль, однако затем вместо него началось сооружение 32-пушечного фрегата [\[87, с. 59\]](#). Заметим, что сведения о строительства такого корабля отсутствуют во всех известных справочных изданиях.

Исследователями особо подчёркивалась роль Ревельского порта в проведении судоремонтных работ на кораблях Балтийского флота. Хотя еще Д. Жаринцов отмечал, что к 1724 г. здесь была оборудована верфь, способная не только осуществлять ремонт, но и строительство новых судов [\[90, с. 1\]](#), однако сведений о построенных судах в литературе не встречается. Зато И. В. Богатырев полагал, что «... после Котлинской Ревельская верфь являлась второй на русском побережье Балтийского моря по объему производимого ремонта и удовлетворяла нужды флота на протяжении многих лет». Начало ее деятельности автор относил к периоду не позднее марта 1713 г. [\[91, с. 61\]](#). Оценки И. Богатырев в полной мере подтвердил и П. А. Кротов [\[26, с. 17\]](#).

Верфи в Финляндии. Отмечалась исследователями и довольно интенсивная судостроительная деятельность на верфях, оборудованных в занятых русскими войсками

в ходе Северной войны приморских городах Финляндии.

Среди этих городов особо выделялся Выборг, ставший важным центром строительства судов для гребного флота. О сооружении здесь полугалер впервые упомянул в своем труде Н. А. Бестужев [\[12, с. 138\]](#). Ф. Ф. Веселаго выразился более определенно: «... по завоеванию Выборга создание нашего галерного флота было поведено так успешно, что по прошествии двух лет он был уже в состоянии высадить в Финляндии 16 000 человек десанта и снабжать его провиантом в продолжении всей кампании» [\[19, с. 242\]](#). При этом автор особо подчеркивал вклад в это дело шаутбенахта галерного флота графа И.Ф. Боциса, имевшего опыт руководства в 1704-1705 гг. строительством гребных судов на Олонецкой верфи. После взятия Выборга ему пришлось заняться постройкой судов в крайне неблагоприятной обстановке (враждебность населения, трудности с доставкой необходимых грузов), тем не менее за период 1710-1712 гг. удалось построить более 20 судов [\[19, с. 246\]](#).

Ряд исследователей датировали начало судостроительных работ в Выборге 1711 г. [\[22, с. 146\]](#),[\[33, с. 66\]](#),[\[34, с. 11\]](#), а Н.И. Алексеев даже 1714 г. [\[15, с. 89\]](#). Однако И. В. Богатырев убедительно доказал, что вопрос о целесообразности строительства здесь судов, прежде всего галер, был поставлен И. Ф. Боцисом сразу после взятия города в июне 1710 г. Одновременно был наложен и судоремонт, и уже к концу 1710 г. на верфи было занято 500 «морских служителей». В 1711 г. в Выборге были построены тринадцать скампавей и три галеры [\[92, с. 61\]](#). Такой же позиции придерживался в своей работе и П. А. Кротов [\[26, с. 146\]](#), однако у двух последних авторов разнятся сведения о руководителях выборгским судостроением. По мнению И. В. Богатырева это были галерный мастер Ю. Антонов и подмастерье С. Лаврентьев [\[92, с. 61\]](#), а П. А. Кротов называл известного галерного мастера Ю. А. Русинова и подмастерье З. М. Колуенова [\[26, с. 146\]](#). Отмечал этот последний исследователь и большое значение для развития военных операций в Финляндии выработанного в Выборге т.н. «турецкого» типа скампавей [\[26, с. 149\]](#).

У исследователей нет единого мнения относительно результатов выборгского судостроения. Большинство придерживалось данных С. И. Елагина, в соответствии с которыми здесь было построено 23 галеры и 13 скампавей (полугалер) [\[18, с. 52\]](#),[\[33, с. 66\]](#),[\[34, с. 11\]](#). Ф. Ф. Веселаго называл цифры в 3 галеры и 13 скампавей [\[32, с. 347\]](#),[\[19, с. 505\]](#). По оценкам И. В. Богатырева, в Выборге вплоть до окончания Северной войны в 1721 г. было сооружено более сорока гребных судов различных типов [\[92, с. 62\]](#).

Следующим центром судостроения в Финляндии стал город Або. Вслед за С. И. Елагиным большинство исследователей указывали на строительство здесь в 1720 г. десяти конных галер [\[18, с. 54\]](#),[\[32, с. 349\]](#),[\[50, с. 108\]](#), [\[33, с. 66\]](#),[\[34, с. 11\]](#), которые, по словам И. Г. Попова «... срубили русские солдаты своими плохими ручными топорами» [\[57, с. 148\]](#). Однако Н. И. Алексеев относил начало работ в Або к 1714 году [\[15, с. 89\]](#). С ним был солидарен И. В. Богатырев, относивший к этому году первое упоминание в документах здесь судоремонтной деятельности, продолжавшейся и в последующие годы. Начало судостроения автор относил к 1717 г., когда на Абовской верфи были построены две островские лодки, две шлюпки и два шхербота [\[93, с. 53\]](#). Строительство судов (шхерботов, конных галер, пакетботов, шняв, островных лодок и шлюпок) продолжалось и в 1718-1721 гг. О масштабе работ, по мнению автора, говорил тот факт, что в 1718 г. для замены умерших мастеровых прибыло в Або более 200 плотников. Верфь прекратила

работу в сентябре 1721 г. в связи с передачей очередного заказа на конные галеры в Гельсингфорс, ближе расположенный к базе флота в Кронштадте, а также в связи с заключением Ништадтского мира.

В Гельсингфорсе, по сведениям И. В. Богатырева, начиная с 1714 г. также велись судоремонтные работы [93, с. 54], а в 1721 г. строилась малая шнява и 12 конных галер. Завершились эти работы в октябре того же года вместе с уходом из города гребного флота. Наконец, еще одним финским городом, где с 1714 г. велись ремонтные работы на судах флота, автор называл Ништадт [93, с. 55].

Прочие верфи и места постройки судов. Помимо вышеперечисленных верфей, в отечественной историографии имеются отрывочные сведения и о других местах, где осуществлялось строительство судов для Балтийского флота. Прежде всего это р. Великая в районе Пскова, а также берега Псковского и Чудского озера. Ф. Ф. Веселаго отмечал довольно спонтанный характер строительства здесь судов, осуществлявшегося в начале 1702 г. по распоряжению фельдмаршала Б. П. Шерemetева для противодействия шведской флотилии [19, с. 150]. Однако по мнению советских и постсоветских авторов строительство это велось вполне организованно [24, с. 61]. При этом указывалось, что построено было 200 судов (малые галеры у Н. И. Алексеева [15, с. 88], казачьи струги у П. А. Кротова [26, с. 85]).

И. В. Богатырев отмечал наличие сведений о строительстве в 1705 г. судов в Повенце на берегу Онежского озера [81, с. 57]. К 1710 г. он относил начало работы верфи на р. Черница, находившейся недалеко от Лодейнопольской верфи, где вплоть до 1712 г. строились преимущественно каги. Наконец, на небольшом притоке Волхова р. Пшовжа сооружались тялки, а на р. Тосно – бригантины (в 1712 г.) [81, с. 57].

В советской историографии существовало мнение об учреждении в петровское время Охтенской верфи. В частности, И. Т. Потапов и Г. А. Некрасов датировали это событие 1720 г. [14, с. 59], [94, с. 112]. В. М. Канатчиков начало Охтенской верфи относил к 1721 г., когда здесь началось строительство швертботов и сойм, а в 1722 г. была основана судостроительная школа [95, с. 63]. Однако специально исследовавшие этот вопрос Г. Г. Приамурский и С. В. Трофимов пришли к такому выводу: «... говорить о существовании на Малой Охте какого-либо судостроительного комплекса в течение всего XVIII в. нет никаких оснований. Точно так же нет оснований говорить о наличии единого постоянно действующего судостроительного комплекса и на Большой Охте (XVIII в.), неправомерна и попытка отождествления с ним судостроительной деятельности, представленной в виде совокупности частной и казенной подрядной постройки шхерботов, ластовых судов, починке сойм. Подрядными работами ведали Обер-Сарваевская и Подрядная контора Главного Адмиралтейства на разных стапельных местах, каждый раз определявшихся заново» [96, с. 53].

Заключение. В целом, по оценкам И. В. Богатырева, судостроение для Балтийского флота в петровский период в общей сложности осуществлялось на 36 верфях. Большинство из них размещались либо на побережье Балтийского моря (остров Котлин, Либава, Динамунде, Тревемунде, Нарва, Дерпт, Ревель, Рига, Выборг, Або, Ништадт и Гельсингфорс), либо на реках, относящихся к его бассейну (верфи в Санкт-Петербурге – Адмиралтейская, Галерная, Партикулярная и Галерный островок, Лодейное Поле, Сясьское Устье, Новая Ладога, Шлиссельбург, Псков, Новгород, Селицкий Рядок, Олонец, реки Ижора, Луга, Черница, Тосно, Паша). Ряд верфей, осуществлявших

строительство преимущественно вспомогательных судов, располагалось в пунктах на берегах рек, относящихся к бассейну Волги (река Нерль, Вышний Волочек, Тверь и Вологда) [83, с. 77]. К ним же следует добавить исследованную П. А. Кротовым верфь в устье р. Дубны.

Оценивая формирование сети объектов производственной инфраструктуры балтийского судостроения, следует отметить довольно спонтанный характер данного процесса. Первоначально верфи основывались в пунктах, наиболее близко расположенных к театру военных действий с минимальным учетом требований безопасности. Затем места размещения верфей сдвигались ближе к морю по мере того, как русские войска занимали новые территории. Очевидно, что шел поиск наиболее оптимальных пунктов размещения объектов судостроительной базы. При этом правительство не отказывалось и от районов, расположенных в глубоком тылу армии, используя все возможности богатой речной системы европейской части страны. В то же время в полной мере были учтены естественные возможности пунктов на побережье Балтийского моря, хотя судостроительная деятельность на основанных здесь верфях, по всей видимости, содержалась как факторами производственно-логистического характера, так и военно-стратегическими соображениями ввиду неопределенности исхода текущей войны. Географические, гидрографические и прочие особенности мест размещения оказывали влияние на специализацию отдельных верфей, которая в таких условиях была неизбежной.

История многочисленных объектов балтийского судостроения сложилась по-разному. Одни верфи выполнили свои конкретные задачи и были вскоре после этого закрыты, другие просуществовали вплоть до конца Северной войны и также были ликвидированы, а третьи (прежде всего расположенные в Санкт-Петербурге) сохранили свой статус судостроительных предприятий на длительное время и в будущем составили ядро судостроительной промышленности России.

В качестве проблемного вопроса следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Доказывая плановый характер судостроения на Балтийском море, исследователи начинают отсчет такой деятельности либо с начала строительства линейного флота, либо с начала деятельности первых верфей. Но при этом ни разу не поднимался вопрос о планировании подобной деятельности в период, предшествовавший началу самой Северной войны. Ведь вступая в нее русское правительство и сам Петр I должны были осознавать, что без создания и строительства флота, в том числе и морского, одержать победу над Швецией и добиться гарантированного выхода к морю не удастся. Велось ли такое планирование или не велось? Любые ответы на эти вопросы весьма важны и могут стать предметом будущих исследований.

Библиография

1. Книга Устав морской. О всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море / Напечаталася повелением царского величества в Санктпитебургской типографии. СПб., 1720. 656 с.
2. Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. Ч. 1. СПб.: при Императ. Академии наук, 1770. 430 с.
3. Журнал или Поденная записка, блаженные и вечнодостойныя памяти Государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. Ч. 2. Отд. 1. СПб.: при Императорской Академии наук, 1772. 763 с.

4. Богданов А. Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга, от начала заведения его, с 1703 по 1751 год. СПб., 1779. 568 с.
5. Богданов А. Дополнение к историческому, географическому и топо-графическому описанию Санктпетербурга, с 1751 по 1762 год. М.: т-во типо-литогр. И.М. Машистова, 1903. 157 с.
6. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизречеными трудами Петр Великий, Отец Отечествия, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Кн. 1. М.: Университетская тип., 1831. 184 с.
7. Голиков И. И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 2. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 486 с.
8. Голиков И. И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 3. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 417 с.
9. Голиков И. И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 6. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1788. 447 с.
10. Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великаго. Т. 6. Содержащий в себе дополнение ко второму тому оных Деяний. М.: Унив. тип., у В. Окорокова, 1791. 371 с.
11. Шишков А. Список кораблям и прочим судам всего Российско-го флота от начала заведения онаго до нынешнего времени, с историческими, вообще о действиях флота и о каждом судне примечаниями. Ч. 1. СПб.: тип. Мор. шляхетского кадетского корпуса, 1799. 323 с.
12. Бестужев Н. А. Опыт истории Российского флота. Л.: Судпромгиз, 1961. 172 с.
13. Берх В. Н. Жизнеописания первых российских адмиралов или Опыт истории российского флота. В 4 ч. Ч. 1. СПб.: Мор. тип., 1831. 363 с.
14. Потапов И. Т. История развития судостроительной промышленности в России // Судостроение. 1966. № 4. С. 55-59.
15. Алексеев Н. И. Хроника отечественного судостроения и море-плавания // Судостроение. 1978. № 10. С. 87-90.
16. Башуцкий А. П. Панорама Санктпетербурга. В 3 ч. Ч. 1, кн. 1: Подробная история Санктпетербурга по день кончины Петра I-го; с показанием всех достопамятных торжеств и других событий, происходивших в сем городе с 1703-го по 1725-й год]. СПб.: тип. вдовы Плюшара с сыном, 1834. 293 с.
17. Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Том 4. Ч. 1. СПб.: тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1863. 619 с.
18. Елагин С. Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого. 1702-1725. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1867. 74 с.
19. Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб.: тип. Демакова, 1875. 658 с.
20. Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Санкт-Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб.: издатель В. Березовский, 1901. 208 с.
21. Мегорский В. Лодейнопольская верфь в царствование Петра Великого. СПб., 1905. 20 с.
22. Житков К. Г. История русского флота. Период Петровский. 1672-1725. СПб., 1912.

216 с.

23. Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М.: Воениздат МВС СССР, 1948. 492 с.
24. Яковлев И. И. Корабли и верфи. Очерки истории отечественного судостроения. Л.: Судостроение, 1970. 384 с.
25. Беспятых Ю. Н., Коваленко Г. М. Карелия при Петре I. Петрозаводск: Карелия, 1988. 143 с.
26. История отечественного судостроения IX-XIX вв. Т. 1. Парусное деревянное судостроение / В. Д. Доценко, И. В. Богатырев, Г. А. Вахарловский, П. А. Кротов, А. Г. Сацкий. СПб.: Судостроение, 1994. 472 с.
27. Богатырев И. В. Корабелы сясьского устья // Судостроение. 1982. № 4. С. 47-48.
28. Федоров М. Р. Первая верфь Балтийского флота // Судостроение. 1972. № 12. С. 48-51.
29. Федоров М. Р. Записки по истории русского флота, корабле-строения и армии. СПб., 2016. 384 с.
30. Чубинский В. Г. Историческое обозрение устройства управления Морским ведомством в России. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1869. 332 с.
31. Юбилей верфи на реке Сясь // Судостроение. 1977. № 12. С. 68.
32. Веселаго Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1872. 828 с.
33. Дубравин А. И. Судостроение в годы Северной войны // Судостроение. 1971. № 8. С. 63-69.
34. Быховский И. А. Петровские корабелы. Л.: «Судостроение», 1982. 101 с.
35. Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х т. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. 311 с.
36. Шершов А. П. История военного кораблестроения с древнейших времен и до наших дней. М.-Л.: Госвоенмориздат, 1940. 360 с.
37. Невежин А. В. Русский флот на Балтийском флоте. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1870. 30 с.
38. Барбашев Н. И. Из истории морского судостроения в России в первой четверти XVIII века // Труды Института истории естествознания и техники. 1959. Т. 21. С. 117-171.
39. Корабль Ингерманланд // Записки Ученого комитета Морского штаба Его Императорского Величества. 1835. Ч. XII. С. 244-255.
40. Городков Г. Адмиралтейские Ижорские заводы. Краткий исторический очерк. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1903. 186 с.
41. Глаголева А. П. Олонецкие металлургические заводы при Петре I // Исторические записки. 1950. Т. 35. С. 170-198.
42. Крайнюков В. Г. Первнец Балтийского флота / Памятниковедение. Изучение памятников судостроения, мореплавания и гидротехники: Сб. науч. трудов. М.: НИИ культуры, 1990. С. 22-31.
43. Боголюбов Н. История корабля. Т. 2. М.: тип. Л.Ф. Снегирева, 1880. 670 с.
44. Воронов А. Лодейное Поле / Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. XVIIa. СПб.: типо-литогр. И.А. Ефрана, 1896. С. 903.
45. Правдин М. Олонецкая верфь // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1916. № 5/8. С. 28-34.
46. Богатырев И. В. Верфь в Лодейном Поле // Судостроение. 1982. № 12. С. 46-50.

47. Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 679 с.
48. Кротов П. А. Строительство Балтийского флота в первой четверти XVIII века. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1987. 18 с.
49. Герман К. История и статистическое описание российского флота // Статистический журнал. Т. 1. Ч. 2. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1806. С. 71-137.
50. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки). М.: Воениздат, 1958. 646 с.
51. Пушкарев И. Описание Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии. В 4-х ч. Ч. 2. СПб.: тип. СПб губ. правления, 1839. 416 с.
52. Федотов Н. Исторический очерк г. С.-Петербурга и его окрестностей. СПб.: паровая скоропечатня Г.П. Пожарова, 1903. 124 с.
53. Адмиралтейская сторона / Энциклопедический лексикон. Т. 1. СПб.: тип. А. Плюшара, 1835. С. 206.
54. Юрасов В. М. Адмиралтейцы. История Ленинградского Адмиралтейского объединения. Л.: Ленгиз, 1976. 336 с.
55. Шимкевич Л. А. Первые корабли Санкт-Петербургского Адмиралтейства // Судостроение. 1972. № 8. С. 64-66.
56. Петров П. Н. История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703-1782. СПб.: тип. Глазунова, 1884. 1094 с.
57. Попов И. Г. Введение в историю г. С.-Петербурга. М.: типо-литогр. И.М. Машистова, 1903. 167 с.
58. Огородников С. 200-летие здания Главного Адмиралтейства // Морской сборник. 1904. № 12. Неофиц. отд. С. 1-6.
59. Столпянский П. Н. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Пг.: «Колос», 1918. 379 с.
60. Столпянский П. Н. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704-1914 гг. Л.: Гублит, 1925. 200 с.
61. Судариков А. М., Смирнова М. В. Петр I – основатель военной промышленности Санкт-Петербурга / Эпоха Романовых и современные проблемы российского общества: материалы межд. науч. конф. 24-25 ок-тября 2013 г. СПб.: Изд-во ГПА, 2013. С. 54-58.
62. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санктпетербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. СПб.: при Императорском Шляхетном сухопутном корпусе, 1794. 757 с.
63. Божерянов И. Н. С.-Петербург в Петрово время. СПб.: тип. Х. Краузе и М. Финикова, 1901. 159 с.
64. Свињин П. Достопримечательности С.-Петербурга и его окрестностей. СПб.: тип. В. Плавильщика, 1816. 152 с.
65. Гейман В. Г. Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени / Петр Великий: сб. статей / под ред. А.И. Андреева. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1947. С. 246-283.
66. Богатырев И. В. Главные Адмиралтейские верфи России // Судостроение. 1979. № 11. С. 56-60.
67. Половинкин В. Н., Фомичев А. Б. Отечественное кораблестроение. 2-е изд., испр. и допол. СПб.: АИР, 2017. 1044 с.

68. Дмитриев Н. И., Колпачев В. В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. СПб.: тип. Мор. м-ва, 1909. 1072 с.
69. Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1990. 591 с.
70. Михайлов Н. Краткий исторический очерк Нового адмиралтейства // Морской сборник. 1893. № 9. Неофиц. отд. С. 51-73.
71. Богданов М. А. «Адмиралтейский дом» Санкт-Петербурга // Гангут. 1995. № 8. С. 3-20.
72. Богатырев И. В. Галерная верфь Петра I // Судостроение. 1983. № 12. С. 61-64.
73. Цветков М. А. Развитие лесопотребления в связи с судостроением // Труды института леса. 1953. Т. X. С. 138-169.
74. Богатырев И. В. Первая верфь С.-Петербурга // Судостроение. 1981. № 4. С. 60-63.
75. Богатырев И. В. Котлинские верфи // Судостроение. 1979. № 5. С. 56-58.
76. Афонин Н. Н. Кронштадту – 300 лет // Судостроение. 2004. № 4. С. 72-74.
77. Чернышев А. А. Российский парусный флот: Справочник в 2-х т. Т. 2. М.: Воениздат, 2002. 480 с.
78. Крестьянинов В. Я., Спиридовон Ю. И. Кронштадт – город русских моряков и кораблестроителей // Судостроение. 1987. № 2. С. 55-59.
79. Вахарловский Г. А. Новое о Петровском доке в Кронштадте / Памятники науки и техники. 1985. М.: Наука, 1986. С. 79-92.
80. Елагин С. И. Утверждение России на балтийском прибрежье // Морской сборник. 1866. № 1. Ч. неофиц. С. 109-127.
81. Богатырев И. В. Вспомогательные верфи петровской эпохи // Судостроение. 1984. № 11. С. 56-58.
82. Кротов П. А. Петровская верфь в Селицком Рядке на Волхове // Судостроение. 1991. № 3. С. 61-63.
83. Богатырев И. В. Новоладожская верфь – петровскому флоту // Судостроение. 1978. № 5. С. 77-79.
84. Богатырев И. В. Судостроение на берегах Луги, Нарвы, Ижоры // Судостроение. 1984. № 5. С. 68-71.
85. Арсеньев В. Флот в эпоху Петра Великого // Морской сборник. 1996. № 7. С. 79-84.
86. Кротов П. А. Верфи Петра I у Нерлинской и Дубенской пристаней // Судостроение. 1988. № 1. С. 54-55.
87. Богатырев И. В. Петровские верфи Прибалтики // Судостроение. 1983. № 4. С. 59-61.
88. История отечественного военного судоремонта. Кн. 1. От доковых адмиралтейств к морским заводам / П. А. Кротов, Г. А. Гребенщикова, Р. В. Кондратенко и др. СПб.: Гангут, 2004. 336 с.
89. Яковлев И. И. Развитие судостроения в Прибалтике // Судостроение. 1971. № 9. С. 56-58.
90. Жаринцов Д. О сооружении порта Императора Александра III // Морской сборник. 1895. № 11. Неофиц. отд. С. 1-18.
91. Богатырев И. В. Ревельская верфь – российскому флоту // Судостроение. 1982. № 8. С. 61-64.
92. Богатырев И. В. Первая русская верфь в Выборге // Судостроение. 1981. № 10. С. 61-62.
93. Богатырев И. В. Финские верфи Балтийского флота // Судостроение. 1979. № 10. С.

- 53-55.
94. Некрасов Г. А. Основные этапы гражданского, промышленного и культурного строительства в Петербурге (первая четверть XVIII в.) / Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв.: сб. статей. М.: Наука, 1983. С. 101-118.
95. Канатчиков В. М. Петрозаводу – 250 лет // Судостроение. 1971. № 3. С. 63-67.
96. Приамурский Г. Г., Трофимов С. В. Летопись Охтинской Адмиралтейской верфи // Судостроение. 1993. № 1. С. 52-55.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История судостроения для Балтийского флота петровской эпохи в отечественной историографии: география размещения и деятельность адмиралтейств и верфей // Исторический журнал: научные исследования.

Петровская эпоха привлекает внимание историков и любознательных читателей. Социально-экономические новации деятельности Петра в каждой статье приобретают все новые черты и побуждают к дальнейшим исследованиям. На первый взгляд, автор рецензируемой статьи не вводит в научный оборот новые, неизвестные источники. Главным источником стали опубликованные труды, в которых найдено громадное количество фактов. Для этого была изучена большая научная литература от современников Петра до новейших названий. Большой библиографический список отражает своеобразие использованной литературы. Историографический подход показывает изменения взглядов на историю судостроения в России и богатство опубликованных сведений. Эти сведения автор систематизировал и получил в конечном итоге новое знание о размере судостроения в России в начале XVIII в., а читатель – почти энциклопедически отточенную информацию о географии первых судоверфей в России. Эта энциклопедичность выражается также в точности излагаемых фактов и в географической систематизации материала. В статье выделено более десяти центров судостроения в Европейской России, а также на территории Финляндии; обстоятельно показано увеличение количества создаваемых верфей в окрестностях Петербурга и в значительном отделении от столицы. Отметим хорошо продуманный раздел методологии, позволивший показать, как складывалась картина «грандиозного по своим масштабам судостроения и комплексного по своей сути мероприятия», как развитие судостроения потребовало формирования многих новых отраслей производства, складывания новых (иногда удаленных) центров развития лесной (деревообрабатывающей), металлургической, текстильной и других отраслей промышленности, а также подготовки разных специалистов. Лаконично показана актуальность исследования (необходимость сопоставления и обобщения имеющихся данных); выделено, что главным предметом будет формирование и функционирование объектов судостроительной инфраструктуры. Автор подчеркивает, что судостроительные верфи, фактически, представляли собой целый промышленный комбинат или лаборатории по созданию судов оригинальных конструкций. В статье упоминается 18 типов судов, которые возводили при Петре, то есть специализация строительства кораблей была очень незначительной. Но молодого читателя могут заинтересовать эти названия для уяснения истории российского флота. Автор правильно подчеркнул необходимость четкого определения, что считать началом судостроения: с начала строительства линейного флота, либо с начала деятельности первых верфей. Научная новизна статьи не вызывает сомнения; стиль и структура

соответствуют содержанию. Апелляция к оппонентам присутствует. Обстоятельное заключение подводит итоги исследования и возможные проблемы для продолжения. Статья привлечет внимание молодых читателей и экскурсоводов как пропагандистов научных знаний. Статью рекомендую опубликовать.

Англоязычные метаданные

Necropolises of the Moscow Kremlin: History and Stages of Field Archaeological Research.

Artemov Nikolai

Postgraduate student, Department of Archaeology, Lomonosov Moscow State University

125475, Russia, Moscow region, Moscow, Klinskaya str., 14k1, sq. 231

✉ frutsport@yandex.ru

Abstract. The object of this study are the necropolises of the Moscow Kremlin, the subject of the study is the history of their study by field archaeological methods. The purpose of the study is to examine the history of the study of Kremlin necropolises in the context of field archaeological research in the Kremlin and highlight the stages of development of this process.

The author examines in detail such aspects of the topic as methods of field archaeological research, their application and development in Kremlin archaeology and necropolitics – from the fixation of accidental finds and the search for relics to systematic archaeological observations and full-fledged archaeological excavations. Special attention is paid to the history of the discovery of burial complexes unknown according to written sources. As a result of the conducted research, the article examines the history of the study of the Moscow Kremlin in the XIX-XXI centuries by field archaeological methods, in the context of the archaeological study of the Moscow Kremlin, the history of field archaeological research of Kremlin necropolises is highlighted and, based on the analysis of the materials considered, the chronological stages of the development of Kremlin archaeology are highlighted. The scientific novelty of the article is to create a single brief description of the history of the study of the necropolises of the Moscow Kremlin by field methods of archaeology and to develop a periodization of the development of Kremlin archaeology. The main conclusion of the study is the identification of two major periods in the archaeological study of the Moscow Kremlin and the Kremlin necropolises. The criterion for the allocation of periods is the development of field research methods - from the fixation of random finds and observations to systematic excavations.

The first period covers more than a century – from the late 1830s to the early 1950s. The author characterizes it as a time of accidental finds and occasional observations of earthworks. The second period begins in the second half of the XX century, when it became possible to conduct systematic observations of earthworks in the Moscow Kremlin, lay architectural and archaeological pits and conduct full-fledged archaeological excavations.

Keywords: tombstone, sarcophagus, burial, cemetery, nekropolis, observations, excavations, pits, archaeological research, Moscow Kremlin

References (transliterated)

1. Avdusina T.D., Vladimirkaya N.S., Panova T.D. Arkheologicheskoe izuchenie yugo-zapadnoi okonechnosti Borovitskogo kholma // Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlia. Materialy i issledovaniya. Vypusk 6: Istorya i restavratsiya pamyatnikov Moskovskogo Kremlia. M.: Iskusstvo, 1989. S. 10-16.
2. Arkheologiya Moskovskogo Kremlia: Raskopki 2016-2017 gg. / Pod red. N.A. Makarova

- i V.Yu. Kovalya.-M.: IA RAN, 2018.
3. Belen'kaya D.A. Arkheologicheskie nablyudeniya v Uspenskom sobore v 1966 g. // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 167: Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy. T. 4: Drevnosti Moskovskogo Kremlja. M.: Nauka, 1971. S. 158-163.
 4. Belyaev L.A., Kurmanovskii V.S. Monastyrskii nekropol': sarkofagi i plity // Arkheologiya Moskovskogo Kremlja: Raskopki 2016-2017 gg. M.: IA RAN, 2018. S. 116-123.
 5. Vasil'eva E. E. Issledovaniya derevyannykh pogrebal'nykh konstruktsii nekropolya Chudova monastyrya Moskovskogo Kremlja // Vaintempore. Istorya. Politologiya. 2018. T. 45. №. 1. S. 90-96.-URL: <http://nv.bsu.edu.ru/nv/mag/detail.php?ID=461957> (data obrashcheniya: 15.12.2022 g.).
 6. Voronin N.N., Rabinovich M.G. Arkheologicheskie raboty v Moskovskom Kremle // Sovetskaya arkheologiya. 1963. № 1. S. 253-272.
 7. Dobrovolskaya M.V., Reshetova I.K., Mednikova M.B., Tarasova A.A., Vasil'eva E.E., Koval' V.Yu., Engovatova A.V. Ob antropologicheskem svoeobrazii lyudei, pogrebennykh v nekropole Chudova monastyrya (predvaritel'noe soobshchenie) // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2017. № 249-II. S. 18-27.
 8. Drevnosti rossiiskago gosudarstva. Otdelenie I. Sv. ikony, kresty, utvar' khramovaya i obلاchenie sana dukhovnago / Kom. izd. S. Stroganov, M. Zagorskin, I. Snegirev, A. Vel'tman. M.: Tipografiya Aleksandra Semena, 1849.
 9. Zakharov O.N. Klady i nakhodki na territorii Moskovskogo Kremlja. M.: 1941. Arkhiv GMMK. F. 20. №9.
 10. Klyuev V.B., Panova T.D. Svyatitel' Stefan, episkop Permskii i istoriya nekropolya Spaso-Preobrazhenskogo sobora Moskovskogo Kremlja. Izdanie 2-e, ispravленное и дополненное. M.: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2014.
 11. Makarov N.A., Koval' V.Yu. Pod fundamentami Voennoi shkoly imeni VTsIK: kul'turnyi sloi i nekropol' v tsentral'noi chasti Chudova monastyrya // Arkheologiya Moskovskogo Kremlja: Raskopki 2016-2017 gg. M.: IA RAN, 2018. S. 48-51.
 12. Makarov N.A. Chto my znaem o drevnostyakh Moskovskogo Kremlja // Arkheologiya Moskovskogo Kremlja: Raskopki 2016-2017 gg. M.: IA RAN, 2018. S. 8-25.
 13. Makarov N.A., Engovatova A.V., Koval' V.Yu. Zadachi i khod raskopok // Arkheologiya Moskovskogo Kremlja: Raskopki 2016-2017 gg. M.: IA RAN, 2018. S. 32-41.
 14. Makarov N. A., Engovatova A. V., Koval' V. Yu. Arkheologicheskie issledovaniya v vostochnoi chasti Moskovskogo Kremlja v 2014-2016 gg. // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2017. № 246. S. 7-25.
 15. Markov V. Uspenskii sobor v Moskve. Ustroistvo ego otopleniya. Ottiski iz «Russkogo Arkhiva» (1908 g. kn. 3 i 4). M.: Sinodal'naya tipografiya, 1908.
 16. Maksimovich L. Putevoditel' k drevnostyam i dostopamyatnostyam moskovskim. M.: Univ. tipografiya, u V. Okorokova, 1792-1793.
 17. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka. Ryazan': Uzoroch'e, 2000.
 18. Panova T.D. Nekropoli Moskovskogo Kremlja. M.: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'", 2002.
 19. Panova T.D. Istoricheskaya i sotsial'naya topografiya moskovskogo kremlja v seredine XII-pervoi treti XVI veka. M.: TAUS, 2013.
 20. Panova T.D. Zagadka Bol'shogo Uspenskogo sobora // Mir bozhii. 1998. №3. S. 24-26.
 21. Panova T.D. Istorya nekropolya v XV – XX vekakh // «Nekropol' russkikh velikikh

- knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlja». Materialy issledovanii. V 4 t. T. 1. Istorya usypal'nitsy i metodika issledovaniya zakhоронений. M.: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'", 2009. S. 8-33.
22. Panova T.D. Kratkaya istoriya izucheniya nekropolya v seredine XX — nachale XXI veka // «Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlja». Materialy issledovanii. V 4 t. T. 1. Istorya usypal'nitsy i metodika issledovaniya zakhоронений. M.: Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kreml'", 2009. S. 34-38.
23. Panova T.D. Kremlevskie usypal'nitsy. Istorya, sud'ba, taina. M.: Indrik, 2003.
24. Panova T.D. Otchet ob arkheologicheskikh nablyudeniyakh v Moskovskom Kremle v 1988 g. M.: 1988. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №14518.
25. Panova T.D., Koval' V.Yu. Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Tainitskogo sada v Moskovskom kremle v 2007 godu. M.: 2008. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №29009.
26. Pshenichnikov A.I. Kratkoe istoricheskoe opisanie pervoklassnogo Voznesenskogo devich'ego monastyrja v Moskve. M.: izd. nastoyatel'nitsy Voznesenskogo monastyrja igumenii Evgennii, 1894.
27. Rabinovich M.G. O drevnei Moskve: Ocherki material'noi kul'tury i byta gorozhan v XI-XVI vv. M.: Nauka, 1964.
28. Snegirev I.M. Moskva. Podrobnoe istoricheskoe i arkheologicheskoe opisanie goroda. Tom vtoroi. M.: Izdanie A. Martynova, 1873.
29. Shapiro B.L. Nekropol' Voznesenskogo monastyrja Moskovskogo kremlja: istoriya i muzeefikatsiya // Studia Humanitatis. 2020. №. 2.-URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/shapiro_1.pdf (date of application: 15.12.2022 g.).
30. Shelyapina N.S. Otchet ob arkheologicheskem nabлюдении за земляными работами в Moskovskom Kremle v 1963-1965 gg. M.: 1968. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №3578.
31. Shelyapina N.S. Otchet ob arkheologicheskem nabлюдении в Moskovskom Kremle v 1967-1969 gg. M.: 1970. Arkhiv IA RAN. F-1. R-1. №3964.
32. Shelyapina N.S. Arkheologicheskie nablyudeniya v Moskovskom Kremle v 1963-1965 gg. // Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 167: Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy. T. 4: Drevnosti Moskovskogo Kremlja. M.: Nauka, 1971. S. 117-157.
33. Shelyapina N.S. Nadgrobiya XIII-XIV vv. iz raskopok v Moskovskom Kremle // Sovetskaya arkheologiya. 1971. №3. C. 284-289.
34. Shelyapina N.S. K istorii izucheniya Uspenskogo sobora Moskovskogo Kremlja // Sovetskaya arkheologiya. 1972. №1. S. 200-214.
35. Shelyapina N.S. Arkheologicheskie issledovaniya v Uspenskom sobore // Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja. Materialy i issledovaniya. Vypusk 1. M.: Iskusstvo, 1973. S. 54-63.
36. Shelyapina N.S. Arkheologicheskoe izuchenie Moskovskogo Kremlja: Drevnyaya topografiya i stratigrafiya: dissertatsiya, predstavленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.06. M.: 1974. RGB. OD Dk 74-7/655.
37. Shokarev S.Yu. Istochniki po istorii moskovskogo nekropolya XII – nachala XX v. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020.
38. Engovatova A.V., Vasil'eva E.E. Monastyrskii nekropol': pogrebal'nyi obryad // Arkheologiya Moskovskogo Kremlja. M.: IA RAN, 2018. S. 106-115.

39. Engovatova A.V., Vasil'eva E.E. Nekropol' Chudova monastyrya Moskovskogo Kremlja. Issledovaniya derevyannykh pogrebal'nykh konstruktsii // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. 2017. № 249-II. S. 7-17.

Discussion of the Routes of the Future Trans-Siberian Railway in Russian Scientific and Technical Societies in the 1870s - early 1890s.

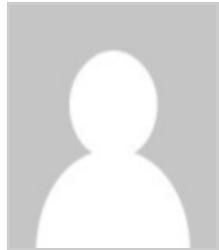
Shilnikova Irina

PhD in History

Associate Professor, Department of Economic History, Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

119571, Russia, Moscow oblast', g. Moscow, prospekt Vernadskogo, 82

✉ shilnikova.i@gmail.com

Abstract. The search for the optimal route of the Trans-Siberian Railway took more than a decade in the second half of the XIX century. The discussions on this issue involved not only government officials, but also representatives of business circles, members of Russian scientific and technical societies, and broad public circles. Russian Geographical and Imperial Russian Technical Societies' activity in the 1870s - early 1890s to develop proposals on the route of the transcontinental railway, as well as on the use of waterways in the context of solving the problems of the construction of the Trans-Siberian Railway is considered in the article. The main sources were verbatim reports, reports and other materials published following the meetings of participants of these Russian scientific societies, as well as invited speakers. Discussions about possible directions of the future Trans-Siberian Railway line, which took place in the 1870s – early 1890s, contributed to the gradual formation of the main possible options for the route of the railway, taking into account, first of all, economic interests, financial opportunities, technical difficulties and construction deadlines. Some of the proposed solutions and recommendations were taken into account during the construction of the Trans-Siberian Railway in subsequent years. In addition, thanks to the participation of scientists, engineers and other specialists in these discussions, it was possible to formulate priority tasks for further topographic, geological, hydrological, climatic and other studies of the territories of Siberia and the Far East, which were planned to be carried out with the direct participation of the state, both in the context of railway construction tasks, and in general to expand knowledge about these territories.

Keywords: trucking, railway bridges, Ob-Yenisei Canal, Siberia, railway construction, Russian Technical Society, Russian Geographical Society, Trans-Siberian Railway, waterways, ferry crossings

References (transliterated)

1. Zhdanov L. Velikii Sibirskii put'. SPb.: Tipografiya I.V. Leont'eva, 1905. – 32 s.
2. Sozdanie Velikogo Sibirskogo puti: spravochnoe izdanie / Pod obshch. red. Yu.L. Il'ina. T.1. SPb.: Evrosib, 2005. – 293 s.
3. Khobta A.V. Stroitel'stvo Transsib'a: ocherki istorii (konets XIX-nachalo XX vv.). Irkutsk: OOO NPF "Zemlya Irkutskaya", 2009. – 384 s.
4. Kreinis Z.L. Velikii Transsib. Trudnye gody stroitel'stva (1891-1916). M.: Avtograf, 2016. – 255 s.

5. Lamin V.A. Ekonomiko-geograficheskie usloviya vybora general'nogo napravleniya trassy Sibirsкоi zheleznoi dorogi // Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i klassovaya bor'ba v Sibiri dooktyabr'skogo perioda. Novosibirsk, 1987. S.51-60.
6. Timoshenko A.I. Transsib i proekty zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Sibiri (1891-1916 gg.) // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2000. № 2. S.71-74.
7. Loskutov S.A. Velikaya magistral' na Vostok: nachalo Transsibba // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya10. Vostokovedenie. Evraziistvo. Geopolitika. 2003. № 1(2). S.158-169.
8. Skorodumov I.V. Problemy vybora puti Transsibirskoi magistrali // Priroda. Tekhnika. Obshchestvo. Kul'tura. Kurgan, 2007. Vyp.9. C.15-16.
9. Timoshenko A.I. Diskussiya o stroitel'stve transsibirskoi magistrali v 1840-1980-e gg. // Transsib-99: Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Novosibirsk, 24-25 iyunya 1999 g.). Novosibirsk, 1999. S.548-551.
10. Batalova T.I. Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii proektov zheleznodorozhnogo stroitel'stva v Aziatskoj Rossii v kontse XIX-nachale XX vv. // Rossiya, Sibir' i Tsentral'naya Aziya: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: Materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Barnaul, 24 noyabrya 2005 g.). Barnaul, 2005. Vyp.5. C.287-293.
11. Mitina M.E. Imperatorskoe Russkoe geograficheskoe obshchestvo i voprosy zheleznodorozhnogo stroitel'stva v 60-e-nachale 80-kh godov XIX v. // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva. T.123. Vyp.4. L., 1991. S.360-364.
12. Stenograficheskii otchet zasedanii Otdeleniya statistiki Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po voprosu o napravlenii Uralo-Sibirskoi zheleznoi dorogi. SPb., 1870. – 89 s.
13. Trudy Komissii Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva po voprosu o Sibirskoi zheleznoi doroge i voprose o dal'neishikh izyskaniyakh i issledovaniyakh v Sibiri. SPb., 1891. – 13 s.
14. Doklad Byuro Komissii o vodyanykh putyakh Sibiri // Trudy Komissii Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva po voprosu o zheleznoi doroge cherez vsyu Sibir'. 1890. № 29. S. 1 – 3.
15. Stenograficheskii otchet po dokladu S.M. Zhitkova i besede 31 Maya 1889 goda o vodnykh putyakh Sibiri // Trudy Komissii Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva po voprosu o zheleznoi doroge cherez vsyu Sibir'. 1889. № 19. S. 1 – 17.
16. Doklad Byuro Komissii ob izyskaniyakh i rekognostirovakh // Trudy Komissii Imperatorskogo Russkogo tekhnicheskogo obshchestva po voprosu o zheleznoi doroge cherez vsyu Sibir'. 1890. № 32. S. 1 – 14.

Organization of educational and patriotic work with cadets of the Irkutsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1970.

Vasil'ev Mikhail Aleksandrovich □

Senior Lecturer at the Department of Special Training of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

664074, Russia, Irkutskaya oblast', g. Irkutsk, ul. Lermontova, 110

□ vip.medved1983@list.ru

Abstract. The subject of the research is the peculiarities of educational and patriotic work

with cadets of the Irkutsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1970. A brief analysis of the development and transformation of this type of educational activity is given on the example of the work of structural training units of a fire school. The role and list of staff of the command and teaching staff who carried out educational and patriotic work with cadets during the activity of the educational institution are indicated. The research methodology includes a concrete historical approach (M.V. Astakhov, I.D. Kovalchenko, V.F. Kolomiytsev, A.P. Pronstein, etc.), as well as generalization, comparison, synthesis, classification, specification; analysis of archival documents, legislation and scientific literature; retrospective analysis; method of historical analogies. The novelty of this scientific article lies in the fact that during the scientific research, historical sources, archival data describing in detail the history of the formation and development of educational and patriotic work in the Irkutsk Fire Technical School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR have been identified and summarized. The conducted research is of interest to a wide range of readers, since the study of educational-patriotic, educational-pedagogical, structural-organizational and service activities in educational institutions of fire protection of the Ministry of Internal Affairs of the USSR is a very important component in the study of the formation and development of departmental education of the Ministry of Internal Affairs of the USSR on the territory of the Baikal region in the 20th century.

Keywords: moral qualities, fire community, historical approach, educational activities, training of specialists, educational institution, emergency situation, patriotic education, educational work, fire education

References (transliterated)

1. Agapitov M.N. IPTU 25 pamyatnykh let. Irkutsk. Izd-vo: Operativnaya tipografiya «Na Chekhova», 2003. 129 s.
2. Agapitov M.N. Konechnaya ostanovka, stranitsy istorii (vospominaniya). Irkutsk. Izd-vo: Operativnaya tipografiya «Na Chekhova», 2013. 39 s.
3. Agapitov M.N., Chashchin S.N. Pozharnoe delo v istorii osvoeniya i razvitiya Vostochnoi Sibiri (1661-1950). Irkutsk. Izd-vo: Operativnaya tipografiya «Na Chekhova», 2006. 504 s.
4. Astakhov M.V. Osnovy sistemnogo ponimaniya istoricheskogo protsessa. Samara. Izd-vo: Samarskii gosudarstvennyi universitet, 2009. 172 s.
5. Vasil'ev M.A. Stanovlenie Irkutskogo pozharno-tehnicheskogo uchilishcha MVD SSSR: istoriko-pedagogicheskaya retrospektiva // Sovremennoe obrazovanie. Moskva. Izd-vo: «Nota Bene» 2020. – № 1. – S. 1-7.
6. Derevskov M.A. Pamyatnoe i plamennoe: k 30-letiyu Irkutskogo pozharno-tehnicheskogo uchilishcha i k 5-letiyu Irkutskoi vysshei shkoly // Vestnik Irkutskoi vysshei shkoly MVD Rossii.-№ 4. Irkutsk: Izd-vo: «VSI MVD Rossii», 1998.S. 5-8.
7. Kolesnikov G. A., Rozhkov A. M. Ordena i medali SSSR. Moskva. Voen.Izd-vo., 1986. 127 s.
8. Pronshtein A.P. Metodika istoricheskogo issledovaniya. Rostov. Izd-vo: Rostovskogo universiteta, 1971. 468 s.
9. Chernykh V.V. Istoryya pozharnogo dela Irkutskoi oblasti (1800-1990-e gg.). Irkutsk. Izd-vo: «VSI MVD Rossii», 1998. 223 s.
10. Chernykh V.V., Chernov A.V., Sinichenko V.V. Istoryya protivopozharnogo strakhovaniya v Rossii 1827-1920 gg. (na materialakh Vostochnoi Sibiri). Irkutsk. Izd-vo: Glazkovskaya tipografiya, 2007. 235 s.

11. Chernov A.V. Istorya podgotovki kadrov pozharnoi okhrany Sibiri i Dal'nego Vostoka. // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, yubileinyi vypusk (1993-2008). Irkutsk. Izd-vo: «VSI MVD Rossii», 2008. S. 22-30.
12. Arkhiv Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. Fond 484, 1971.

Activity of the «Project for the New American Century» Think Tank in the Context of US Foreign Policy (1997-2006).

Tret'yakov Artemii Dmitrievich

Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History of European and American Countries,
Lomonosov Moscow State University MV. Lomonosov

121552, Russia, Moscow, Kolmogorova str., 1

✉ tretyakov.10501@gmail.com

Abstract. The article examines the activity of the «Project for a New American Century» (PNAC), one of the main think tanks that formed the foreign policy of US President George W. Bush. The "Project" was formed by publicists - W. Kristol and R. Kagan in 1997 and became the mouthpiece of the American neo-conservative elite. An analysis of the documents of the PNAC which are in the public domain, is carried out in order to identify the positions of the analytical center on the main issues of US foreign policy during the presidency of B. Clinton and George W. Bush. It is concluded that within the framework of the "Project" were comprehended and formulated most of the foreign policy initiatives implemented by Washington in the first half of the 2000s of the 21st century.

Keywords: American exceptionalism, Afghanistan, ABM Treaty, Iraq, George W Bush, Neoconservatism, NATO, Hegemony, think tank, USA

References (transliterated)

1. Fukuyama F. The neoconservative moment / The National Interest. 2004. No. 76. Pp. 57-68
2. Vaisse J. Neoconservatism The Biography of a Movement. Harvard University Press. 2011.
3. High B. The recent historiography of american neoconservatism / The Historical Journal. 2009. No 52(2). Pp. 475-491.
4. Blokhin K.V. Amerikanskii neokonservativizm — ideologiya slabeyushchego gegemonii // Osnovy natsional'noi strategii. 2017 № 3 (42) 2017. C 44-57.
5. Mann J. Rise of the Vulcans : the history of Bush's war cabinet. New York, N.Y. : Penguin Books. 2004.
6. Blokhin K. V. Leo Shtraus i ego neokonservativnye posledovateli (k probleme istochnikov i genezisa neokonservativizma) / Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2019. №4. C. 729-744.
7. Buchanan P.J. Right from the beginning. Boston: Little, Brown. 1988.
8. Ryan M. Neoconservatism and the New American Century . Palgrave Macmillan. 2010.
9. Elden S. Terror and Territory: The Spatial Extent of Sovereignty. University of Minnesota Press. 2010.
10. Stefancic J., Delgado R. No Mercy: How Conservative Think Tanks and Foundations

- Changed America's Social Agenda. Philadelphia: Temple University Press, 1996.
11. Dumbrell J. Clinton's Foreign Policy: Between the Bushes, 1992-2000. London. Routledge. 2009.
 12. Sinitzyna Elena Igorevna Institutsional'nye aspeky politiki SShA v sfere kontrolya nad yadernymi vooruzheniyami posle Kholodnoi voiny / Ars Administrandi. 2021. №4. C. 611-634.
 13. Bedran' V.V. Mekhanizm informatsionnoi voiny SShA protiv Iraka v nachale XXI veka / Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istorya. Mezhdunarodnye otnosheniya. №7 (87) 2012. S. 1886-195.
 14. Mokrova E. M. Deyatel'nost' neftyanogo lobbi SShA v khode amerikanskoi kampanii v Irake 2003. // Politicheskie uroki. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2022. №12 (113). S. 54-72.
 15. Bezrukov A. E. Osobennosti neokonservativnoi vneshnei politiki (na primere SShA) / Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo, № 9 (46), 2016. c 50-66.
 16. Kislytsyn S.V. Mir posredstvom sily: vneshnopoliticheskaya ideologiya i praktika amerikanskogo neokonservativizma. IMEMO RAN. M.: Izd-vo «Ves' Mir». 2020.
 17. Shakleina T.A. Mozgovye tsentry i ikh rol' v formirovaniu vneshnei politiki SShA / Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii. Uchebnik. Pod red. T.A.Shakleinoi. Izd.2-oe, ispr. i dopoln. / T.A.Shakleina, A.A.Baikov, E.G.Nikitenko, I.A.Istomin, I.V.Bolgova, E.V.Koldunova i dr. M.: Aspekt Press, 2017. S. 109-133.
 18. Hurst S. Myths of Neoconservatism: George W. Bush's 'Neo-conservative' Foreign Policy / Revisited Int Polit. №42, c. 75-96. 2005.
 19. Zakaria F. The Post-American World. New York: W.W. Norton. 2008.
 20. Rassolova P. E. Imperskii status SShA v teorii neokonservativizma / Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. №4. C. 151-159.

Reflection of the Activity of Baim Boltin in the Stolyarov Chronograph and the Private Discharge Book of Nikita and Grigory Zyuzin.

Vtiurin Andrei

Postgraduate student, Department of Russian History and Archeology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

410012, Russia, Saratov region, Saratov, Astrakhan St., 83

✉ andrey.vtiurin@yandex.ru

Abstract. This article is a study of the activities of the statesman of the first half of the XVII century, Baim Fedorovich Boltin, reflected in the Stolyarov chronograph and the private service book of Nikita and Grigory Zyuzin. The purpose of the work is to identify exaggerations of merit, inconsistencies of the studied information with other sources and other features of the narrative in the above sources. Setting such a goal is due to the particular origin of these sources, and as a consequence of their subjective nature. Moreover, the reason for the origin of such sources is obvious - the provision of official position in case of parochial disputes and other situations arising during promotion or accession to the throne of a new sovereign, which indicates the biased nature of the sources. The scientific novelty of the work is due to the

insufficient study of such a source as the Stolyarov chronograph and the role of "heroes of the second plan" in the history of Russia. Baim Boltin is a bright representative of his time, who went from an Arzamas nobleman to a governor of large cities, a nursery and an ambassador. Not having a noble origin and a high service status, he compiled a unique private service book (Stolyarov chronograph), in which he reflected several important, in his opinion, his own achievements. The analysis of the chronograph and fragments of a private service book of his maternal relatives - brothers Nikita and Grigory Zyuzin, in comparison with more objective data, allowed us to find out certain features of the subjective reflection of information in sources of this kind. We attributed to them: minor distortions and exaggerations; shifting the emphasis of the narrative; the desire to put oneself closer to prominent statesmen when describing events; the obvious complementary nature of the description of one's own merits.

Keywords: Ivan Zarutsky, parochial disputes, palace ranks, private bit books, Grigory Zyuzin, Nikita Zyuzin, Baim Boltin, stolyarov chronograph, capture of Novgorod-Seversky, embassy

References (transliterated)

1. Porai-Koshits, Ivan Antonovich. Ocherk istorii russkogo dvoryanstva ot poloviny IX do kontsa XVIII veka. 862-1796 / soch. I. A. Porai-Koshitsa.-SPb., 1874.-2, XXVI, 225 s.
2. Eskin Yu. M. Ocherki istorii mestnichestva v Rossii XVI-XVII vv. M. : Kvadriga, 2009. 509 s.
3. Ankhimyuk Yu.V. Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyyu chetvert' XV – nachalo XVII v. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. M. 1998. 23 s.
4. Platonov S. F. Stolyarov khronograf i ego avtor // Sbornik statei, posvyashchennykh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskому / M.: T-vo "Pechatnya S. P. Yakovleva", 1909. S. 18–28
5. Ziborov V. K. Boltin Baim (Boim, Oboim, «molitvennoe imya» – Sidor) Fedorovich // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi: v 3 vyp. Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 1 / Pod red. D. S. Likhacheva. SPb.: izd-vo «Dmitrii Bulanin», 1992. S. 147–148
6. Ziborov V. K. Khronograf Stolyarovskii // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi Vyp. 3 (XVII v.). Ch. 4 / Pod red. D. S. Likhacheva, SPb.: izd-vo «Dmitrii Bulanin», 2004. S. 219–220.
7. Iz Khronografa, prinadlezhashchego istoriografu Karamzinu (Stolyarovskii spisok) // Izbornik slavyanskikh i russkikh soчинений и statei, vnesennykh в khronografy russkoi redaktsii / sobral i izdal Andrei Popov (prilozhenie к Obzoru Khronografov russkoi redaktsii). M.: Tip. A. I. Mamontova i K. Bol'shaya Dmitrovka, d. № 7, 1869. S. 321–379.
8. Volkov V.A. Voina s Zarutskim (1613-1614 gg.) materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 330-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Tatishcheva, 200-letiyu so dnya rozhdeniya S.A. Gedeonova, 175-letiyu so dnya rozhdeniya V.O. Klyuchevskogo. 2016. Izdatel'stvo: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo (Lipetsk) 2016 s. 47-51
9. Dvortsovye razryady, po vysochaishemu poveleniyu izdannye II otdeleniem sobstvennoi EIV kantselyarii (dalee – Dvortsovye razryady): v 4 t. SPb: V Tip. 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1850. T. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] c., 1184, XII stb.
10. Arzamasskie pomestnye akty (1578–1618) / Sibr. i red. S. B. Veselovskii. Moskva: Imp. O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1915. 738 s.

11. Dvortsovye razryady. SPb., 1851. T. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 stb., II с.
12. Rakitin A.S. Severskii pokhod i osada Chernigova. Boevye deistviya na yugo-zapadnom porubezh'e Moskovskogo gosudarstva i Rechi Pospolitoi v period Smolenskoi voiny (1632–1634 gg.) M., 2021. 192 с.
13. Knigi razryadnye po ofitsial'nym onykh spiskam, izdanneye 2-m Otdeleniem sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii: v 2 t. SPb.: V Tip. 2-go Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1855. T. 2. IX с., [1], 1398 stb.
14. Delo po chelobit'yu Baima Boltina o pridache emu pomestnogo i denezhnogo okladov za sluzhbu «na Severe». // Akty Moskovskogo gosudarstva, izdanneye Imperatorskoi Akademiei nauk (dalee – AMG) / Pod red. N. A. Popova: v 3 t. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1890. T. 1: Razryadnyi prikaz. Moskovskii stol, 1571–1634. № № 512. S. 484–487.
15. RGADA F. 210 (Razryadnyi prikaz, g. Moskva) Op.11 Stolbtsy Novgorodskogo stola. D. 27. L. 247
16. Pudalov B.M. Rodoslovnye skazki Boltinykh // Istorografiya. Istochnikovedenie. Istoricheskoe kraevedenie: Sbornik statei k yubileyu doktora istoricheskikh nauk Viktora Vladimirovicha Mitrofanova. Nizhnevartovsk, 2017. S. 104–126.
17. L'vova D. L. Russkie diplomaticheskie missii na peregovorakh s Rech'yu Pospolitoi v 1634–1635 gg. // Mezhdunarodnyu konferentsiyu studentov i aspirantov «Lomonosov-99» // Moskovskii Gosudarstvennyi Universitet im. M.V.Lomonosova 1999 g. URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm> (data obrashcheniya: 22.01.2023).
18. RGADA. F. 79 (Snosheniya Rossii s Pol'shei-(kollektsiya) iz fondov Boyarskoi Dumy, Posol'skogo prikaza, Posol'skoi kantselyarii, Kollegii inostrannykh del 1718–1719 gg.). Op. 1. Ed. khr. 49.
19. Bantysh-Kamenskii N.N. Obzor Vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god). Ch. 3 (Kurlyandiya, Liflyandiya, Estlyandiya, Finlyandiya, Pol'sha i Portugaliya). Izdanie komissii pechataniya gosudarstvennykh gramot i dogоворов pri moskovskom glavnem arhive Ministerstva inostrannykh del. M.: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, 1897. 319 s.
20. Yuzefovich L. A. Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya... M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 216 s.
21. Eskin Yu. M. Mestnicheskoe delo K. A. Trusov – knyaz' F. F. Volkonskii kak istochnik po istorii Tikhvinskogo vosstaniya 1613 g. // Rossiiskoe gosudarstvo v XIV–XVII vv.: sbornik statei, posvyashchennyi 75-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. G. Alekseeva / otv. red. A. P. Pavlov. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2002 S. 300–307.
22. PSRL T. 31. Letopistsy poslednei chetverti XVII veka. Mazurinskii letopisets. List 279. Nauka M. 1968 s. 163.
23. Dvortsovye razryady. SPb., 1852. T. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] c., 1656 stb., [4] c.
24. Bantysh-Kamenskii N.N. Obzor Vneshnikh snoshenii Rossii (po 1800 god): v 4 ch. Ch. 1 (Avstriya, Angliya, Vengriya, Gollandiya, Daniya i Ispaniya). Izdanie komissii pechataniya gosudarstvennykh gramot i dogоворов pri moskovskom glavnem arhive Ministerstva inostrannykh del. M.: Tip. E. Lissnera i Yu. Romana, 1894. 304 s.

The Evolution of Electoral Technologies in Germany and the Bundestag Elections of 1998

Ageev Rostislav Eugenevich

Postgraduate, Department of Modern and Contemporary History, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky Prospekt str., 27, building 4

nwpoint@ya.ru

Abstract. The subject of the study is the federal election campaigns of the main competitors in the German Bundestag elections of 1998 - the CDU and the SPD. The object of the study is the evolution of German political culture related to the practice of conducting federal election campaigns. The purpose of this work is to analyze the election campaigns of the CDU and the SPD in 1998 to identify new elements of the professionalized, "Americanized", modernized campaign of the SPD, which, against the background of the traditional CDU campaign, contributed to the victory of the Social Democrats and the coming to power in Germany of the "red-green" coalition led by Chancellor Gerhard Schroeder. The scientific novelty of the article is that the effectiveness of election campaigns is considered as one of the significant factors influencing the outcome of the party-political struggle, and the 1998 elections are considered as one of the turning points in the evolution of German political culture in terms of party election campaigns. The successful SPD campaign, which abandoned many traditional elements and actively borrowed new electoral practices from the United States and Great Britain, had a significant impact on the modernization of the forms and methods of electoral struggle of the main parties in Germany in the next two decades.

Keywords: electoral technologies, election campaign, SPD, CDU, elections to the Bundestag, political culture, elections, history of Germany, Germany, Gerhard Schroeder

References (transliterated)

1. Lebedeva T.Yu. Put' k vlasti. Frantsiya: vybory prezidenta. M.: Izdatel'stvo MGU, 1995. S.13-15.
2. Zapadnoevropeiskaya sotsial-demokratiya: poiski obnovleniya / Peregudov S. P., Pan'kov V. S., Shadrina I. P. i dr. M.: Nauka, 1989. C.235-242.
3. Wolf W. Der Wahlkampf : Theorie und Praxis. Köln: Wissenschaft und Politik, 1980.
4. Radunski P. Wahlkampfe: Moderne Wahlkampfführung als polit. Kommunikation. – München : Günter Olzog Verlag, 1980.
5. Betscheider M. Wahlkampfführung und politische Weltbilder. Eine systematische Analyse des Wahlkampfes der Bundestagsparteien in den Bundestagswahlkämpfen 1976 und 1980. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 1987..
6. Wahlkampf in den Medien-Wahlkampf mit den Medien : Ein Reader zum Wahljahr 1998 / C. Holtz-Bacha (Hrsg.). Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2000.
7. Holtz-Bacha C. Wahlwerbung als politische Kultur. Parteienspots im Fernsehen 1957-1998. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2000.
8. Bergmann K. Der Bundestagswahlkampf 1998: Vorgeschichte, Strategien, Ergebnis. Opladen: Westdeutscher Verlag, 2002.
9. Günsche K.-L. Münteferings Kampf um die neue Mitte // Die Welt – 1998. – 12 März. – S.2.
10. Gaschke S. Invasion der Imagepfleger // Die Zeit – 1998. – 5 März. – S.1.
11. Bergmann K. Op.cit. S.123.
12. Günsche K.-L. Müntefering Testläufe oder Mit Blitzumfragen am Puls der Wähler // Die

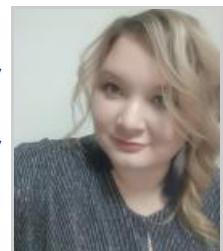
- Welt – 1997. – 1 November. – S.2.
13. Bergmann K. Op.cit. S.334.
14. Conrad B. Union ändert ihre Wahlkampf-Taktik // Die Welt. – 1998. – 14-15 März. – S.1.
15. Emmert T. Das Ende einer Ära-Die Bundestagswahl vom 27. September 1998 / T. Emmert, M. Jung, D. Roth // Wahlen und Wähler : Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 1998 / H.-D. Klingemann, M. Kaase (Hrsg.). Wiesbaden : Springer Fachmedien, 2001. S.17-56. doi: 10.1007/978-3-322-95630-9_1

Report of the bailiff of the XII Russian Ecclesiastical Mission in Beijing

N.I. Lyubimov on interaction with Chinese officials (first half of the 19th century)

Malygina Ol'ga Anatol'evna

PhD in History

Senior Scientific Associate, Institute of Inner Asia of Dorji Banzarov Buryat State University, Senior Educator, Department of World and Russian History, Dorji Banzarov Buryat State University

670018, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, Yantarnaya str., 43

✉ kirienko-o@mail.ru

Akhmadulina Svetlana Zinnatovna

PhD in History

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof., Dorzhi Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova str., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000, Russia

✉ lana_clio@mail.ru

Abstract. The Russian Ecclesiastical Mission in China for two centuries served as an outpost of Orthodoxy and a foreign policy landmark of the Russian state in China, our task is to analyze the report of the bailiff of the XII Russian Spiritual Mission N.I. Lyubimov. For 30 years of work in the Ministry of Foreign Affairs N.I. Lyubimov collected in his collection a weighty layer of official documents, personal and business correspondence, memories that he took when leaving Russia. After his death, the documents were found and today they are stored in the Russian State Historical Archive in St. Petersburg. On the basis of a detailed reference to historical documents, the features of the relationship between Russia and China in the second half of the 19th century are analyzed. A huge role in this was played by the personality of N.I. Lyubimov, who was directly involved in compiling reports on important events and actors in Chinese politics, I analyze the possibility of using them in matters of diplomacy, it is also noteworthy that the bailiff gives valuable advice on saving state funds abroad. The authors come to the conclusion that the Russian Spiritual Mission in China, in general, and its representatives, in particular, were a link between the two countries, a source of reliable information about the internal political life of the Qing Empire, about its language, traditions, history, culture and way of life. Representatives of this mission for a long time acted as an unofficial diplomatic representation of Russia in China

Keywords: officials, bailiff, Asian Department, missionaries, archive, Russian-Chinese relations, Russian Orthodox Church, China, Russian Ecclesiastical Mission in Beijing, Nikolay Ivanovich Lyubimov

References (transliterated)

1. Andreeva S. G. Missionerskaya deyatel'nost' Russkoi (pravoslavnoi) dukhovnoi missii v Kitae // Religiovedenie. 2009. № 1. S. 79-86.
2. Andreeva S. G. Pekinskaya Dukhovnaya Missiya v kontekste rossiisko-kitaiskikh otnoshenii (1715–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.15 / In-t vostokovedeniya RAN. M., 2001. 187 s.
3. Veselovskii N. Poezdka N.I. Lyubimova v Chuguchak i Kul'dzhu v 1845 godu pod vidom kuptsa Khorosheva. SPb.: Tipografiya Ministerstva putei soobshcheniya, 1909. 52 s.
4. Datsyshen V. G. Istorya rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae. Gonkong: Pravoslavnoe Bratstvo svyatых Pervovertchovnykh apostolov Petra i Pavla, 2010. 448 s.
5. Kuroyanagi Tiaki. Diplomaticeskaya funktsiya Rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine vo vremya Pervoi opiumnoi voiny // Vostochnaya Aziya: fakty i analitika. 2021. № 2. S. 32-43.
6. Lysenko Yu. A., Yan Tsuikhun. Obzor missionerskoi deyatel'nosti Pekinskoi dukhovnoi missii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) // Vestnik NGU. Seriya: Istorya, filologiya. 2019. T. 18, № 8: Istorya. S. 59–73.
7. Otchet o sostoyanii Pekinskoi Dukhovnoi Missii v proshedschem 1907 godu // Kitaiskii blagovestnik. Vypusk 9-10.-Pekin, 1908. 46 s.
8. Samoilov N.A. Izuchenie istorii Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae: osnovnye napravleniya, podkhody i perspektivy// Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii. 2021. № 2 (7). S. 48-76.
9. Feklova T. Yu. Pod sen'yu Tserkvi: nauchnaya deyatel'nost' Russkoi dukhovnoi missii v Kitae v XIX v. // Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii. 2020. № 2 (5). S. 139–150.
10. Khokhlov A. N. Missionerskaya deyatel'nost' Guriya Karpova do i posle preobrazovaniya Pekinskoi dukhovnoi missii v 60-e gody KhIKh v. Karpovym // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2015. T. 45. № 2. S. 864–915.
11. Sharonova V. G. Pravoslavnaya obshchina v Khan'kou (1860–1910) // Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii. 2020. № 2 (5). S. 151–169.

Banking Crisis of the 1880s in the Russian Empire: New Quantitative Data and Estimates

Salomatina Sofya

PhD in History

Associate Professor, Department of Historical Information Science, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Lomonovsky Prospekt, 27, building 4, of. G423

 ssalomatina@gmail.com

Abstract. The study deals with the most significant crisis in the history of Russian banking, which occurred when 49 municipal banks and 13 mutual credit societies went bankrupt from 1882–1889. Historians have explained the causes of the crisis in various ways; however, these explanations are not fully verifiable due to lack of consolidated quantitative data on operations for municipal banks and mutual credit societies. Therefore, a new quantitative data

set on these credit institutions was composed for this study. Comparison of the dynamics of joint-stock commercial banks, municipal banks, and mutual credit societies for 1875–1895 revealed that the decline in municipal banks was particularly sharp and deep, and it did not correlate with the dynamics of other banking institutions. This paper proves that the municipal banks crisis was caused by the accumulation of bad loans, poor financial stability, and the lack of proper control by municipal councils and the Ministry of Finance. Overcoming of these problems launched a new phase of banking regulation and supervision in the Russian Empire, which has been underestimated in historiography. The “pushing out” of municipal banks from risky operations was necessary to protect the financial interests of the municipal self-government associated with these banks. However, the crisis also had a pronounced regional perspective because most of the bankruptcies occurred in the Central Black Earth Region, and therefore the crisis was caused by a contraction in agricultural exports due to falling prices, combined with local crop failures in the first half of the 1880s.

Keywords: Central Black Earth Region, historical statistics, banking supervision, banking regulation, credit risk, banking crisis, commercial banks, mutual credit societies, municipal banks, Russian Empire

References (transliterated)

1. Adres-kalendar' Orlovskoi gubernii. – Orel: Tipografiya gazety «Orlovskii Vestnik», 1877 (obl. 1878).
2. Belyakov A. V. O Skopinskem gorodskom banke i ego direktore I. G. Rykove // Bankovskoe delo na Ryazanskoi zemle. Istoryya i sovremennoe: istoricheskie ocherki, vospominaniya i drugie materialy o deyatel'nosti bank. uchrezhdenii / [red. sovet: M. V. Odintsova (pred.) i dr.]. – Ryazan': Bank. dom, 2004. – S. 50–59.
3. Gindin I. F. Russkie kommerscheskie banki: iz istorii finansovogo kapitala v Rossii. – Moskva: Gosfinizdat, 1948.
4. Gur'ev A. N. Ocherk razvitiya kreditnykh uchrezhdenii v Rossii. – Sankt-Peterburg: Tipolitogr. «Yakor'», 1904.
5. Drobizhev V. Z., Koval'chenko I. D., Murav'ev A. V. Istoricheskaya geografiya SSSR: uchebnoe posobie dlya istoricheskikh fakul'tetov universitetov. – Moskva: Vysshaya shkola, 1973.
6. Ezhegodnik russkikh kreditnykh uchrezhdenii. Vyp. 4. 1880 i 1881 gg. / Sost. pod red. I. S. Ivashchenko. – Sankt-Peterburg: Komitet S"ezda predstavitelei aktsionernykh bankov kommerseskogo kredita, 1886.
7. Kirillov A. K. Gorodskie banki Zapadnoi Sibiri (vtoraya chetvert' XIX — nachalo XX veka). – Novosibirsk: Ofset, 2003.
8. Kirillov A. K. Gorodskie obshchestvennye banki v 1880-e gody: prichiny krizisa // Industrial'noe nasledie: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, g. Vyksa, 28 iyunya — 1 iyulya 2007 g. – Saransk: Izd. tsentr Istoriko-sotsiologicheskogo in-ta MGU im. N. P. Ogareva, 2007. – S. 231–239.
9. Ososov V. Ya. Gorodskie obshchestvennye banki Rossii: obzor ikh deyatel'nosti po 1-e yanvarya 1871 goda. – Sankt-Peterburg: tip. Maikova, 1872.
10. Otchet Gosudarstvennogo banka za 1881 g. – Sankt-Peterburg: Tip. Min-va putei soobshcheniya (A. Benke), 1882.
11. Otchet Gosudarstvennogo banka za 1889 g. – Sankt-Peterburg: Tip. Gosudarstvennogo banka, 1890.
12. Otchet Orlovskogo kommerseskogo banka za 1881 god. – Moskva: Tipo-Litografiya N.

- I. Kumanina, 1882.
13. Otchet Orlovskogo kommercheskogo banka za 1889 god. – Moskva: Tipo-Litografiya N. I. Kumanina, 1890.
14. Pros'ba pogibayushchego goroda: Zapiska upolnomochennykh ot g. Orla Volkova, Bulatkina i Sukhanova: (O ssude g. Orlu 1.200.000 rub. dlya rascheta s vkladchikami nesostoyatel'nogo gorodskogo banka). – [Sankt-Peterburg: tip. E. Arngol'da, 1888].
15. Salomatina S. A. Kommercheskie banki i sel'skoe khozyaistvo vo vtoroi polovine XIX v.: statisticheskii analiz operatsii Orlovskogo kommercheskogo banka v sravnennii s Gosudarstvennym bankom Rossiiskoi imperii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2019. – № 6. – S. 151–178. – DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31310.
16. Salomatina S. A., Bozhinov A. B. Krizis gorodskikh obshchestvennykh bankov v Rossiiskoi imperii v 1880-e gody: analiz finansovoi ustoichivosti po istoricheskim dannym // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2022. – № 6. – S. 174–199. – DOI: 10.7256/2454-0609.2022.6.39231.
17. Salomatina S. A., Garskova I. M., Valetov T. Ya. Vyvoz tovarov iz agrarnogo raiona: setevoi i geoinformatsionnyi analiz bankovskikh platezhei v Orlovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX v // Istoricheskaya informatika. – 2021. – № 1. – S. 131–160. – DOI: 10.7256/2585-7797.2021.1.35447.
18. Svedeniya o gorodskikh obshchestvennykh bankakh. – Sankt-Peterburg: Osobennaya kantselyariya po kreditnoi chasti Ministerstva finansov, 1898.
19. Sudeikin V. T. Nashi obshchestvennye gorodskie banki i ikh ekonomicheskoe znachenie. – Sankt-Peterburg: tipo-lit. Doma prizr. malolet. bednykh, 1884.
20. Cherkasov P. Gorodskie obshchestvennye banki. – Moskva: Univ. tip. (M. Katkov), 1882.

Babylonia as the center of the Early Selkid Empire

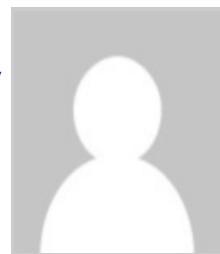
Sivkina Nataliya Yurievna

Doctor of History

Professor, Department of Ancient and Medieval History, N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603000, Russia, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2

natalia-sivkina@yandex.ru

Krivoschekova Elizaveta Vladimirovna

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2

elizaweta.krivoschyockova@yandex.ru

Abstract. The interest in the Seleucid empire and the problems of organizing the political space in the Hellenistic East has recently been due to a methodological turn in the historiography of the Hellenistic era. These changes actualized the study of the role of Babylonia in the empire of the first Seleucids according to narrative and epigraphic sources. The satrapy appears in them as the region where the political career of Diadochus and the founder of the Seleucus dynasty began after the death of Alexander the Great. It was here that his power was most entrenched, apparently supported by local priestly elites. Although the question of the political center of the Seleucid state has been considered in

historiography, however, it has not received systematic study. The scientific novelty lies in the study of the early Seleucid state and the peculiarities of the eastern policy of the first Seleucids in the imperial context. The methodological basis is the methods used to study imperial and multicultural spaces, as well as general scientific philosophical and historical methods. The study of the legendary information about Seleucus revealed frequent references to Babylonia in predictions of his future power, which should be perceived as a *vaticinium ex eventu*. This indicates the ideological and "mythological" significance of the image of Babylonia for the Seleucids, which can be explained both by the strategic and economic role of the region and its significance in Alexander's policy, which can be interpreted as a manifestation of "*imitatio Alexandri*".

Keywords: eastern politics, imperial practices, mythology, diadochi, Babylonia, Antiochus I, Seleucus I, Seleucids, Hellenism, Alexander the Great

References (transliterated)

1. Kaspe S.I. Imperiya kak politicheskaya forma: aktual'nost' teorii // Modernye imperii i ikh znachenie dlya sovremennosti. M.: Tsentero, 2020. S. 36-56.
2. Strootman, R. Hellenistic Imperialism and the Ideal of World Unity // The City in the Classical and Post-Classical World: Changing Contexts of Power and Identity. Cambridge Cambridge University Press, 2014. P.38-61.
3. Kuhrt A., Shervin-White S. Aspects Of Seleucid Royal Ideology: The Cylinder Of Antiochus I From Borsippa // JHS. Vol.111. 1991. P. 71-86
4. Erickson K.G. The early Seleucids, their gods and their coins. Exeter, 2009. 337 p.
5. Smirnov S.V. Dominiruyushchii etnoklass v gosudarstve Selevkidov pri Selevke i Antiokhe I: osnovnye problemy // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2012: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva. M., 2014. S. 317-330.
6. Kosmin, P. Seeing Double in Seleucid Babylonia: Rereading the Borsippa Cylinder of Antiochus I / P. Kosmin // Patterns of the Past: Epitēdeumata in the Greek Tradition. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – P. 173 – 198.
7. Engels D. Apama and Stratonike: Marriage Policy and Legitimacy / D. Engels, K. Erickson // Sekeukid Royal Women: Roles and Representations. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2016. – P.28-60.
8. Krivoshchekova E.V., Sivkina N.Yu. Osobennosti imperskogo pravleniya ranneselevkidskikh tsarei // Klio. 2021. № 2 (170). S. 22-29.
9. Smirnov S.V. Legenda ob osnovanii Antiokhii-na-Oronte / S.V. Smirnov // Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury. 2017. T.6. S.126-132.
10. Smirnov, S.V. Gosudarstvo Selevka I (politika, ekonomika, obshchestvo). M.: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2013. 344s.
11. Shervin-White, S. From Samarkand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire / S. Shervin-White, A. Kuhrt. L., 1993. 261p.
12. Saggs G. Veliche Vavilona. Istorya drevnei tsivilizatsii Mezhduresh'ya. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2012. 463 s.
13. Berzon E.M. Deyatel'nost' i polnomochiya sopravitelya tsarya v selevkidskoi Vavilonii: primer Antiokha I // Vostok (Oriens). 2020. № 3. S. 51-64.
14. Anagnostou-Laoutides, E. In the Garden of the Gods. Models of kingship from the Sumerians to the Seleucids. New York: Routledge, 2017. 256 p.

15. Stevens, K. Empire begins at home: local elites and imperial ideologies in Hellenistic Greece and Babylonia // Cosmopolitanism and empire : universal rulers, local elites, and cultural integration in the ancient Near East and Mediterranean. N. Y.: Oxford University Press, 2016. P. 65-88.
16. Stevens, K. The Antiochus Cylinder, Babylonian scholarship and Seleucid imperial ideology // Journal of Hellenic studies. 2014. Vol. 134. P. 66-88.
17. Zhuravleva N.V. Seleuk Nikator. Sozdanie dinastii // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2007. №17. S. 255-269.
18. Ivanov A. G. Mifologema geroya v strukture sotsial'nogo mifa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 441. S. 80-88.
19. Sivkina N.Yu. Mifologizatsiya i ratsionalizatsiya obraza znamenitoi tsaritsy Makedonii // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2022. № 1. S. 48-56.
20. Shakhermair, F. Aleksandr Makedonskii. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1984. 384 s.

The Romanov Dynasty and Youth Movements in the Russian Empire and Emigration of the "First Wave"

Bulatov Ivan Aleksandrovich

PhD in History

Associate Professor, Department of History and Politology, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

77 Politehnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia, Saratov region

 kicum-333@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the influence of the Romanov family on the formation, development and ideology of Russian extracurricular organizations in the first half of the XX century. The author also examines in detail such aspects of the topic as the symbolic significance of the Romanovs' membership in children's associations and the role of the institution of patronage of organizations in preserving imperial traditions in the emigration of the "first wave". The connection of the Grand Dukes with the youth movements of the Union of Musketeers and the Order of Crusaders, which were active in the second half of the 1920s - early 1930s in Harbin and in the exclusion zone of the Chinese-Eastern Railway, is also considered. The scientific novelty of the work lies in the broad formulation of the question: 5 organizations have been considered for 3 decades. As a result of the conducted research, it is concluded that the ruling dynasty had a great influence on the emergence of children's and youth organizations in the Russian Empire. Their creation began with the initiative of Nicholas II in 1908 . Subsequently, for many decades, members of the Romanov family were patrons and participants of various Russian children's movements. Many of these movements, in turn, have made monarchism an important component of their ideology. In addition to Nicholas II, before the revolution, the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna provided assistance in the development of the scout movement, the heir to the throne was an honorary scout, and his second cousin Georgy Konstantinovich was no longer an honorary, but a real scout of the Tsarskoye Selo detachment.

Keywords: Order of the crusaders, the musketeers, youth education, NORS, NORR, scouts, Pantyukhov, Nicholas II, Romanovs, poteshnye

References (transliterated)

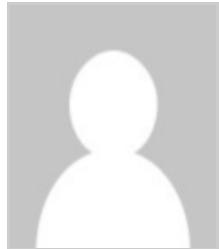
1. (10)-letie Soyuza Mushketerov // Nash put'. 1934. № 29 (115). S. 6.
2. Bud' gotov! M.: Mosk. o-vo sodeistviya org. "yunykh razvedchikov" (Rus. skaut), 1916.
3. Bulatov I.A. Natsional'naya organizatsiya russkikh razvedchikov: kratkaya istoriya // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2021. № 2. S. 8 - 17. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35110 (data obrashcheniya: 07.01.2023)
4. Bulatov I.A. Oleg Ivanovich Pantyukhov – Starshii Russkii Skaut. M.: Minuvshee, 2012.
5. GARF. F. R-6083. Op. 1. D. 11.
6. GARF. F. R-9145. Op. 1. D. 238.
7. GAKhK. F. R-830. Op. 3. D. 4243.
8. GAKhK. F. R-831. Op. 2. D. 36.
9. Gefner O.V. Voennoe i patrioticheskoe vospitanie molodezhi v nachale XX v.: «poteshnoe» dvizhenie v gorodakh Zapadnoi Sibiri // Vestnik Omskogo universiteta. 2010. № 2. S. 162-172.
10. Dobuzhinskii R. Istorya frantsuzskogo otdela // Optyt. 1955. № 19. S. 27-30.
11. Klimovich L.V. Soyuz Mladorossov i dom Romanovykh: tochki soprikochnosti v emigratsii 1920–1930-e gg. // Klio. 2015. № 9 (105). S. 76-82.
12. Kudryashov Yu.V. Rossiiskoe skautskoe dvizhenie. Arkhangel'sk, 2005.
13. Letnie lagerya NORR v 1933 g. // Russkii Razvedchik. 1933. № 1. S. 19-20.
14. Lutskevich A.A. Bakhmutskie «poteshnye». Bakhmut: tip. I.Kh. Novikova, 1912.
15. Nats. org. russkikh skautov // Vozrozhdenie. 1937. № 4085. S. 12.
16. Obshchii spisok ofitserskikh chinov Russkoi Imperatorskoi Armii. SPb., 1909.
17. Ot nachal'nika NORR // Russkii Razvedchik. 1934. № 7. S. 16.
18. Pis'mo ego vysochestva knyazya Georgiya Konstantinovicha // Pod styagom Svyatogo Georgiya. Yubileinyi sbornik. Shanghai, 1934. S. 7.
19. RGVIA. F. 400. Op. 12. D. 26518.
20. Rusanov A. Elisaveta Fedorovna Romanova i moskovskoe razvedchestvo // Russkii skaut. 2018. № 5 (11). S. 13-18.
21. Rutych N. Biograficheskii spravochnik vysshikh ofitserov Dobrovolskoi armii i Vooruzhennykh sil Yuga Rossii (Materialy po istorii Belogo dvizheniya). M., 1997.
22. Smirnov S.V. Orden krestonostsev v Man'chzhurii (1924 – nachalo 1930-kh gg.) // Rossiya i ATR. 2016. № 4 (94). S. 145-154.
23. Smotr pervomu narodnomu klassu gimnastiki v Vysochaishem prisutstvii // Russkii sport. 1910. № 22. S. 4.
24. Chasovoi. 1931. № 70. S. 26.
25. Chasovoi. 1933. № 110-111. S. 19-22.
26. Pantuhoff O.I. Of time gone by. Maplewood, NJ: Durand House Publishers, 1989.

Features of the Historical Policy of the LDPR

Timshina Ekaterina Leonidovna

PhD in History

Associate professor, Department of Linguistics for State Administration Personnel, Russian Presidential

Abstract. The LDPR is the oldest of modern Russian political parties, a permanent successful participant in federal elections. Parties occupying extreme positions in the political spectrum are characterized by having their own ideas about the past, which they actively promote. Over the decades of active activity, the LDPR has managed to develop its own distinctive historical policy based on the views of the long-term leader of the party, V. V. Zhirinovsky. The author of the article analyzes the attitude of the Liberal Democrats to the key events of national history, identifies the features of their party policy in the field of memory, compares approaches with other political parties. The main sources were official documents of the LDPR, interviews, books and articles by party leader V. V. Zhirinovsky, publications carried out with the support of the party. Unlike other political parties, the LDPR addresses not only the historical events of the turbulent XX century, although it occupies a major place in the historical policy of the party. The main leitmotif of the national history of the LDPR considers opposition to the collective West, which for centuries after the collapse of the united Christian Church, tried to eliminate a competitor in the face of the East, and in particular Russia. The expansion of the West took place both by force and ideologically, which the party assesses as more destructive. Through the prism of this confrontation, the LDPR considers most of the key events, the most striking example of Western intervention was the 1917 revolutions inspired by him. The party considers the Russian Empire to be the ideal of the state. The formation of the LDPR's historical policy has not been fully completed, and the party has not yet formulated a single point of view on certain issues.

Keywords: Russian Empire, collapse of the USSR, Stalin, October Revolution, Collective memory, Zhirinovsky, Historical politics, symbolic politics, LDPR, origin myths

References (transliterated)

1. Le Goff Zh. Istorya i pamyat'. – M., 2013. – 303 s.
2. Khatton P. Istorya kak iskusstvo pamyati. Spb., 2004. – 422 s.
3. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. – M. 2014. – 328 s.
4. Nora P. Problematika mest pamyati // Frantsiya-pamyat'. – SPb. 1999. S. 17-50.
5. Burd'e P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva. Spb., 2007. – 288 s.
6. Malinova O. Yu. Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii. M., 2013. – 421 s.
7. Malinova O. Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti. M., 2015. – 207 s.
8. Koposov N. E. Pamyat' strogogo rezhima. Istorya i politika v Rossii. – M., 2011. – 320 s.
9. Miller A. I. Istoricheskaya politika i ee osobennosti v Pol'she, Ukraine i Rossii // Otechestvennye zapiski. – 2008. – T. 44. – № 5. – S. 66-75.
10. Miller A. I. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI veka // Istoricheskaya politika v XXI veke: sbornik statei / pod red. A. Millera, M. Lipman. – M.,

2012. – S. 7-32.

11. Bordyugov G. A. «Voiny pamyati» na postsovetskom prostranstve. – M., 2011. – 256 s.
12. Bubnov A. Yu. Istoricheskaya politika i bor'ba interpretatsii kollektivnogo proshlogo v publichnoi sfere // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2017. – T. 4. – S. 3-12.
13. Stoletniy yubilei revolyutsii 1917 goda i rossiiskaya politika pamyati. Kommemoratsii stoletiya revolyutsii v Rossii: ot pamyati k politikam pamyati. // Internet-zhurnal GEFTER. URL: <http://gefter.ru/archive/23171> (data obrashcheniya: 01.11.2022)
14. Predvybornaya programma LDPR // Sait LDPR. URL: https://ldpr.ru/party/The_election_archive/ (data obrashcheniya: 24.09.2019).
15. Zhirinovskii V. V., Voronin S. A. Rossiya – Evropa: istoriya neponimaniya. – M., 2018. – 112 s.
16. LDPR predlozhila prazdnovat' v Rossii "den' imperii" // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20200221/1565036497.html> (data obrashcheniya 01.11.2022).
17. Zhirinovskii V. V. Rossiya na vzlete. M., 2019 – 80 s. // Servis elektronnykh knig Litres. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-volfovich-zhirinovskiy/rossiya-na-vzlete/> (data obrashcheniya 01.11.2022).
18. Khozyain zemli russkoi. M., 2020. – 80 s.
19. VVZh. Marsh mysli. – M., 2018. – 176 s.
20. Zhirinovskii uveren, chto revolyutsiya 1917 goda tozhe byla «oranzhevoi» // Izdanie Federal'nogo Sobraniya «Parlamentskaya gazeta». URL: <https://www.pnp.ru/politics/2017/02/22/zhirinovskiy-uveren-chto-revoluciya-1917-goda-tozhe-byla-oranzhevoy.html> (data obrashcheniya: 02.11.2022).
21. Zhirinovskii V. V. Lyubaya revolyutsiya eto nasilie // Radio «Komsomol'skaya pravda». URL: <https://www.kp.ru/daily/26752/3782385/> (data obrashcheniya: 03.11.2022).
22. «V ynosti Lenin so mnoi byl vsegda» // Gazeta «Kommersant'''». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3959623> (data obrashcheniya: 03.11.2022).
23. My za russkikh! 111 pozitsii LDPR // Sait LDPR. URL: https://ldpr.ru/common/next/?resource_id=10169 (data obrashcheniya 30.11.2019).
24. «Bez revolyutsii my by ne proigrali v Pervoi mirovoi»: Zhirinovskii v interv'yu RT // Sait televizionnoi seti RT. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/355899-zhirinovskii-intervyu-oktyabrskaya-revoluciya> (data obrashcheniya: 02.11.2022).
25. Zhirinovskii osudil zhelanie vozlagat' tsvety k mogile Stalina // Sait RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20191220/1562648936.html> (data obrashcheniya 01.11.2022).
26. Vladimir Zhirinovskii ob oshibkakh Stalina // Sait deputatov LDPR Donskogo kraja. URL: <https://ldpr61.ru/ldpr/714-vladimir-zhirinovskiy-ob-oshibkah-stalina.html> (data obrashcheniya 01.11.2022).
27. Dinamika otnosheniya k Stalinu // Analiticheskii tsentr Levada-tsentr. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (data obrashcheniya 01.11.2022).
28. Voronovich A.A. Rol' evropeiskoi politiki pamyati v gosudarstvennoi istoricheskoi politike Moldovy i Ukrayiny v 2000-kh godakh // Politicheskaya nauka. 2018. № 3. S. 167-189.
29. Miller A. I. Vtoraya mirovaya voyna v voinakh pamyati // Novoe proshloe. – 2020. – № 4. – S. 222-231.
30. V LDPR predlozhili sazhat' v tyur'mu za «opravdanie genotsida russkikh» // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20171214/1510960945.html> (data obrashcheniya

30.10.2022).

31. Zakonoproekt №340882-7 (poyasnitel'naya zapiska) // Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/340882-7> (data obrashcheniya: 24.10.2022).

Problems of Macedonian Orthodox Church Status in Modern Policy of the Historical Memory of the Republic of North Macedonia

Kyrchanoff Maksym Waler'evich

Doctor of History

Voronezh State University, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations; Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Russia, Voronezh region, Voronezh, Pushkinskaya str., 16, office 236

 maksymkyrchanoff@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to analyse the perception of the problems of the history of the status of the Macedonian Orthodox Church in the politics of memory of modern North Macedonia. The author analyses the role and place of church narratives in historical politics and the development of memorial culture. The novelty of the study lies in the analysis of the features of the religious dimension of the politics of memory in modern Macedonian society as a secular state. The article analyses the perception of church issues in modern memorial Macedonian culture. The article also shows that the politics of memory that forms and promotes the perception of the history of the Church in the Macedonian ethnic coordinates system determine on the development of Macedonian nationalism. It is assumed that the political elites of modern North Macedonia actively use the problems of the history of the Church consolidating national identity in politics of memory. The results of the study suggest that the memorial culture of modern Macedonian society in contexts of the perception of the history of the Church is distinguished by a nationalistic character, and the perception of church history in the collective memory of Macedonia develops in contexts of memorial wars with other Balkan societies, integrating the historical heritage of Orthodoxy on the territory of Macedonia into their own historical memories.

Keywords: church history, Macedonian Orthodox Church, politics of memory, memory wars, collective memory, historical memory, historical politics, Ohrid Archdiocese, memorial culture, Macedonia

References (transliterated)

1. Miller A. I. Rossiya: Vlast' i istoriya // Pro et Contra. 2009. № 3 – 4. Istoricheskaya politika. S. 6 – 23.
2. Josif, Mitropolit Tetovsko-gostivarski, Proglasuvaњето на avtokefalnosta na Makedonskata Pravoslavna Tsrkva na Tretiot Makedonski Tsrkovnonaroden Sobor (Ohrid, 17-19 juli 1967) // Ogledalo. 2017. Br. 8 – 9. S. 8 – 13.
3. ATsNS: Potvrden stavot za nemenuвање на името на црквата и на државата // Radio Slobodna Evropa. 2018. Oktomvri 06. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/29529197.html>
4. Koposov N. Istoricheskie ponyatiya v mire bez budushchego // Kak my pishem istoriyu

- / otv. red. G. Garreta, G. Dyufo, L. Pimenova. M.: ROSSPEN, 2013. S. 68. S. 57 – 93.
5. Belov M.V. Politika kalendarja v post"yugoslavskikh gosudarstvakh: obzor // Istoricheskaya politiki v stranakh byvshei Jugoslavii / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. S. 155. S. 154 – 158.
 6. Kovachevski D. Istoriskata odluka na Vselenskata Patrijarshija e priznanie za vekovnoto postoeње na MPTs-OA // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2022. Maj 10. URL.: <https://vlada.mk/node/28743>
 7. Kovachevski D. Odlukata na Tsarigradskata Patrijarshija ja vnese MPTs-OA vo zaednitsa so drugite tsrkvi // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2022. Maj 9. URL.: <https://vlada.mk/node/28724>
 8. Zaev Z. Deset vekovi povrzanost i kontinuitet so izvorot od koj proizleze dukhovnata suverenost na narodot koj se zbra okolu idejata za svoja drzhava i se izbori za nea // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2018. Maj 28. URL.: <https://vlada.mk/node/14801>
 9. Friedman J. Myth, History, and Political Identity // Cultural Anthropology. 1992. Vol. VII. No 1. R. 195. P. 194 – 210.
 10. Borisov D. Makedonska Pravoslavna Tsrkva – Okhridska Arkhiepiskopija // Ogledalo. 2017. Br. 8 – 9. S. 39. S. 37-47.
 11. Kostadinovska-Stojchevska B. I «Okhridsko leto» e potvrda na makedonskiot identitet kako del od evropskata kultura // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2022. Juli 13. URL.: <https://vlada.mk/node/29563>
 12. Mitevska M. Shto natamu po kanonskoto priznavaње na Okhridskata arkheepiskopija? // Radio Slobodna Evropa. 2022. Maj 10. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/shto-natamu-po-kanonskoto-priznavaњe-na-okhridskata-arkheepiskopija-/31842867.html>
 13. Belov M.V. «Istoricheskii revizionizm» v kritike post"yugoslavskikh istorikov // Istoricheskaya politiki v stranakh byvshei Jugoslavii / pod. red. M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. S. 72. S. 58 – 73.
 14. Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland // Ab Imperio. 2004. No 1. R. 470. R. 467 – 486.
 15. Friedman J. History, Political Identity and Myth // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. 2001. No 1. R. 42. R. 41 – 62.
 16. Kovachevski D. Da se raduvame i da bideme gordi za prifaќањето na MPTs-OA kako avtokefalna tsrkva ednakva vo pravoslavnata zaednitsa // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2022. Maj 25. URL.: <https://vlada.mk/node/28942>
 17. Bekteshi K. Chestitki do poglavaret na MPTs-OA i site vernitsi, politikite na dobrososedstvo se od golema vazhnost za tseliot region // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2022. Maj 24. URL.: <https://vlada.mk/node/28928>
 18. Bugarski mediumi: BPTs go prizna tomosot na SPTs za avtokefalnost na MPTs // Radio Slobodna Evropa. 2022. Dekemvri 14. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32176053.html>
 19. Shnirel'man V.A. Voiny pamyati. Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e. M.: «Akademkniga», 2003. S. 20. 592 s.
 20. Kovachevski D. Avtokefalnosta na Makedonskata pravoslavna tsrkva – Okhridska Arkhiepiskopija e istoriska vest i avtentichen del na makedonskiot identitet // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2022. Maj 24. URL.: <https://vlada.mk/node/28927>
 21. Politichki reaktsii po srpskiot blagoslov za avtokefalnost na MPTs-OA // Radio Slobodna Evropa. 2022. Maj 24. URL.:

<https://www.slobodnaevropa.mk/a/31865808.html>

22. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // Nationalism and Ethnic Politics. 2004. Vol. 10. No 4. R. 532. R. 531 – 560.
23. Zaev Z. Den na seslovenskite prosvetiteli Svetite Kiril i Metodij, vo zaedничка организација со Република Словачка: Мисии на светите браќа пред 12 века биле обединувачки, исто како и денес // Влада на Република Северна Македонија. 2021. Мај 20. URL.: <https://vlada.mk/node/25323>
24. Kovachevski D. So osobena grizha i vernost gi chuvame zavetite na Svetite Kiril i Metodij // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 24. URL.: <https://vlada.mk/node/28922>
25. Premierot Kovachevski i vladina delegatsija polozhija tsveke na spomenikot na Svetite braќa Kiril i Metodij vo kampusot na UKIM // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 20. URL.: <https://vlada.mk/node/28881>
26. Brüggemann K., Kasekamp A. The Politics of History and the "War of Monuments" in Estonia // Nationalities Papers. 2008. Vol. 36. No 3. P. 426. R. 425 – 448.
27. Vasić S. Nitu imame teritorijalni pretenzii, nitu ja barame slavata na istoriskata Ohridska Arkhiepiskopija // Radio Slobodna Evropa. 2022. Октомври 08. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/nitu-imame-teritorijalni-pretenzii-nitu-ja-barame-slavata-na-istoriskata-okhridska-arkhiepiskopija/32069910.html>
28. Kovachevski D. Manastirot Sv. Jovan Bigorski e zhivo svedoshtvo za avtentichniot makedonski identitet // Влада на Република Северна Македонија. 2022. Мај 27. URL.: <https://vlada.mk/node/28977>
29. Zaev Z. Deset vekovi povrzanost i kontinuitet so izvorot od koj proizleze dukhovnata suverenost na narodot koj se zbra okolu idejata za svoja drzhava i se izbori za nea // Влада на Република Северна Македонија. 2018. Мај 28. URL.: <https://vlada.mk/node/14801>
30. Vartolomej go objavi bozhiќnoto poslanie i na makedonski jazik // Radio Slobodna Evropa. 2022. Декември 21. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32187778.html>
31. Kas'yanov G. Golodomor i stroitel'stvo natsii // Pro et Contra. 2009. Mai — avgust. S. 24. S. 24 – 42.
32. Vladina delegatsija se pokloni pred spomenikot na Sveti Kliment Ohridski // Влада на Република Северна Македонија. 2021. Avgust 12. URL.: <https://vlada.mk/node/27195>
33. Kovachevski D. So dobra misla i dobri dela mozhe da odime napred // Влада на Република Северна Македонија. 2023. Januari 7. URL.: <https://vlada.mk/node/31654>
34. Kiril Pejchinović kanoniziran vo svetitel // Radio Slobodna Evropa. 2022. Октомври 16. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32085544.html>
35. Kanonizatsija na igumenot Joakim Krchovski za svetitel // Radio Slobodna Evropa. 2022. Мај 22. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/31862172.html>
36. Zaev Z. Deset vekovi povrzanost i kontinuitet so izvorot od koj proizleze dukhovnata suverenost na narodot koj se zbra okolu idejata za svoja drzhava i se izbori za nea // Влада на Република Северна Македонија. 2018. Мај 28. URL.: <https://vlada.mk/node/14801>
37. Premierot Kovachevski na bozhiќen ruchek kaj poglavarot na MPTs-OA, g.g.Stefan // Влада на Република Северна Македонија. 2023. Januari 9. URL.: <https://vlada.mk/node/31661>
38. Zaev Z. Pravoslavniot narod vo nashata zemja zasluzuva tsrkovna nezavisnost i avtocefalna Makedonska Pravoslavna Tsrkva – Ohridska arkhiepiskopija so blagoslov i

- pismena odluka od tsarigradskiot patrijarkh Vartolomej // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2018. Septemvri 22. URL.: <https://vlada.mk/node/22579>
39. Kostadinovska-Stojchevska B., Tsvetkovski S. Chinot na restitutsija na ikonite e istoriski // Vlada na Republika Severna Makedonija. 2023. Noemvri 15. URL.: <https://vlada.mk/node/31013>
40. Stefan, Da gi sakame i pochituvame tatkvinata, istorijata, kulturata i jazikot // Radio Slobodna Evropa. 2023. Januari 06. URL.: <https://www.slobodnaevropa.mk/a/32212402.html>

The First Head of Works on the Construction of the Volga-Don Canal (on Kamyshenka) Yagan Brekkel and his Activities in Russia in 1695-1698.

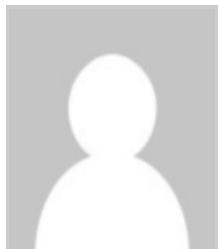
Kleitman Aleksandr Leonidovich

Doctor of History

Leading Researcher, The Institute of the History of Natural Science and Technology named after S.I. Vavilov of the Russian Academy of Sciences

125315, Russia, Moscow region, Mbscow, Baltiyskaya str., 14

✉ malk@bk.ru

Abstract. The article presents an analysis of historiography devoted to the biography of J. Broeckell, an engineer who in 1697 supervised the construction of the first shipping canal, which was supposed to connect the Volga and the Don through their tributaries Kamyshinka and Ilovlya. The analysis showed that despite the fact that in the XVIII-XX centuries many sources containing reliable information about the activities of J. Broeckell in Russia were introduced into scientific circulation, the authors of works on the history of the construction of the Volga-Don Canal were based mainly not on these sources, but on the book by Englishman John Perry "The State Russia under the present tsar", who led the construction work on Kamyshinka in 1698-1702. In the course of the research, it was possible to establish the main biographical information about Johann Broeckell before his arrival in Russia, to clarify the circumstances of his admission to the tsarist service. Analysis of a wide range of published and archival data allowed us to prove that in 1696 J. Broeckell took part in the Azov campaign, was engaged in the construction of earthworks after the capture of the city by Russian troops. In 1697, under his leadership the canal between the tributaries of the Volga and Don Kamyshinka and Ilovlya was begun to built. At the beginning of 1698, apparently realizing that he would not be able to successfully complete the construction of the canal, J. Broeckell left Russia. At the end of 1698, he was captured by Russian troops while trying to transfer to the service of the Turks.

Keywords: historiography, Don, Volga, Ilovlya, Kamyshinka, construction of canals, Johann Bröckell, Peter I, source study, the Petrine era

References (transliterated)

1. Stuckenbergs, J. C. Beschreibung aller, im Russischen Reiche gegrabenen oder projectirten, schiff-und flossbaren Canaele, in historischstatistisch-technischer Beziehung, nach den vollstaendigsten und zuverlaessigsten Quellen verfasst ... / von J. Ch. Stuckenbergs. – St. Petersburg: Druckerei des Staabes der Militair-Lehr-Anstalten, 1841. – 572 s.
2. Belyakov, A. V. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: personal'nyi sostav

- (predvaritel'nye dannye) / A. V. Belyakov, A. G. Gus'kov, D. V. Liseitsev, S. M. Shamin // Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya: materialy mezhdunar. nauch. konf. M.: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2019. S. 187–209.
3. Bernshtain-Kogan, S. V. Volga-Don. Istoriko-geograficheskii ocherk / S. V. Bernshtain-Kogan. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. – 224 s.
 4. Bogoslovskii, M. M. Petr I: materialy dlya biografii. T. 1. Detstvo. Yunost'. Azovskie pokhody / M. M. Bogoslovskii. – Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1940. – 435 s.
 5. Bogoslovskii, M. M. Petr I: materialy dlya biografii. T. 2. Pervoe zagranichnoe puteshestvie. Ch. 1 i 2. 9 marta 1697 – 25 avgusta 1698 g. / M. M. Bogoslovskii. – L.: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1941. – 624 s.
 6. Borisov L. B. Antonii de-Laval'. Po neizdannym dokumentam // Russkii vestnik. – 1890. – XII. – S. 3–46.
 7. Voronezhskie Petrovskie akty, khranyashchiesya v arkhive Voronezhskogo Gubernskogo statisticheskogo komiteta. – Vyp. 1. – Voronezh: [B.i.], 1872. – 204 s.
 8. Golikov, I. I. Dopolnenie k Deyaniyam Petra Velikogo. T. 5. / I. I. Golikov. – M.: V Universiteteskoi tip., 1791. – 352 s.
 9. Gordon, P. Dnevnik, 1696–1698 / Patrik Gordon; perevod s angliiskogo, stat'ya i primechaniya D. G. Fedosova. – M.: Nauka, 2018. – 323 s.
 10. Guzevich, D. Velikoe posol'stvo: rubezh epokh ili nachalo puti, 1697–1698 / D. Guzevich, I. Guzevich. – SPb.: Dmitrii Bulanin, 2008. – 693 s.
 11. Durov, N. P. Materialy dlya istorii stroitel'nogo dela v Rossii. Proekt soedineniya Volgi s Donom. Brekel' i Perri / N. P. Durov // Zhurnal glavnogo upravleniya putei soobshcheniya i publichnykh zdani. – 1864. – Kn. 1. – S. 82–164.
 12. Efimov, S. V. Shvedskii diplomat Tomas Knipper v Rossii / S. V. Efimov // Ot Narvy k Nishtadtu: petrovskaya Rossiya v gody Severnoi voiny 1700–1721 gg. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 280-letiyu so dnya zaklyucheniya Nishtadtskogo mira. – SPb.: VIMAIViVS, 2001. – S. 38–42.
 13. Kistenev, V. V. Sozdanie promyshlennogo proizvodstva v Sredнем i Nizhnem Povolzh'e v pervoi chetverti XVIII v.: dis. ... kand. ist. nauk / V. V. Kistenev. – Samara, 2009. – 227 c.
 14. Laskovskii, F. F. Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Chast' 2. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva v tsarstvovanie Imperatora Petra Velikogo / F. F. Laskovskii. – SPb.: Tip. Imperatorskoi akad. nauk, 1861. – 642 s.
 15. Pamyatniki diplomaticeskikh snoshenii Rossii s derzhavami inostrannymi. T. VIII. Pamyatniki diplomaticeskikh snoshenii s Rimskoyu imperieyu (s 1695 po 1699 god). – SPb.: 2 Otd-nie sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1867. – 1416 s.
 16. Pamyatniki diplomaticeskikh snoshenii Rossii s derzhavami inostrannymi. T. IX. Pamyatniki diplomaticeskikh snoshenii s Rimskoyu imperieyu (s 1698 po 1699 god). – SPb.: 2 Otd-nie sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1867. – 1230 s.
 17. Perri, Dzh. Sostoyanie Rossii pri nyneshnem tsare / Dzh. Perri. – M.: O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1871. – 196 s.
 18. Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 1. 1688–1701. – SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1887. – 888 s.
 19. RGADA. F. 150. Op. 1. 1695 g. D. 7. Priezd v Rossiyu shvedskogo goroda Vismara urozhentsa kapitana Yagana Brekkelya dlya vstupleniya v sluzhbu, i pobeg ego iz Rossii. 37 l.
 20. Sobranie sobstvenoruchnykh pisem gosudarya imperatora Petra Velikogo k

- Apraksinym. Ch. 1. – M.: v tipografii N.S. Vsevolozhskogo, 1811. – 232 s.
21. Ustryalov, N. G. Istorya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. III / N. G. Ustryalov. – SPb.: tip. II-go otd-niya Sobstv. e. i. vel. kantselyarii, 1858. – 662 s.
22. Ustryalov, N. G. Istorya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. IV. Ch. I / N. G. Ustryalov. – SPb.: tip. II-go otd-niya Sobstv. e. i. vel. kantselyarii, 1863. – 629 s

The History of Shipbuilding of the Baltic Fleet during the Peter the Great era in Russian Historiography: Geography and Activities of Admiralty and Shipyards

Alekseev Timofei Vladimirovich □

Doctor of History

Professor, Department of History and Philosophy, A.F. Mozhaysky's Military-Space Academy is a Military Academy of the Armed Forces of the Russian Federation

197198, Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg, Zhdanovskaya str., 13

□ timofey1967@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the results of the study by domestic researchers of the history of the formation and development of the objects of the shipbuilding base of the Baltic Fleet during the Peter the Great era. The aim of the work is to analyze the works of Russian scientists-historians of the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods on this problem and to form on this basis a holistic view of the formation and development at the initial stage of one of the most important branches of the domestic military industry. In the course of the study, the main attention will be paid to the consistent consideration of the history of the origin, the specifics of the organization and maintenance of activities, as well as the results of the activities of all shipyards that worked in the interests of the Baltic Fleet during the designated period.

The research methodology is based on a combination of general philosophical, general scientific historical and special historical methods, such as analysis and synthesis, modeling, problem-chronological and perspective analysis method. The novelty of the conducted research lies in the fact that such an approach to the study of the initial stage of the history of the shipbuilding industry in the interests of the Baltic Fleet has not been applied in Russian historiography. According to the results of the study, a generalized picture of all shipbuilding enterprises established in the Peter the Great era in the north-western region of Russia and in the territories of the Baltic States and Finland conquered during the Northern War is presented. The results of the study allowed us to assess the nature of the formation of the industry as mainly spontaneous, although not devoid of a certain logic in the specific historical conditions of the Northern War. Certain patterns of placement of certain objects of shipbuilding infrastructure, the influence of geographical, hydrographic, production-logical and other features on their specialization are shown. A problematic issue requiring further study is formulated.

Keywords: sailing ships, military industry, the era of Peter the Great, Baltic fleet, shipyard, Admiralty, shipbuilding industry, shipbuilding, shipbuilding infrastructure, History of shipbuilding

References (transliterated)

1. Kniga Ustav morskoi. O vsem chto kasaetsya dobromu upravleniyu, v bytnosti flota na

- more / Na pechatasya poveleniem tsarskago velichestva v Sankt"piterburgskoi tipografii. SPb., 1720. 656 s.
2. Zhurnal ili Podennaya zapiska, blazhennyia i vechnodostoinyya pamyati Gosudarya imperatora Petra Velikogo s 1698 goda dazhe do zaklyucheniya Neishtadtskogo mira. Ch. 1. SPb.: pri Imperat. Akademii nauk, 1770. 430 s.
 3. Zhurnal ili Podennaya zapiska, blazhennyia i vechnodostoinyya pamyati Gosudarya imperatora Petra Velikogo s 1698 goda dazhe do zaklyucheniya Neishtadtskogo mira. Ch. 2. Otd. 1. SPb.: pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1772. 763 s.
 4. Bogdanov A. Istoricheskoe, geograficheskoe i topograficheskoe opisanie Sanktpeterburga, ot nachala zavedeniya ego, s 1703 po 1751 god. SPb., 1779. 568 s.
 5. Bogdanov A. Dopolnenie k istoricheskому, geograficheskому и topo-graficheskому opisaniyu Sanktpeterburga, s 1751 po 1762 god. M.: t-vo tipo-litogr. I.M. Mashistova, 1903. 157 s.
 6. Kirilov I. K. Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva, v kakovoe nachal, privel i ostavil neizrechennymi trudami Petr Velikii, Otets Otechestviya, Imperator i Samoderzhets Vserossiiskii, i prochaya, i prochaya, i prochaya. Kn. 1. M.: Universitetskaya tip., 1831. 184 s.
 7. Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostoverykh istochnikov i raspolozhennyya po godam. Ch. 2. M.: Univ. tip., u N. Novikova, 1788. 486 c.
 8. Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostoverykh istochnikov i raspolozhennyya po godam. Ch. 3. M.: Univ. tip., u N. Novikova, 1788. 417 c.
 9. Golikov I. I. Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazitelya Rossii, sobrannyya iz dostoverykh istochnikov i raspolozhennyya po godam. Ch. 6. M.: Univ. tip., u N. Novikova, 1788. 447 c.
 10. Golikov I. I. Dopolnenie k Deyaniyam Petra Velikago. T. 6. Soderzhashchii v sebe dopolnenie ko vtoromu tomu onykh Deyanii. M.: Univ. tip., u V. Okorokova, 1791. 371 c.
 11. Shishkov A. Spisok korablyam i prochim sudam vsego Rossiisko-go flota ot nachala zavedeniya onago do nyneshnego vremeni, s istoricheskimi, voobshche o deistviyah flota i o kazhdom sudne primechaniyami. Ch. 1. SPb.: tip. Mor. shlyakhetskogo kadetskogo korpusa, 1799. 323 s.
 12. Bestuzhev N. A. Optyt istorii Rossiiskogo flota. L.: Sudpromgiz, 1961. 172 s.
 13. Berkh V. N. Zhizneopisaniya pervykh rossiiskikh admirarov ili Optyt istorii rossiiskogo flota. V 4 ch. Ch. 1. SPb.: Mor. tip., 1831. 363 s.
 14. Potapov I. T. Istorya razvitiya sudostroitel'noi promyshlennosti v Rossii // Sudostroenie. 1966. № 4. S. 55-59.
 15. Alekseev N. I. Khronika otechestvennogo sudostroeniya i more-plavaniya // Sudostroenie. 1978. № 10. S. 87-90.
 16. Bashutskii A. P. Panorama Sanktpeterburga. V 3 ch. Ch. 1, kn. 1: Podrobnaia istoriya Sanktpeterburga po den' konchiny Petra I-go; s poka-zaniem vsekh dostopamyatnykh torzhestv i drugikh sobytii, proiskhodivshikh v sem gorode s 1703-go po 1725-i god]. SPb.: tip. vdovy Plyushara s synom, 1834. 293 s.
 17. Ustryalov N. Istorya tsarstvovaniya Petra Velikogo. Tom 4. Ch. 1. SPb.: tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii, 1863. 619 s.
 18. Elagin S. Spisok sudov Baltiiskogo flota, postroennykh i vzyatykh v tsarstvovanie Petra Velikogo. 1702-1725. SPb.: tip. Mor. m-va, 1867. 74 s.

19. Veselago F. F. Ocherk russkoi morskoi istorii. Ch. I. SPb.: tip. Demakova, 1875. 658 s.
20. Timchenko-Ruban G. I. Pervye gody Sankt-Peterburga. Voenno-istoricheskii ocherk. SPb.: izdatel' V. Berezovskii, 1901. 208 s.
21. Megorskii V. Lodeinopol'skaya verf' v tsarstvovanie Petra Velikogo. SPb., 1905. 20 s.
22. Zhitkov K. G. Istorya russkogo flota. Period Petrovskii. 1672-1725. SPb., 1912. 216 s.
23. Boevaya letopis' russkogo flota: Khronika vazhneishikh sobytii voennoi istorii russkogo flota s IX v. po 1917 g. M.: Voenizdat MVS SSSR, 1948. 492 s.
24. Yakovlev I. I. Korabli i verfi. Ocherki istorii otechestvennogo sudostroeniya. L.: Sudostroenie, 1970. 384 s.
25. Bespyatykh Yu. N., Kovalenko G. M. Kareliya pri Petre I. Petrozavodsk: Kareliya, 1988. 143 s.
26. Istorya otechestvennogo sudostroeniya IX-XIX vv. T. 1. Parusnoe derevyannoe sudostroenie / V. D. Dotsenko, I. V. Bogatyrev, G. A. Vakharlovskii, P. A. Krotov, A. G. Satskii. SPb.: Sudostroenie, 1994. 472 s.
27. Bogatyrev I. V. Korabely syas'skogo ust'ya // Sudostroenie. 1982. № 4. S. 47-48.
28. Fedorov M. R. Pervaya verf' Baltiiskogo flota // Sudostroenie. 1972. № 12. S. 48-51.
29. Fedorov M. R. Zapiski po istorii russkogo flota, korable-stroeniya i armii. SPb., 2016. 384 s.
30. Chubinskii V. G. Istoricheskoe obozrenie ustroistva upravleniya Morskim vedomstvom v Rossii. SPb.: tip. Mor. m-va, 1869. 332 s.
31. Yubilei verfi na reke Syas' // Sudostroenie. 1977. № 12. S. 68.
32. Veselago F. Spisok russkikh voennnykh sudov s 1668 po 1860 god. SPb.: tip. Mor. m-va, 1872. 828 s.
33. Dubravin A. I. Sudostroenie v gody Severnoi voiny // Sudostroenie. 1971. № 8. S. 63-69.
34. Bykhovskii I. A. Petrovskie korabely. L.: «Sudostroenie», 1982. 101 s.
35. Chernyshev A. A. Rossiiskii parusnyi flot: Spravochnik v 2-kh t. T. 1. M.: Voenizdat, 1997. 311 s.
36. Shershov A. P. Istorya voennogo korablestroeniya s drevneishikh vremen i do nashikh dnei. M.-L.: Gosvoenmorizdat, 1940. 360 s.
37. Nevezhin A. V. Russkii flot na Baltiiskom flote. SPb.: tip. Mor. m-va, 1870. 30 s.
38. Barbashev N. I. Iz istorii morskogo sudostroeniya v Rossii v pervoi chetverti XVIII veka // Trudy Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki. 1959. T. 21. S. 117-171.
39. Korabl' Ingermanland // Zapiski Uchenogo komiteta Morskogo shtaba Ego Imperatorskogo Velichestva. 1835. Ch. XII. S. 244-255.
40. Gorodkov G. Admiralteiskie Izhorskie zavody. Kratkiy istoricheskii ocherk. SPb.: tip. Mor. m-va, 1903. 186 s.
41. Glagoleva A. P. Olonetskie metallurgicheskie zavody pri Petre I // Istoricheskie zapiski. 1950. T. 35. S. 170-198.
42. Krainyukov V. G. Pervenets Baltiiskogo flota / Pamyatnikovedenie. Izuchenie pamyatnikov sudostroeniya, moreplavaniya i gidrotekhniki: Sb. nauch. trudov. M.: NII kul'tury, 1990. S. 22-31.
43. Bogolyubov N. Istorya korablya. T. 2. M.: tip. L.F. Snegireva, 1880. 670 s.
44. Voronov A. Lodeinoe Pole / Entsiklopedicheskii slovar' / izd. F.A. Brokgauz i I.A. Efron. T. XVIIa. SPb.: tipo-litogr. I.A. Efrona, 1896. S. 903.

45. Pravdin M. Olonetskaya verf' // Izvestiya Obshchestva izucheniya Olonetskoi gubernii. 1916. № 5/8. S. 28-34.
46. Bogatyrev I. V. Verf' v Lodeinom Pole // Sudostroenie. 1982. № 12. S. 46-50.
47. Milyukov P. N. Gosudarstvennoe khozyaistvo Rossii v pervoi chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. SPb.: tip. M.M. Stasyulevicha, 1905. 679 s.
48. Krotov P. A. Stroitel'stvo Baltiiskogo flota v pervoi chetverti XVIII veka. Avtoref. diss... kand. ist. nauk. L., 1987. 18 s.
49. German K. Istorya i statisticheskoe opisanie rossiiskogo flota // Statisticheskii zhurnal. T. 1. Ch. 2. SPb.: tip. Imp. Akademii nauk, 1806. S. 71-137.
50. Beskrovnyi L. G. Russkaya armiya i flot v XVIII veke (Ocherki). M.: Voenizdat, 1958. 646 s.
51. Pushkarev I. Opisanie Sankt-Peterburga i Sankt-Peterburgskoi gubernii. V 4-kh ch. Ch. 2. SPb.: tip. SPb gub. pravleniya, 1839. 416 s.
52. Fedotov N. Istoricheskii ocherk g. S.-Peterburga i ego okrestnostei. SPb.: parovaya skoropechatnya G.P. Pozharova, 1903. 124 s.
53. Admiralteiskaya storona / Entsiklopedicheskii leksikon. T. 1. SPb.: tip. A. Plyushara, 1835. S. 206.
54. Yurasov V. M. Admiralteitsy. Istorya Leningradskogo Admiralteistva ob"edineniya. L.: Lengiz, 1976. 336 s.
55. Shimkevich L. A. Pervye korabli Sankt-Peterburgskogo Admiralteistva // Sudostroenie. 1972. № 8. S. 64-66.
56. Petrov P. N. Istorya Sankt-Peterburga s osnovaniya goroda, do vvedeniya v deistvie vybornogo gorodskogo upravleniya po uchrezhdeniyam o guberniyakh. 1703-1782. SPb.: tip. Glazunova, 1884. 1094 s.
57. Popov I. G. Vvedenie v istoriyu g. S.-Peterburga. M.: tipo-litogr. I.M. Mashistova, 1903. 167 s.
58. Ogorodnikov S. 200-letie zdaniya Glavnogo Admiralteistva // Morskoi sbornik. 1904. № 12. Neofits. otd. S. 1-6.
59. Stolpyanskii P. N. Kak voznik, osnovalsya i ros Sankt-Piterburkh. Pg.: «Kolos», 1918. 379 s.
60. Stolpyanskii P. N. Zhizn' i byt peterburgskoi fabriki za 210 let ee sushchestvovaniya. 1704-1914 gg. L.: Gublit, 1925. 200 s.
61. Sudarikov A. M., Smirnova M. V. Petr I – osnovatel' voennoi promyshlennosti Sankt-Peterburga / Epokha Romanovykh i sovremennye problemy rossiiskogo obshchestva: materialy mezhd. nauch. konf. 24-25 oktyabrya 2013 g. SPb.: Izd-vo GPA, 2013. S. 54-58.
62. Georgi I. G. Opisanie rossiisko-imperatorskago stolichnago goroda Sanktpeterburga i dostopamyatnosti v okrestnostyakh onago. SPb.: pri Imperatorskom Shlyakhetnom sukhoputnom korpusse, 1794. 757 s.
63. Bozheryanov I. N. S.-Peterburg v Petrovo vremya. SPb.: tip. Kh. Krauze i M. Finikova, 1901. 159 s.
64. Svin'in P. Dostoprimechatel'nosti S.-Peterburga i ego okrestnostei. SPb.: tip. V. Plavil'shchikova, 1816. 152 s.
65. Geiman V. G. Manufakturnaya promyshlennost' Peterburga petrovskogo vremeni / Petr Velikii: sb. statei / pod red. A.I. Andreeva. M.-L.: izd-vo AN SSSR, 1947. S. 246-283.
66. Bogatyrev I. V. Glavnye Admiralteiskie verfi Rossii // Sudostroenie. 1979. № 11. S. 56-60.

67. Polovinkin V. N., Fomichev A. B. Otechestvennoe korablestroenie. 2-e izd., ispr. i dopol. SPb.: AIR, 2017. 1044 s.
68. Dmitriev N. I., Kolpychev V. V. Sudostroitel'nye zavody i sudostroenie v Rossii i za granitsei. SPb.: tip. Mor. m-va, 1909. 1072 s.
69. Pavlenko N. I. Petr Velikii. M.: Mysl', 1990. 591 s.
70. Mikhailov N. Kratkii istoricheskii ocherk Novogo admiralteistva // Morskoi sbornik. 1893. № 9. Neofits. otd. S. 51-73.
71. Bogdanov M. A. «Admiralteiskii dom» Sankt-Peterburga // Gangut. 1995. № 8. S. 3-20.
72. Bogatyrev I. V. Galernaya verf' Petra I // Sudostroenie. 1983. № 12. S. 61-64.
73. Tsvetkov M. A. Razvitiye lesopotrebleniya v svyazi s sudostroeniem // Trudy instituta lesa. 1953. T. Kh. S. 138-169.
74. Bogatyrev I. V. Pervaya verf' S.-Peterburga // Sudostroenie. 1981. № 4. S. 60-63.
75. Bogatyrev I. V. Kotlinskie verfi // Sudostroenie. 1979. № 5. S. 56-58.
76. Afonin N. N. Kronshtadtu – 300 let // Sudostroenie. 2004. № 4. S. 72-74.
77. Chernyshev A. A. Rossiiskii parusnyi flot: Spravochnik v 2-kh t. T. 2. M.: Voenizdat, 2002. 480 s.
78. Krest'yaninov V. Ya., Spiridonov Yu. I. Kronshtadt – gorod russkikh moryakov i korablestroitelei // Sudostroenie. 1987. № 2. S. 55-59.
79. Vakharlovskii G. A. Novoe o Petrovskom doke v Kronshtadte / Pamyatniki nauki i tekhniki. 1985. M.: Nauka, 1986. S. 79-92.
80. Elagin S. I. Utverzhdenie Rossii na baltiiskom pribrezh'e // Morskoi sbornik. 1866. № 1. Ch. neofits. S. 109-127.
81. Bogatyrev I. V. Vspomogatel'nye verfi petrovskoi epokhi // Sudostroenie. 1984. № 11. S. 56-58.
82. Krotov P. A. Petrovskaya verf' v Selitskom Ryadke na Volkhove // Sudostroenie. 1991. № 3. S. 61-63.
83. Bogatyrev I. V. Novoladozhskaya verf' – petrovskomu flotu // Sudostroenie. 1978. № 5. S. 77-79.
84. Bogatyrev I. V. Sudostroenie na beregakh Lugi, Narvy, Izhory // Sudostroenie. 1984. № 5. S. 68-71.
85. Arsen'ev V. Flot v epokhu Petra Velikogo // Morskoi sbornik. 1996. № 7. S. 79-84.
86. Krotov P. A. Verfi Petra I u Nerlinskoi i Dubenskoi pristanei // Sudostroenie. 1988. № 1. S. 54-55.
87. Bogatyrev I. V. Petrovskie verfi Pribaltiki // Sudostroenie. 1983. № 4. S. 59-61.
88. Istorya otechestvennogo voennogo sudoremonta. Kn. 1. Ot dokovykh admiralteistv k morskim zavodam / P. A. Krotov, G. A. Grebenshchikova, R. V. Kondratenko i dr. SPb.: Gangut, 2004. 336 s.
89. Yakovlev I. I. Razvitiye sudostroeniya v Pribaltike // Sudostroenie. 1971. № 9. S. 56-58.
90. Zharintsov D. O sooruzhenii porta Imperatora Aleksandra III // Morskoi sbornik. 1895. № 11. Neofits. otd. S. 1-18.
91. Bogatyrev I. V. Revel'skaya verf' – rossiiskomu flotu // Sudostroenie. 1982. № 8. S. 61-64.
92. Bogatyrev I. V. Pervaya russkaya verf' v Vyborgе // Sudostroenie. 1981. № 10. S. 61-62.
93. Bogatyrev I. V. Finskie verfi Baltiiskogo flota // Sudostroenie. 1979. № 10. S. 53-55.
94. Nekrasov G. A. Osnovnye etapy grazhdanskogo, promyshlennogo i kul'turnogo

- stroitel'stva v Peterburge (pervaya chetvert' XVIII v.) / Promyshlennost' i torgovlya v Rossii XVII-XVIII vv.: sb. statei. M.: Nauka, 1983. S. 101-118.
95. Kanatchikov V. M. Petrozavodu – 250 let // Sudostroenie. 1971. № 3. S. 63-67.
96. Priamurskii G. G., Trofimov S. V. Letopis' Okhtinskoi Ad-miralteiskoi verfi // Sudostroenie. 1993. № 1. S. 52-55.